

Ж
В.В.МАЯКОВСКИЙ
—

В.В.МАЯКОВСКИЙ

НАУКА

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ
Фотография. Москва, 1918

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

В.В. МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА НАУКА 2013

В.В. МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Том первый

Стихотворения
1912–1923

МОСКВА НАУКА 2013

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос = Рус)6
М39

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Т.М. Горяева, А.П. Зименков (ученый секретарь),
Г.Ф. Коваленко, Н.В. Корниенко, В.А. Никонов (председатель),
Л.А. Спиридонова, В.Н. Терехина, А.М. Ушаков (зам. председателя),
А.И. Чагин, Н.И. Шубникова-Гусева, Б. Янгфельдт*

Основные тексты и другие редакции
и варианты произведений подготовили,
комментарии составили:

*Р.В. Дуганов, А.Т. Никитаев, А.П. Зименков,
В.Н. Терехина*

Ответственный редактор тома

В.Н. Терехина

Рецензенты:

Л.А. Спиридонова, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева

ISBN 978-5-02-038137-7
ISBN 978-5-02-038138-4 (т. 1)

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, составление, подготовка текстов, статьи, комментарии, 2013
- © Российская академия наук и издательство «Наука», Полное (академическое) собрание произведений В.В. Маяковского в 20 томах, разработка, оформление, 2013 (год начала выпуска), 2013
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2013

СТИХОТВОРЕНИЯ

НОЧЬ

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.

Толпа — пестрошерстая быстрая кошка —
¹⁰плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул; пугая
ударами в жуть, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая.

(1912)

УТРО

Угрюмый дождь скосил глаза.
А за
решеткой
четкой
железной мысли проводов —
перина.
И на
нее
встающих звезд
¹⁰ легко оперлись ноги.
Но ги-
бель фонарей,
царей
в короне газа,
для глаза
сделала больней
враждующий букет бульварных проституток.
И жуток
шуток
²⁰ клюющий смех —
из желтых
ядовитых роз
возрос
зигзагом.
За гам
и жуть
взглянуть
отрадно глазу:
раба
³⁰ крестов
страдающе-спокойно-безразличных,
гроба
домов
публичных
восток бросал в одну пылающую вазу.

⟨1912⟩

ПОРТ

Просты́ни вод под брюхом были.
Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы — как будто лили
любовь и похоть медью труб.
Прижались лодки в люльках входов
к сосцам железных матерей.
В ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей.

<1912>

УЛИЧНОЕ

В шатрах, истертых ликов цвель где,
из ран лотков сочилась клюква,
а сквозь меня на лунном сельде
скакала крашенная буква.

Вбиваю гулко шага свай,
бросаю в бубны улиц дробь я.
Ходьбой усталые трамваи
скрестили блещущие копыя.

10 Подняв рукой единый глаз,
кривая площадь крálась близко.
Смотрело небо в белый газ
лицом безглазым василиска.

⟨1913⟩

ИЗ УЛИЦЫ В УЛИЦУ

У-
лица.
Лица
У
догов
годов
рез-
че.
Че-
10 рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.
Лебеди шей колокольных,
гнились в силках проводов!
В небе жирафий рисунок готов
выпестрить ржавые чубы.
Пестр, как форель,
сын
20 безузорной пашни.
Фокусник
рельсы
тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни.
Мы завоеваны!
Ванны.
Души.
Лифт.
Лиф души расстегнули,
30 Тело жгут руки.
Кричи, не кричи:
«Я не хотела!» —
резок
жгут
муки.

Ветер колючий
трубе
вырывает
дымчатой шерсти клок.
⁴⁰ Лысый фонарь
сладострастно снимает
с улицы
черный чулок.
(1913)

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
¹⁰ на флейте водосточных труб?
(1913)

ВЫВЕСКАМ

Читайте железные книги!
Под флейту золоченой буквы
полезут копченые сиги
и золотокудрые брюквы.

А если веселостью песьей
закружат созвездия «Магги» —
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги.

Когда же, хмур и плачевен,
¹⁰ загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен
в фаянсовых чайников маки!

⟨1913⟩

ТЕАТРЫ

Рассказ о взлезших на подмосток
аршинной буквою графишь,
и заывают в вечер с досок
зрачки малеванных афиш.

Автомобиль подкрасил губы
у блеклой женщины Карьера,
а с прилетавших рвали шубы
два огневые фокстерьера.

И лишь светящаяся груша
¹⁰ о тень сломала копыя драки,
на ветке лож с цветами плюша
повисли тягостные фраки.

(1913)

КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТЕРБУРГ

Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиеся губы
воткнули каменные соски.

И небу — стихши — ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда.

⟨1913⟩

ЗА ЖЕНЩИНОЙ

Раздвинув локтем тумана дрожи,
цедил белила из черной фляжки
и, бросив в небо косые вожжи,
качался в тучах, седой и тяжкий.

В расплаве меди домов полуда,
дрожанья улиц едва хранимы,
дразнимы красным покровом блуда,
рогами в небо вонзались дымы.

¹⁰ Вулканы-бедрa за льдами платий,
колосья грудей для жатвы спелы.
От тротуаров с ужимкой татьей
ревниво взвились тупые стрелы.

Вспугнув копытом молитвы высей,
арканом в небе поймали Бога
и, ощипавши с улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.

²⁰ Восток заметил их в переулке,
гримасу неба отбросил выше
и, выдрав солнце из черной сумки,
ударил с злобой по ребрам крыши.

(1913)

Я!

(1.) «ПО МОСТОВОЙ...»

По мостовой
моей души изъезженной
шаги помешанных
вьют жестких фраз пяты.
Где города
повешены
и в петле облака
застыли
башен
¹⁰ кривые выи —
иду
один рыдать,
что перекрестком
распяты
городовые.

(2.) НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ ЖЕНЕ

Морей неведомых далеким пляжем
идет луна —
жена моя.
Моя любовница рыжеволосая.
За экипажем
крикливо тянется толпа созвездий пестрополосая.
Венчается автомобильным гаражем,
целуется газетными киосками,
а шлейфа млечный путь моргающим пажем
¹⁰ украшен мишурными блестками.
А я?
Несло же, палимому, бровей коромысло
из глаз колодцев студеные ведра.
В шелках озерных ты висла,
янтарной скрипкой пели бедра?

В края, где злоба крыш,
не кинешь блестящей лесни.
В бульварах я тону, тоской песков оваян:
ведь это ж дочь твоя —
20 моя песня
в чулке ажурном
у кофеен!

(3.) НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ МАМЕ

У меня есть мама на васильковых обоях.
А я гуляю в пестрых павах,
вихрастые ромашки, шагом меряя, мучу.
Заиграет вечер на гобоях ржавых,
подхожу к окошку,
веря,
что увижу опять
севшую
на дом
10 тучу.
А у мамы больной
пробегают народа шорохи
от кровати до угла пустого.
Мама знает —
это мысли сумасшедшей ворохи
вылезают из-за крыш завода Шустова.
И когда мой лоб, венчанный шляпой фетровой,
окровавит гаснущая рама,
я скажу,
20 раздвинув басом ветра вой:
«Мама.
Если станет жалко мне
вазы вашей муки,
сбитой каблуками облачного танца, —
кто же изласкает золотые руки,
вывеской заломленные у витрин Аванцо? ..»

(4.) НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБО МНЕ САМОМ

Я люблю смотреть, как умирают дети.
Вы прибою смеха мглистый вал заметили
за тоски хоботом?

А я —
в читальне улиц —
так часто перелистывал гроба том.
Полночь
промокшими пальцами щупала
меня
10 и забитый забор,
и с каплями ливня на лысине купола
скакал сумасшедший собор.
Я вижу, Христос из иконы бежал,
хитона оветренный край
целовала, плача, слякоть.
Кричу кирпичу,
слов исступленных вонзаю кинжал
в неба распухшего мякоть:
«Солнце!
20 Отец мой!
Сжалься хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою
дольней.

Это душа моя
клочьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!
Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
30 в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!»

⟨1913⟩

**ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ КАРТИНА
ВЕСНЫ**

Листочки.
После строчек лис —
точки.

⟨1913⟩

* * *

Балалайка
скрипки бала
оборвала
бала
лайка
(1913)

ОТ УСТАЛОСТИ

Земля!

Дай исцелю твою лысеющую голову
лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот.

Дымом волос над пожарами глаз из олова
дай обовью я впалые груди болот.

Ты! Нас — двое,

ораненных, загнанных ланями,

вздыбилось ржанье оседланных смертью коней.

10 Дым из-за дома догонит нас длинными дланями,
мутью озлобив глаза догнивающих в ливнях
огней.

Сестра моя!

В богадельнях идущих веков,

может быть, мать мне сыщется;

бросил я ей окровавленный песнями рог.

Квакая, скачет по полю

канава, зеленая сыщица,

нас заневолить

веревками грязных дорог.

(1913)

ЛЮБОВЬ

Девушка пугливо куталась в болото,
ширились зловеще лягушечьи мотивы,
в рельсах колебался рыжеватый кто-то,
и укорно в буклях проходили локомотивы.

В облачные пары сквозь солнечный угар
врезалось бешенство ветряной мазурки,
и вот я — озноенный июльский тротуар,
а женщина поцелуи бросает — окурки!

Бросьте города, глупые люди!
¹⁰ Идите голые лить на солнцепеке
пьяные вина в меха-груди,
дождь-поцелуи в угли-щеки.

⟨1913⟩

МЫ

Лезем земле под ресницами вылезших пальм
выколоть бельма пустынь,
на ссохшихся губах каналов —
дредноутов улыбки поймать.
Стынь, злоба!

На костер разожженных созвездий
взвесь не позволю мою одичавшую дряхлую мать.
Дорога — рог ада — пьяни грузовозов храпы!
Дымящиеся ноздри вулканов хмелем расширь!
¹⁰ Перья линияющих ангелов бросим любимым
на шляпы,
будем хвосты на боа обрубить у комет,
ковыляющих в ширь.

(1913)

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЩИ

По эхам города проносят шумы
на шепоте подошв и на громах колес,
а люди и лошади — это только грумы,
следающие линии убегающих кос.

Пронесут девоньки крохотные шумики.
Ящики гула пронесет грузовоз.
Рысак прошуршит в сетчатой туннике.
Трамвай расплещет перекаты гроз.

Все на площадь сквозь туннели пассажей
¹⁰ плывут каналами перекрещенных дум,
где мордой перекошенный, размалеванный сажей
на царство базаров коронован шум.

⟨1913⟩

АДИЩЕ ГОРОДА

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светом адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
над самым ухом взрывая гудки.

А там, под вывеской, где сельди из Керчи —
сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечереющем смерче
трамвай с разбега взметнул зрочки.

10 В дырах небоскребов, где горела руда
и железо поездов громоздило лаз —
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз

И тогда уже — скомкав фонарей одеяла —
ночь излюбилась, похабна и пьяна,
а за солнцами улиц где-то ковыляла
никому не нужная, дряблая луна.

(1913)

НАТЕ!

Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я — бесценных слов мот и транжир.

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.

10 Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные, в калосах и без калош.
Толпа озверевает, будет тереться,
ощетинит ножки стоголавая вошь.

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется — и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я — бесценных слов транжир и мот.

⟨1913⟩

НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮТ

Вошел к парикмахеру, сказал — спокойный:

«Будьте добры, причешите мне уши».

Гладкий парикмахер сразу стал хвойный,
лицо вытянулось, как у груши.

«Сумасшедший!

Рыжий!» —

запрыгали слова.

Ругань металась от писка до писка,

и до-о-о-о-лго

¹⁰ хихикала чья-то голова,

выдергиваясь из толпы, как старая редиска.

(1913)

В АВТО

«Какая очаровательная ночь!»

«Эта
(указывает на девушку),
что была вчера,
та?»
Выговорили на тротуаре
«поч-
перекинулось на шины
та».

¹⁰ Город вывернулся вдруг.
Пьяный на шляпы полез.
Вывески разинули испуг.
Выплывали
то «О»,
то «S».
А на горе,
где плакало темно
и город
робкий прилез,
²⁰ поверилось:
обрюзгло «О»
и гадко покорное «S».

{1913}

КОФТА ФАТА

Я сошью себе черные штаны
из бархата голоса моего.
Желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным полосам его,
профланирую шагом Дон-Жуана и фата.

Пусть земля кричит, в покое обабившись:
«Ты зеленые весны идешь насиловать!»
Я брошу солнцу, нагло ослабившись:
«На глади асфальта мне хорошо грассировать!»

- ¹⁰ Не потому ли, что небо голубо́,
а земля мне любовница в этой праздничной чистке,
я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо,
и острые и нужные, как зубочистки!

Женщины, любящие мое мясо, и эта
девушка, смотрящая на меня как на брата,
закидайте улыбками меня, поэта, —
я цветами нашью их мне на кофту фата!

(1914)

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевóчки
жемчужиной?

И, надрываясь
в метелях полúденной пыли,
врывается к Богу,
¹⁰ боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную мýку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
²⁰ Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
³⁰ над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

⟨1914⟩

А ВСЕ-ТАКИ

Улица провалилась, как нос сифилитика.
Река — сладострастье, растекшееся в слюни.
Отбросив белье до последнего листика,
сады похабно развалились в июне.

Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людям страшно — у меня изо рта
шевелит ногами непрожеванный крик.

- ¹⁰ Но меня не осудят, но меня не облают,
как пророку, цветами устелят мне след.
Все эти, провалившиеся носами, знают:
я — ваш поэт.

Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!
Меня одного сквозь горящие здания
проститутки, как святыню, на руках понесут
и покажут Богу в свое оправдание.

- И Бог заплачет над моею книжкой!
Не слова — судороги, слипшиеся комом;
²⁰ и побежит по небу с моими стихами под мышкой
и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым.

(1914)

ЕЩЕ ПЕТЕРБУРГ

В ушах обрывки теплого бала,
а с севера — снега седей —
туман, с кровожадным лицом каннибала,
жевал невкусных людей.

Часы нависали, как грубая брань,
за пятым навис шестой.
А с неба смотрела какая-то дрянь
величественно, как Лев Толстой.

<1914>

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

«Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
И на площадь, мрачно очерченную чернью,
багровой крови пролилась струя!

Морду в кровь разбила кофейня,
зверьим криком багрима:
«Отравим кровью игры Рейна!
Громáми ядер на мрамор Рима!»

С неба, изодранного о штыков жала,
¹⁰ слёзы звезд просеивались, как мука в сите,
и подошвами сжатая жалость визжала:
«Ах, пустите, пустите, пустите!»

Бронзовые генералы на граненом цоколе
молили: «Раскуйте, и мы поедем!»
Прощающейся конницы поцелуи цокали,
и пехоте хотелось к убийце — победе.

Громоздящемуся городу урбидился во сне
хохочущий голос пушечного баса,
а с запада падает красный снег
²⁰ сочными клочьями человеческого мяса.

Вздувается у площади за ротой рота,
у злящейся на лбу вздуваются вены.
«Постойте, шашки о шелк кокоток
вытрем, вытрем в бульварах Вены!»

Газетчики надрывались: «Купите вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
А из ночи, мрачно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя.

(20 июля 1914 г.)

МАМА И УБИТЫЙ НЕМЦАМИ ВЕЧЕР

По черным улицам белые матери
судорожно простерлись, как по гробу газет.
Вплакались в орущих о побитом неприятеле:
«Ах, закройте, закройте глаза газет!»

Письмо.

Мама, громче!

Дым.

Дым.

Дым еще!

¹⁰ Что вы мямлите, мама, мне?

Видите —

весь воздух вымощен

громыхающим под ядрами камнем!

Ма — а — а — ма!

Сейчас притащили израненный вечер.

Крепился долго,

кургузый,

шершавый,

и вдруг, —

²⁰ надломивши тучные плечи,

расплакался, бедный, на шее Варшавы.

Звезды в платочках из синего ситца

визжали:

«Убит,

дорогой,

дорогой мой!»

И глаз новолуния страшно косится

на мертвый кулак с зажатой обоймой.

Сбежались смотреть литовские села,

³⁰ как, поцелуем в обрубок вкована,

слезя золотые глаза костелов,

пальцы улиц ломала Ковна.

А вечер кричит,

безногий,

безрукий:

«Неправда,
я еще могу-с —
хе! —
выбрыцав шпоры в горячей мазурке,
40 выкрутить русский ус!»

Звонок.

Что вы,
мама?
Белая, белая, как на гробе газет.
«Оставьте!
О нем это,
об убитом, телеграмма.
Ах, закройте,
закройте глаза газет!»

(1914)

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО

Скрипка издергалась, упрашивая,
и вдруг разревелась
так по-детски,
что барабан не выдержал:
«Хорошо, хорошо, хорошо!»
А сам устал,
не дослушал скрипкиной речи,
шмыгнул на горящий Кузнецкий
и ушел.

- 10 Оркестр чужо смотрел, как
выплакивалась скрипка
без слов,
без такта,
и только где-то
глупая тарелка
вылязгивала:
«Что это?»
«Как это?»
А когда геликон —
- 20 меднорожий,
потный,
крикнул:
«Дура,
плакса,
вытри!» —
я встал,
шатаясь полез через ноты,
стибающиеся под ужасом пюпитры,
зачем-то крикнул:
- 30 «Боже!»,
бросился на деревянную шею:
«Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору —
а доказать ничего не умею!»

Музыканты смеются:
«Влип как!
Пришел к деревянной невесте!
⁴⁰ Голова!»
А мне — наплевать!
Я — хороший.
«Знаете что, скрипка?
Давайте —
будем жить вместе!
А?»

(1914)

МЫСЛИ В ПРИЗЫВ

Войне ли думать:
«Некрасиво в шраме?»
Ей ли жалеть
городов гиль?
Как хороший игрок,
раскидала шарами
смерть черепа
в лузы могил.
Горит материк.
¹⁰ Страны — на нет.
Прилизанная
треплется мира челка.
Слышите?
Хорошо?
Почище кастаньет.
Это вам не на счетах щелкать.
А мне не жалко.
Лица не выгрущу.
Пусть
²⁰ из нежного
делают казака.
Посланный
на выучку новому игрищу,
вернется
облеченный в новый закал.
Была душа поэтами рыта.
Сияющий говорит о любом.
Сердце —
с длинноволосыми открыток
³⁰ благороднейший альбом.

А теперь
попробуй.
Сунь ему «Анатэм».
В норах мистики вели ему мышиться.

Теперь
у него
душа канатом,
и хоть гвоздь вбивай ей —
каждая мышца.
40 Ему ли
ныть
в квартирной яме?
А такая
нравится манера вам:
нежность
из памяти
вырвать с корнями,
го́ловы скрутить орущим нервам.
Туда!
50 В мировую кузню,
в ремонт.
Вернетесь.
О новой поведаю Спарте я.
А слабым
смерть,
маркер времен,
ори:
«Партия!»
(1914)

Я И НАПОЛЕОН

Я живу на Большой Пресне,
36, 24.

Место спокойненькое.

Тихонькое.

Ну?

Кажется — какое мне дело,

что где-то

в буре-мире

взяли и выдумали войну?

¹⁰ Ночь пришла.

Хорошая.

Вкрадчивая.

И чего это барышни некоторые

дрожат, пугливо поворачивая

глаза громадные, как прожекторы?

Уличные толпы к небесной влаге

припали горящими устами,

а город, вытрепав ручонки-флаги,

молится и молится красными крестами.

²⁰ Простоволосая церковка бульварному изголовью

припала, — набитый слезами куль, —

а у бульвара цветники истекают кровью,

как сердце, изодранное пальцами пуль.

Тревога жиреет и жиреет,

жрет зачерстневший разум.

Уже у Ноева оранжереи

покрылись смертельно-бледным газом!

Скажите Москве —

пускай удержится!

³⁰ Не надо!

Пусть не трясется!

Через секунду

встречу я

неб самодержца, —

возьму и убью солнце!

Видите!

Флаги по небу полощет.

Вот он!

Жирен и рыж.

- ⁴⁰ Красным копытом грохнув о площадь,
въезжает по трупам крыш!

Тебе,

орущему:

«Разрушу,
разрушу!»,

вырезавшему ночь из окровавленных карнизов,
я,

сохранивший бесстрашную душу,
брошаю вызов!

- ⁵⁰ Идите, изъеденные бессонницей,
сложите в костер лица!
Все равно!
Это нам последнее солнце —
солнце Аустерлица!

Идите, сумасшедшие, из России, Польши.

Сегодня я — Наполеон!

Я полководец и больше.

Сравните:

я и — он!

- ⁶⁰ Он раз чуме приблизился тронем,
смелостью смерть поправ, —
я каждый день иду к зачумленным
по тысячам русских Яфф!
Он раз, не дрогнув, стал под пули
и славится столетий сто, —
а я прошел в одном лишь июле
тысячу Аркольских мостов!
Мой крик в граните времени выбит,
и будет греметь и гремит,
⁷⁰ оттого, что
в сердце, выжженном, как Египет,
есть тысяча тысяч пирамид!

За мной, изъеденные бессонницей!

Выше!

В костер лица!

Здравствуй,
мое предсмертное солнце,
солнце Аустерлица!
Люди!
⁸⁰ Будет!
На солнце!
Прямо!
Солнце съежится аж!
Громче из сжатого горла храма
хрипи, похоронный марш!
Люди!
Когда канонизируете имена
погибших,
меня известней, —
⁹⁰ помните:
еще одного убила война —
поэта с Большой Пресни!
(1915)

ВАМ!

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!

Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как, —
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..

Если б он, приведенный на убой,
¹⁰ вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваете Северянина!

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядям буду
подавать ананасную воду!

(1915)

ГИМН СУДЬЕ

По Красному морю плывут каторжане,
трудом выгребая галеру,
рыком покрыв кандальное ржанье,
орут о родине Перу.

О рае Перу орут перуанцы,
где птицы, танцы, бабы
и где над венцами цветов померанца
были до небес баобабы.

Банан, ананасы! Радостей груды!
¹⁰ Вино в запечатанной посуде...
Но вот неизвестно зачем и откуда
на Перу наперли судьи!

И птиц, и танцы, и их перуанок
кругом обложили статьями.
Глаза у судьи – пара жестянок
мерцает в помойной яме.

Попал павлин оранжево-синий
под глаз его строгий, как пост, –
и вылинял моментально павлиний
²⁰ великолепный хвост!

А возле Перу летали по прерии
птички такие – колибри;
судья поймал и пух и перья
бедной колибри выбрил.

И нет ни в одной долине ныне
гор, вулканом горящих.
Судья написал на каждой долине:
«Долина для некурящих».

В бедном Перу стихи мои даже
30 в запрете под страхом пыток.
Судья сказал: «Те, что в продаже,
тоже спиртной напиток».

Экватор дрожит от кандалных звонов.
А в Перу бесптичье, безлюдье...
Лишь, злобно забившись под своды законов,
живут унылые судьи.

А знаете, все-таки жаль перуанца.
Зря ему дали галеру.
Судьи мешают и птице, и танцу,
40 и мне, и вам, и Перу.

(1915)

ГИМН УЧЕНОМУ

Народонаселение всей империи —
люди, птицы, сороконожки,
ощетинив щетину, выперев перья,
с отчаянным любопытством висят на окошке.

И солнце интересуется, и апрель еще,
даже заинтересовало трубочиста черного
удивительное, необыкновенное зрелище —
фигура знаменитого ученого.

Смотрят: и ни одного человеческого качества.
¹⁰ Не человек, а двуногое бессилие,
с головой, откусанной начисто
трактатом «О бородавках в Бразилии».

Вгрызлись в букву едящие глаза, —
ах, как букву жалко!
Так, должно быть, жевал вымирающий ихтиозавр
случайно попавшую в челюсти фиалку.

Искривился позвоночник, как оглоблей ударенный,
но ученому ли думать о пустяковом изъяне?
Он знает отлично написанное у Дарвина,
²⁰ что мы — лишь потомки обезьяньи.

Просочится солнце в крохотную щелку,
как маленькая гноящаяся ранка,
и спрячется на пыльную полку,
где громоздится на банке банка.

Сердце девушки, вываренное в иоде.
Окаменелый обломок позапрошлого лета.
И еще на булавке что-то вроде
засушенного хвоста небольшой кометы.

³⁰ Сидит все ночи. Солнце из-за домишки
опять ослабилось на людские безобразия,
и внизу по тротуарам опять пригостишки
деятельно ходят в гимназии.

Проходят красноухие, а ему не нудно,
что растет человек глуп и покорен;
ведь зато он может ежесекундно
извлекать квадратный корень.

(1915)

ВОЕННО-МОРСКАЯ ЛЮБОВЬ

По морям, играя, носится
с миноносцем миноносица.

Льнет, как будто к меду осочка,
к миноносцу миноносочка.

И конца б не довелось ему,
благодарушкой миноносъему.

Вдруг прожектор, вздев на нос очки,
впился в спину миноносочки.

Как взревет медноголосина:
¹⁰ «Р-р-р-астакая миноносина!»

Прямо ль, влево ль, вправо ль бросится,
а сбежала миноносица.

Но ударить удалось ему
по ребру по миноносъему.

Плач и вой морями носится:
овдовела миноносица.

И чего это несносен нам
мир в семействе миноносином?

(1915)

ГИМН ЗДОРОВЬЮ

Среди тонконогих, жидких кровью,
трудом поворачивая шею бычью,
на сытый праздник тучному здоровью
людей из мяса я зычно кличу!

Чтоб бешеной пляской землю овить,
скучную, как банка консервов,
давайте весенних бабочек ловить
сетью ненужных нервов!

¹⁰ И по камням острым, как глаза ораторов,
красавцы-отцы здоровых томов,
потащим мордами умных психиатров
и бросим за решетки сумасшедших домов!

А сами сквозь город, иссохший как Онания,
с толпой фонарей желтолицых, как скопцы,
голодным самкам накормим желания,
поросшие шерстью красавцы-самцы!

(1915)

ГИМН КРИТИКУ

От страсти извозчика и разговорчивой прачки
невзрачный детеныш в результате вытек.
Мальчик — не мусор, не вывезешь на тачке.
Мать поплакала и назвала его: критик.

Отец, в разговорах вспоминая родословные,
любил поспорить о правах материнства.
Такое воспитание, светское и салонное,
оберегало мальчика от уклона в свинство.

10 Как роется дворником к кухарке сапа,
щебетала мамаша и кальсоны мыла;
от мамаша мальчик унаследовал запах
и способность вникать легко и без мыла.

Когда он вырос приблизительно с полено
и веснушки рассыпались, как рыжики на блюде,
его изящным ударом колена
провели на улицу, чтобы вышел в люди.

Много ль человеку нужно? — Клочок —
небольшие штаны и что-нибудь из хлеба.
20 Он носом, хорошеньким, как построчный пятачок,
обнюхал приятное газетное небо.

И какой-то обладатель какого-то имени
нежнейший в двери услышал стук.
И скоро критик из имениного вымени
выдоил и брюки, и булку, и галстук.

Легко смотреть ему, обутому и одетому,
молодых искателей изысканные игры
и думать: хорошо — ну, хотя бы этому
потрогать зубенками шальные икры.

Но если просочится в газетной сети
30 о том, как велик был Пушкин или Дант,
кажется, будто разлагается в газете
громадный и жирный официант.

И когда вы, наконец, в столетний юбилей
продерете глазки в кадильной гари,
имя его первое, голубицы белей,
чисто засияет на поднесенном портсигаре.

Писатели, нас много. Собирайте миллион.
И богадельню критикам построим в Ницце.
Вы думаете — легко им наше белье
40 ежедневно прополаскивать в газетной странице!

(1915)

ГИМН ОБЕДУ

Слава вам, идущие обедать миллионы!
И уже успевшие наесться тысячи!
Выдумавшие каши, бифштексы, бульоны
и тысячи блюдищ всяческой пищи.

Если ударами ядер
тысячи Реймсов разбить удалось бы —
по-прежнему будут ножки у пулярд,
и дышать по-прежнему будет ростбиф!

Желудок в панаме! Тебя ль заразят
10 величием смерти для новой эры?!
Желудку ничем болеть нельзя,
кроме аппендицита и холеры!

Пусть в зале совсем потонут зрачки —
все равно их зря отец твой выделал;
на слепую кишку хоть надень очки,
кишка все равно ничего б не видела.

Ты так не хуже! Наоборот,
если б рот один, без глаз, без затылка —
сразу могла б поместиться в рот
20 целая фаршированная тыква.

Лежи спокойно, безглазый, безухий,
с куском пирога в руке,
а дети твои у тебя на брюхе
будут играть в крокет.

Спи, не тревожась картиной крови
и тем, что пожаром мир опоясан, —
молоком богаты силы коровьи,
и безмерно богатство бычьего мяса.

Если взрежется последняя шея бычья
³⁰ и знак последний с камня серого,
ты, верный раб твоего обычая,
из звезд сфабрикуешь консервы.

А если умрешь от котлет и бульонов,
на памятнике прикажем высечь:
«Из стольких-то и стольких-то котлет миллионов —
твоих четыреста тысяч».

(1915)

ТЕПЛОЕ СЛОВО КОЕ-КАКИМ ПОРОКАМ

(Почти гимн)

Ты, который трудишься, сапоги ли чистишь,
бухгалтер или бухгалтера помощница,
ты, чье лицо от дел и тощищи
помятое и зеленое, как трешница.

Портной, например. Чего ты ради
эти брюки принес к примерке?
У тебя совершенно нету дядей,
а если есть, то небогатый, не мрет и не в Америке.

10 Говорю тебе я, начитанный и умный:
ни Пушкин, ни Щепкин, ни Врубель
ни строчке, ни позе, ни краске надуманной
не верили — а верили в рубль.

Живешь утюжить и ножницами раниться.
Уже сединою бороду перебил,
а видел ты когда-нибудь, как померанец
растет себе и растет на дереве?

Потеете и трудитесь, трудитесь и потеете,
вытелятся и вытянутся какие-то дети,
мальчики — бухгалтеры, девочки — помощницы,
те и те
20 будут потеть, как потели эти.

А я вчера, не насилуемый никем,
просто,
снял в «железку» по шестой руке
три тысячи двести — со ста.

Ничего, если, приложивши палец ко рту,
зубоскалят, будто помог тем,
что у меня такой-то и такой-то туз
мягко помечен ногтем.

Игроческие очи из ночи
30 блестя, как два рубля,
я разгружал кого-то, как настойчивый рабочий
разгружает трюм корабля.

Слава тому, кто первый нашел,
как без труда и хитрости,
чистоплотно и хорошо
карманы ближнему вывернуть и вытрясти!

И когда говорят мне, что труд, и еще, и еще,
будто хрен натирают на заржавленной терке,
я ласково спрашиваю, взяв за плечо:
40 «А вы прикупаете к пятерке?»

(1915)

ВОТ ТАК Я СДЕЛАЛСЯ СОБАКОЙ

Ну, это совершенно невыносимо!
Весь как есть искусан злобой.
Злюсь не так, как могли бы вы:
как собака лицо луны гололобой —
взял бы
и все обвыл.
Нервы, должно быть...
Выйду,
погуляю.

¹⁰ И на улице не успокоился ни на ком я.
Какая-то прокричала про добрый вечер.
Надо ответить:
она — знакомая.
Хочу.
Чувствую —
не могу по-человечьи.
Что это за безобразия!
Сплю я, что ли?
Ощупал себя:
²⁰ такой же, как был,
лицо такое же, к какому привык.
Тронул губу,
а у меня из-под губы —
клык.

Скорее закрыл лицо, как будто сморкаюсь.
Бросился к дому, шаги удвоив.
Бережно огибаю полицейский пост,
вдруг оглушительное:
«Городовой!
³⁰ Хвост!»

Провел рукой и — остолбенел!
Этого-то,
всяких клыков почище,
я и не заметил в бешеном скаче:

у меня из-под пиджака
развеерился хвостище
и вьется сзади,
большой, собачий.
Что теперь?

⁴⁰ Один заорал, толпу растя.
Второму прибавился третий, четвертый.
Смяли старушонку.
Она, крестясь, что-то кричала про черта.
И когда, ощетинив в лицо усища-веники,
толпа навалилась,
огромная,
злая,
я стал на четвереньки
и залаял:

⁵⁰ Гав! гав! гав!

(1915)

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ ДИРИЖЕРА

В ресторане было от электричества рыжб.
Кресла облиты в дамскую мякоть.
Когда обиженный выбежал дирижер,
приказал музыкантам плакать.

И сразу тому, который в бороду
толстую семгу вкусно нес,
труба — изловчившись — в сытую морду
ударил горстью медных слез.

Еще не успел он, между икотами,
¹⁰ выпихнуть крик в золотую челюсть,
его избитые тромбонами и фаготами
смяли и скакали через.

Когда последний не дополз до двери,
умер щекою в соусе,
приказав музыкантам выть по-зверьи —
дирижер обезумел вовсе!

В самые зубы туше опбенной
втиснул трубу, как медный калач,
дул и слушал — раздутым удвоенный,
²⁰ мечется в брюхе плач.

Когда наутро, от злобы не евший,
хозяин принес расчет,
дирижер на люстре уже посиневший
висел и синел еще.

<1915>

ПУСТЯК У ОКИ

Нежно говорил ей —
мы у реки
шли камышами:
«Слышите: шуршат камыши у Оки.
Будто наполнена Ока мышами.
А в небе, лучик сережкой вдев в ушко,
звезда, как вы, хорошая, — не звезда, а девушка...
А там, где кончается звездочки точка,
месяц улыбается и заверчен, как
¹⁰ будто на небе строчка
из Аверченко...
Вы прекрасно картавите.
Только жалко Италию...»
Она: «Ах, зачем вы давите
и локоть и талию.
Вы мне мешаете
у камыша идти...»
(1915)

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ НЕЛЕПОСТИ

Бросьте!
Конечно, это не смерть.
Чего ей ради ходить по крепости?
Как вам не стыдно верить
нелепости?!
Просто именинник устроил карнавал,
выдумал для шума стрельбу и тир,
а сам, по-жабьи присев на вал,
вымаргивается, как из мортир.
¹⁰ Ласков хозяина бас,
просто — похож на пушечный.
И не от газа маска,
а ради шутки игрушечной.
Смотрите!
Небо мерить
выбежала ракета.
Разве так красиво смерть
бежала б в небе паркета!
Ах, не говорите:
²⁰ «Кровь из раны».
Это — дико!
Просто избранных из бранных
одаривали гвоздикой.
Как же иначе?
Мозг не хочет понять
и не может:
у пушечных шей
если не целоваться,
то — для чего же
³⁰ обвиты руки траншей?
Никто не убит!
Просто — не выстоял.
Лег от Сены до Рейна.
Оттого что цветет,
одуряет желтолистая
на клумбах из убитых гангрена.

Не убиты,
нет же,
нет!
⁴⁰ Все они встанут
просто —
вот так,
вернутся
и, улыбаясь, расскажут жене,
какой хозяин весельчак и чудаки.
Скажут: не было ни ядер, ни фугасов
и, конечно же, не было крепости!
Просто именинник выдумал массу
каких-то великолепных нелепостей!

(1915)

ГИМН ВЗЯТКЕ

Пришли и славословим покорненько
тебя, дорогая взятка,
все здесь, от младшего дворника
до того, кто в золото заткан.

Всех, кто за нашей десницей
посмеет с укором глаzá вестъ,
мы так, как им и не снится,
накажем мерзавцев за зависть.

10 Чтоб больше не смела вздыматься хула,
наденем мундиры и медали
и, выдвинув вперед убедительный кулак,
спросим: «А это видали?»

Если сверху смотреть — разинешь рот.
И разыграет от радости каждая мышца.
Россия — сверху — прямо огород,
вся наливается, цветет и пышится.

А разве видано где-нибудь, чтоб стояла коза
и лезть в огород козе лень?..
20 Было бы время, я б доказал,
которые — коза и зелень.

И нечего доказывать — идите и берите.
Умолкнет газетная нечисть ведь.
Как баранов, надо стричь и брить их.
Чего стесняться в своем отечестве?

(1915)

ВНИМАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЗЯТОЧНИКАМ

Неужели и о взятках писать поэтам!
Дорогие, нам некогда. Нельзя так.
Вы, которые взяточники,
хотя бы поэтому,
не надо, не берите взяток.
Я, выколачивающий из строчек штаны, —
конечно, как начинающий, не очень часто,
я — еще и российский гражданин,
беззаветно чтущий и чиновника и участок.
¹⁰ Прихожу и выплакиваю все мои просьбы,
приникши щекою к светлому кителю.
Думает чиновник: «Эх, удалось бы!
Этак на двести птичку вытелю».
Сколько раз под сень чинов ник,
приносил обиды им.
«Эх, удалось бы, — думает чиновник, —
этак на триста бабочку выдоим».
Я знаю, надо и двести и триста вам —
возьмут, все равно, не те, так эти;
²⁰ и руганью ни одного не обижу пристава:
может быть, у пристава дети.
Но лишний труд — доить поодиночно,
вы и так ведете в работе года.
Вот что я выдумал для вас нарочно —
Господа!
Взломайте шкапы, сундуки и ларчики,
берите деньги и драгоценности мамашины,
чтоб последний мальчонка в потненьком кулачике
зажал сбереженный рубль бумажный.
³⁰ Костюмы соберите. Чтоб не было рваных.
Мамаша! Вытряхивайтесь из шубы беличьей!
У старых брюк обшарьте карманы —
в карманах копеек на сорок мелочи.

Все это узлами уложим и свяжем,
а сами, без денег и платья,
придем, поклонимся и скажем:
Нате!
Что нам деньги, транжирам и мотам!
Мы даже не знаем, куда нам деть их.
40 Берите, милые, берите, чего там!
Вы наши отцы, а мы ваши дети.
От холода не попадая зубом на́ зуб,
станем голые под голые небеса.
Берите, милые! Но только сразу,
Чтоб об этом больше никогда не писать.

(1915)

ЧУДОВИЩНЫЕ ПОХОРОНЫ

Мрачные до черного вышли люди,
тяжко и чинно выстроились в городе,
будто сейчас набираться будет
хмурых монахов черный орден.

Траур воронов, выкаймленный под окна,
небо, в бурю крашеное, —
все было так подобрано и подогнано,
что волей-неволей ждалось страшное.

Тогда разверзлась, кряхтя и нехотя,
¹⁰ пыльного воздуха сухая охра,
вылез из воздуха и начал ехать
тихий катафалк чудовищных похорон.

Встревоженная ожила глаз масса,
гору взоров в гроб бросили.
Вдруг из гроба прыснула гримаса,
после —

крик: «Хоронят умерший смех!» —
из тысячегрудного меха
гремел омиллионенный множеством эх
²⁰ за гробом, который ехал.

И тотчас же отчаяннейшего плача ножи
врезались, заставив ничего не понимать.
Вот за гробом, в плаче, старуха-жизнь —
усопшего смеха седая мать.

К кому же, к кому вернуться назад ей?
Смотрите: в лысине — тот —
это большой, носатый
плачет армянский анекдот.

Еще не забылось, как выкривил рот он,
30 а за ним ободранная, куцая,
визжа, бежала острота.
Куда — если умер — уткнуться ей?

Уже до неба плачей глыба.
Но еще,
еще откуда-то плачики —
это целые полчища улыбочек и улыбок
ломали в горе хрупкие пальчики.

И вот сквозь строй их, смокших в один
сплошной изрыдавшийся Гаршин,
40 вышел ужас — вперед пойти —
весь в похоронном марше.

Размокло лицо, стало — кашица,
смятая морщинками на выхмуренном лбу,
а если кто смеется — кажется,
что ему разодрали губу.

<1915>

МОЕ К ЭТОМУ ОТНОШЕНИЕ

(Гимн еще почтее)

Май ли уже расцвел над городом,
плачет ли, как побитый, хмуренький декабрик, —
весь год эта пухлая морда
маячит в дымах фабрик.

Брюшком обвисшим и гаденьким
лежит на воздушном откосе,
и пухлые губы бантиком
сложены в 88.

Внизу суетятся рабочие,
¹⁰ нищий у тумбы виден,
а у этого брюхо и все прочее —
лежит себе сыт, как Сытин.

Вкусной слюны разлились волны,
во рту громадном плещутся, как в бухте,
А полный! Боже, до чего он полный!
Сравнить если с ним, то худ и Апухтин.

Кони ли цокая по асфальту мчатся,
шарканье пешеходов ли подвернется под взгляд ему,
а ему все кажется: «Цаца! Цаца!» —
²⁰ кричат ему, и все ему нравится, проклятому.

Растет улыбка, жирна и нагла,
рот до ушей разросся,
будто у него на роже спектакль-гала
затеяла труппа малороссов.

Солнце взойдет, и сейчас же луч его
ему щекочет пятки хóленые,
и луна ничего не находит лучшего.
Объявляю всенародно: очень недоволен я.

Я спокоен, вежлив, сдержан тоже,
³⁰ характер — как из кости слоновой тóчен,
а этому взял бы да и дал по роже:
не нравится он мне очень.

⟨1915⟩

Эй!

Мокрая, будто ее облизали,
толпа.
Прокисший воздух плесенью веет.
Эй!

Россия,
нельзя ли
чего поновее?
Блажен, кто хоть раз смог,
хотя бы закрыв глаза,
¹⁰ забыть вас,
ненужных, как насморк,
и трезвых,
как нарзан.

Вы все такие скучные, точно
во всей вселенной нету Капри.
А Капри есть.
От сияний цветочных
весь остров как женщина в розовом капоре.
Помчим поезда к берегам, а берег
²⁰ забудем, качая тела в парюходах.
Наоткрываем десятки Америк.
В неведомых полюсах вынежим отдых.

Смотри, какой ты ловкий,
а я —
вон у меня рука груба как.

Быть может, в турнирах,
быть может, в боях
я был бы самый искусный рубака.
Как весело, сделав удачный удар,
³⁰ смотреть, растопырил ноги как.
И вот врага, где предки,
туда
отправила шпаги логика.

А после в огне раззолоченных зал,
забыв привычку спанья,
всю ночь напролет провести,
глаза
уткнув в желтоглазый коньяк.
И, наконец, ощетишься, как еж,
40 с похмельем придя поутру,
неверной любимой грозить, что убьешь
и в море выбросишь труп.

Сорвем ерунду пиджаков и манжет,
крахмальные груди раскрасим под панцирь,
загнем рукоять на столовом ноже,
и будем все хоть на день да испанцы.
Чтоб все, забыв свой северный ум,
любились, дрались, волновались.
Эй!
50 Человек,
землю саму
зови на вальс!

Возьми и небо заново вышей,
новые звезды придумай и выставь,
чтоб, исступленно царапая крыши,
в небо карабкались души артистов.

⟨1916⟩

АНАФЕМА

Нет.
Это неправда.
Нет!
И ты?
Любимая,
за что,
за что же?!
Хорошо —
я ходил,
¹⁰ я дарил цветы,
я ж из ящика не выкрал серебряных ложек!

Белый,
сшатался с пятого этажа.
Ветер щеки ожег.
Улица клубилась, визжа и ржа.
Похотливо взлазил рожок на рожок.
Вознес над суетой столичной одури
строгое —
древних икон —
²⁰ чело.
На теле твоём — как на смертном óдре —
сердце
дни
кончило.

В грубом убийстве не пачкала рук ты.
Ты
уронила только:
«В мягкой постели
он,
³⁰ фрукты,
вино на ладони ночного столика».
Любовь!
Только в моем
воспаленном
мозгу была ты!

Глупой комедии остановите ход!
Смотрите —
срываю игрушки-латы
я,
40 величайший Дон-Кихот!

Помните:
под ношей креста
Христос
секунду
усталый стал.
Толпа орала:
«Марала!
Мааарррааала!»
Правильно!
50 Каждого,
кто
об отдыхе взмолится,
оплюй в его весеннем дне!
Армии подвижников, обреченным добровольцам
от человека пощады нет!

Довольно!
Теперь —
клянусь моей языческой силою! —
дайте
60 любую
красивую,
юную, —
души не растрочу,
изнасилую
и в сердце насмешку плюну ей!

Око за око!
Севы мести в тысячу крат жни!
В каждое ухо ввой:
вся земля —
70 каторжник
с наполовину выбритой солнцем головой!

Око за око!
Убьете,
похороните —
выроюсь!

Об камень обточатся зубов ножи еще!
Собакой забьюсь под нары казарм!
Буду,
бешеный,
80 вгрызаться в ножища,
пахнущие потом и базаром.

Ночью вскóчите!
Я
звал!
Белым быком возрос над землей:
Муууу!
В ярмо замучена шея-язва,
над язвой смерчи мух.
Лосем обернусь,
90 в провода
впутаю голову ветвистую
с налитыми кровью глазами.
Да!
Затравленным зверем над миром выстою.

Не уйти человеку!
Молитва у рта, —
лег на плиты просящ и грязен он.
Я возьму
намалюю
100 на царские врата
на божьем лице Разина.

Солнце! Лучей не кинь!
Сохните, реки, жажду утолить не дав ему, —
чтоб тысячами рождались мои ученики
трубить с площадей анафему!
И когда,
наконец,
на веков верхи́ став,
последний выйдет день им, —
110 в черных душах убийц и анархистов
зажгусь кровавым видением!

Светаает.
Все шире разверзается неба рот.
Ночь
пьет за глотком глоток он.

От окон зарево.
От окон жар течет.
От окон густое солнце льется на спящий город.
Святая месья моя!

¹²⁰ Опять
над уличной пылью
ступенями строк ввысь поведи!
До края полное сердце
вылью
в исповеди!
Грядущие люди!
Кто вы?
Вот — я,
весь
¹³⁰ боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души.

(1916)

ЛИЛИЧКА!
Вместо письма

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в крученыховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступленный, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
¹⁰ День еще —
выгонишь,
может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
²⁰ Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Все равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике вырветь
³⁰ горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом умóрят —
он уйдет,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,

а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.
40 Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
50 И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
60 растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?

Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

26 мая 1916 г. Петроград

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА

Павлиньим хвостом распушу фантазию в пестром цикле,
душу во власть отдам неожиданных рою.
Хочется вновь услышать, как с газетных столбцов зацыкали
те,
кто у дуба, кормящего их,
корни рылами роют.

⟨1916⟩

НИКЧЕМНОЕ САМОУТЕШЕНИЕ

Мало извозчиков?
Тешьтесь ложью.
Видана ль шутка плоче чья!
Улицу врасплох огляните —
из рож ее
чья не извозчичья?

Поэт ли
поет о себе и о розе,
девушка ль
¹⁰ в локон выплетет ухо —
вижу тебя,
сошедший с козел
король трактиров,
ёрник и ухарь.

Если говорят мне:
— Помните,
Сидоров
помер? —
не забуду,
²⁰ удивленный,
глазами смерить их.
О, кому же охота
помнить номер
нанятого тащиться от рождения к смерти?!
Все равно мне,
что они коней не пóят,
что утром не начищают дуг они —
с улиц,
с бесконечных козел
³⁰ тупое
лицо их,
открытое лишь мордобою и ругани.
Дети,
вы еще
остались.

Ничего.
Подрастете.
Скоро
в жиденьком кулачонке зажмите кнутовище,
40 матерной руганью потрясая город.

Хожу меж извозчиков.
Шляпу на́ нос.
Торжественней, чем строчка державинских од.
День еще —
и один останусь
я,
медлительный и вдумчивый пешеход.
{1916}

НАДОЕЛО

Не высидел дома.
Анненский, Тютчев, Фет.
Опять,
тоскою к людям ведомый,
иду
в кинематографы, в трактиры, в кафе.
За столиком.
Сияние.

Надежда сияет сердцу глупому.
10 А если за неделю
так изменился россиянин,
что щеки сожгу огнями губ ему.

Осторожно поднимаю глаза,
роюсь в пиджачной куче.
«Назад,
наз-зад,
н а з а д!»

Страх орет из сердца.
Мечется по лицу, безнадежен и скучен.
20 Не слушаюсь.

Вижу,
вправо немножко,
неведомое ни на суше, ни в пучинах вод,
старательно работает над телячьей ножкой
загадочнейшее существо.

Глядишь и не знаешь: ест или не ест он.
Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он.
Два аршина безликого розоватого теста:
хоть бы метка была в уголке вышита.
30 Только колышутся спадающие на плечи
мягкие складки лоснящихся щек.
Сердце в исступлении,
рвет и мечет.
«Назад же!
Чего еще?»

Влево смотрю.
Рот разинул.
Обернулся к первому, и стало иначе:
для увидевшего вторую образину
40 первый —
воскресший Леонардо да Винчи.

Нет людей.
Понимаете
крик тысячедневных мук?
Душа не хочет немая идти,
а сказать кому?
Брошусь на землю,
камня корою
в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая.
50 Истомившимися по ласке губами тысячью поцелуев
покрою
умную морду трамвая.

В дом уйду.
Прилипну к обоям.
Где роза есть нежнее и чайнее?
Хочешь —
тебе
рябое
прочту «Простое как мычание»?

ДЛЯ ИСТОРИИ

Когда все расселятся в раю и в аду,
60 земля итогами подведена будет —
помните:
в 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.
(1916)

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА

Женщину ль опутываю в трогательный роман,
просто на прохожего гляжу ли —
каждый опасливо придерживает карман.

Смешные!

С нищих —

что с них сжулить?

Сколько лет пройдет, узнают пока —

кандидат на сажень городского морга —
я

¹⁰ бесконечно больше богат,

чем любой Пьерпонт Морган.

Через столько-то, столько-то лет

— словом, не выживу —

с голода сдохну ль,

стану ль под пистолет —

меня,

сегодняшнего рыжего,

профессора́ разучат до последних иот,

как,

²⁰ когда,

где явлен.

Будет

с кафедры лобастый идиот

что-то молоть о Богодьяволе.

Склóнится толпа,

лебезяща,

суетна.

Даже не узнаете —

я не я:

³⁰ облысевшую голову разрисует она

в рога или в сияния.

Каждая курсистка,

прежде чем лечь,

она

не забудет над стихами моими замлеть.

Я — пессимист,
знаю —
вечно
будет курсистка жить на земле.
40 Слушайте ж:
все, чем владеет моя душа,
— а ее богатства пойдите смерьте ей! —
великолепие,
что в вечность украсит мой шаг,
и самое мое бессмертие,
которое, громыхая по всем векам,
коленопреклоненных соберет мировое вече, —
все это — хотите? —
сейчас отдам
50 за одно только слово
ласковое,
человечье.

Люди!
Пыля проспекты, топоча рожь,
идите со всего земного лона.
Сегодня
в Петрограде
на Надеждинской
ни за грош
60 продается драгоценнейшая корона.

За человечесье слово —
не правда ли, дешево?
Пойди
попробуй —
как же,
найдешь его!

⟨1916⟩

МРАК

Склоняются долу солнцеподобные лики их.
И просто мрут,
и давятся,
и тонут.
Один за другим уходят великие,
за мастодонтом мастодонт...
Сегодня на Верхарна обиделись небеса.
Думает небо —
дай
10 зашибу его!
Господи,
кому теперь писать?
Неужели Шебуеву?
Впрочем —
пусть их пишут.
Не мне в них рыться.
Я с характером.
Вол сам.
От чтенья их
20 в сердце заводится мокрица
и мозг зарастает густейшим волосом.
И писать не буду.
Лучше
проверю,
не широка ль в «Селекте» средняя луза.
С Фадеем Абрамовичем сяду играть в окó.
Есть
у союзников французов
хорошая пословица:
30 «Довольно дураков».
Пусть писатели начинают.
Подожду.
Посмотрю,
какою дрянью значиняют
чемоданы душ.

Вспомнит толпа о половом вопросе.
Дальше больше оскудеет ум ее.
Пойдут на лекцию Поссе:
«Финики и безумие».
40 Иззахолустничается.
Станет — Чита.
Футуризмом покажется театр Мосоловой.
Дома запрется —
по складам
будет читать
«Задушевное слово».
Мысль иссушится в мелкий порошок.
И когда
останется смерть одна лишь ей,
50 тогда...
Я знаю хорошо —
вот что будет дальше.
Ко мне,
уже разукрашенному в просесть,
придет она,
повиснет на шею плакучей ивою:
«Владимир Владимирович,
милый», —
попросит —
60 я сяду
и напишу что-нибудь
замечательно красивое.

(1916)

ЛУННАЯ НОЧЬ

Пейзаж

Будет луна.
Есть уже
немножко.
А вот и полная повисла в воздухе.
Это бог, должно быть,
дивной
серебряной ложкой
роется в звезд ухе.

⟨1916⟩

СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Вбежал.
Запыхался победы гонец:
«Довольно.
К веселью!
К любви!
Грустящих к черту!
Уныньям конец!»
Какой сногшибательней вид?
Цилиндр на затылок.
10 Штаны — пила.
Пальмерстон застегнут наглухо.
Глаза —
двум солнцам велю пылать
из глаз
неотразимо наглых.
Афиш подлиннее.
На выси эстрад.
О, сколько блестящего вздора вам!
Есть ли такой, кто орать не рад:
20 «Маяковский!
Браво!
Маяковский!
Здо-ро-воо!»
Мадам, на минуту!
Что ж, что стара?
Сегодня всем целоваться.
За мной!
Смотрите,
сие — ресторан.
30 Зал зацвел от оваций.
Лакеи, вин!
Чтобы все сорта.
Что рюмка?
Бочки гора.
Пока не увижу дно,
изо рта
не вырвать блестящий кран...

Домой — писать.
Пока в крови
40 вино
и мысль тонка.
Да так,
чтоб каждая палочка в «и»
просилась:
«Пусти в канкан!»
Теперь — на Невский.
Где-то
в ногах
толпа — трусящий заяц,
50 и только
по дамам прокатывается:
«Ах,
какой прекрасный мерзавец!»
(1916)

В.Я. БРЮСОВУ НА ПАМЯТЬ

«Брюсов выпустил окончание поэмы
Пушкина "Египетские ночи"».

Альманах «Стремнины»

Разбоя след затерян прочно
во тьме египетских ночей.
Проверив рукопись
построчно,
гроши отсыпал казначей.
Бояться вам рожна какого?
Что
против — Пушкину иметь?
Его кулак
¹⁰ навек закован
в спокойную к обиде медь!

⟨1916⟩

ХВОИ

Не надо.
Не просите.
Не будет елки.
Как же
в лес
отпустите папу?
К нему
из-за леса
ядер осколки
¹⁰ протянут,
чтоб взять его,
хищную лапу.

Нельзя.
Сегодня
горящие блески
не будут лежать
под елкой
в вате.
Там —
²⁰ миллион смертоносных óсок
ужалят,
а раненым ваты не хватит.

Нет.
Не зажгут.
Свечей не будет.
В море
железные чудища лазят.
А с этих чудищ
злые люди
³⁰ ждут:
не блеснет ли у óкон в глазе.

Не говорите.
Глупые речь заводят:

чтоб дед пришел,
чтоб игрушек ворох.
Деда нет.
Дед на заводе.
Завод?
Это тот, кто делает порох.

⁴⁰ Не будет музыки.
Рúченек
где взять ему?
Не сядет играя.
Ваш брат
теперь,
безрукий мученик,
идет, сияющий, в воротах рая.

Не плачьте.
Зачем?

⁵⁰ Не хмурьте личик.
Не будет —
что же с того!
Скоро
все, в радостном кличе
голоса сплетая,
встретят новое Рождество.

Елка будет.
Да какая —
не обхватишь ствол.

⁶⁰ Навесят на елку сиянья разного.
Будет стоять сплошное Рождество.
Так что
даже —
надоест его праздновать.

(1916)

**СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ,
ПОСВЯЩАЕТ ЭТИ СТРОКИ АВТОР**

Четыре.
Тяжелые, как удар.
«Кесарево кесарю — Богу Богово».
А такому,
как я,
ткнуться куда?
Где для меня уготовано логово?

Если б был я
маленький,
¹⁰ как Великий океан, —
на цыпочки б волн встал,
приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне,
такую, как и я?
Такая не уместилась бы в крохотное небо!

О, если б я нищ был!
Как миллиардер!
Что деньги душе?
Ненасытный вор в ней.
²⁰ Моих желаний разнузданной орде
не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным,
как Дант
или Петрарка!
Душу к одной зажечь!
Стихами велеть истлеть ей!
И слова
и любовь моя —
триумфальная арка:
³⁰ пышно,
бесследно пройдут сквозь нее
любвицы всех столетий.

О, если б был я
тихий,
как гром, —
ныл бы,
дрождью объял бы земли одряхлевший скит.
Я

если всей его мощью
40 выреву голос огромный —
кометы заломят горящие руки,
бросятся вниз с тоски.

Я бы глаз лучами грыз ночи —
о, если б был я
тусклый,
как солнце!
Очень мне надо
сияньем моим поить
земли отощавшее лонце!

50 Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночи,
бредовой,
недужной,
какими Голиафами я зачат —
такой большой
и такой ненужный?

(1916)

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ СКАЗКА

Стоит император Петр Великий,
думает:
«Запирую на просторе я!» —
а рядом
под пьяные клики
строится гостиница «Астория».

Сияет гостиница,
за обедом обед она
дает.
10 Завистью с гранита снят,
слез император.
Трое медных
слазят
тихо,
чтоб не спугнуть Сенат.

Прохожие стремились войти и выйти.
Швейцар в поклоне не уменьшил рост.
Кто-то
рассеянный
20 бросил:
«Извините»,
наступив нечаянно на змеин хвост.

Император,
лошадь и змей
неловко
по карточке
спросили гренадин.
Шума язык не смолк, немея.
Из пивших и евших не обернулся ни один.
30 И только
когда
над пачкой соломинок

в коне заговорила привычка древняя,
толпа сорвалась, криком сломана:
– Жует!
Не знает, зачем они.
Древняя!

Стыдом овихрены шаги коня.
Выбелена грива от уличного газа.
40 Обратно
по Набережной
гонит гиканье
последнюю из петербургских сказок.

И вновь император
стоит без скипетра.
Змей.
Унынье у лошади на морде.
И никто не поймет тоски Петра –
узника,
50 закованного в собственном городе.

(1916)

РОССИИ

Вот иду я,
заморский страус,
в перьях строф, размеров и рифм.
Спрятать голову, глупый, стараюсь,
в оперенье звенящее врыв.
Я не твой, снеговая уродина.
Глубже
в перья, душа, уложись!
И иная окажется родина,
10 вижу —
выжжена южная жизнь.

Остров зноя.
В пальмы овазился.
«Эй,
дорогу!»
Выдумку мнут.
И опять
до другого оазиса
вьют следы песками минут.
20 Иные жмутся —
уйти б,
не кусается ль? —
Иные изогнуты в низкую лещь.

«Мама,
а мама,
несет он яйца?» —
«Не знаю, душечка.
Должен бы несть».
Ржут этажия.
30 Улицы пялятся.
Обдают водой холода́.
Весь истыканный в дымы и в пальцы,
переваливаю года.
Что ж, бери меня хваткой мёрзкой!

Бритвой ветра перья обрей.
Пусть исчезну,
чужой и заморский,
под неистовства всех декаблей.

(1916)

БРАТЬЯ ПИСАТЕЛИ

Очевидно, не привыкну
сидеть в «Бристоле»,
пить чай,
построчно врать я, —
опрокину стаканы,
взлезу на столик.
Слушайте,
литературная братия!

Сидите,
¹⁰ глазенки в чайшко канув.
Вытерся от строчения локоть плюшевый.
Подымите глаза от недопитых стаканов.
От косм освободите уши вы.

Вас,
прилипших
к стене,
к обоям,
милые,
что вас со словом свело?
²⁰ А знаете,
если не писал,
разбоем
занимался Франсуа Виллон.

Вам,
берущим с опаской
и перочинные ножи,
красота великолепнейшего века вверена вам!
Из чего писать вам?
Сегодня
³⁰ жизнь
в сто крат интересней
у любого помощника присяжного поверенного.

Господа поэты,
неужели не наскучили
пажи,
дворцы,
любовь,
сирени куст вам?
Если

⁴⁰ такие, как вы,
творцы —
мне наплевать на всякое искусство.

Лучше лавочку открою.
Пойду на биржу.
Тугими бумажниками растопырю бока.
Пьяной песней
душу выржу
в кабинете кабака.

Под копны волос проникнет ли удар?
⁵⁰ Мысль
одна под волосища вложена:
«Причесываться? Зачем же?!
На время не стоит труда,
а вечно
причесанным быть
невозможно».

<1917>

РЕВОЛЮЦИЯ

Поэтохроника

26 февраля. Пьяные, смешанные с полицией, солдаты
стреляли в народ.

27-е.

Разлился по блескам дул и лезвий
рассвет.

Рдел багрян и долог.

В промозглой казарме

суровый

трезвый

¹⁰ молился Волынский полк.

Жестоким

солдатским богом божились

роты,

бились об пол головой многолобой.

Кровь разжигалась, висками жиясь.

Руки в железо сжимались злобой.

Первому же,
приказавшему —

²⁰ «Стрелять за голод!» —
заткнули пулей оружий рот.

Чье-то — «Смирно!»

Не кончил.

Заколот.

Вырвалась городу буря рот.

9 часов.

На своем постоянном месте
в Военной автомобильной школе
стоим,
зажатые казарм оградой.

30 Рассвет растет,
сомненьем колет,
предчувствием страха и радуя.
Окну!
Вижу —
оттуда,
где режется небо
дворцов иззубленной линией,
взлетел,
простерся орел самодержца,
40 черней, чем раньше,
злей,
орлинее.

Сразу —
люди,
лошади,
фонари,
дома
и моя казарма
толпами
50 по сто
ринулись на улицу.
Шагами ломаемая, звенит мостовая.
Уши крушит невероятная поступь.

И вот неведомо,
из пенья толпы ль,
из рвущейся меди ли труб гвардейцев
нерукотворный,
сияньем пробивая пыль,
образ возрос.
60 Горит.
Рдеется.

Шире и шире крыл окружие.
Хлеба нужней,
воды изжажданней,
вот она:
«Граждане, за ружья!
К оружию, граждане!»

На крыльях флагов
стоглавой лавою
70 из горла города ввысь взлетела.
Штыков зубами вгрызлась в двуглавое
орла императорского черное тело.

Граждане!
Сегодня рушится тысячелетнее «Прежде».
Сегодня пересматривается миров основа.
Сегодня
до последней пуговицы в одежде
жизнь переделаем снова.

Граждане!
80 Это первый день рабочего потопа.
Идем
запутавшемуся миру на выручу!
Пусть толпы в небо вбивают топот!
Пусть флоты ярость сиренами вырвут!

Горе двуглавному!
Пенится пенье.
Пьянит толпу.
Площади плещут.
На крохотном форде
90 мчим,
обгоняя погони пуль.
Взрывом гудков продираемся в городе.
В тумане.
Улиц река дымит.
Как в бурю дюжина груженных барж,
над баррикадами
плывет громохвая марсельский марш.

Первого дня огневое ядро
жужжа скатилось за купол Думы.
100 Нового утра новую дрожь
встречаем у новых сомнений в бреду мы.

Что будет?
Их ли из окон выломим,

или на нарах
ждать,
чтоб снова
Россию
могилами
выгорбил монарх?!

¹¹⁰ Душу глушу об выстрел резкий.
Дальше,
в шинели орыт.
Рассыпав дома в пулеметном треске,
город грохочет.
Город горит.

Везде языки.
Взовьются и лягут.
Вновь взвиваются, искры расся.
Это улицы,
¹²⁰ взяв по красному флагу,
призывом зарев зовут Россию.

Еще!
О, еще!
О, ярче учи, красноязыкий оратор!
Зажми и солнца
и лун лучи
мстящими пальцами тысячерукого Марата!

Смерть двуглавному!
Каторгам в двери
¹³⁰ ломись,
когтями ржавые выев.
Пучками черных орлиных перьев
подбитые падают городовые.

Сдается столицы горящий остов.
По чердакам раскинули поиск.
Минута близко.
На Троицкий мост
вступают толпы войск.

Скрип содрогает устои и скрепы.
140 Стиснулись.
Бьемся.
Секунда! —
и в лак
заката
с фортов Петропавловской крепости
взвился огнем революции флаг.

Смерть двуглавному!
Шеищи глав
рубите наотмашь!
150 Чтоб больше не óжил.
Вот он!
Падает!
В последнего из-за угла! — вцепился.
«Боже,
четыре тысячи в лоно твое прими!»

Довольно!
Радость трубите всеми голосами!
Нам
до Бога
160 дело какое?
Сами
со святыми своих упокоим.

Что ж не поете?
Или
души задушены Сибирей саваном?
Мы победили!
Слава нам!
Сла-а-ав-в-ва нам!

Пока на оружии рук не разжали,
170 повелевается воля иная.
Новые несем земле скрижали
с нашего серого Синая.

Нам,
Поселянам Земли,
каждый Земли Поселянин родной.
Все
по станкам,
по конторам,
по шахтам братья.
180 Мы все
на земле
солдаты одной,
жизнь созидающей рати.

Пробеги планет,
держав бытие
подвластны нашим волям.
Наша земля.
Воздух — наш.
Наши звезд алмазные копи.
190 И мы никогда,
никогда!
никому,
никому не позволим!
землю нашу ядрами рвать,
воздух наш раздирать остриями отточенных копий.

Чья злоба надвое землю сломала?
Кто вздыбил дымы над заревом боен?
Или солнца
одного
200 на всех мало?!
Или небо над нами мало голубое?!
Последние пушки грохочут в кровавых спорах,
последний штык заводы гранят.
Мы всех заставим рассыпать порох.
Мы детям раздарим мячи гранат.

Не трусость вопит под шинелью серую,
не крики тех, кому есть нечего;

это народа огромного громбвое:
— Верую
210 величию сердца человеческого! —

Это над взбитой битвами пылью,
над всеми, кто грызся, в любви изверясь,
днесь
небывалой сбывается былью
социалистов великая ересь!

17 апреля 1917 года, Петроград

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.

Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
ни черта в нем красного не было и нету.

Услышит кадет — революция где-то,
шапочка сейчас же на голове кадета.

Жили припеваючи за кадетом кадет,
и отец кадета, и кадетов дед.

Поднялся однажды пребольшущий ветер,
¹⁰ в клочья шапчонку изорвал на кадете.

И остался он черный. А видевшие это
волки революции сцапали кадета.

Известно, какая у волков диета.
Вместе с манжетами сожрали кадета.

Когда будете делать политику, дети,
не забудьте сказочку об этом кадете.

(1917)

К ОТВЕТУ!

Гремит и гремит войны барабан.
Зовет железо в живых втыкать.
Из каждой страны
за рабом раба
бросают на сталь штыка.
За что?
Дрожит земля
голодна,
раздета.
¹⁰ Выпарили человечество кровавой баней
только для того,
чтоб кто-то
где-то
разжился Албанией.
Сцепилась злость человеческих свор,
падает на мир за ударом удар
только для того,
чтоб бесплатно
Босфор
²⁰ проходили чьи-то суда.
Скоро
у мира
не останется неполоманного ребра.
И душу вытащат.
И растопчут там ее
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию.
³⁰ Во имя чего
сапог
землю растаптывает скрипящ и груб?
Кто над небом боев —
свобода?
Бог?
Рубль!

Когда же встанешь во весь свой рост
ты,
отдающий жизнь свою им?
40 Когда же в лицо им бросишь вопрос:
за что воюем?

⟨1917⟩

* * *

Нетрудно, ландышами дыша,
писать стихи на загородной дачке.
А мы не такие.
Мы вместо карандаша
взяли в руки
по новенькой тачке.
Господин министр,
прикажете подать!
Кадет, пожалуйста, садитесь, нате.
¹⁰ В очередь!
В очередь!
Не толпитесь, господа.
Всех прокатим.

Всем останется — и союзникам и врагам.
Сначала большие, потом мелкота.
Всех по России
сквозь смех и гам
будем катать.

Испуганно смотрит
²⁰ невский аристократ.
Зато и Нарвская,
и Выборгская,
и Охта
стократ
раскатят взрыв задорного хохота.
Ищите, не завалилась ли какая тварь еще?
Чтоб не было никому потачки.
Время не ждет,
спешите, товарищи!
³⁰ Каждый берите по тачке!

⟨1917⟩

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БАСНЯ

Петух однажды,
дог
и вор
такой скрепили договор:
дог
соберет из догов свору,
накрасть предоставлялось вору,
а петуху
про гром побед
¹⁰ орать,
и будет всем обед.
Но это все раскрылось скоро.
Прогнали
с трона
в шею
вора.

Навертывается мораль:
туда же
догу
²⁰ не пора ль?

(1917)

* * *

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй.

⟨1917⟩

НАШ МАРШ

Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
¹⁰ Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса.

Зеленью ляг, луг,
выстели дно дням.
Радуга, дай дуг
лет быстролётным коням.

Видите, скушно звезд небу!
Без него наши песни вьем.
²⁰ Эй, Большая Медведица! требуй,
чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце, бей бой!
Грудь наша — медь литавр.

(1917)

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе,
освистанная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъязвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«О»!

¹⁰ О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двулика?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овеянному,

²⁰ шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человеческий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборы
тщетно возносит, пощаду моля, —
твоих шестидюймовок тупорылые боры
взрывают тысячелетия Кремля.

³⁰ «Слава».
Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.

А после!
Пьяной толпой орала.
40 Ус заливчатский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
— о, будь ты проклята трижды! —
и мое,
поэтово
50 — о, четырежды славься, благословенная! —
(1917)

ТУЧКИНЫ ШТУЧКИ

Плыли по небу тучки.
Тучек — четыре штулки:

от первой до третьей — люди,
четвертая была верблюдик.

К ним, любопытством объятая,
по дороге пристала пятая,

от нее в небосинем лоне
разбежались за слоником слоник.

И, не знаю, спугнула шестая ли,
¹⁰ тучки взяли все — и растаяли.

И следом за ними, гонясь и сжирав,
солнце погналось — желтый жираф.

<1917–1918>

ВЕСНА

Город зимнее снял.
Снега распустили слюнки.
Опять пришла весна,
глупа и болтлива, как юнкер.

(1918)

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта.
Пели будто:
– Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб. –
Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.
¹⁰ Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
– Лошадь упала! –
– Упала лошадь! –
Смеялся Кузнецкий.
²⁰ Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошел
и вижу
глаза лошадиные...
Улица опрокинулась,
течет по-своему...
Подошел и вижу –
за каплицей каплица
по морде катится,
³⁰ прячется в шерсти...
И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.

«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
40 каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть
— старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла́,
только
лошадь
рванулась,
встала на́ ноги,
ржанула
50 и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И все ей казалось —
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило.

(1918)

ПРИКАЗ ПО АРМИИ ИСКУССТВА

Канителят стариков бригады
канитель одну и ту ж.
Товарищи!
На баррикады! —
баррикады сердец и душ.
Только тот коммунист истый,
кто мосты к отступлению сжег.
Довольно шагать, футуристы,
в будущее прыжок!

¹⁰ Паровоз построить мало —
накрутил колес и утек.
Если песнь не громит вокзала,
то к чему переменный ток?
Громоздите за звуком звук вы
и вперед,
попя и свища.
Есть еще хорошие буквы:
Эр,
Ша,
²⁰ Ща.

Это мало — построить páрами,
распушить по штанине канты
Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.
На улицу тащíte рояли,
барабан из окна багром!
Барабан,
рояль раскрой ли,
но чтоб грохот был,
³⁰ чтоб гром.

Это что — корпеть на заводах,
перемазать рожу в копоть
и на роскошь чужую
в отдах
осовелыми глазками хлопать.

Довольно грошовых истин.
Из сердца старое вытри.
Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.
40 Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанщики и поэты!

(1918)

РАДОВАТЬСЯ РАНО

Будущее ищем.
Исходили вёрсты торцов.
А сами
расселились кладбищем,
придавлены плитами дворцов.
Белогвардейца
найдете — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?

¹⁰ Время
пулям
по стенке музеев тенькать.
Стодюймовками глоток старье расстреливай!
Сеете смерть во вражьем стане.
Не попадись, капитала наймиты.
А царь Александр
на площади Восстаний
стоит?

²⁰ Туда динамиты!
Выстроили пушки по опушке,
глухи к белогвардейской ласке.
А почему
не атакован Пушкин?
А прочие
генералы классики?
Старье охраняем искусства именем.
Или
зуб революций ступился о короны?
Скорее!

³⁰ Дым развейте над Зимним —
фабрики макаронной!
Попалили денек-другой из ружей
и думаем —
старому нос утрем.
Это что!
Пиджак сменить снаружи —
мало, товарищи!
Выворачивайтесь нутром!

⟨1918⟩

ПОЭТ РАБОЧИЙ

Орут поэту:
«Посмотреть бы тебя у токарного станка.
А что стихи?
Пустое это!
Небось работать — кишка тонка».
Может быть,
нам
труд
всяких занятий роднее.

¹⁰ Я тоже фабрика.
А если без труб,
то, может,
мне
без труб труднее.
Знаю —
не любите праздных фраз вы.
Рубите дуб — работать дабы.
А мы
не деревообделочники разве?

²⁰ Голов людских обдelyваем дубы.
Конечно,
почтенная вещь — рыбачить.
Вытащить сеть.
В сетях осетры б!
Но труд поэтов — почтенный паче —
людей живых ловить, а не рыб.
Огромный труд — гореть над горном,
железа шипящие класть в закал.
Но кто же

³⁰ в безделье бросит укор нам?
Мозги шлифуем рашпилем языка.
Кто выше — поэт
или техник,
который
ведет людей к вещественной выгоде?
Оба.

Сердца — такие ж моторы.
Душа — такой же хитрый двигатель.
Мы равные.
40 Товарищи в рабочей массе.
Пролетарии тела и духа.
Лишь вместе
вселенную мы разукрасим
и маршами пустим ухать.
Отгородимся от бурь словесных молотом.
К делу!
Работа жива и нова.
А праздных ораторов —
на мельницу!
50 К мукомолам!
Водой речей вертеть жернова.

<1918>

ТОЙ СТОРОНЕ

Мы
не вопль гениальничанья —
«все дозволено»,
мы
не призыв к ножовой расправе,
мы
просто
не ждем фельдфебельского
«вольно!»,
¹⁰ чтоб спину искусства размять,
расправить.

Гарцуют скелеты всемирного Рима
на спинах наших.
В могилах мало им.
Так что ж удивляться,
что непримиримо
мы
мир обложили сплошным «долоем».

Характер различен.
²⁰ За целость Венеры вы
готовы щадить веков камарилью.
Вселенский пожар размочалил нервы.
Орете:
«Пожарных!
Горит Мурильо!»
А мы —
не Корнеля с каким-то Расином —
отца, —
предложи на старье меняться, —
³⁰ мы
и его
обольем керосином
и в улицы пустим —
для иллюминаций.
Бабушка с дедушкой.
Папа да мама.

Чинопочитанья проклятого тина.
Лачуги рушим.
Возносим дома мы.

40 А вы нас —
«ловить арканом картинок!?»

Мы
не подносим —
«Готово!
На блюде!
Хлебайте сладкое с чайной ложки!»
Клич футуриста:
были б люди —
искусство приложится.

50 В рядах футуристов пусто.
Футуристов возраст — призыв.
Изрубленные, как капуста,
мы войн,
революций призы.

Но мы
не зовем обывателей гроба.
У пьяной,
в кровавом пунше,
земли —

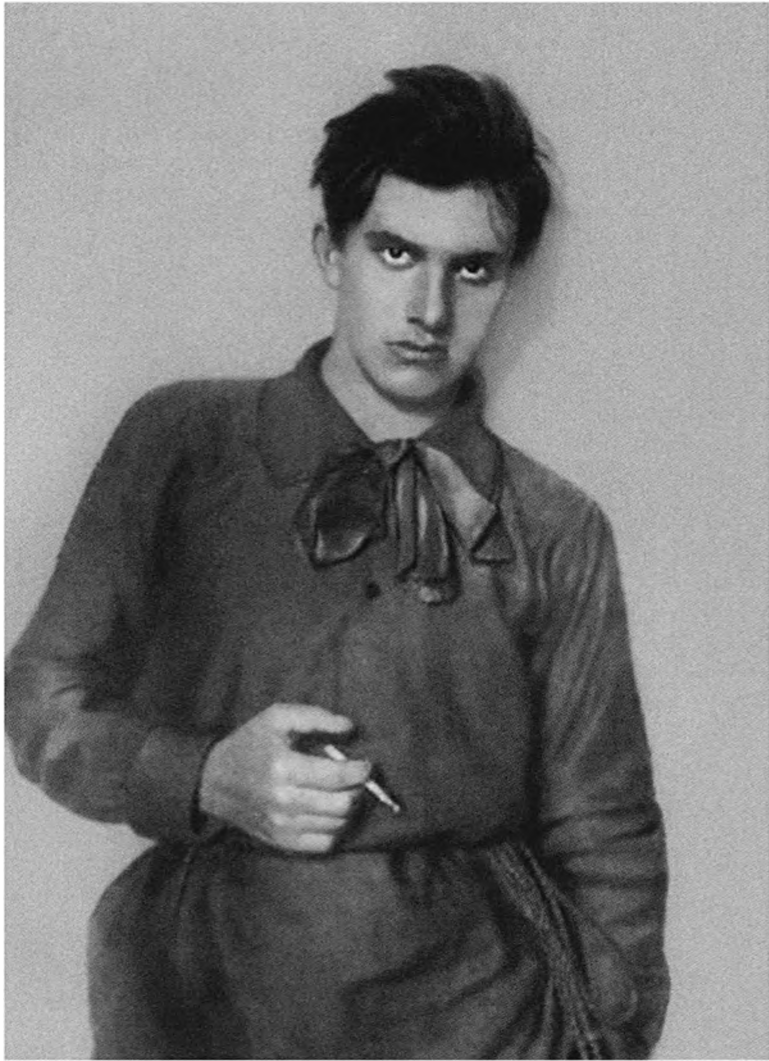
60 смотрите! —
взбухает утроба.
Рядами выходят юноши.
Идите!

Под ноги —
топчите ими —
мы
бросим
себя и свои творенья.

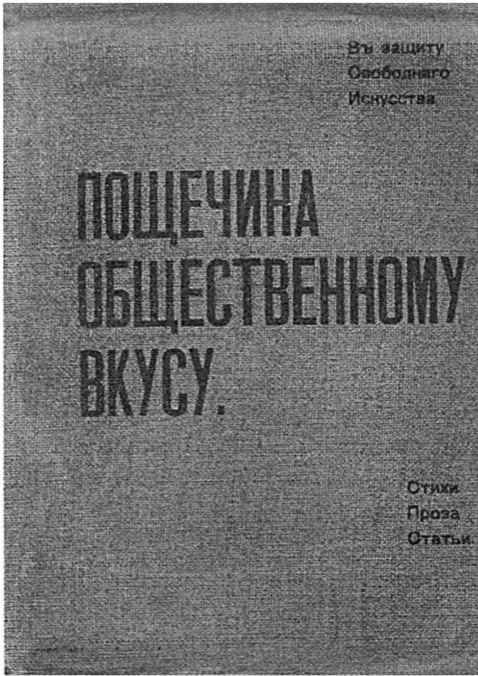
Мы смерть зовем рожденья во имя.

70 Во имя бега,
паренья,
реянья.
Когда
прорвемся сквозь все заставы,
и праздник будет за болью боя, —
мы
все украшенья
расставить заставим —
любите любое!

<1918>

Владимир Маяковский.
Фотография. Москва, 1910

«Пощечина общественному вкусу». [М.], 1912. Обложка

«Дохлая луна». М., 1913. Обложка

Маяковский в группе футуристов.
Слева направо: А.Е. Крученых, Д.Д. Бурлюк, В.В. Маяковский,
Н.Д. Бурлюк и Б.К. Лившиц.
Фотография. Москва, 1913

В.В. Маяковский. «Я!»
М., 1913. Обложка автора

Портрет Маяковского
работы Л.Ф. Шехтеля
из книги «Я!».
Литография

Солнце

Отецъ мой сжался хѣ хопьтѣи и мѣ музай
Это тобою пролитая кровь моя
Лбется дорогою дольнич

Этѣжъ душа моя ключьями порванѣи тугѣи
Въ выхженномъ небѣ на ржавомъ крестѣ
Хорокорьни

Время

Хоть ты хромой богоказъ
Ликъ на морюи мой

Въ бохицу уродца въка

Якъ одинокъ какъ послѣдній гдзъ

У идущаго къ сѣтпым

Человѣка

14

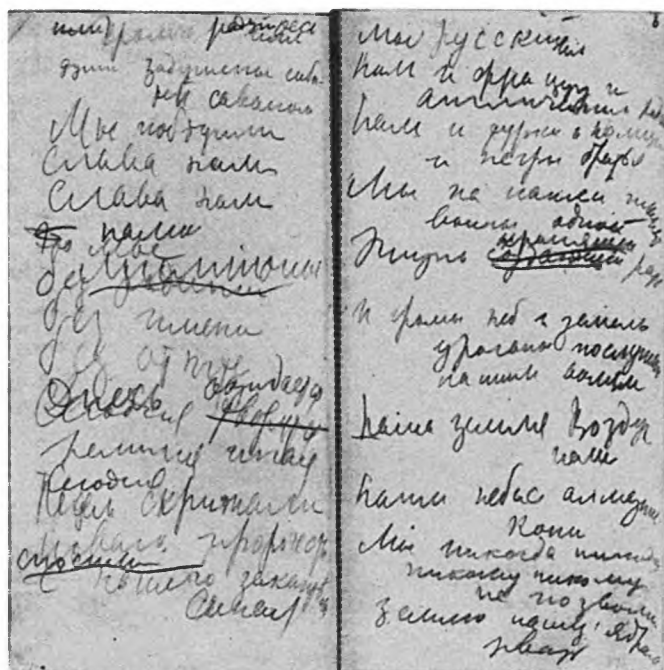
Владимир Маяковский.
Фотография. Казань, 1914

А.А. Радаков.
Иллюстрация к стихотворению Маяковского «Гимн обеду». «Новый Сатирикон». Пг., 1915. № 29

В.В. Маяковский.
«Простое как мычание». Пг., 1916. Обложка

Автограф
стихотворения
«Революция».
Поэтохроника».
Записная
книжка № 1. 1917

В.В. Маяковский.
«Все сочиненное
Владимиром Маяковским».
Пг., 1919. Обложка

«Ржаное слово:
Революционная хрестоматия
футуристов». Пг., 1918.
Обложка Маяковского

В.В. Маяковский. «Наш марш».
Музыка А.С. Лурье.
Обложка П.В. Митурича.
М., 1918

Ю.М. Бонди. Плакат РОСТА
на стихи «С товарищеским приветом, Маяковский».
Кострома, 1920

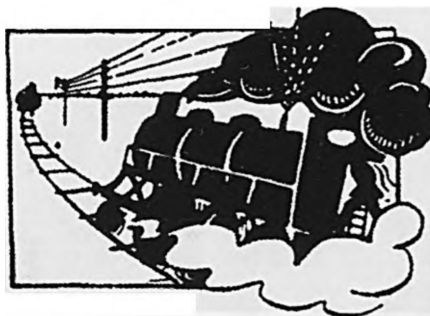
СХЕМА СМЕХА.

Песня В. МАЯКОВСКОГО

1. Выл ветер и не знала о том,
Вселя в сердце дрожь нам.

Путем шла баба с молочком
Шла желтоснедорожным.

2. А ровно в семь по фирме,
Несясь во весь карьер с Оки,

Взлетев за сенафорами,
Взлетает пурьевский

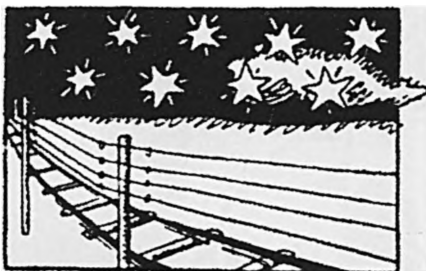
3. Была бы баба равена
Зря выло сто свечных реван.

Да шел мужик с баранкой
И дал псалты ей во время.

4. Ушла на—право баба
Ушел на—лево поезд.

Ка б не мушкетер тогда бы —
Разрешало по пале

5. Уже ушел за звезды вым
Мужик и баба скрылись.

Мы день героя воздадим,
Над буднями восвырлись.

Свой же солнце в темноте
Святе звезды ночью!

6. Хоть из народной гуши
А спас средь бела дня—

Да здравствует торгующий
Бараньей средина!

Да здравствует и те и те
И все иные прочие.

В.В. Маяковский.
«13 лет работы»: В 2 т.
М., 1922. Т. 1. Обложка

В.В. Маяковский.
«Стихи о революции».
М., 1923. Обложка

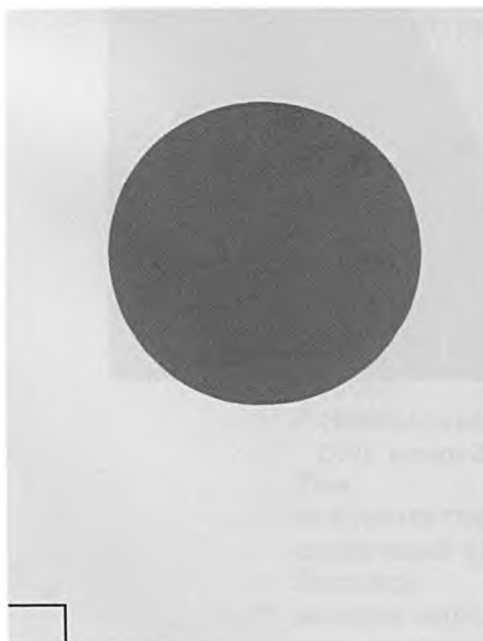
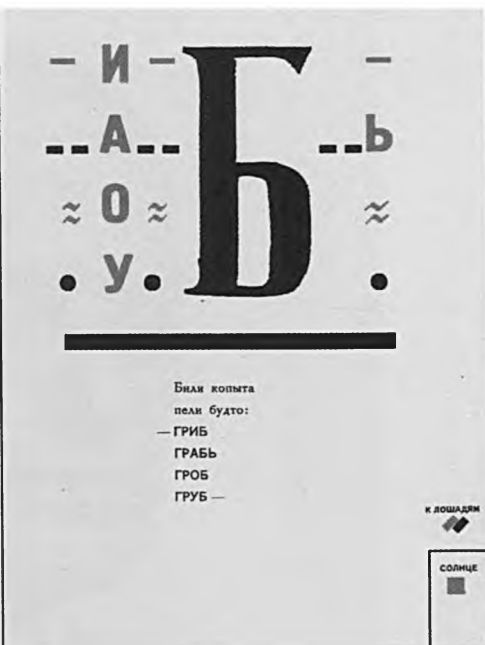
«255 страниц Маяковского».
М., 1923. Обложка

М. Черемных.
Иллюстрация
к стихотворению
В. Маяковского
«О дряни».
Журнал «БОВ»,
1920

В.В. Маяковский. «Для голоса».
Конструктор Эль Лисицкйй. Берлин, 1923. Обложка

Страницы книги В.В. Маяковского «Для голоса». 1923

Владимир Маяковский.
Фотография. Берлин, 1922

ЛЕВЫЙ МАРШ (Матросам)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляuze.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
10 Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
20 оскалюсь короной,
вздывает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами гóря
солнечный край непочатый.
За голод,
30 за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нáнятой,

стальной изливаются леевой, —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
40 Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!
{1918}

ПОТРЯСАЮЩИЕ ФАКТЫ

Небывалей не было у истории в аннале
факта:
вчера,
сквозь иней,
звения в «Интернационале»,
Смольный
ринулся
к рабочим в Берлине.
И вдруг
10 увидели
деятели сыска,
все эти завсегдатаи баров и опер,
триэтажный
призрак
со стороны российской.
Поднялся.
Шагает по Европе.
Обедающие не успели окончить обед —
в место это
20 грохнулся,
и над Аллеей Побед —
знамя
«Власть советов».
Напрасно пухлые руки взмóлены, —
не остановить в его неслышном карьере.
Раздавил
и дальше ринулся Смольный,
республик и царств беря барьеры.
И уже
30 из лоска
тротуарного глянца
Брюсселя,
натягивая нерв,
росла легенда
про Летучего голландца —
голландца революционеров.

А он —
по полям Бельгии,
по рыжим от крови полям,
40 туда,
где гудит союзное ржанье,
метнулся.
Красный встал над Парижем.
Смолкли парижане.
Стоишь и сладостным маршем манишь.
И вот,
восстанию в лапы óдана,
рухнула республика,
а он — за Ламанш.
50 На площадь выводит подвалы Лондона.
А после
пароходы
низко-низко
над океаном Атлантическим видели —
пронесся.
К шахтерам калифорнийским.
Говорят —
огонь из зева выделил.
Сих фактов оценки различна мерка.
60 Не верили многие.
Ловчились в спорах.
А в пятницу
утром
вспыхнула Америка,
землей казавшаяся, оказалась порох.
И если
скулит
обывательская моль нам:
— не увлекайтесь Россией, восторженные дети, —
70 я
указываю
на эту историю со Смольным.
А этому
я,
Маяковский,
свидетель.

⟨1919⟩

**С ТОВАРИЩЕСКИМ ПРИВЕТОМ,
МАЯКОВСКИЙ**

Дралось
некогда
греков триста
сразу с войском персидским всем.
Так и мы.
Но нас,
футуристов,
нас всего — быть может — семь.
Тех
10 нашли у истории в пылях.
Подсчитали
всех, кто сражен.
И поют
про смерть в Фермопилах.
Восхваляют, что лез на рожон.
Если петь
про залезших в щели,
меч подъявших
и павших от, —
20 как не петь
нас,
у мыслей в ущелье,
не сдаваясь, дерущихся год?
Слава вам!
Для посмертной лести
да не словит вас смерти лов.
Неуязвимые, лезьте
по скользящим скалам слов.
Пусть
30 хотя б по капле,
пó две
ваши души в мир вольются
и растят
рабочий подвиг,
именуемый
«Революция».

Поздравители
не хлопают дверью?
Им
40 от страха
небо в овчину?
И не надо.
Сотую —
верю! —
встретим годовщину.
<1919>

МЫ ИДЕМ!

Кто вы?
Мы
разносчики новой веры,
красоте задающей железный тон.
Чтоб природами хилыми не сквернили скверы,
в небеса шарахаем железобетон.
Победители,
шествуем по свету
сквозь рев стариков злочий.
10 И всем,
кто против,
советуем
следующий вспомнить случай.
Раз
на радугу
кулаком
замахнулся городской:
— чего, мол, меня нарядней и чище! —
а радуга
20 вырвалась
и давай
опять сиять на полицейском кулачище.
Коммунисту ль
распластываться
перед тем, кто старей?
Беречь сохранность насиженных мест?
Это революция
и на Страстном монастыре
начертила:
30 «Не трудящийся не ест».
Революция
отшвырнула
тех, кто
рушащееся
оплакивал тысячью родов,
ибо знает:

новый грядет архитектор —
это мы,
иллюминаторы завтрашних городов.
40 Мы идем
нерушимо,
бодро.
Эй, двадцатилетние!
взываем к вам.
Барабаня,
тащите красок вёдра.
Заново обкрасимся.
Сияй, Москва!
И пускай
50 с газеты
какой-нибудь выродок
сражается с нами
(не на смерть, а на живот).
Всех младенцев перебили по приказу Ирода;
а молодость,
ничего —
живет.

⟨1919⟩

ВЛАДИМИР ИЛЬЧИ

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?

¹⁰ Ноги без мозга — вздорны.
Без мозга
рукам нет дела.
Металось
во все стороны
мира безголовое тело.
Нас
продавали на вырез.
Военный вздымался вой.
Когда

²⁰ над миром вырос
Ленин
огромной головой.
И зéмли
сели на óси.
Каждый вопрос — прост.
И выявилось
два
в хаóсе
мира

³⁰ во весь рост.
Один —
животище на животище.
Другой —
непреклонно скалистый —
влил в миллионы тыщи.

Встал
горой мускулистой.

Теперь
не промахнемся мимо.
40 Мы знаем кого — мети!
Ноги знают,
чьими
трусами
им идти.

Нет места сомненьям и воям.
Долой улитые — «подождем»!
Руки знают,
кого им
крыть смертельным дождем.

50 Пожарами землю дымя,
езде,
где народ исплёнен,
взрывается
бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!

И это —
60 не стихов вееру
обмахивать юбиляра уют. —
Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
70 в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП.

⟨1920⟩

ОТНОШЕНИЕ К БАРЫШНЕ

Этот вечер решал —
не в любовники выйти ль нам? —
темно,
никто не увидит нас.
Я наклонился действительно,
и действительно
я,
наклонясь,
сказал ей,
10 как добрый родитель:
«Страсти крут обрыв —
будьте добры,
отойдите.
Отойдите,
будьте добры».
(1920)

ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ

Молнию метнула глазами:

«Я видела —

с тобой другая.

Ты самый низкий,

ты подлый самый...» —

И пошла,

и пошла,

и пошла, ругая.

Я ученый малый, милая,

¹⁰ громыханья оставьте ваши.

Если молния меня не убила —

то гром мне,

ей-богу, не страшен.

⟨1920⟩

* * *

Портсигар в траву
ушел на треть.
И как крышка
блестит,
наклонились смотреть
муравьишки всяческие и травишка.
Обадело дивились
выкрутас монограмме,
дивились сиявшему серебром
¹⁰ полированным,
не стоившие со своими морями и горами
перед делом человеческим
ничего ровно.
Было в диковинку,
слепило зрение им,
ничего не видевшим этого рода.
А портсигар блестел
в окружающее с презрением:
— Эх, ты, мол,
²⁰ природа!
(1920)

ГОРЕ

Тщетно отчаянный ветер
бился нечеловече.
Капли чернеющей крови
стынут крышами кровель.
И овдовевшая в ночи
вышла луна одиночить.

⟨1920⟩

**НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ,
БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ
ЛЕТОМ НА ДАЧЕ**

(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева,
27 верст по Ярославской жел. дор.)

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
¹⁰ кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце а́ло.
²⁰ И день за днем
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
³⁰ Я крикнул солнцу:

«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
40 ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
50 и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом:
60 «Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
70 садись, светило!»
Черт дернул дерзости мои
орать ему, —
сконфужен,

я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась, —
и степенность
забыв,
80 сижу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
90 светить
легко?
— Поди, попробуй! —
А вот идешь —
взялось идти,
идешь — и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
100 мы с ним, совсем освоюсь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
110 у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты — свое,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.

Стихов и света кутерьма —
сияй во что попало!
Устанет то,
120 и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг — я
во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
130 и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

<1920>

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Мы идем
революционной лавой.
Над рядами
флаг пожаров ал.
Наш вождь —
миллионноглавый
Третий Интернационал.
В стены столетий
воль вал
10 бьет Третий
Интернационал.
Мы идем.
Рядов разливу нет истока.
Волгам красных армий нету устья.
Пояс красных армий,
к западу
с востока
опоясав землю,
полюсами пустим.
20 Нации сети.
Мир мал.
Ширься, Третий
Интернационал!
Мы идем.
Рабочий мира,
слушай!
Революция идет.
Восток в шагах восстаний.
За Европой
30 океанами пройдет, как сушей.
Красный флаг
на крыши нью-йоркских зданий.

В новом свете
и в старом
ал
будет
Третий
Интернационал.

Мы идем.

40 Вставайте, цветнокожие колоний!
Белые рабы империй —
встаньте!
Бой решит —
рабочим властвовать у мира в лоне
или
войнами звереть Антанте.

Те
или эти.
Мир мал.

50 К оружию,
Третий
Интернационал!

Мы идем!

Штурмуем двери рая.
Мы идем.

Пробили дверь другим.

Выше, наше знамя!

Серп,
огнем играя,

60 обнимайся с молотом радугой дуги.

В двери эти!

Стар и мал!

Вселенься, Третий

Интернационал!

(1920)

ВСЕМ ТИТАМ И ВЛАСАМ РСФСР

По хлебным пусть местам летит,
пусть льется песня басом.
Два брата жили. Старший Тит
жил с младшим братом Власом.

Был у крестьян у этих дом
превыше всех домишек.
За домом был амбар, и в нем
всегда был хлеба лишек.

Был младший, Влас, умен и тих.
¹⁰ А Тит был глуп, как камень.
Изба раз расползлась у них,
пол гнется под ногами.

«Смерть без гвоздей, — промолвил Тит,
хоша мильон заплотишь,
не то, что хату сколотить,
и гроб не заколотишь».

Тит горько плачет без гвоздей,
а Влас обдумал случай
и рек: «Чем зря искать везде,
²⁰ езжай, брат, в город лучше».

Телега молнией летит.
Тит снарядился скоро.
Гвоздей достать поехал Тит
в большой соседний город.

Приехал в этот город Тит
и с грустью смотрит сильной:
труба чего-то не коптит
над фабрикой гвоздильной.

Вбегают за гвоздями Тит,
30 но в мастерской холодной
рабочий зря без дел сидит.
«Я, — говорит, — голодный.

Дай, Тит, рабочим хлеб взаймы,
мы здесь сидим не жравши,
а долг вернем гвоздями мы
крестьянам, хлеба давшим».

Взъярился Тит: «Не дам, не дам
я хлеба дармоеду.
40 Не дам я хлеба городам,
и без гвоздя доеду».

В село обратно Тит летит, —
от бега от такого
свалился конь. И видит Тит:
оторвалась подкова.

Пустьк ее приколотить,
да нету ни гвоздишка.
И стал в лесу в ночевку Тит,
и Тит, и лошадишка.

Нет ни коня, ни Тита нет...
50 Селом ходили толки,
что этих двух во цвете лет
в лесу сожрали волки.

Телега снова собралась.
Не вспомнив Тита даже,
в соседний город гонит Влас, —
нельзя им без гвоздя же.

Вбежал в гвоздильню умный Влас,
рабочий дышит еле.
60 «Коль хлеб не получу от вас,
умру в конце недели».

Влас молвил, Тита поумней.
«Ну что ж, бери, родимый,
наделаешь гвоздей и мне
ужо заплатишь ими».

Рабочий сыт, во весь свой пыл
в трубу дымище гонит.
Плуги, и гвозди, и серпы
деревне мчит в вагоне.

70 Ясней сей песни нет, ей-ей,
кривые бросим толки.
Везите, братцы, хлеб скорей,
чтоб вас не съели волки.

(1920)

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Слава тебе, красноезвездный герой!
Землю кровью вымыв,
во славу коммуны,
к горе за горой
шедший твердынями Крыма.
Они проползали танками рвы,
выпятив пушек шеи, —
телами рвы заполняли вы,
по трупам перейдя перешеек.
10 Они
за окопами взрыли окоп,
хлестали свинцовой рекою, —
а вы
отобрали у них Перекоп
чуть не голой рукою.
Не только тобой завоеван Крым
и белых разбита орава, —
удар твой двойной:
завоевано им
20 трудиться великое право.
И если
в солнце жизнь суждена
за этими днями хмурыми,
мы знаем —
вашей отвагой она
взята в перекопском штурме.
В одну благодарность сливаем слова
тебе,
красноезвездная лава.
30 Во веки веков, товарищи,
вам —
слава, слава, слава!

<1920—1921>

О ДРЯНИ

Слава, Слава, Слава героям!!!

Впрочем,
им
довольно воздали дани.
Теперь
поговорим
о дряни.

Утихомирились бури революционных лон.
Подернулась тиной советская мешанина.
¹⁰ И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло
мещанина.

(Меня не поймаете на слове,
я вовсе не против мещанского сословия.
Мещанам
без различия классов и сословий
мое славословие.)

²⁰ Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменяв,
и засели во все учреждения.
Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне —
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спальни.

³⁰ И вечером
та или иная мразь,
на жену,

за пианином обучающуюся, глядя,
говорит,

от самовара разморюсь:

«Товарищ Надя!

К празднику прибавка —

24 тыщи.

Тариф.

Эх,

⁴⁰ и заведу я себе

тихоокеанские галифища,

чтоб из штанов

выглядывать

как коралловый риф!»

А Надя:

«И мне с эмблемами платья.

Без серпа и молота не покажешься в свете!

В чем

сегодня

⁵⁰ буду фигурять я

на балу в Реввоенсовете?!»

На стенке Маркс.

Рамочка а́ла.

На «Известиях» лежа, котенок греется.

А из-под потолочка

верещала

оголтелая канарейца.

Маркс со стенки смотрел, смотрел...

И вдруг

⁶⁰ разинул рот

да как заорет:

«Опутали революцию обывательщины нити.

Страшнее Врангеля обывательский быт.

Скорее

головы канарейкам сверните —

чтоб коммунизм

канарейками не был побит!»

<1920—1921>

НЕРАЗБЕРИХА

Лубянская площадь.
На площади той,
как грешные верблюды в конце мира,
орут папиросники:
«Давай, налетай!
"Мурсал" рассыпной!
Пачками "Ира"!»

Никольские ворота.
Часовня у ворот.
10 Пропахла ладаном и елеем она.
Тиха,
что воды набрала в рот,
часовня святого Пантелёймона.

Против Никольских — Наркомвнудел.
Дела и люди со дна до крыши.
Гремели двери,
авто дудел.
На площадь
чекист из подъезда вышел.
20 «Комиссар!!» — шепнул, увидев наган,
мальчишка один,
юркий и скользкий,
а у самого
на Лубянской одна нога,
а другая —
на Никольской.
Чекист по делам на Ильинку шел,
совсем не в тот
и не из того отдела, —
30 весь день гонял,
устал как вол.
И вообще —
какое ему до этого дело?!

Мальчишка
с перепугу
в часовню шасть.
Конспиративно закрестились папиросники.
Набились,
аж яблоку негде упасть!

⁴⁰ Возрадовались святители,
апостолы
и постники.

Дивится Пантелёймон:
— Уверовали в бога! —
Дивится чекист:
— Что они,
очумели?! —
Дивятся мальчишки:
— Унесли, мол, ноги! —

⁵⁰ Наудивлялись все,
аж успокоились еле.
И вновь по-старому.
В часовне тихо.
Чекист по улицам гоняет лих.

Черт его знает какая неразбериха!
А сколько их,
таких неразберих?!

(1921)

ДВА НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫХ СЛУЧАЯ

Ежедневно
как вол жуя,
стараясь за строчки драть, —
я
не стану писать про Поволжье:
про ЭТО —
страшно врать.
Но я голодал,
и тысяч лучше я
10 знаю проклятое слово — «голодные»!
Вот два,
не совсем обычные, случая,
на ненависть к голоду самые годные.

Первый. —
Кто из петербуржцев
забудет 18-й год?!
Наддохлым лошадем воробы кружатся.
Лошадь за лошадью падает на лед.
Заколачиваются улицы ровные.
20 Хвостом виляя,
на перекрестках
собаки дрессированные
просили милостыню, визжа и лая.
Газетам писать не хватало духу —
но это ж передавалось изустно:
старик
удушил
жену-старуху
и ел частями.
30 Злился —
невкусно.
Слухи такие
и мрущим от голода,
и сытым сумели глотки свести.
Из каждой поры огромного города
росло ненасытное желание есть.

От слухов и голода двигаясь еле,
раз
сам я,
40 с голодной тоской,
остановился у витрины Эйлера —
цветочный магазин на углу Морской.
Малы — аж не видно! — цветочные точки,
нули ж у цен
необъятны длиною!
По булке должно быть в любом лепесточке.
И вдруг,
смотрю,
меж витриной и мною —
50 фигурка человечья.
Идет и валится.
У фигурки конская голова.
Идет.
И в собственные ноздри
пальцы
воткнула.
Три или два.
Глаза открытые мухи обсели,
а сбоку
60 жила из шеи торчала.
Из жилы
капли по улицам сеялись
и стыли черно́, кровянея сначала.
Смотрел и смотрел на ползущую тень я,
дрожа от сознания невыносимого,
что полуживотное это —
виденье! —
что это
людей вымирающих символ.
70 От этого ужаса я — на попятный.
Ищу машинально чернеющий след.
И к туше лошажьей приплелся по пятнам.
Где ж голова?
Головы и нет!
А возле
с каплями крови присохлой,
блестел вершок перочинного ножичка —
должно быть,
тот

80 работал над дохлой
и толстую шею кромсал понемножечко.
Я понял:
не символ,
стихом позолоченный,
людская
реальная тень прошагала.
Быть может,
завтра
вот так же точно
90 я здесь заработаю, скалясь шакалом.

Второй. —
Из мелочи выросло в это.
Май стоял.
Позапрошлое лето.
Весною ширишь ноздри и рот,
ловя бульваров дыханье липовое.
Я голодал,
и с другими
в черед
100 встал у бывшей кофейни Филиппова я.
Лет пять, должно быть, не был там,
а память шепчет еле:
«Тогда
в кафе
журчал фонтан
и плавали форели».
Вздуваемый памятью рос аппетит;
какой ни на есть,
но по крайней мере —
110 обед.
Как медленно время летит!
И вот
я втиснут в кафеинные двери.
Сидели
с селедкой во рту и в посуде,
в селедке рубахи,
и воздух в селедке.
На черта ж весна,
если с улиц
120 люди
от лип
сюда влипают все-таки!

Едят,
дрожа от голода голого,
вдыхают радостью душище едкий,
а нищие молят:
подайте головы.
Дерясь, получают селедок объедки.

130 Кто б вспомнил народа российского имя,
когда б не бросали хребты им в горсточки?!
Народ бы российский
сегодня же вымер,
когда б не нашлось у селедки косточки.
От мысли от этой
сквозь грызшихся кучку,
громя кулаком по ораве зверьей,
пробился,
схватился,
140 дернул за ручку —
и выбег,
селедкой обмазан —
об двери.

Не знаю,
душа пропахла,
рубаха ли,
какими водами дух этот смою?
Полгода
звезды селедкою пахли,
лучи рассыпая гнилой чешуею.

150 Пускай,
полусытый,
доволен я нынче:
так, может, и кончусь, голод не видя, —
к нему я
ненависть в сердце вынянчил,
превыше всего его ненавдя.
Подальше прочую чушь забрось,
когда человека голодом сводит.
Хлеб! —
160 вот это земная ось:
на ней вертеться и нам и свободе.
Пусть бабы баранки на Трубной нижут,

и ситный лари Смоленского ломит, —
я день и ночь Поволжье вижу,
солону жующее, лежа в соломе.

Трубите ж о голоде в уши Европе!
Делитесь и те, у кого немного!
Крестьяне,
ройте пашен окопы!
170 Стреляйте в него
мешками налога!
Гоните стихом!
Тесните пьесой!
Вперед врачей целебных взводы!
Давите его дымовою завесой!
В атаку, фабрики!
В ногу, заводы!
А если
180 воплю голодных не внемлешь, —
чужды чужие голод и жажда вам, —
он
завтра
нагрянет на наши земли ж
и встанет здесь
за спиною у каждого!

(1921)

СТИХОТВОРЕНИЕ О МЯСНИЦКОЙ, О БАБЕ И О ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ

Сапоги почистить — 1 000 000.
Состояние!
Раньше б дом купил —
и даже неплохой.

Привыкли к миллионам.
Даже до луны расстояние
советскому жителю кажется чепухой.

Дернул меня черт
писать один отчет.
10 «Что это такое?» —
спрашивает с тоскою
машинистка.
Ну, что отвечу ей?!
Черт его знает, что это такое,
если сзади
у него
тридцать семь нулей.
Недавно уверяла одна дура,
что у нее
20 тридцать девять тысяч семь сотых
температура.
Так привыкли к таким числам,
что меньше сажени число и не мыслим.
И нам,
если мы на митинге ревим,
рамки арифметики, разумеется, ўзки —
все разрешаем в масштабе мировом.
В крайнем случае — масштаб общерусский.
«Электрификация!?» — масштаб всероссийский.
«Чистка!» — во всероссийском масштабе.
30 Кто-то
даже,
чтоб избежать переписки,
предлагал —
сквозь землю
до Вашингтона кабель.

Иду.
Мясницкая.
Ночь глуха.
Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
40 Сзади с тележкой баба.
С вещами
на Ярославский
хлюпает по ухабам.
Сбивают ставшие в хвост на галоши;
то грузовик обдаст,
то лошадь.
Балансируя
— четырехлетний навык! —
тащусь меж канавиц,
50 канав,
канавок.
И то
— на лету вспоминая маму —
с размаху
у почтамта
плюхаюсь в яму.
На меня тележка.
На тележку баба.
В грязи ворочаемся с боку на бок.
60 Что бабе масштаб грандиозный наш?!
Бабе грязью обдало рыло,
и баба,
взбираясь с этажа на этаж,
сверху
и меня
и власти крыла.
Правдив и свободен мой вещий язык
и с волей советскою дружен,
но, натолкнувшись на эти низы,
70 даже я запнулся, сконфужен.
Я
на сложных агитвопросах рос,
а вот
не могу объяснить бабе,
почему это
о грязи
на Мясницкой
вопрос
никто не решает в общемясницком масштабе?!
(1921)

ПРИКАЗ № 2 АРМИИ ИСКУССТВ

Это вам —
упитанные баритоны —
от Адама
до наших лет,
потрясающие театрами именуемые притоны
ариями Ромео и Джульетт.

Это вам —
пентры,
раздобревшие как кони,
¹⁰ жрущая и ржущая России краса,
прячущаяся мастерскими,
по-старому драконя
цветочки и телеса.

Это вам —
прикрывшиеся листиками мистики,
лбы морщинками изрыв —
футуристики,
имажинистики,
акмеистики,
²⁰ запутавшиеся в паутине рифм.

Это вам —
на растрепанные сменившим
гладкие прически,
на лапти — лак,
пролеткультцы,
кладущие заплатки
на вылинявший пушкинский фрак.

Это вам —
пляшущие, в дуду дующие,
³⁰ и открыто предающиеся,
и грешащие тайком,
рисующие себе грядущее
огромным академическим пайком.

Вам говорю
я —
гениален я или не гениален,

бросивший безделушки
и работающий в Росте,
говорю вам —
40 пока вас прикладами не прогнали:
Бросьте!

Бросьте!
Забудьте,
плюньте
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст,
и на прочие мелехлюндии
из арсеналов искусств.
50 Кому это интересно,
что — «Ах, вот бедненький!
Как он любил
и каким он был несчастным...»?
Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам.
Слушайте!
Паровозы стонут,
дует в щели и в пол:
60 «Дайте уголь с Дону!
Слесарей,
механиков в депо!»

У каждой реки на истоке,
лежа с дырой в боку,
пароходы провыли доки:
«Дайте нефть из Баку!»
Пока канителю, спорим,
смысл сокровенный ища:
«Дайте нам новые формы!» —
70 несется вопль по вещам.

Нет дураков,
ждя, что выйдет из уст его,
стоять перед «маэстрами» толпой разинь.
Товарищи,
дайте новое искусство —
такое,
чтобы выволочь республику из грязи.

(1921)

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание:
10 отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.

Заявишься:
«Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени она». —
«Товарищ Иван Ваныч ушли заседать —
объединение Тео и Гукона».

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
20 Опять:
«Через час велели придти вам.
Заседают:
покупка склянки чернил
Губкооперативом».
Через час:
ни секретаря,
ни секретарши нет —
гóло!
Все до 22-х лет
30 на заседании комсомола.

Снова взбираюсь глядя на ночь
на верхний этаж семизэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваныч?» —
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Взъяренный,
на заседание
врываюсь лавиной,
дикие проклятья дорóгой изрыгая.
40 И вижу:
сидят людей половины.
О дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря.
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
50 «Они на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится раздвояться.
До пояса здесь,
а остальное
там».

С волнения не уснешь.
Утро раннее.
60 Мечтой встречаю рассвет ранний:
«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»

(1922)

**СПРОСИЛИ РАЗ МЕНЯ: «ВЫ ЛЮБИТЕ ЛИ НЭП?» –
«ЛЮБЛЮ, – ОТВЕТИЛ Я, – КОГДА ОН НЕ НЕЛЕП»**

Многие товарищи повесили нос.
– Бросьте, товарищи!
Очень не умно-с.

На арену!
С купцами сражаться иди!
Надо счётами бить учиться.
Пусть «всерьез и надолго»,
но там,
впереди,
¹⁰ может новый Октябрь случиться.

С Адама буржую пролетарий не мил.
Но раньше побаивался –
как бы не сбросили;
хамил, конечно,
но в меру хамил –
а то
революций не оберешься после.

Да и то
в Октябре
²⁰ пролетарская голь
из-под ихнего пуза-груза –
продралась
и загнала осиновый кол
в кругосветное ихнее пузо.

И вот,
Вечекой,
Эмчекою вынянчена,
вчера пресмыкавшаяся тварь еще –
трехэтажным «нэпом» улюлюкает нынче нам:
³⁰ «Погодите, голубчики!
Попались, товарищи!»

Против их
инженерски-бухгалтерских числ
не попрешь, с винтовкою выйдя.
Продувным арифметикам ихним учись —
стиснув зубы
и ненавидя.

Великолепен был буржуазный Лоренцо.
Разве что
40 с шампанского очень огорчится —
возьмет
и выкинет коленце:
нос
— и только! —
вымажет горчицей.

Да и то
в Октябре
пролетарская голь,
до хруста зажав в кулаке их, —
50 объявила:
«Не буду в лакеях!»
Сегодня,
изголодавшиеся сами,
им открывая двери «Гротеска»,
знаем —
всех нас
горчицами,
соусами
смажут сначала:
60 «НЭП» — дескать.

Вам не нравится с вымазанной рожей?
И мне — тоже.
Не нравится-то, не нравится,
а черт их знает,
как с ними справиться.

Раньше
был буржуй
и жирен
и толст,
70 драл на сотню — сотню,
на тыщи — тыщи.

Но зато,
в «Мерилизах» тебе
и пальто-с,
и гвоздишки,
и сапожищи.

Да и то
в Октябре
пролетарская голь
⁸⁰ попросила:
«Убираться изволь!»

А теперь буржуазия!
Что делает она?
Ни тебе сапог,
ни ситец,
ни гвоздь!
Она —
из мухи делает слона
и после
⁹⁰ продает слоновую кость.

Не нравится производство кости слонячей?
Производи иначе!
А так сидеть и «благородно» мучиться —
из этого ровно ничего не получится.

Пусть
от мыслей торгашских
морщины — ров.
В мозг вбирай купцовский опыт!
Мы
¹⁰⁰ еще
услышим по странам миров
революций радостный топот.

⟨1922⟩

СВОЛОЧИ!

Гвоздимые строками,
стойте нёмы!
Слушайте этот волчий вой,
еле прикидывающийся поэмой!
Дайте сюда
самого жирного,
самого плешивого!
За шиворот!
¹⁰ Ткну в отчет Помгола.
Смотри!
Видишь —
за цифрой голой...

Ветер рванулся.
Рванулся и тише...
Снова снегами огрёб
тысяче-
миллионнокрыший
волжских селений гроб.
²⁰ Трубы —
гробовые свечи.
Даже вóроны
исчезают,
чуя,
что дымясь
тянется
слащавый,
тошнотворный
дух
³⁰ зажариваемых мяс.
Сына?
Отца?
Матери?
Дочери?
Чья?!
Чья в людоедчестве очередь?!

Помощи не будет!
Отрезаны снегами.
Помощи не будет!
40 Воздух пуст.
Помощи не будет!
Под ногами
даже глина сожрана,
даже куст.

Нет,
не помогут!
Надо сдаваться.
В 10 губерний могилу вымеряйте!
Двадцать
50 миллионов!
Двадцать!
Ложитесь!
Вымрите!..

Только одна,
осипшим голосом,
сумасшедшие проклятия метелями меля,
рек,
дорог снеговые волосы
ветром рвя, рыдает земля.

60 Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!

Сам смотрящий смерть воочию,
еле едящий,
только б не сдох, —
тянет город руку рабочую
горстью сухих крох.

«Хлеба!
Хлебушка!
70 Хлебца!»
Радио ревет за все границы.
И в ответ
за нелепицей нелепица
сыплется в газетные страницы.

«Лондон.
Банкет.
Присутствие короля и королевы.
Жрущих — не вместишь в раззолоченные хлевы».
Будьте прокляты!

80 Пусть
за вашей головою вѣнчанной
из колоний
дикари придут,
питаемые человечиною!
Пусть
горят над королевством
бунтов зарева!
Пусть
столицы ваши
90 будут выжжены дотла!
Пусть из наследников,
из наследниц варево
варится в коронах-котлах!

«Париж.
Собрались парламентарии.
Доклад о голоде.
Фритиоф Нансен.
С улыбкой слушали.
Будто соловьиные арии.
100 Будто тѣнора слушали в модном романсе».
Будьте прокляты!
Пусть
веки
вам
не слышать речи человеческой!
Пролетарий французский!
Эй,
стягивай петлею вместо речи
толщ непроходимых шей!

110 «Вашингтон.
Фермеры,
доевшие,
допившие
до того,
что лебедками подымают пузы,

в океане
пшеницу
от излишества топившие, —
топят паровозы грузом кукурузы».
120 Будьте прокляты!
Пусть
ваши улицы
бунтом будут запружены.
Выбрав
место, где более больно,
пусть
по Америке —
по Северной,
по Южной —
130 гонят
брюх ваших
мячище футбольный!

«Берлин.
Оживает эмиграция.
Банды радуются:
с голодными драться им.
По Берлину,
закручивая усики,
ходят,
140 хвастаются:
— Патриот!
Русский!»

Будьте прокляты!
Вечное «вон!» им!
Всех отвращая иудым видом,
французского золота преследуемые звоном,
скитайтесь чужбинами Вечным жидом!
Леса российские,
соберитесь все!
150 Выберите по самой большой осине,
чтоб образ ихний
вечно висел,
под самым небом качался, синий.

«Москва.
Жалоба сборщицы:
в "Ампирах" морщатся

или дадут
тридцатирублевку,
вышедшую из употребления в 1918 году».

160 Будьте прокляты!
Пусть будет так,
чтоб каждый проглоченный
глоток
желудок жёг!
Чтоб ножницами оборачивался бифштекс сочный,
вспарывая стенки кишок!

Вымрет.
Вымрет 20 миллионов человек!
Именем всех упокоенных тут —
170 проклятие отныне,
проклятие вовек
от Волги отвернувшим морд толстоту.
Это слово не к жирному пузу,
это слово не к царскому трону, —
в сердце таком
слова ничего не тронут:
трогают их революций штыком.

Вам,
несметной армии частицам малым,
180 порох мира,
силой чьей,
силой,
брошенной по всем подвалам,
будет взорван
мир несметных богачей!
Вам! Вам! Вам!
Эти слова вот!
Цифрами верстовыми,
вмещающимися едва,
190 запишите Волгу буржуазии в счет!

Будет день!
Пожар всехсветный,
чистящий и чадный.
Выворачивая богачей палаты,
будьте так же,
так же беспощадны
в этот час расплаты!

⟨1922⟩

ВЫЖДЕМ

Видит Антанта —
не разгрызть ореха.
Зря тщатся.
Зовет коммунистов
в Геную
посоветаться.
РСФСР согласилась.
И снова Франция начинает тянуть.
Авось, мол, удастся сломить разрухой.
¹⁰ Авось, мол, голодом удастся согнуть.
То Франция требует,
чтоб на съезд собрались какие-то дальние народы,
такие,
что их не соберешь и за годы.
То съезд предварительный требуют.
Решит, что нравится ей,
а ты, мол, сиди потом и глазей.
Ясно —
на какой бы нас ни звали съезд,
²⁰ Антанта одного ждет —
скоро ли нас съест.
Стойте же стойко,
рабочий,
крестьянин,
красноармеец!
Покажите, что Россия сильна,
что только на такую конференцию согласимся,
которая выгодна нам.

⟨1922⟩

МОЯ РЕЧЬ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Не мне российская делегация вверена.
Я —
самозванец на конференции Генуэзской.
Дипломатическую вежливость товарища Чичерина
дополню по-моему —
просто и резко.
Слушай!
Министерская компанийка!
Нечего заплывшими глазками мерцать.
10 Сквозь фраки спокойные вижу —
паника
трясет лихорадкой ваши сердца.
Неужели
без смеха
думать в силе,
что вы
на конференцию
нас пригласили?
20 В штыки бросаясь на Перекоп идти,
мятежных склоняя под красное знамя,
трудом сгибаясь в фабричной копоти, —
мы знали —
заставим разговаривать с нами.
Не просьбой просителей язык замер,
не нищие, жмурающиеся от господского света, —
мы ехали, осматривая хозяйскими глазами
грядущую
Мировую Федерацию Советов.
30 Болтают язычишки газетных строк:
«Испытать их сначала...»
Хватили лишку!
Не вы на испытание даете срок —
а мы на время даем передышку.

Лишь первая фабрика взвила дым —
враждой к вам
в рабочих
вспыхнули души.
Слюной ли речей пожары вражды
на конференции
40 нынче
затушим?!
Долги наши,
каждый медный грош,
считают «Матэны»,
считают «Таймсы».
Считаться хотите?
Давайте!
Что ж!
Посчитаемся!
50 О вздернутых Врангелем,
о расстрелянном,
о заколоте
память на каждой крымской горе.
Какими пудами
какого золота
оплатите это, господин Пуанкаре?
О вашем Колчаке — Урал спросите!
Зверством — аж горы вгонялись в дрожь.
Каким золотом —
60 хватит ли в Сити?! —
оплатите это, господин Ллойд-Джордж?
Вонзите в Волгу ваше зрение:
разве этот
голодный ад,
разве это
мужицкое разорение —
не хвост от ваших войн и блокад?
Пусть
кладбищами голодной смерти
70 каждый из вас протащится сам!
На каком —
на железном, что ли, эксперте
не встанут дыбом волоса?
Не защититесь пунктами резолюций-плотин.
Мировая —
ночи пальбой веселя —

революция будет —
и велит:
«Плати
⁸⁰ и по этим российским вексям!»
И розовые краснеют мало-помалу.
Тише!
Не дыша!
Слышите
из Берлина
первый шаг
трех Интернационалов?
Растя единство при каждом ударе,
идем.
⁹⁰ Прислушайтесь —
вздрагивает здание.

Я кончил.
Милостивые государи,
можете продолжать заседание.

(1922)

МОЙ МАЙ

Всем,
на улицы вышедшим,
тело машиной измаяв, —
всем,
молящим о празднике
спинам, землю натруженным, —
Первое мая!
Первый из маев
встретим, товарищи,
¹⁰ голосом, в пение сдруженным.
Вёснами мир мой!
Солнцем снежное тай!
Я рабочий —
этот май мой!
Я крестьянин —
это мой май.

Всем,
для убийств залёгшим,
злобу окопов измёив, —
²⁰ всем,
с броненосцев
на братьев
пушками вцеливших люки, —
Первое мая!
Первый из маев
встретим,
сплетая
войной разобщенные руки.
Молкнь, винтовки вой!
³⁰ Тихнь, пулемета лай!
Я матрос —
этот май мой!
Я солдат —
это мой май.

Всем
домам,
площадям,
улицам,
сжатым льдяной зимою, —
40 всем
изглоданным голодом
степям,
лесам,
нивам —
Первое мая!
Первый из маев
славьте —
людей,
плодородий,
50 вёсен разливом!
Зелень полей, пой!
Вой гудков, вздымай!
Я железо —
этот май мой!
Я земля —
это мой май!

<1922>

БЮРОКРАТИАДА

ПРАБАБУШКА БЮРОКРАТИЗМА

Бульвар.
Машина.
Сунь пятак —
что-то повертится,
пошипит гадко.
Минуты через две,
приблизительно так,
из машины вылазит трехкопеечная
шоколадка.

¹⁰ Бараны!
Чего разглазелись кучей?!
В магазине и проще,
и дешевле,
и лучше.

ВЧЕРАШНЕЕ

Черт,
сын его
или евонный брат,
расшутившийся сверх всяких мер,
раздул машину в миллиарды крат
²⁰ и расставил по всей РСФСР.
С ночи становятся людей тени.
Тяжелая — подъемный мост! —
скрипит,
глотает дверь учреждений
извивающийся человеческий хвост.

Дверь разгорожена.
Еще не узка́ им!
Через решетки канцелярских баррикад,
вырвав пропуск, идет пропускаемый.
³⁰ Разлилась коридорами человечья река.

(Первый шип —
первый вой —
«С очереди сшиб!»
«Осади без трудовой!»)

— Ищите и обрящете, —
пойди и «рящ» ее! —
которая «входящая» и которая «исходящая»?!
Обрящут через час-другой.
На рупь бумаги — совсем máло! —
40 всовывают дрожащей рукой
в пасть входящего журнала.
Колесики завертелись.
От дамы к даме
пошла бумажка, украшаясь номерами.

От дам бумажка перекинулась к секретарше.
Шесть секретарш от младшей до старшей!
До старшей бумажка дошла в обед.
Старшая разошлась.
Потерялся след.
50 Звезды считать?
Сойдешь с ума!
Инстанций не считаю — плавай сама!
Бумажка плыла, шевелилась еле.
Лениво ворочались машины валы́.
В карманы тыкалась,
совалась в портфели,
на полку ставилась,
кчалась в столы.
Под грудой таких же
60 столами коллегий
ждала,
когда подымут ввысь ее,
и вновь
под сукном
в многомесячной неге
дремала в тридцать третьей комиссии.

Бумажное тело сначала толстело.
Потом прибавились клипсы-лапки.
Затем бумага выросла в «дело» —
70 пошла в огромной синей папке.

Зав ее исписал на славу,
от зава к замзаву вернулась вспять,
замзав подписал,
и обратно
к заву
вернулась на подпись бумага опять.
Без подписи места не сыщем под ней мы,
но вновь
механизм
80 бумагу волок,
с плеча рассыпая печати и клейма
на каждый
чистый еще
уголок.
И вот
через какой-нибудь год,
отверз журнал исходящий рот.
И, скрипнув перьями,
выкинул вон
90 бумаги негодной — на миллион.

СЕГОДНЯШНЕЕ

Высунув языки,
разинув рты,
носятся нэписты
в рьяни,
в яри...
А посередине
высятся
недоступные форты,
серые крепости советских канцелярий.
100 С угрозой выдвинув пики-перья,
закованные в бумажные латы,
работали канцеляристы,
когда
в двери
бумажка втиснулась:
«Сокращай штаты!»
Без всякого волнения,
без всякой паники
завертелись колеса канцелярской механики.

- 110 Один берет.
Другая берет.
Бумага взад.
Бумага вперед.
По проторенному другими следу
через замзава проплыла к преду.
Пред в коллегии внес вопрос:
«Обсудите!
Аппарат оброс».
- Все в коллегии спорили стойко.
- 120 Решив вести работу рысью,
немедленно избрали тройку.
Тройка выделила комиссию и подкомиссию.
Комиссию распирала работа.
Комиссия работала до четвертого пота.
Начертили схему:
кружки и линии,
которые красные, которые синие.
Расширив штат сверхштатной сотней,
работали и в праздник и в день субботний.
- 130 Согнулись над кипами,
расселись в ряд,
щеголяют выкладками,
цифрами пещрят.
Глотками хрипыми,
ртами пенными
вновь вопрос подымался в пленуме.
Все предлагали умно и трезво:
«Вдвое урезывать!»
«Втрое урезывать!»
- 140 Строчил секретарь —
от работы в мыле:
постановили — слушали,
слушали — постановили...
Всю ночь,
над машинкой склонившись низко,
резолюции переписывала и переписывала машинистка.
И...
через неделю
забрешие киски
- 150 играли листиками из переписки.

МОЯ РЕЗОЛЮЦИЯ

По-моему,
это
— с другого бочка —
знаменитая сказка про белого бычка.

КОНКРЕТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Я,
как известно,
не делопроизводитель.
Поэт.
Канцелярских способностей у меня нет.
160 Но, по-моему,
надо
без всякой хитрости
взять за трубу канцелярию
и вытрясти.
Потом
над вытряхнутыми
посидеть в тиши,
выбрать одного и велеть:
«Пиши!»
170 Только попросить его:
«Ради бога,
пиши, товарищ, не очень много!»
<1922>

**КАК РАБОТАЕТ
РЕСПУБЛИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ?**

**Стихотворение опытное.
Восторженно-критическое**

Словно дети, просящие с медом ковригу,
буржуи вымаливают.
«Паспорточек бы!
В Р-и-и-и-гу!»
Поэтому,
думаю,
не лишнее
выслушать очевидевшего благоустройства заграничные.
Во-первых,
¹⁰ как это ни странно,
и Латвия — страна.
Все причиндалы, полагающиеся странам,
имеет и она.
И правительство (управляют которые),
и народонаселение,
и территория...

ТЕРРИТОРИЯ

Территории, собственно говоря, нет —
только делают вид...
Просто полгубернии отдельно лежит.
²⁰ А чтоб в этом
никто
не убедился воочию —
поезда от границ отходят ночью.
Спишь,
а паровоз
стареется,
ревет —
и взад,
и вперед,

30 и топчется на месте.
Думаешь утром — напутешествовался вот! —
а до Риги
всего
верст сто или двести.

Ригу не выругаешь —
чистенький вид.

Публика мыта.
Мостовая блестит.

Отчего же
40 у нас
грязно и гадко?
Дело простое —
в размерах разгадка:
такая была б Русь —
в три часа
всю берусь
и умыть и причесать.

АРМИЯ

Об армии не буду отзываться худо:
откуда ее набрать с двухмиллионного люда?!
50 (Кой о чем приходится помолчать условиться,
помните? — поговорка:
«Не плюй вниз
в ожидании виз».)

Войска мало,
но выглядит мило.
На меня б
на одного
уж во всяком случае хватило.
Тем более, говорят, что и пушки есть:
60 не то пять,
не то шесть.

ПРАВИТЕЛЬСТВО

Латвией управляет учредилка.
Учредилка — место, где спорят пылко.
А чтоб языками вертели не слишком часто,
председателя выбрали —
господин Чаксте.

Республика много демократичней, чем у нас.
Ясно без слов.
Все решается большинством голосов.
70 (Если выборы в руках
— понимаете сами —
трудно ли обзавестись нужными голосами!)
Голоснули,
подсчитали —
и вопрос ясен...
Земля помещикам и перешла восвояси.
Не с собой же спорить!
Глупо и скучно.
Для споров
80 несколько эсдечков приручено.
Если же очень шебуются с левых мест,
проголосуют —
и пожалуйста под арест.
Чтоб удостовериться,
правдивы мои слова ли,
спросите у Дермана —
его «проголосовали».

СВОБОДА СЛОВА

Конечно,
ни для кого не ново,
90 что у демократов свобода слова.
У нас цензура —
разрешат или запретят.
Кому такие ужасы не претят?!
А в Латвии свободно —
печатай сколько угодно!
Кто не верит,
убедитесь на моем личном примере.
«Напечатал "Люблю"» —
любовная лирика.
100 Вещь — безобиднее найдите в мире-ка!
А полиция — хоть бы что!
Насчет репрессий вяло.
Едва-едва через три дня арестовала.

СВОБОДА МАНИФЕСТАЦИЙ

И насчет демонстраций свобод немало —
ходи и пой досыта и до отвала!
А чтоб не пели чего,
устой ломая, —
учредилку открыли в день маёвки.
Даже парад правительственный — первого мая.
110 Не правда ли,
ловкие головки?!
Народ на маёвку повалил валом:
только
отчего-то
распелись «Интернационалом».
И в общем ничего,
сошло мило —
только человек пятьдесят полиция побила.
А чтоб было по-домашнему,
120 а не официально-важно,
полиция в буршей была переряжена.

КУЛЬТУРА

Что Россия?
Россия дура!
То-то за границей —
за границей культура.
Поэту в России —
одна грусть!
А в Латвии
каждый знает тебя наизусть.
130 В Латвии
даже министр каждый —
и то томится духовной жаждой.
Есть аудитории.
И залы есть.
Мне и захотелось лекциишку прочесть.
Лекцию не утаишь.
Лекция — что шило.
Пришлось просить,
чтоб полиция разрешила.

140 Жду разрешения
у господина префекта.
Господин симпатичный —
в погончиках некто.
У нас
с бумажкой
натерпелись бы волокит,
а он
и не взглянул на бумажкин вид.
Сразу говорит:
150 «Запрещается.
Прощайте!»
— Разрешите, — прошу, —
ну чего вы запрещаете? —
Вотще!
«Квесис, — говорит, — против футуризма вообще».
Спрашиваю,
в поклоне свесясь:
— Что это за кушанье такое —
К-в-е-с-и-с? —
160 «Министр внудел,
— префект рёк —
образованный —
знает вас вдоль и поперек».
— А Квесис
не запрещает,
ежели человек — брюнет? —
спрашиваю в бессильной яри.
«Нет, — говорит, —
на брюнетов запрещения нет».
170 Слава богу!
(я-то, на всякий случай, — карий).

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

В Риге не видно худого народонаселения.
Голод попрятался на фабрики и в селения.
А в бульварной гуще —
народ жирнющий.
Щеки красные,
рот — во!
В России даже у нэпистов меньше рот.

А в остальном —
¹⁸⁰ народ ничего,
даже довольно милый народ.

МОРАЛЬ В ОБЩЕМ

Зря,
ребята,
на Россию ропщем.

⟨1922⟩

БАЛЛАДА О ДОБЛЕСТНОМ ЭМИЛЕ

Замри, народ! Любуйся, тих!
Плети венки из лилий.
Греми о Вандервельде стих,
о доблестном Эмиле!

С Эмилом сим сравнимся мы ль:
он чист, он благороден.
Душою любящей Эмиль
голубки белой вроде.

Не любит страсть Эмиль Чеку,
10 Эмиль Христова нрава:
ударь щеку Эмильчику —
он повернется справа.

Но к страждущим Эмиль премил,
в любви к несчастным тая,
за всех бороться рад Эмиль
язык не покладая.

Читал Эмиль газету раз.
Вдруг вздрогнул, кофий вылься,
и слезы брызнули из глаз
20 предоброго Эмиля.

«Что это? Сказка? Или быть?
Не сказка!.. Вот!.. В газете... —
Сквозь слезы шепчет вслух Эмиль.
— Ведь у эсеров дети...

Судить?! За пулю Ильичу?!
За что? Двух-трех убили?
Не допущу! Бегу! Лечу!»
Надел штаны Эмилий.

Эмилий взял портфель и трость.
30 Бежит. От спешки в мыле.
По миле миль несется гость.
И думает Эмилий:

«Уж погоди, Чека-змея!
Раздокажу я! Или
не адвокат я? Я не я!
сапог, а не Эмилий».

Москва. Вокзал. Народу сонм.
Набит, что в бочке сельди.
И, выгнув груди колесом,
40 выходит Вандервельде.

Эмиль разинул сладкий рот,
тряхнул кудрём Эмилий.
Застыл народ. И вдруг... И вот...
Мильоном кошек взвыли.

Грознее и грознее вой.
Господь, храни Эмиля!
А вдруг букетом-крапивой
кой-что Эмилю взмылят?

Но друг один нашелся вдруг.
50 Дорогу шпорой пыля,
за ручку взял Эмиля друг
и ткнул в авто Эмиля.

— Свою неконченную речь
слезой, Эмилий, вылей! —
И, нежно другу ткнувшись в френч,
истек слезой Эмилий.

А друг за лаской ласку льет:
— Не плачь, Эмилий милый!
Не плачь! До свадьбы заживет! —
60 И в ласках стих Эмилий.

Смахнувши слезку со щеки,
обнять дружище рад он.
«Кто ты, о друг?» — «Кто я? Чекист
особого отряда».

«Да это я?! Да это вы ль?!
Ох! Сердце... Сердце рана!»
Чекист в ответ: «Прости, Эмиль.
Приставлены... Охрана...»

70 Эмиль белей, чем белый лист,
осмыслить факты тужась.
«Один лишь друг и тот — чекист!
Позор! Проклятье! Ужас!»

Морали в сей поэме нет.
Эмилий милый, вы вот,
должно быть, тож на сей предмет
успели сделать вывод?!

⟨1922⟩

СТИХ РЕЗКИЙ О РУЛЕТКЕ И ЖЕЛЕЗКЕ

Напечатайте, братцы,
дайте отыгаться.

ОБЩИЙ ВИД

Есть одно учреждение,
оно
имя имеет такое — «Казинó».

Помещается в тесноте — в Каретном ряду, —
а деятельность большая — желдороги, банки.
По-моему,
к лицу ему больше идут
просторные помещения на Малой Лубянке.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В 12 без минут
10 или в 12 с минутами.
Воры, воришки,
плуты и плутики
с вздутыми карманами,
с животами вздутыми
вылазят у «Эрмитажа», остановив «дутики».
Две комнаты, проплеванные и накуренные.
Столбы.
За каждым,
20 сладкий, как патока,
человечек.
У человечка ручки наманикюренные.
А в ручке у человечка небольшая лопатка.
Выроют могилку и уложат вас в яме.
Человечки эти называются «крупьями».
Чуть войдешь,
один из «крупей»
прилепливается, как репей:

«Господин товарищ —
свободное место», —
30 и проводит вас чрез человечье тесто.
Глазки у «крупьи» — две звездочки-точки.
«Сколько, — говорит, — прикажете объявить
в баночке?..»
Достаешь из кармана сотнягу деньгу.
В зале моментально прекращается гул.
На тебя облизываются, как на баранье рагу.

КРУПЬЕ

С изяществом, превосходящим балерину,
парочку карточек барашку кинул.
А другую пару берет лапа
арапа.
40 Барашек
еле успевает
руки
совать за деньгами то в пиджак, то в брюки.
Минут через 15 такой пластики
даже брюк не остается —
одни хлястики.
Без «шпалера»,
без шума,
без малейшей царапины,
50 разбандитят до ниточки лапы арапины.
Вся эта афера
называется — шмендефером.

РУЛЕТКА

Чтоб не скучали нэповы жены и детки,
и им развлечение —
зал рулетки.
И сыну приятно,
и мамаше лучше:
сын обучение математическое получит.
Объяснение для товарищей, не выдавших рулетки.
60 Рулетка — стол,
а на столе —
клетки.

А чтоб арифметикой позабавиться сыночку и маме,
клеточка украшена номерами.
Поставь на единицу миллион твой-ка,
крупье объявляет:
«Выиграла двойка».
Если всю доску изыграть эту,
считать и выучишься к будущему лету.
70 Образование небольшое —
всего три дюжины.
Ну, а много ли нэповскому сыночку нужно?

А ЧТО РАБОЧИМ?

По-моему,
и от «Казино»,
как и от всего прочего,
должна быть польза для сознательного рабочего.
Сделать
в двери
дырку-глазок,
80 чтоб рабочий играющих посмотрел разок.
При виде шестизэтажного нэповского затылка
руки начинают чесаться пылко.
Зрелище оное —
очень агитационное.

МОЙ СОВЕТ

Удел поэта — за ближнего болéй.
Предлагаю
как-нибудь
в вечер хмурый
прийти ГПУ и снять «дамблé» —
90 половину играющих себе,
а другую —
МУРу.

<1922>

ПОСЛЕ ИЗЪЯТИЙ

Известно:
у меня
и у бога
разногласий чрезвычайно много.
Я ходил раздетый,
ходил босой,
а у него —
в жемчугах ряса.
При виде его
10 гнев свой
еле сдерживал.
Просто трясся.
А теперь бог — что надо.
Много проще бог стал.
Смотрит из деревянного оклада.
Риза — из холста.
— Товарищ бог!
Меняю гнев на милость.
Видите —
20 даже отношение к вам немного переменилось:
называю «товарищем»,
а раньше —
«господин».
(И у вас появился товарищ один.)
По крайней мере,
на человека похожи
стали.
Что же,
зайдите ко мне как-нибудь.
30 Снизойдите
с вашей звездной дали.
У нас промышленность расстроена,
транспорт тож.
А вы
— говорят —
занимались чудесами.

Сделайте одолжение,
сойдите,
поработайте с нами.
40 А чтоб ангелы не били баклуши,
посреди звезд —
напечатайте,
чтоб лезло в глаза и в уши:
не трудящийся не ест.

⟨1922⟩

**ДАВИДУ ШТЕРЕНБЕРГУ –
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ**

Милый Давид!
При вашем имени
обязательно вспоминаю Зимний.
Еще хлестали пули-ливни –
нас
с самых низов
прибой-революция вбросила в Зимний
с кличкой странной – ИЗО.
Влетели, сея смех и крик,
10 вы,
Пунин,
я
и Ося Брик.
И древних яркостью дразня,
в бока дворца впилась «мазня».
Дивит покои царёвы и княжьи
наш
далеко не царственный вид.
Люстры –
20 и то шарахались даже,
глядя...
хотя бы на вас, Давид:
рукой
в подрамниковой раме
выводите Неву и синь,
другой рукой –
под ордерами
расчеркиваетесь на керосин.
Собрание!
30 Митинг!
Речью сотой,
призвав на помощь крошки-руки,
выхваливаете комкрасоты
на невозможном волапюке.

Ладно,
а много ли толку тут?!
Обычно
воду в ступе толкут?!
Казалось,
⁴⁰ что толку в Смольном?
Митинги, вот и всё.
А стали со Смольного вольными
тысячи городов и сёл.
Мы слыли говорунами
на тему: футуризм,
но будущее не нами ли
сияет радугой риз!
<1922—1923?>

ГЕРМАНИЯ

Германия —
это тебе!
Это не от Рапалло.
Не наркомвнешторжым я расчетам вял.
Никогда,
никогда язык мой не трепала
комплиментщины официальной болтовня.
Я не спрашивал,
Вильгельму,
10 Николаю прок ли, —
разбираться в дрызгах царственных не мне.
Я
от первых дней
войнищу эту проклял,
плюнул рифмами в лицо войне.
Распустив демократические слюни,
шел Керенский в орудийном гуле.
С теми был я,
кто в июне
20 отстранял
от вас
нацеленные пули.
И когда, стянув полков ободья,
сжали горла вам французы и британцы,
голос наш
взвивался песней о свободе,
руки фронта вытянул брататься.
Сегодня
хожу
30 по твоей земле, Германия,
и моя любовь к тебе
расцветает романнее и романнее.
Я видел —
цепенеют верфи на Одере,
я видел —
фабрики сковывает тишь.

Пусть, —
не верю,
что на смертном одре
40 лежишь.
Я давно
с себя
лохмотья наций скинул.
Нищая Германия,
позволь
мне,
как немцу,
как собственному сыну,
за тебя твою распёснить боль.

РАБОЧАЯ ПЕСНЯ

50 Мы сеем,
мы жнем,
мы куем,
мы прядем,
рабы всемогущих Стиннесов.
Но мы не мертвы.
Мы еще придем.
Мы еще наметим и кинемся.
Обернулась шибером,
улыбка на морде, —
60 история стала.
Старая врет.
Мы еще придем
Мы пройдем из Норденов
сквозь Вильгельмов пролет Бранденбургских ворот.
У них доллáры.
Победа дала.
Из унтер-ден-линдских отелей
ползут,
вгрызают в горло доллár,
70 пируют на нашем теле.
Терпите, товарищи, расплаты во имя...
За все —
за войну,
за после,
за раньше,

со всеми,
с ихними
и со своими,
мы рассчитаемся в Красном реванше...

⁸⁰ На глотке колено.
Мы — зверьи рычим.
Наш голос судорогой нѣмится..
Мы знаем, под кем,
мы знаем, под чьим
еще подымутся немцы.
Мы
еще
извеселим берлинские улицы.
Красный флаг, —
⁹⁰ мы заждались —
вздымайся и рей!
Красной песне
из окон каждого Шульца
откликайся,
свободный
с Запада
Рейн.

Это тебе дарю, Германия!
Это
¹⁰⁰ не долларов тыщи,
этой песней счёта с голодом не свести.
Что ж,
и ты
и я —
мы оба нищи, —
у меня
это лучшее из всего, что есть.

⟨1922—1923⟩

НА ЦЕПЫ

— Патронов не жалеите! Не жалеите пуль!
Опять по армиям приказ Антанты отдан.
Январь готовят обернуть в июль —
июль 14-го года.

И может быть,
уже
рабам на Сене
хозяйским окриком повéлено.
— Раба немецкого поставить на колени.

¹⁰ Не встанут — расстрелять по переулкам Кельна!

Сияй, Пуанкаре!
Сквозь жир
в твоих ушах
раскат пальбы гремит прелестней песен:
рабочий Франции по штольням мирных шахт
берет в штыки рабочий мирный Эссен.

Тюрьмою Рим — дубин заплочных свист,
рабочий Рима, бей немецких в Руре —
пока

²⁰ чернорубашечник фашист
твоих вождей крошит в застенках тюрем.

Британский лев, держи нейтралитет,
блудливые глаза прикрой стыдливой лапой,
а пальцем
укажи,
куда судам лететь,
рукой свободною колоний горсти хапай.

Блестит английский фунт у греков на носу,
и греки прут, в посул топыря веки;

³⁰ чтоб Бонар-Лоу подарить Мосул,
из турков пустят кровь и крови греков реки.

Товарищ мир!
Я знаю,
ты бы мог
спинищу разогнуть.

И просто —
шагни!
И раздавили б танки ног
с горба попадавших прохвостов.

- 40 Время с горба сдуть.
Бунт, барабан, бей!
Время вздеть узду
капиталиста алчбе.
Или не жалко горба?
Быть рабом лучше?
Рабочих шагов барабан,
по миру греми, гремучий!
Европе указана смерть
пальцем Антанты потным.
- 50 Лучше восстать посметь,
встать и стать свободным.
Тем, кто забит и сер,
в ком курья вера —
красный СССР
будь тебе примером!
Свобода сама собою
не валится в рот.
Пять —
пять лет вырываем с бою
- 60 за пядью каждую пядь.
Еще не кончен труд,
еще не рай неб.
Капитализм — спрут.
Щупальцы спрута — НЭП.
Мы идем мерно,
идем, с трудом дыша,
но каждый шаг верный
близит коммуны шаг.
Рукой на станок ляг!
- 70 Винтовку держи другой!
Нам покажут кулак,
мы вырвем кулак с рукой.
Чтоб тебя, Европа-раба,
не убили в это лето —
бунт бей, барабан,
мир обнимите, Советы!
Снова сотни стай
лезут жечь и резать.
Рабочий, встань!
- 80 Взнуздай!
Антанте узду из железа!
- <1923>

**ТОВАРИЩИ!
РАЗРЕШИТЕ МНЕ
ПОДЕЛИТЬСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
О ПАРИЖЕ И О МОНЕ**

Я занимаюсь искусством.
Оно —
подданное Моне.
Я не ною:
под Монею так под Монею.

Чуть с Виндавского вышел —
поборол усталость и лень я.
Бегу в Моне.
«Подпишите афиши!
¹⁰ Рад Москве излить впечатления».

Латвийских поездов тише
по лону Моне полыли афиши.
Стою.
Позываю зевотой сладкой.
Совсем как в Эйдкунене в ожидании пересадки.

Афиши обсуждаются
и единолично,
и вкупе.
Пропадут на час.
²⁰ Поищут и выруют.
Будто на границе в Себеже или в Зилупе
вагоны подня на месте маневрируют.
Постоим...
и дальше в черепашьем марше!
Остановка:
станция «Член коллегии».
Остановка:
разъезд «Две секретарши»...
Ну и товарно-пассажирская элегия!

30 Я был в Моно,
был в Париже —
Париж на 4 часа ближе.
За разрешением Моно и до Парижа города
путешественники отправляются в 2.
В 12 вылазишь из Gare du Nord'a*,
а из Моно
и в 4 выберешься едва.
Оно понятно:
меньше станций —
40 инстанций.

Пару моралей высказать рад.
Первая:
нам бы да ихний аппарат!
Вторая для сеятелей подписей:
чем сеять подписи —
хлеб сей.

<1923>

* Северный вокзал (фр.)

ПЕРНАТЫЕ (Нам посвящается)

Перемириваются в мире.
Передышка в грозе.
А мы воюем.
Воюем без перемирий.
Мы —
действующая армия журналов и газет.

Лишь строки-улицы в ночь рядятся,
маскированные домами-горами,
мы
10 клоним головы в штабах редакций
над фоно-теле-радио-граммами.

Ночь.
Лишь косятся звездные лучики.
Попробуй —
вылезь в час вот в этакий!
А мы,
мы ползем — репортеры-лазутчики —
сенсацию в плен поймать на разведке.

Поймаем,
20 допросим
и тут же
храбро
на мир,
на весь миллиардомильный
в атаку,
щетинясь штыками Фабера,
идем,
истекая кровью чернильной.

Враг,
30 колючей проволокой мотанный,
думает:

— В рукопашную не дойти! —
Пустяк.
Разливая огонь словометный,
пойдет пулеметом хлестать линотип.

Армия вражья крепости рада.
Стереть!
Не бросать идти!
По стенам армии вражьей
40 снарядами
бей, стереотип!

Наконец,
в довершение вражьей паники,
скрежеща,
воя,
ротационки-танки,
укатывайте поле боевое!

А утром...
форды —
50 лишь луч проскребся —
летите,
киоскам о победе тараторя:
— Враг
разбит петитом и корпусом
на полях газетно-журнальных территорий.

⟨1923⟩

О ПОЭТАХ
Стихотворение это –
одинаково полезно и для редактора
и для поэтов

Всем товарищам по ремеслу:
несколько идей
о «прожигании глаголами сердец людей».

Что поэзия?!
Пустяк.
Шутка.
А мне от этих шуточек жутко.

Мысленным оком окидывая Федерацию —
готов от боли визжать и драться я.
Во всей округе —
тысяч двадцать поэтов изогнулись в дуги.
От жизни сидячей высохли в жгут.
10 Изголодались.
С локтями голыми.
Но денно и ночью
жгут и жгут
сердца неповинных людей «глаголами».
Написал.
Готово.
Спрашивается — прожёт?
Прожёт!
И сердце и даже бок.
20 Только поймут ли поэтические стада,
что сердца
сгорают —
исключительно со стыда.
Посудите:
сидит какой-нибудь верзила
(мало ли слов в России есть?!).
А он
вытягивает,
как булавку из ила,

30 пустяк,
который полегше зарифмоплестъ.
А много ль в языке такой чуши,
чтоб сама
колокольчиком
лезла в уши?!!
Выберет...
и опять отчесывает вычески,
чтоб образ был «классический»,
«поэтический».

40 Вычешут...
и опять кряхтят они:
любят ямбы редактора́ лающиеся.
А попробуй
в ямб
пойди и запихни
какое-нибудь слово,
например «млекопитающее».
Потеют как следует
над большим листом.

50 А только сбоку
на узеньком клочочке
коротенькие строчки растянулись глестом.
А остальное —
одни запятые да точки.
Хороший язык взял да и искрошил,
зря только на обучение тратились гроши.
В редакции
поэтов банда такая,
что у редактора хронический разлив жёлчи.

60 Банду локтями,
дверями толкают,
курьер орет: «Набилось сволочи!»
Не от мира сего —
стоят молча.
Поэту в редкость удачи лучи.
Разве что редактор заталмудится слишком,
и врасплох удастся ему всучить
какую-нибудь
позапрошлогодную

70 залежавшуюся «веснишку».
И, наконец,
выпускающий,
над чушью фыркая,

режет набранное мелким петитиком
и затыкает стихами дырку за дыркой,
на горе родителям и на радость критикам.
И лезут за прибавками наборщик и наборщица.
Оно понятно —
набирают и морщатся.
80 У меня решение одно отлежалось:
помочь людям.
А то жалость!
(Особенно предложение пригодилось к весне б,
когда стихом зачитывается весь нэп.)
Я не против такой поэзии.
Отнюдь.
Весною тянет на меланхолическую нудь.
Но долой рукоделие!
Что может быть старей
90 кустарей?!
Как мастер этого дела
(ко мне не прицепитесь)
сообщу вам об универсальном рецепте-с.
(Новость та,
что моими мерами
поэты заменяются редакционными курьерами.)

РЕЦЕПТ

- (Правила простые совсем:
всего — семь.)
1. Берутся классики,
100 свертываются в трубку
и пропускаются через мясорубку.
 2. Что получится, то
откидывают на решето.
 3. Откинутое выставляется на вольный дух.
(Смотри, чтоб на «образы» не насело мух!)
 4. Просушиваемое перетряхивается еле
(чтоб мягкие знаки чересчур не затвердели).
 5. Сушится (чтоб не успело перевечниться)
и сыпется в машину:
 - 110 обыкновенная перечница.
 6. Затем
раскладывается под машиной
липкая бумага
(для ловли мушиной).

7. Теперь просто:

верти ручку,
да смотри, чтоб рифмы не сбились в кучку!
(Чтоб «кровь» к «любовь»,
«тень» ко «дню»,
120 чтоб шли аккуратненько
одна через одну.)

Полученное вынь и...
готово к употреблению:
к чтению,
к декламированию,
к пению.

А чтоб поэтов от безработной меланхолии вылечить,
чтоб их не тянуло портить бумажки,
отобрать их от добрейшего Анатолия Васильича
130 и передать
товарищу Семашке.

⟨1923⟩

**НА ЗЕМЛЕ МИР.
ВО ЧЕЛОВЕЦЕХ БЛАГОВОЛЕНИЕ**

Радостный крик греми —
это не краса ли?!
Наконец
наступил мир,
подписанный в Версале.
Лишь взглянем в газету мы —
мир!
Некуда деться!
На земле мир.

¹⁰ Благоволение во человецех.
Только (хотя и нехотя)
заметим:
у греков негоже.
Грек норовит заехать
товарищу турку по роже.
Да еще
Пуанкаре
немного
немцев желает высечь.

²⁰ Закинул в Рур ногу
солдат 200 тысяч!
Еще, пожалуй,
в Мёмеле
Литвы поведенье игриво —
кого-то
за какие-то земли
дуют в хвост и в гриву.
Не приходите в отчаяние
(пятно в солнечном глянце):

³⁰ англичане
норовят укокошить ирландца.
В остальном —
сияет солнце,
мир без края,
без берега.

Вот разве что
японцы
лезут с ножом на Америку.
Зато
40 в остальных местах —
особенно у северного полюса, —
мир,
пение птах.
Любой без отказа пользуйся.
Старики!
Взрослые!
Дети!
Падайте перед Пуанкарою:
— Спасибо, отец благодетель!..
50 Когда
за «миры» за эти
тебя, наконец, накроют?
(1923)

О «ФИАСКАХ», «АПОГЕЯХ» И ДРУГИХ НЕВЕДОМЫХ ВЕЩАХ

На съезде печати
у товарища Калинина
великолепнейшая мысль в речь вклинена:
«Газетчики,
думайте о форме!»
До сих пор мы
не подумали об усовершенствовании статейной
формы.

Товарищи газетчики,
СССР оглазейте, —
¹⁰ как понимается описываемое в газете.

Акуловкой получена газет связка.
Читают.
В буквы глаза втыкают.
Прочли:
— «Пуанкаре терпит фиаско». —
Задумались.
Что это за «фиаска» за такая?
Из-за этой «фиаски»
грамотей Ванюха
²⁰ чуть не разодрался:
— Слушай, Петь,
с «фиаской» востро́ держи ухо:
даже Пуанкаре приходится его терпеть.
Пуанкаре не потерпит какой-нибудь клячи.
Даже Стиннеса —
и то! —
прогнал из Рура.
А этого терпит.
Значит, богаче.
³⁰ Американец, должно́.
Понимаешь, дура?! —

С тех пор,
когда самогонщик,
местный туз,
проезжал по Акуловке, гремя коляской,

в уважение к богатству,
скидавая картуз,
его называли —
Господином Фиаской.

- 40 Последние известия получили красноармейцы.
Сели.
Читают, газетиной вея.
— О французском наступлении в Руре имеется? —
Да, вот написано:
«Дошли до своего апогея».
— Товарищ Иванов!
Ты ближе.
Эй!
На карту глянь!
- 50 Что за место такое:
А-п-о-г-е-й? —
Иванов ищет.
Дело дрянь.
У парня
аж скулу от напряжения свело.
Каждый город просмотрел,
каждое село.
«Эссен есть —
Апогея нету!
- 60 Деревушка махонькая, должно быть, это.
Верчусь —
аж дыру провертел в сапоге я —
не могу найти никакого Апогея!»
Казарма
малость
посоветчалась.
Наконец —
товарищ Петров взял слово:
— Сказано: до своего дошли.
- 70 Ведь не до чужого?!
Пусть рассеется сомнений дым.
Будь он селом или градом,
своего «апогея» никому не отдадим,
а чужих «апогеев» — нам не надо. —
- Чтоб мне не писать, впустую оря,
мораль вывожу тоже:
то, что годится для иностранного словаря,
газете — негоже.

(1923)

БАРАБАННАЯ ПЕСНЯ

Наш отец — завод.
Красная кепка — флаг.
Только завод позовет —
руку прочь, враг!
 Вперед, сыны стали!
 Рука, на приклад ляг!
 Громи, шаг, дали!
 Громче печать — шаг!

Наша мать — пашня,
10 Пашню нашу не тронь!
Стража наша страшная —
глаз, винтовок огонь.
 Вперед, дети ржи!
 Рука, на приклад ляг!
 Ногу ровней держи!
 Громче печать — шаг!

Армия — наша семья.
Равный в равном ряду.
Сегодня солдат я —
20 завтра полк веду.
 За себя, за всех стой.
 С неба не будет благ.
 За себя, за всех в строй!
 Громче печать — шаг!

Коммуна, наш вождь,
велит нам: напролом!
Разольем пуль дождь,
разгремим орудий гром.
 Если вождь зовет,
30 рука, на винтовку ляг!
 Вперед, за взводом взвод!
 Громче печать — шаг!

Совет — наша власть.
Сами собой правим.
На шею вовек не класть
рук барской ораве.

Только кликнул совет —
рука, на винтовку ляг!
Шагами громи свет!

40 Громче печать — шаг!
Наша родина — мир.
Пролетарии всех стран,
ваш щит — мы,
вооруженный стан.
Где б враг не́ был,
станем под красный флаг.
Над нами мира небо.
Громче печать — шаг!

Будем, будем везде.
50 В свете частей пять.
Пятиконечной звезде —
во всех пяти сиять.
Отступит назад враг.
Снова России всей
рука, на плуг ляг!
Снова, свободная, сей!
Отступит врага нога.
Пыль, убегая, взвывает.
С танка слезь!

60 К станкам!

Назад!
К труду.
На завод.

⟨1923⟩

Срочно!

**ТЕЛЕГРАММА МУСЬЕ ПУАНКАРЕ
И МИЛЬЕРАНУ**

Есть слова иностранные.
Иные
чрезвычайно странные.
Если люди друг друга процеловали до дыр,
вот это
по-русски
называется — мир.
А если
10 грохнут в уха оба,
и тот
орет, разинув рот,
такое доведение людей до гроба
называется убивством.
А у них —
наоборот.
За примерами не гоняться! —
Оптом перемиривает Лига Наций.
До пола печати и подписи свисали.
Перемирили и Юг, и Север.
20 То Пуанкаре расписывается в Версале,
то —
припечатывает печатями Севр.
Кончилась конференция.
Завершен труд.
Умолкните, пушечные гулы!
Ничего подобного!
Тут —
только и готовь скулы.
— Севрский мир — вот это штука! —
30 орут,
наседают на греков турки.
— А ну, турки,
помиримся,
ну-ка! —

орут греки, налазя на турка.
Сыплется с обоих с двух штукатурка.
Ясно —
каждому лестно мириться.
В мирной яри
40 лезут мириться государств тридцать:
румыны,
сербы,
черногорцы,
болгаре...
Суматоха.
У кого-то кошель стянули,
какие-то каким-то расшибли переносья —
и пошли мириться!
Только жужжат пули,
50 да в воздухе летают щеки и волосья.
Да и версальцы людей мирят не худо.
Перемирили половину европейского люда.
Поровну меж государствами поделили земли:
кому Вильны,
кому Мёмели.
Мир подписали минуты в две.
Только
география — штука скользкая;
польские городишки раздарили Литве,
60 а литовские —
в распоряжение польское.
А чтоб промеж детей не шла ссора —
крейсер французский
для родительского надзора.
Глядит восторженно Лига Наций.
Не ей же в драку вмешиваться.
Милые, мол, бранятся —
только... чешутся.
Словом —
70 мир сплошной:
некуда деться,
от Мосула
до Рура
благоволение во человецех.
Одно меня настраивает хмуро.
Чтоб выяснить это,

шлю телеграмму
с оплаченным ответом:
«Париж
⁸⁰ (точка,
две тире)
Пуанкаре — Мильерану.
Обоим
(точка).
Сообщите —
если это называется миром,
то что
у вас
называется мордобоем?»
(1923)

ПАРИЖ
(Разговорчики с Эйфелевой башней)

Обшаркан мильоном ног.
Ишелестен тыщей шин.
Я борозжу Париж —
до жути одинок,
до жути ни лица,
до жути ни души.
Вокруг меня —
авто фантастят танец,
вокруг меня —
10 из зверорыбьих морд —
еще с Людовиков
свистит вода, фонтанясь.
Я выхожу
на Place de la Concorde*.
Я жду,
пока,
подняв резную главку,
домовьей слежкой умайна,
ко мне,
20 к большевику,
на явку
выходит Эйфелева из тумана.
— Т-ш-ш-ш,
башня,
тише шлепайте! —
увидят! —
луна — гильотинная жуть.
Я вот что скажу
(пришипился в шепоте,
30 ей
в радиоухо

* Площадь Согласия (фр.)

шепчу,
жужжу):
— Я разагитировал вещи и здания.
Мы —
только согласия вашего ждем.
Башня —
хотите возглавить восстание?
Башня —
40 мы
вас выбираем вождем!
Не вам —
образцу машинного гения —
здесь
таять от аполлинеровских вирш.
Для вас
не место — место гниения —
Париж проституток,
поэтов,
50 бирж.
Метро согласились,
метро со мною —
они
из своих облицованных нутр
публику выплюют —
кровью смоют
со стен
плакаты духов и пудр.
Они убедились —
60 не ими литься
вагонам богатых.
Они не рабы!
Они убедились —
им
более к лицам
наши афиши,
плакаты борьбы.
Башня —
улиц не бойтесь!
70 Если
метро не выпустит уличный грунт —
грунт
исполосуют рельсы.
Я поднимаю рельсовый бунт.
Бойтесь?

Трактиры заступятся стаями?
Бойтесь?
На помощь придет Rive Gauche*.
Не бойтесь!
80 Я уговорился с мостами.
Вплавь
реку
переплыть
не легко ж!
Мосты,
распяясь от движения злого,
подымутся враз с парижских боков.
Мосты забунтуют.
По первому зову —
90 прохожих ссыпят на камни быков.
Все вещи вздыбятся.
Вещам невмоготу.
Пройдет
пятнадцать лет
иль двадцать,
обдрябнет сталь,
и сами
вещи
тут
100 пойдут
Монмартрами на ночи продаваться.
Идемте, башня!
К нам!
Вы —
там,
у нас,
нужней!
Идемте к нам!
В блестеньи стали,
110 в дымах —
мы встретим вас.
Мы встретим вас нежней,
чем первые любимые любимых.
Идем в Москву!

* Левый берег (фр.)

У нас
в Москве
простор.
Вы
— каждой! —
¹²⁰ будете по улице иметь.
Мы
будем холить вас:
раз сто
за день
до солнц расчистим вашу сталь и медь.
Пусть
город ваш,
Париж франтих и дур,
Париж бульварных ротозеев,
¹³⁰ кончается один, в сплошной складбищась Лувр,
в старье лесов Булонских и музеев.
Вперед!
Шагни четверкой мощных лап,
прибитых чертежами Эйфеля,
чтоб в нашем небе твой израдиило лоб,
чтоб наши звезды пред тобою сдрейфили!
Решайтесь, башня, —
нынче же вставляйте все,
разворотив Париж с верхушки и до низу!
¹⁴⁰ Идемте!
К нам!
К нам, в СССР!
Идемте к нам —
я
вам достану визу!

⟨1923⟩

«Миллиард?
С покойничка?
За строку нонпарели?»
Завжилотдел.
40 Не глаза — жжение.
Каждому сует какие-то опровержения.
Кто-то крестится.
Клянется крещеным лбом:
«Это я — настоящий Бим-Бом!»
Все стены уставлены какими-то дядьями.
Стоят кариатидами по стенкам голым.
Это «начинающие».
Помахивая статьями,
по дороге к редактору стоят частоколом.
50 Два.
Редактор wpłyвает барином.
В два с четвертью
из барина,
как из пристяжной,
умученной выездом парным, —
паром вздымается испарина.
Через минуту
из кабинета редакторского рёв:
то ручкой по папке,
60 то по столу бац ею.
Это редактор,
собрав бухгалтеров,
потеет над самоокупацией.
У редактора к передовице лежит сердце.
Забудь!
Про сальдо язычишкой треплет.
У редактора —
аж волос вылезит от коммерции,
лепечет редактор про «кредит и дебет».
70 Пока редактор завхоза ест —
раз сто телефон вгрызается лаем.
Это ставку учетверяет Мострест.
И еще грозитя:
«Удесятерю в мае».
Наконец, освободился.
Минуточек лишка...
Врывается начинающий.
Попробуй — выставь!

«Прочтите немедленно!
80 Замечательная статьяшка»,
а в статьешке —
листов триста!
Начинающего унимают диалектикой нечеловечьей.
Хроникер врывается:
«Там,
в Замоскворечьи, —
выловлен из Москвы-реки —
живой гиппопотам!»

Из РОСТА
90 на редактора
начинает литься
сенсация за сенсацией,
за небылицей небылица.
Нет у РОСТА лучшей радости,
чем всучить редактору невероятнейшей гадости.
Извергая старательность, как Везувий и Этна,
курьер врывается.
«К редактору!
Лично!»

100 В пакете
с надписью:
— Совершенно секретно —
повестка
на прошлогоднее заседание публичное.
Затем курьер,
красный, как малина,
от НКВД.
Кроет рьяно.
Передовик

110 президента Чжан Цзо-лина
спутал с гаоляном.
Наконец, библиограф!
Что бешеный вол.
Машет книжкой.
Выражается резко.
Получил на рецензию
юрист —
хохол —
учебник гинекологии

120 на древнееврейском!

Вокруг
 за столами
 или перьев скрежет,
 или ножницы скрипят:
 писателей режут.
 Секретарь
 у фельетониста,
 пропотевшего до сорочки,
 делает из пятисот —
¹³⁰ полторы строчки.
 Под утро стихает редакционный раж.
 Редактор в восторге.
 Уехал.
 Улажено.
 Но тут...
 Самогоном упился метранпаж,
 лишь свистят под ротационкой ноздри
 метранпажины.
 Спит редактор.
 Снится: Мострест
¹⁴⁰ так высоко взвинтил ставки —
 что на колокольню Ивана Великого влез
 и хохочет с колокольной главки.
 Просыпается.
 До утра проспал без прóсыпа.
 Ручонки дрожат.
 Газету откроют.
 Ужас!
 Не газета, а оспа.
 Шрифт по статьям расплылся икрою.
¹⁵⁰ Из всей газеты,
 как из моря риф,
 выглядывает лишь —
 парочка чьих-то рифм.
 Вид у редактора...
 такой вид его,
 что видно сразу —
 нечему завидовать.
 Если встретите человека белее мела,
 худящего,
¹⁶⁰ худей, чем газетный лист, —
 умозаклучайте смело:
 или редактор
 или журналист.
 (1923)

КОГДА ГОЛОД ГРЫЗ ПРОШЛОЕ ЛЕТО, ЧТО ДЕЛАЛА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ?

Все знают:
в страшный год,
когда
народ (и скот оголодавший) дох,
и ВЦИК
и Совнарком
скликали города,
помочь старались из последних крох.
Когда жевали дети глины ком,
¹⁰ когда навоз и куст пошли на пищу люду,
крестьяне знают —
каждый исполком
давал крестьянам хлеб,
полям давал семсуду.
Когда ж совсем невмоготу пришлось Поволжью —
советским ВЦИКом был декрет по храмам дан:
— Чтоб возвратили золото чинуши божьи,
на храм помещиками собранное с крестьян. —
И ныне:
²⁰ Волга ест,
в полях пасется скот.
Так власть,
в гербе которой «серп и молот»,
боролась за крестьянство в самый тяжкий год
и победила голод.

{1923}

КОГДА МЫ ПОБЕЖДАЛИ ГОЛОДНОЕ ЛИХО, ЧТО ДЕЛАЛ ПАТРИАРХ ТИХОН?

«Мы не можем дозволить
изъятие из храмов».

(*Патриарх Тихон*)

Тихон патриарх,
прикрывши пузо рясой,
звонил в колокола по сытым городам,
ростовщиком над золотыми тряся:
¹⁰ «Пускай, мол, мрут,
а злата —
не отдам!»
Чесала языком их патриаршья милость,
и под его христоролюбивый звон
на Волге дох народ,
и кровь рекою ли́лась —
из помутившихся
на паперть и амвон.
Осиротевшие в голодных битвах ярых!
²⁰ Родных погибших вспоминая лица,
знайте:
Тихон
патриарх
благословлял *убийцу*.
За это
власть Советов,
вами избранные люди, —
господина Тихона судят.
(1923)

О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ. ПОЧЕМУ СУД НАД МИЛОСТЬЮ ИХНЕЙ?

РАНЬШЕ

Известно:

царь, урядник да поп
друзьями были от рожденья по гроб.
Урядник, как известно,
наблюдал за чистотой телесной.
Смотрел, чтоб мужик комолай
с голодухи не занялся крамолой,
чтобы водку дул,
чтобы шапку гнул.

¹⁰ Чуть что:

— Попрошу-с лечь... —

и пошел сечь!

Крестьянскую спину разукрасили влоск.
Аж в российских лесах не осталось розг.
А поп, как известно (урядник духовный),
наблюдал за крестьянской душой греховной.
Каркали с амвонов попы-вороны:

— Расти, мол, народ царелюбивый и покорный! —

Этому же и в школе обучались дети:

²⁰ «Законом божьим» назывались глупости эти.

Учил поп, чтоб исповедывались часто.

Крестьянин поисповедуется,

а поп —

в участок.

Закрывшись ряской, уряднику шепчет:

— Иванов накрамолил —

дуй его крепче! —

И шел по деревне гул

от сворачиваемых крестьянских скул.

³⁰ Приведут деревню в надлежащий вид,

кончат драть ее —

поп опять с амвона голосит:

— Мир вам, братие! —
Даже в царство небесное провожая с воем,
покойничка вели под поповским конвоем.
Радовался царь.
Благодарен очень им —
то орденом пожалует,
то крестом раззолоченным.
40 Под свист розги,
под поповское пение,
рабом жила российская паства.
Это называлось: единение.
церкви и государства.

ТЕПЕРЬ

Царь российский, финляндский, польский,
и прочая, и прочая, и прочая —
лежит где-то в Екатеринбурге или Тобольске:
попал под пули рабочие.
Революция и по урядникам
50 прошла, как лиса по курятникам.
Только поп
все еще смотрит, чтоб крестили лоб.
На невежестве держалось Николаево царство,
а за нас нечего поклоны класть.
Церковь от государства
отделила рабоче-крестьянская власть.
Что ж,
если есть еще дураки несчастные,
молитесь себе на здоровье!
60 Ваше дело —
частное.
Говоря короче,
денег не дадим, чтоб люд морочить.
Что ж попы?
Смирились тихо?
Власть, мол, от бога?
Наоборот.
Зовет патриарх Тихон
на власть Советов восстать народ.
70 За границу Тихон протягивает ручку
зовет назад белогвардейскую кучку.

Его святейшеству надо,
чтоб шли от царя рубли да награда.
Чтоб около помещика-вора
кормилась и поповская свора.
Шалишь, отец патриарше, —
никому не отдадим свободы нашей!

За это
власть Советов,
⁸⁰ вами избранные люди,
за это —
патриарха Тихона судят.

⟨1923⟩

ТРЕСТЫ

В Москве
редкое место —
без вывески того или иного треста.
Сто очков любому вперед дадут —
у кого семейное счастье худо.
Тресты живут в любви,
в ладу
и супружески строятся друг против друга.
Говорят:
¹⁰ меж трестами неурядицы. —
Ложь!
Треста
с трестом
водой не разольешь.
На одной улице в Москве
есть
(а может, нет)
такое место:
стоит себе тихо «хвостотрест»,
²⁰ а напротив —
вывеска «копытотреста».
Меж трестами
через улицу,
в служении лют,
весь день суетится чиновный люд.
Я теперь хозяйством обзавожусь немножко.
(Купил уже вилки и ложки.)
Только вот что:
беспокоит всякая крошка.
³⁰ После обеда
на клеенке —
сплошные крошки.
Решил купить,
так или иначе,
для смахивания крошек
хвост телячий.

Я не спекулянт —
из поэтического теста.
С достоинством влазю в дверь «хвостотреста».

40 Народищу — уйма.
Просто неопишимо.
Стоят и сидят
толпами и гущами.
Хлопают и хлопают дверные створки.
Коридор —
до того забит торгующими,
что его
не прочистишь цистерной касторки.
Отчаявшись пробиться без указующих фраз,

50 спрашиваю:
— Где здесь на хвосты ордера? —
У вопрошаемого
удивление на морде.
— Хотите, — говорит, — на копыто ордер? —
Я к другому —
невозмутимо, как день вешний:
— Где здесь хвостики?
— Извините, — говорит, — я не здешний. —

60 Подхожу к третьему
(интеллигентный быдто) —
а он и не слушает:
— Угодно-с копыто?
— Да ну вас с вашими копытами к маме,
подать мне сюда заведующего хвостами! —
Врываюсь в канцелярию:
пусто, как в пустыне,
только чей-то чай на столике стынет.
Под вывеской —
«без доклада не лезьте»

70 читаю:
«Заведующий принимает в "копытотресте"». —
Взбесился.
Выбежал.
Во весь рот
гаркнул:
— Где из «хвостотреста» народ? —
Сразу завопило человек двести:
— Не знает.
Бедненький!

- 80 Они посредничают в «копытотресте»,
а мы в «хвостотресте»,
по копыту посредники.
Если вам по хвостам —
идите туда:
они там.
Перейдите напротив
— тут мелко —
спросите заведующего
и готово — сделка.
- 90 Хвост через улицу перепрут рысью
только 100 процентов с хвоста —
за комиссию. —
Я
способ прекрасный для борьбы им выискал:
как-нибудь
в единый мах —
с треста на трест перевесить вывески,
и готово:
все на своих местах.
- 100 А чтоб те или иные мошенники
с треста на трест не перелетали птичкой,
посредников на цепочки,
к цепочке ошейники,
а на ошейнике —
фамилия
и трестова кличка.

{1923}

МЫ НЕ ВЕРИМ!

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.

Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь
не литься?

Нет!
не оковать язык грозы!
Вечно будет
10 тысячестраницый
грохотать
набатный
ленинский язык.
Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч,
чтоб вихрем не кипел?!

Нет!
не ослабеет ленинская воля
в миллионосильной воле РКП.
20 Разве жар
такой
термометрами меряется?!

Разве пульс
такой
секундами гудит?!
Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди.

Нет!
30 Нет!
Не-е-т...
Не хотим,
не верим в белый бюллетень.
С глаз весенних
сгинь, навязчивая тень!

⟨1923⟩

**СТРОКИ ОХАЛЬНЫЕ
ПРО ВАКХАНАЛИИ ПАСХАЛЬНЫЕ
(Шутка)**

Известно:

буржуй вовсю жрет.

Ежедневно по поросенку заправляет в рот.

А надоест свиней в животе пасти —
решает:

— Хорошо б попостить! —

Подают ему к обеду да к ужину
то осетринищу,
то севрюжину.

¹⁰ Попостит —

и снова аппетит является:

буржуй разговляется.

Ублажается куличами башенными
вперекладку с яйцами крашеными.

А в заключение —

шампанский тост:

— Да здравствует, мол, господин Христос! —

А у пролетария стоял столетний пост.

Ел всю жизнь селедкин хвост.

²⁰ А если и теперь пролетарий говеет —
от говений от этих старьем веет.

Чем ждать Христов в посте и вере —
религиозную рухлядь отбрось гневно
да так заработай —

чтоб по крайней мере

разговляться ежедневно.

Мораль для пролетариев выведу любезно:

Не дело говеть бедным.

Если уж и буржую говеть бесполезно,

³⁰ то пролетарию —

просто вредно.

<1923>

КРЕСТЬЯНИН, ПОМНИ О 17-м АПРЕЛЯ!

Об этом весть
 до старости древней
храните, села,
 храните, деревни.
Далёко,
 на Лене,
 забитый в рудник,
рабочий —
 над жилами золота ник.
10 На всех бы хватило —
 червонцев немало.
Но всё
 фабриканта рука отнимала.
И вот,
 для борьбы с их уловкою ловкой
рабочий
 на вора пошел забастовкой.
Но стачку
 царь
20 не спускает даром,
над снегом
 встал
 за жандармом жандарм.
И кровь
 по снегам потекла,
 по белым, —
жандармы
 рабочих
 смирили расстрелом.
30 Легли
 и не встали рабочие тыщи.
Легли,
 и могилы легших не сыщешь.
Пальбу разнесло,
 по тундрам разухало.

Но искра восстанья
в сердцах
не потухла.

От искорки той,
40 от мерцанья старого
заря сегодня —
Октябрьское зарево.
Крестьяне забыли помещичьи плены.
Кто первый восстал?

Рабочие Лены!
Мы сами хозяева земли деревенской.
Кто первый восстал?
Рабочий ленский!

Царя прогнали.
50 Порфиру в клочья.
Кто первый?
Ленские встали рабочие!
Рабочий за нас,
а мы —
за рабочего.

Лишь этот союз —
республик почва.
Деревня!

60 В такие великие дни
теснее ряды с городами сомкни!
Мы шли
и идем
с богатеями в бой —
одною дорогой,
одною судьбой.
Бей и разруху,
как бил по барам, —
двойным,
воедино слитым ударом!

⟨1923⟩

17 АПРЕЛЯ

Мы

о царском плене
забыли за 5 лет.

Но тех,

за нас убитых на Лене,
никогда не забудем.

Нет!

Россия вздрогнула от гнева злобного,
когда

¹⁰ через тайгу

до нас

от ленского места лобного —
донесся расстрела гул.

Легли,

легли Октября буревестники,
глядели Сибири снега:

их,

безоружных,

под пуль песенки

²⁰ топтала жандарма нога.

И когда

фабрикантище ловкий

золотые

горстями загребал,

липла

с каждой

с пятирублевки

кровь

упрятанных тундрам в гроба.

³⁰ Но напрасно старался Терещенко
смыть

восставших

с лица рудника.

Эти

первые в троне трещинки

не залижет никто.

Никак.

Разгуделась весть о расстреле,
и донныче

40 гудит заряд,
по российскому небу растрéлясь,
Октябрем разгорелась заря.

Нынче
с золота смыты пятна.

Наши
тыщи сияющих жил.

Наше золото.
Взяли обратно.

Приказали:
50 — Рабочим служи! —

Мы
сомкнулись красными ротами.
Быстра шагов краснофлагих гряда.
Никакой не посмеет ротмистр
сыпать пули по нашим рядам.

Нынче
течем мы.
Красная лава.

Песня над лавой
60 свободная пенится.

Первая
наша
благодарная слава
вам, Ленцы!

(1923)

Мы земле
40 дадим освящение
лучом космографий
 и алгебр.
Вырывай у бога вожжи!
Что морочить мир чудесами!
Человечьи законы
 — не божьи! —
на земле
 установим сами.
Мы
50 не в церковке,
 тесной и грязненькой,
будем кукситься в праздники наши.
Мы
 свои установим праздники
и распразднуем в грозном марше.
Не святить нам столы усеянные.
Не творить жратвы обряд.
Коммунистов воскресенье —
25-е октября.
60 В этот день
 в рост весь
меж
 буржуазной паники
раб рабочий воскрес,
воскрес
 и встал на ноги.
Постоял,
 посмотрел
 и пошел,
70 всех религий развея ига.
Только вьетса красный шелк,
да в руке
 сияет книга.
Пусть их,
 свернувшись в кольца,
бьют церквами поклон старухи.
Шагайте,
 да так,
 комсомольцы,
80 чтоб у неба звенело в ухе!

⟨1923⟩

Для буржуев

новый повод

40 осушить с полдюжины насухо.
Куличи

— в человеческий рост —

уставят столы Титов.

Это Титы придумали пост:

подогревание appetitов.

Пусть балуется Тит постом.

Наш ответ — прост.

Мы постили лет сто.

Нам нужен хлеб,

50 а не пост.

Хлеб не лезет в рот.

Должны добыть сами.

Поп врёт

о насыщении чудесами.

Не нам поп — няня.

Христу отставку вручíte.

Наш наставник — знание,

книга —

наш учитель.

60 Отбрось суеверий сеянье.

Отбрось религий обряд.

Коммуны воскресенье —

25 октября.

Наше место не в церкви грязненькой.

На улицы!

Плакат в руку!

Над верой

в наши праздники

огнем рассияй науку.

<1923>

ВЕСЕННИЙ ВОПРОС

Страшное у меня горе.
Вероятно —
 лишусь сна.
Вы понимаете,
 вскоре
в РСФСР
 придет весна.
Сегодня
 и завтра
10 и веков испокон
шатается комната —
 солнца пропойца.
Невозможно работать.
 Определенно обеспокоен.
А ведь откровенно говоря —
 совершенно не из-за чего беспокоиться.
Если подойти серьезно —
 так-то оно так.
20 Солнце посветит —
 и пройдет мимо.
А вот попробуй —
 от окна оттяни кота.
А если и животное интересуется улицей,
 то мне
 это —
 просто необходимо.
На улицу вышел
 и встал в лени я,
не в силах...
30 не сдвинуть с места тело.
Нет совершенно
 ни малейшего представления,
что ж теперь, собственно говоря, делать?!
И за шиворот
 и по носу
 каплет безбожно.

Слушаешь.
Не смахиваешь.
Будто стих.

40 Юридически —
куда хочешь идти можно,
но фактически —
сдвинуться
никакой возможности.

Я, например,
считаюсь хорошим поэтом.

Ну, скажем,
могу
доказать:

50 «самогон — большое зло».

А что про это?
Чем про это?

Ну нет совершенно никаких слов.

Например:
город советские служащие искра́пили,
приветствуй весну,
ответь салютно!

Разучились —
нечем ответить на капли.

60 Ну не могут сказать —
ни слова.
Абсолютно!

Стали вот так вот —
смотрят рассеянно.

Наблюдают —
скалывают дворники лед.

Под башмаками вода.
Бассейны.

Сбоку брызжет.
70 Сверху льет.

Надо принять какие-то меры.

Ну, не знаю что, —
например:
выбрать день
самый синий,

и чтоб на улицах
улыбающиеся милиционеры

всем
в этот день

80 раздавали апельсины.
Если это дорого —
можно выбрать дешевле,
проще.
Например:
чтоб старики,
безработные,
неучащаяся детвора
в 12 часов
ежедневно
90 собирались на Советской
площади,
троекратно кричали б:
ура!
ура!
ура!
Ведь все другие вопросы
более или менее ясны.
И относительно хлеба ясно,
и относительно мира ведь.
Но этот
100 кардинальный вопрос
относительно весны
нужно
во что бы то ни стало
теперь же урегулировать.

⟨1923⟩

КОМСОМОЛЕЦ

(Марш)

Марш!
К ноге нога.
Плечо к плечу.
Марш!
Комсомолец, —
тверже шагай —
марш греми наш!
Пусть их скулят!
Ширь — марш юных.
10 Мы уж, наверно, войдем
в самый полдень коммуны.
Нам
20 лет
Весь день впереди.
Нам
стен нет!
Лезь!
Шагай!
Гряди!
20 Со старым не кончен спор.
Горят
глаз репьи.
Мускул шлифуй, спорт,
Тело к борьбе крепи!
Кто в море,
эй!
С мачт,
с птичьего лета,
зорче
30 гляди с кораблей,
шеф нашего флота,
Кто?
Перед чем сник?
Мысли удар дай!

Врежься в толщ книг!
Нам
нет тайн.
Морем букв,
числ, —
40 плавай
рыбой в воде.
День — труд.
Учись.
Гонцы ремесл и дел.
После дел всех
шаг прогулкой грохайте.
Так заливай смех,
чтоб каменья лопались в хохоте.
Может,
50 конец отцу
готовит
лапа
годов.
Готов взамен бойцу?
Готов?
Всегда готов!
Что глядишь вниз,
пузо свернул в кольца?
Грудь колесом!
60 становись
рядом
в ряды комсомольцев.
Марш!
К ноге нога!
Плечо к плечу!
Марш!
Комсомолец —
тверже шагай!
Марш греми наш!

⟨1923⟩

1-е МАЯ

Свети!
Вовсю, небес солнцезлазь!
Долой —
толпу облаков белоручек!
Радуйтесь, звезды, на митинг вылазя!
Рассейтесь буржуями, тучные тучи!
Особенно люди.
Рабочий особенно.
Вылазь!
10 Сюда из теми подвальной!
Что стал?
Чего глядишь исподлобленно?!
Иди!
Подходи!
Вливайся!
Подваливай!
Манометры мозга!
Сегодня
меряйте,
20 сегодня
считайте, сердечные счетчики, —
разветривается ль восточный ветер?!
Вбирает ли смерч рабочих точки?!
Иди, прокопчанный!
Иди, просмолённый!
Иди!
Чего стоишь одинок?!
Сегодня
150 000 000
30 шагнули —
300 000 000 ног.
Пой!
Шагай!
Границы провалятся!
Лавой распетой
на старое ляг!

1 500 000 000 пальцев,
крепче,
 выше маковый флаг!
40 Пение вспень!
 Расцепи цепенение!
Смотри —
 отсюда,
 видишь —
 тут —
12 000 000 000 сердцебиений —
с вами,
 за вас —
 в любой из минут.
50 С нами!
 Сюда!
 Кругосветная масса,
эС-эС-эС-эР ручища —
 вот вам!
Вечным
 единым маем размайся —
1-го Мая,
 2-го
 и 100-го.

⟨1923⟩

СХЕМА СМЕХА

Выл ветер и не знал о ком,
вселяя в сердце дрожь нам.
Путем шла баба с молоком,
шла железнодорожным.

А ровно в семь, по форме,
несясь во весь карьер с Оки,
сверкнув за семафорами, —
взлетает курьерский.

Была бы баба ранена,
¹⁰ зря выло сто свистков ревмя, —
но шел мужик с бараниной
и дал понять ей вовремя.

Ушла направо баба,
ушел налево поезд.
Каб не мужик, тогда бы
разрезало по пояс.

Уже исчез за звезды дым,
мужик и баба скрылись.
²⁰ Мы дань герою воздадим,
над буднями воскрылясь.

Хоть из народной гущи,
а спас средь бела дня.
Да здравствует торгующий
бараниной средняк!

Да светит солнце в темноте!
Горите, звезды, ночью!
Да здравствуют и те, и те —
и все иные прочие!

⟨1923⟩

1-е МАЯ

Мы!
 Коллектив!
 Человечество!
 Масса!

Довольно маяться.
 Маем размайся!

В улицы!
 К ноге нога!

10 Всякий лед
 под нами
 ломайся!

Тайте
 все снега!

1 мая
 пусть
 каждый шаг,
 в булыжник ударенный,
каждое радио,
 Парижам отданное,
20 каждая песня,
 каждый стих —
трубит
 международный
марш солидарности.

1 мая.
 Еще
 не стерто с земли
 имя
 последнего хозяина,
30 последнего господина.

Еще не в музее последний трон.
Против черных,
 против белых,
 против желтых
 воедино —

Красный фронт!

1-е МАЯ

Поэты —
народ дошлый.

Стих?
Изволь.

Только рифмы дай им.

Не говорилось пошлостей
больше,
чем о мае.

Существительные: Мечты.

10 Грёзы.
 Народы.
 Пламя.
 Цветы.
 Розы.
 Свободы.
 Знамя.

Образы: Майскою —
 сказкою.

Прилагательные: Красное.

20 Ясное.
 Вешний.
 Нездешний.
 Безбрежный.
 Мятежный.

Вижу —

в сандалишки рифм обуты,
под древнегреческой
образной тогой

и сегодня,

30 таща свои атрибуты, —
 шагает бумагою
 стих жидконогий.

Довольно
в люлечных рифмах нянчить —
нас,
пяtilетних сынов зари.
Хоть сегодняшней

хочется
привет
40 переиначить.
Хотя б без размеров.
Хотя б без рифм.

1 Мая
да здравствует декабрь!
Маем
нам
еще не мягчиться.
Да здравствует мороз и Сибирь!
Мороз, ожелезничавший волю.

50 Каторга
камнем камер
лучше всяких вёсен
растила
леса
рук.
Ими
возносим майское знамя —
да здравствует декабрь!
1 Мая.

60 Долой нежность!
Да здравствует ненависть!
Ненависть миллионов к сотням,
ненависть, спаявшая солидарность.
Пролетарии!
Пулями высвисти:
— да здравствует ненависть! —
1 Мая.

Долой безрассудную пышность земли.
Долой случайность вёсен.
70 Да здравствует калькуляция силёнок мира
Да здравствует ум!
Ум,
из зим и осеней
умеющий
во всегда
высинить май.

Да здравствует деланье мая —
искусственный май футуристов.
Скажешь просто,
80 скажешь коряво —
и снова
в паре поэтических шор.
Трудно с будущим.
За край его
выдернешь —
и то хорошо.

⟨1923⟩

РАБОЧИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

Пять лет рабочие глотки поют,
века воспевает рабочих любовь —
о том,
 как мерили силы
 в бою —
с Антантой,
 вооруженной до зубов.
Буржуазия зверела.
 Вселенной мощь —
10 служила одной ей.
Ей —
 танков непробиваемая толща,
ей —
 миллиарды франков и рублей.
И,
 наконец,
 карандашей,
 перьев лесá
ощетиня в честь ей,
20 лили
 тысячи буржуазных писак —
деготь на рабочих,
 на буржуев елей.
Мы в гриву хлестали,
 мы били в лоб,
мы плыли кровью-рекой.
Мы взяли
 твердыню твердынь —
 Перекоп
30 чуть не голой рукой.
Мы силой смирили силы свирепость.
Избита,
 изгнана стая зверья.
Но мыслей ихних цела крепость,
стоит,
 щегинит штыки-перья.
Пора последнее оружие отковать.
В руки перо берем.

Пора —
40 самым пером атаковать!
Пора —
самим защищаться пером.
Исписывая каракулю листов клочья,
с трудом вытягивая мыслей ленты, —
ночами скрипят корреспонденты-рабочие,
крестьяне-корреспонденты.
Мы пишем,
горесть рабочих вобрав,
нас затмит пустомелей лак ли?
50 Мы знаем:
миллионом грядущих правд
разрастутся наши каракули.
Враг рабочим отомстить рад.
У бюрократов —
волнение.
Сыпет
на рабочих
совбюрократ
доносы
60 и увольнения.
Видно, верно бьем,
видно, бить пора!
Под пером
кулак дрожит.
На мушку берет героя пера.
На героя
точит ножи.
Что ж! —
и этот нож отведем от горл.
70 Вновь
согнем над письмом плечища.
Пролетарский суд
кулака припер.
И директор
«Правдой» прочищен.
В дрожь вгоняя врагов рой,
трудящемуся защита дружья,
да здравствует
красное
80 рабочее перо —
нынешнее наше оружие!

⟨1923⟩

ЭТО ЗНАЧИТ ВОТ ЧТО!

Что значит,
 что г-н Кёрзон
разразился грозой нот?
Это значит —
 чтоб тише лез он,
крепи
 воздушный
 флот!

Что значит,
¹⁰ что господин Фош
по Польше парады корчит?
Это значит —
 точится нож.

С неба смотри зорче!
Что значит,
 что фашистское тупорылье
осмелилось
 нашего тронуть?

Это значит —
²⁰ готовь крылья!

Крепи
 СССР оборону!
Что значит,
 что пни да кочки
всё еще
 по дороге к миру?

Это значит —
 красный летчик,
нашу
³⁰ силу
 в небе рекламируй!

Что значит,
 что стал
 груб

нынче
 голос
 пана?

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Мне

надоели ноты —
много больно пишут что-то.

Предлагаю

без лишних фраз
универсальный ответ —
всем зараз.

Если

нас
10 вояка тот или иной

захочет

спровоцировать войной, —

наш ответ:

нет!

А если

даже в мордобойном вопросе
руку протянут —

на конференцию, мол, просим, —

всегда

20 ответ:

да!

Если

держава

та или другая

ультиматумами пугает, —

наш ответ:

нет!

А если,

30 не пугая ультимативным видом,
просят:

— Заплатим друг другу по обидам, —

всегда

ответ:

да!

Если

концессией

или чем прочим
хотят
на шею насесть рабочим, —
40 наш ответ:
нет!
А если
взаимно,
вскрыв мошну тугую,
предлагают:
— Давайте
честно поторгуем! —
всегда
ответ:
50 да!
Если
хочется
сунуть рыло им
в то,
кого судим,
кого милуем, —
наш ответ:
нет!
Если
60 просто
попросят
одолжения ради —
простите такого-то —
дурак-дядя, —
всегда
ответ:
да!
Керзон,
Пуанкаре,
70 и еще кто́ там?!
Каждый из вас
пусть не поленится
и, прежде
чем испускать зряшние ноты,
прочтет
мое стихотвореньице.

⟨1923⟩

Пусть
смерть товарища
сегодня
40 подчеркнет
бессмертье
дела коммунизма.

⟨1923⟩

⟨.....⟩

товарищ Чичерин
и тралеры отдает
и прочее.

Но поэту
незачем дипломатический такт.

Я б
Керзону
ответил так:

— Вы спрашиваете:
10 «Тралеры брали ли?»

Брали тралеры.
Почему?
Мурман бедный.
Нужны ему

дюже.
Тралер
до того вещь нужная,
что пришлите
хоть сто дюжин,

20 все отберем
дюжину за дюжиною.

Тралером
удобно
рыбу удить.

А у вас,
Керзон,
тралерами хоть пруд пруди.

Спрашиваете:
«Правда ли
30 подготовителей восстаний
поддерживали
в Афганистане?»

Керзон!
До чего вы наивны,
о боже!

И в Персии
тоже.

Известно,
каждой стране
40 в помощи революционерам
отказа нет.

Спрашиваете:
«Правда ли,
что белых
принимают в Чека,
а красных
в посольстве?»
Принимаем —
и еще как!

50 Русские
неподражаемы в хлебосольстве.
Дверь открыта
и для врага
и для друга.

Каждому
помещение по заслугам.
Спрашиваете:
«Неужели
революционерам
60 суммы идут из III Интернационала?»
Идут.
Но[.....]
.....]ало.
Спрашиваете:
«А воевать хотите?»
Господин Керзон,
бросьте
этот звон
железом.

70 Ступайте в отставку!
Чего керзоните?!
Наденьте галоши,
возьмите зонтик.

И,
по стопам Ллойд-Джорджиным,
гуляйте на даче,
занимайтесь мороженым.

А то
жара
80 действует на мозговые способности.

На слабые
 в особенности.
Г-н Керзон,
 стихотворение это
не считайте
 неудовлетворительным ответом.
С поэта
 взятки
гладки.
(1923)

Поцелуют
и опять
целуют не стихая
маслом,
нефтью,
40 тихо
и вчасос.
Воле города
противостать не смея,
цепью сцепеневших тел
льнут
к Баку
покорно
даже змеи
извивающихся цистерн.
50 Если в будущее
крепко верится —
это оттого,
что до краев
изливается
столицам в сердце
черная
бакинская
густая кровь.

⟨1923⟩

О ТОМ,
КАК У КЕРЗОНА
С ОБЕДОМ
РАЗРАСТАЛАСЬ
АППЕТИТОВ ЗОНА
(Фантастическая, но возможная история)

Керзон разразился ультиматумом.

Не очень ярким,

так...

матовым.

«Чтоб в искренности СССР

убедиться воочию,

возвратите тралер,

который скрали,

и прочее, и прочее, и прочее...»

¹⁰ Чичерин ответил:

«Что ж,

берите,

ежели вы

в просьбах своих

так умеренны

и вежливы».

А Керзон

взбесился что было сил.

«Ну, — думает, —

²⁰ мало запросил.

Ужотко

загну я им нотку!»

И снова пастью ощеренной

Керзон

лезет на Чичерина.

«Каждому шпиону,

который

кого-нибудь

когда-нибудь предал,

³⁰ уплатить по 30

и по 100 тысяч.

Затем
пересмотреть всех полпредов.
И вообще...
самим себя высечь».

Пока
официального ответа нет.

Но я б
Керзону

40 дал совет:
— Больно мало просите что-то.

Я б
загнул
такую ноту.

Опуская
излишние дипломатические длинноты,

вот
текст

этой ноты:

50 «Москва, Наркоминдел,
мистеру Чичерину.

1. Требую немедленной реорганизации в Наркомине.
Требую,

чтоб это самое "Ино"
товарища Вайнштейна изжарило в камине,
а в "Ино"

назначило
нашего Болдуина.

2. Мисс Гаррисон

60 до того преследованиями выzlена,
до того скомпрометирована

в глазах высших сфер,
что требую

предоставить
ей

пожизненно
всю секретную переписку СССР.

3. Немедленно

70 с мальчиком
пришлите Баку,

чтоб завтра же
утром
было тут.

А чтоб буржуа
жирели, лежа на боку,
в сутки
восстановить
собственнический институт.

80 4. Требую,
чтоб мне всё золото,
Уркварту — всё железо,
а не то
развею в пепел и дым».
Словом,
требуйте, сколько влезет, —
всё равно
не дадим.

(1923)

**РАЗВЕ
У ВАС
НЕ ЧЕШУТСЯ
ОБЕ ЛОПАТКИ?**

Если
 с неба
 радуга
 свешивается
или
 синее
 без единой заплатки —
неужели
 у вас
10 не чешутся
 обе
 лопатки?!
Неужели не хочется,
 чтоб из-под блуз,
где прежде
 горб был,
сбросив
 груз
 рубашек-обуз,
20 раскрылилась
 пара крыл?!
Или
 ночь когда
 в звездищах разнóчится
и Медведицы
 всякие
 лезут —
неужели не завидно?!
 Неужели не хочется?!
30 Хочется!
 до зарезу!
Тесно,
 а в небе

простор —
дыра!
Взлететь бы
к богам в селения!
Предъявить бы
Саваофу
40 от ЦЖО
ордера́
на выселение!
Калуга!
Чего окопалась лугом?
Спишь
в земной яме?
Тамбов!
Калуга!
Ввысь!
50 Воробьями!
Хорошо,
если жениться собрался:
махнуть крылом —
и
губерний за двести!
Выдернул
перо
у страуса —
и обратно
60 с подарком
к невесте!
Саратов!
Чего уставил глаз?!
Зачарован?
Птичьей точкой?
Ввысь —
ласточкой!
Хорошо
70 вот такое
обделать чисто:
Вечер.
Ринуться вечеру в дверь.
Рим.
Высечь
в Риме фашиста —

СМЫКАЙ РЯДЫ!

Чтоб крепла трудовая Русь,
одна должна быть почва:
неразрываемый союз
крестьянства
и рабочего.

Не раз мы вместе были, чать:
лихая
шла година.

Рабочих
¹⁰ и крестьянства рать
шагала воедино.
Когда пришли

расправы дни,
мы

вместе
шли
на тронище,
и вместе,

кулаком одним,
²⁰ покрыли по коронище.
Восстав
на богатейский мир,
союзом тоже,

вместе,
пузатых
с фабрик
гнали мы,
пузатых —
из поместий.

³⁰ Войной
вражище
лез не раз.

Единокровной дружбой
война
навек
спаяла нас
красноармейской службой.
Деньки
становятся ясней.

40 Мы
 занялись стройкой.
 Крестьянин! Эй!
 Еще тесней
 в ряду
 с рабочим
 стой-ка!
 Бельмо
 для многих
 красный герб.

50 Такой ввинтите болт им —
 чтобы вовек
 крестьянский серп
 не разлучился
 с молотом.

И это
 нынче
 не слова —
 прошла
 к словам привычка!

60 Чай, всем
 в глаза
 бросалось вам
 в газетах
 слово
 «смычка»?
 — Сомкнись с селом! — сказал Ильич,
 и город
 первый
 шефствует.

70 Десятки городов
 на клич
 над деревнями
 шефствуют.

А ты
 в ответ
 хлеба рожай,
 делись им
 с городами!

80 Учись —
 и хлеба урожай
 учетверишь
 с годами.

⟨1923⟩

ГОРБ

Арбат толкучкою давил
и сбоку

и с хвоста.

Невмоготу —

кряхтел да был

и крикнул извозца.

И вдруг

такая стала тишь.

Куда девалась скорбь?

¹⁰ Всё было как всегда,

и лишь

ушел извозчик в горб.

В чуть видный съезжился комок,

умерен в вёрстах езд.

Он не мешал,

я видеть мог

цветущее окрест.

И свет

и радость от него же

²⁰ и в золоте Арбат.

Чуть плелся конь.

Дрожали вожжи.

Извозчик был горбат.

⟨1923⟩

КОМИНТЕРН

«Зловредная организация, именующая
себя III Интернационалом».

Из ноты Керзона

Глядя
 в грядущую грозу,
 в грядущие грома́,
валы времен,
 валы пространств грома,
рули
 мятежных дней
 могуче сжав
 и верно, —
10 плывет
 Москвой
 дредноут Коминтерна.
Буржуи мира,
 притаясь
 по скрывшим окна шторам,
дрожат,
 предчувствуя
 грядущих штурмов шторм.
20 Слюною нот
 в бессильи
 иссякая,
орут:
 — Зловредная,
 такая-рассякая! —
А рядом
 поднят ввысь
 милльон рабочих рук,
гудит
 сердце рабочих
30 миллионный стук, —
сбивая
 цепь границ

с всего земного лона,
гудит,
 гремит
 и крепнет
 голос миллионный:
— Ты наша!
 Стой
40 на страже красных дней.
Раскатом голосов
 покрой Керзоньи бредни!
Вреди,
 чтоб был
 твой вред
 всех врёдов повредней,
чтоб не было
 организации зловредней.

⟨1923⟩

Моль
из вселенной
выбей!

⁴⁰ Вели
лететь
левой
всей
вселенской
глыбе!

⟨1923⟩

ИТОГ

Только что
 в окошечный
 в кусочек прокопчённый
вглядывались,
 жда рассветный час.
Жили
 черные,
 к земле прижавшись черной,
по фабричным
10 по задворкам
 волочась.
Только что
 корявой сошкой
 землю рыли,
только что
 проселками
 плелись возком,
только что...
 куда на крыльях! —
20 еле двигались
 шажочком
 да ползком.
Только что
 Керзоновы угрозы пролетали.
Только что
 приказ
 крылатый
 дан:
— Пролетарий,
30 на аэроплан! —
А уже
 гроши за грошами
слились
 в мощь боевых машин.
Завинти винты
 и, крошá ими

тучи,
в небе
крылом маши.
40 И уже
в ответ
на афиши
лётный
день
громоздится ко дню.
Задирается
выше и выше
голова
небесам в стрекотню.
50 Чаше
глаз
на солнце щёрите,
приложив
козырек руки. —
Это
пролетарий
в небе
чертит
первые
60 корявые круги.
Первый
неуклюжий шаг
пускай коряв —
не удержите
поднявших якоря.
Черные!
Смотрите,
своры,
сворищи и сворки.
70 Ежедневно —
руки тверже,
мозг светлей.
Вот уже
летим
восьмеркою к восьмерке
и нанизываем
петлю к петле.
Мы
привыкли

АВИАДНИ

Эти дни
 пропеллеры пели.
Раструбите и в прозу
 и в песенный лад!
В эти дни
 не на словах,
 на деле —
пролетарий стал крылат.
Только что
10 прогудело приказом
по рядам
 рабочих рот:
— Пролетарий,
 довольно
 пялиться наземь!
Пролетарий —
 на самолет! —
А уже
 у глаз
20 чуть не рвутся швы.
Глазуют,
 забыв про сны и дрёмы, —
это
 «Московский большевик»
взлетает
 над аэродромом.
Больше,
 шире лётнедели.
Воспевай их,
30 песенный лад.
В эти дни
 не на словах —
 на деле
пролетарий стал крылат.

(1923)

АВИАЧАСТУШКИ

И ласточка и курица
на полеты хмурятся.
Как людье поразлетится,
не догнать его и птице.

Был
 летун
 один Илья —
да и то
 в ненастье ж.
10 Всякий день летаю я.
Небо —
 двери настезь!

Крылья сделаны гусю.
Гусь —
 взлетит до крыши.
Я не гусь,
 а мчусь вовсю
всякой крыши выше.

20 Паровоз
что та́чца:
еле
 в рельсах
 тащится.
Мне ж
 любые дали — чушь:
в две минуты долечу ж!

Летчик!
 Эй!
 Вовсю гляди ты!
30 За тобой
 следят бандиты.

– Ну их
к черту лешему,
не догнать нас пешему!

Саранча
посевы жрет,
полсела набила в рот.
Серой

эту
40 саранчу
с самолета
окачу.

Над лесами жар и зной,
жрет пожар их желтизной
А пилот над этим адом
льет водищу водопадом.

Нынче видели комету,
а хвоста у ней и нету.
Самолет задела малость,
50 вся хвостина оборвалась.

Прождала я
цело лето
желдородного билета:
кто же
грош
на Фоккер внес –
утирает
птицам
нос.

60 Плачут горько клоп да вошь, –
человека не найдешь.
На воздушном на пути
их
и тифу не найти.

<1923>

НОРДЕРНЕЙ

Дыра дырой,
ни хорошая, ни дрянная, —
немецкий курорт,
живу в Нордернее.

Небо
то луч,
то чайку роняет.

Море
блестящей, чем ручка дверная.

¹⁰ Полон рот
красот природ:
то волны
приливом
полберега выроют,
то краб,
то дельфинье выплеснет тельце,
то примусом волны фосфоресцируют,
то в море
закат

²⁰ киселем раскиселится.

Тоска!..
Хоть бы,
что ли,
громовый раскат.

Я жду не дождусь
и не в силах дожждаться,
но верую в ярую,
верую в скорую.

И чудится:
³⁰ из-за островочка
кронштадтцы

уже выплывают
и целят «Авророю».
Но море в терпеньи,
и буре не вывести.

Волну
 и не глядят ветровы пальчики.
 По пляжу
 властались в песок
 40 и в ленивости
 купальщицы млеют,
 млеют купальщики.
 И видится:
 буря вздымается с дюны.
 «Купальщики,
 жиром набитые бочки,
 спасайтесь!
 Покроет,
 50 измелет
 и сдует.
 Песчинки — пули,
 песок — пулеметчики».
 Но пляж
 буржуйкам
 ласкает подошвы.
 Но ветер,
 песок
 в ладу с грудастыми.
 С улыбкой:
 60 — как всё в Германии дешево! —
 валютчики
 греют катары и астмы.
 Но это ж,
 наверно,
 красные роты.
 Шаганья знакомая разноголосица.
 Сейчас на табльдотчиков,
 сейчас на табльдоты
 70 накинутся,
 врежутся,
 ринутся,
 бросятся.
 Но обер
 на барыню
 косится рабы:
 фашистский
 на барыньке
 знак муссолинится.

Сося
80 и вгрызаясь в щупальцы крабы,
глядят,
как в море
закатище вклинится.
Чье сердце
октябрьскими бурями вымыто,
тому ни закат,
ни моря рёволицы,
тому ничего,
ни красот,
90 ни климатов,
не надо —
кроме тебя,
Революция!

Нордерней, 4 августа (1923)

МОСКВА–КЕНИГСБЕРГ

Проезжие – прохожих реже.
Еще храпит Москва деляг.
Тверскую жрет,
Тверскую режет
сорокасильный «Каделяк».
Обмахнуло
радиатор
горизонта веером.

– Eins!
10 zwei!
 drei!* –
 Мотора гром.
В небо дверью –
аэродром.
Брик.
 Механик.
 Ньюбóльда,
 Пилот.

Вещи.
20 Всем по пять кило.
Влезли пятеро.
Земля попятилась.
Разбежались дорожки-
ящеры.
Ходынка
 накрылась скатертцей.
Красноармейцы,
 Ходынкой стоящие,
стоя ж –
30 назад катятся.
Небо –
 не ты ль?..
 Звезды –
 не вы ль это?!

* Один! два! три! (нем.)

чтоб близко-близко,
от солнца на чуточку,
80 парить над Двинском.
Рекорд в рекорд
вбивал Горро́,
чтобы я
 вот —
этой тучей-горой.
Коптел
 над "Гномом"
Юнкерс и Дукс,
чтоб спорил
90 с громом
моторов стук».
Что же —
 для того
 конец крылам Ика́риным,
человечество
 затем
 трудом заводов никло, —
чтобы этакий
 Владимир Маяковский,
100 баринном,
Кенигсбергами
 распархивался
 на каникулы?!
Чтобы этакой
 бесхвостой
 и бескрылой курице
меж подушками
 усесться куце?!
Чтоб кидать,
110 и не выглядывая из гондолы,
кожуру
 колбасную —
 на города и доли?!
Нет!
 Вылазьте из гондолы, плечи!
100 зрачков
 глазейте в каждый глаз!
Завтрашнее,
 послезавтрашнее человечество,

120 мой
 неодолимый
 стальнорукий класс, —
я
 благодарю тебя
 за то,
 что ты
 в полетах
и меня,
 слабейшего,
130 вковал своим звеном.
Возлагаю
 на тебя —
 земля труда и пота —
горизонта
 огненный венок.
Мы взлетели,
 но еще — не слишком.
Если надо
 к Марсам
140 дуги выгнуть —
сделай милость,
 дай
 отдать
 мою жизнишку.
Хочешь,
 вниз
 с трех тысяч метров
 прыгну?!

Berlin, 6/IX-23

СОЛИДАРНОСТЬ

Наша пушнина пришла на Лейпцигскую ярмарку в забастовку транспортников.

Тт. Каминский и Кушнер обратились в стачечный комитет, и сам комитет пошел с ними разгружать вагоны советских товаров. Товарищи из ВЦСПС, отметьте этот акт международной рабочей солидарности!

В.М.

Ярмарка.

Вовсю!

Нелепица на нелепице.

Лейпциг гудит.

Суетится Лейпциг.

Но площадь вокзальную грохот не залил.

Вокзалы стоят.

Бастуют вокзалы.

Сегодня

¹⁰ сказали хозяевам грузчики:

«Ну что ж,

посидимте, сложивши ручки!»

Лишь изредка

тишь

будоражило эхо:

это

грузчики

бьют штрейкбрехеров.

Скрипят буржуи.

²⁰ Ходят около:

— Товарищи эти разденут догола! —

Но случай

буржуям

веселие кинул:

Советы

в Лейпциг

прислали пушнину.

Смеясь,
 тараканьими водят усами:
30 — Устроили стачечку —
 лопайте сами!
Забудете к бунтам клонить и клониться,
когда завалются ваши куницы! —
Вовсю балаганит,
 гуляет Лейпциг.
И вдруг
 буржуям
 такие нелепицы
(от дива
40 шея
 трубой водосточной):
выходит —
 живьем! —
 комитет стачечный.
Рукав завернули.
 Ринулись в дело.
И...
 чрево пакгауза
 вмиг опустело.
50 Гуляет ярмарка.
 Сыпет нелепицы.
Гуляет советским соболем Лейпциг.

Страшны ли
 рабочим
 при этакой спайке
буржуевы
 белые
 своры и стайки?!

(1923)

УЖЕ!

Уже голодище
берет в костяные путы.
Уже
и на сытых
наступают посты.
Уже
под вывесками
«Milch und Butter»*
выхващаются хвосты.
10 Уже
на Kurfürstendamm'e
ночью
перешептываются выжиги:
«Слыхали?!
Засада у Рабиновича...
Отобрали
"шведки" и "рыжики"».
Уже
воскресли
20 бывшие бурши.
Показывают
буржуйный норов.
Уже
разговаривают
языком пушек
Носке и Людендорф.
Уже
заборы
стали ломаться.
30 Рвет
бумажки
ветра дых.
Сжимая кулак,
у коммунистических прокламаций

* «Молоко и масло» (нем.)

толпы
 голодных и худых.
Уже
 валюта
 стала Луна-парком —
40 не догонишь
 и четырежды скор —
так
 летит,
 летит
 германская марка
с долларных
 американских гор.
Уже
 чехардят
50 Штреземаны и Куны.
И сытый,
 и тот, кто голодом глодан,
знают —
 это
 пришли кануны
нашего
 семнадцатого года.

<1923>

КИНОПОВЕТРИЕ

Европа.

Город.

Глаза домищами шарили.

В глаза —

разноцветные капли.

На столбах,

на версту,

на миллионы ладов:

10

ЧАПЛИН!!!!

!!!!ЧАРЛИ

Мягкий человечешко

из Лос-Анжелоса

через океаны

раскатывает ролик.

И каждый,

у кого губы нашлося,

ржет до изнеможения,

ржет до колик.

20 Денди туфлястый (огурцами огу́рятся) —
к черту!

Дамища (груди — стог).

Ужин.

Курица.

В морду курицей.

Мотоцикл.

Толпа.

Сыщик.

Свисток.

В хвост.

30 В гриву.

В глаз.

В бровь.

Желе-подбородки трясутся игриво.

Кино

гогочет в миллион шиберов.

Будет:
80 не соусом,
 будет:
 не в фильме.
Забитые встанут,
 забитые сами
метлою
 пройдут
 мировыми милями.
А пока —
 Мишка,
90 верти ручку.
Бой! Алло!
Всемирная сенсация.
 Последняя штучка.
Шарло на крыльях.
 Воздушный Шарло.

{1923}

ПРОТЕСТУЮ!

Я
ненавижу
 человечье устройство,
ненавижу организацию,
 вид
 и рост его.

На что похожи
 руки наши?..

Разве так
10 машина
 уважаемая
 машет?..

Представьте,
 если б
 шатунов шатия
чуть что —
 лезла в рукопожатия.

Я вот
 хожу
20 весел и высок.

Прострелят,
 и конец —
 не вставишь висок.

Не завидую
 ни Пушкину,
 ни Шекспиру Биллю.

Завидую
 только
 блиндированному автомобилю.

30 Мозг
 нагрузишь
 до крохотной нагрузки,
и уже
 захотелось
 поэзии...
 музыки...

Если б в понедельник
паровозы
не вылезли, болея
40 с перепоя,
в честь
поэтического юбилея...
Даже если
не брать уродов,
больных,
залегших
под грудю одеял, —
то даже
прелестнейший
50 тов. Родов
тоже
еще для Коммуны не идеал.
Я против времени,
убийцы вороватого.
Сколько
в землю
часами вогнаны.
Почему
болезнь
60 сковала Арватова?
Почему
безудержно
пишут Коганы?
Довольно! —
зевать нечего:
переиначьте
конструкцию
рода человеческого!
70 Тот человек,
в котором
цистерной энергия —
не стопкой,
который
сердце
заменил мотором,
который
заменит
легкие — топкой.

Пусть сердце,
80 даже душа,
но такая,
чтоб жила,
 паровозом дыша,
никакой
 весне
 никак не потакая.
Чтоб утром
 весело
 стряхнуть сон.
90 Не о чем мечтать,
 гордиться нечего.
Зубчиком
 вхожу
 в зубчатое колесо
и пошел
 заверчивать.
Оттрудьясь,
 развлекаться
 не чаплинской лентой,
100 не в горелках резвясь,
 натываясь на грабли, —
отдыхать,
 в небеса вбегая ракетой.
Сам начертил
 и вертись в парабóле.

⟨1923⟩

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

УТРО

Угрюмый дождь скосил глаза.
А за
Решеткой
Четкой
Железной мысли проводов
Перина.
И на
10 Нее легко встающих звезд оперлись
Ноги.
Но ги-
бель фонарей,
Царей
В короне газа,
Для глаз
Сделала большей враждующий
букет бульварных проституток.
И жуток
Шуток
20 Ключущий смех из желтых
ядовитых роз
Возрос
Зигзагом.
За гом
И жуть
Взглянуть
Отрадно глазу:
Раба
30 Костров
Страдающе-спокойно-безразличных,
Гроба
Домов
Публичных
Восток бросал в одну пылающую вазу.

(1912)

ОТПЛЫТИЕ

простыню вод под брюхом крылий
порвал на волны белый зуб
был вой трубы как запах лилий
любовь кричавших медью труб
и взвизг сирен забыл у входов
недоуменье фонарей в ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей

<1912>

* * *

На чешуе жестяной рыбы
Прочел я зовы вещей губ
А вы ноктюрн сыграть могли бы
На флейтах водосточных труб?
Я стер границы в карте будня
Плеснувши краску из стакана
И показал на блюде студня
Косые скулы океана

⟨1913⟩

⟨ВЕСНА⟩

⟨Первая редакция⟩

* * *

Листочки
Лес постави после
точки строчек лис
точки.

⟨Вторая редакция⟩

ВЕСНА

Лис —
Точки
После
Точки
Строчек
Лис-
— Точки.

* * *

Балалайка.
Будто лаем оборвала
скрипки бала
лайка.

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА (Цикл из пяти)

Павлиньим хвостом распущу фантазию в пестром цикле,
душу во власть отдам рифм неожиданных рою.
Хочется вновь услышать, как с газетных столбцов зацыкали
те,
кто у дуба, кормящего их,
корни рылами роют.

I.

НЕ ГОВОРите ГЛУПОСТЕЙ

Мало извозчиков?!
Тешьтесь ложью!
Видана ль шутка плоче чья?
¹⁰ Улицу врасплох огляните,
из рож ея
чья не извозчичья?
Поэт ли поет о себе и о розе,
девушка ль в локон выплетет ухо —
вижу тебя, сошедшего с козел,
король трактиров,
ерник и ухарь.
Если скажут мне:
«Помните,
²⁰ Сидоров, —
помер», —
не забуду,
удивленный, глазом смерить их...
О, кому охота помнить номер
нанятого тащиться от рождения к смерти.

Все равно мне,
что они лошадей не поят,
что утром не начищают дуг они;

с улиц,
30 с бесконечных козел
тупое лицо их,
открытое лишь мордобою и ругани.
Орет орава!
Толстая,
на вате,
красная
клюквы воз — щека.
Некоторые без лошадей еще,
и разве хватит
40 лошадей на стольких извозчиков.
Дети!
Только вы еще остались.
Ничего,
подрастете.
Скоро
в жиденьком кулачке зажмете кнутовище,
отборной руганью исхлестывая город.
Меж тысяч извозчиков,
шляпу на нос надвинув,
50 иду
торжественней, чем строчка Державинских од.
День еще —
и один останусь
я,
медлительный и мечтательный пешеход.
(1916)

Необычайное приключение,
бывшее со мной
С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ
на даче
в ПУШКИНО
27 верст от Москвы
по
Ярославской
железной дороге

В 140 солнц
 закат пылал.
В июль
 катилось лето.
Была жара.
 Жара плыла.
На даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою.
¹⁰ А низ горы
 деревней был.
Кривился
 крыш корою.
А за деревнею —
 дыра.
И в ту дыру,
 наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно
²⁰ и верно.
А утром
 снова
 мир залить
вставало
 солнце
 ало.

И день за днем
ужасно злить
меня
30 вот это
стало.
И так
однажды
разозлясь,
что в гневе
все поблекло,
в упор
я крикнул солнцу:
40 «Слазь!
довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
Занежен в облака ты...
А тут
не знай
ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
50 «Погоди,
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
60 само,
расставив луч-шаги,
шагает
солнце
в поле.
Хочу испуг не показать
и ретируюсь задом.
Уже
в саду его глаза.
Уже
70 пролезло садом.

В окошки,
 в двери,
 в щель войдя,
валилась
 солнца масса.
Ввалилось.
 Дух переведа,
заговорило басом:
«Гоню
80 обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
 Чай гони!
Гони,
 поэт,
 варенье!»
Слеза из глаз у самого,
жара
 с ума сводила.
90 Но я
 ему
 (на самовар):
«Ну что ж,
 садись, светило!»
Черт дернул
 дерзости мои
орать ему.
 Сконфужен,
я сел
100 на уголок скамьи.
Боюсь —
 не вышло б хуже.
Но странная
 из солнца
 ясь
струилась.
 И степенность
забыв,
 сижу, разговорясь
110 с светилом
 постепенно.
Про то,
 про это говорю,
что-де заела Роста.

А солнце:
 «Ладно,
 не горюй.
Смотри на вещи просто.
А мне, ты думаешь,
120 светить
легко?
 Поди!
 Попробуй.
А вот идешь...
 взялось идти...
Идешь
 и светишь в оба!»
Болтали так до темноты,
до бывшей ночи то есть, —
130 какая тьма уж тут?
 На «ты»
мы с ним, совсем освоюсь.
И скоро,
 дружбу не тая,
бью
 по плечу его я.
А солнце тоже:
 «Ты да я,
ведь нас,
140 товарищ,
 двое.
Пойдем, поэт,
 взорим,
 вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты
 свое,
 стихами».
150 Стена теней,
 ночей тюрьма
под солнц двухстволкой пала.
Лучей
 и света кутерьма
сияй
 во что попало!
Устанет то,
 и хочет ночь

прилечь,
160 — тупая сонница, —
вдруг я
во всю светаю мочь —
и снова
день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде, —
до дней
последних
донца.
170 Светить
— и никаких гвоздей —
вот лозунг мой
и солнца.

〈ВСЕМ ТИТАМ И ВЛАСАМ РСФСР〉

Пусть по России всей летит
пусть льется песня басом
два брата жили старший Тит
жил с младшим братом Власом.

Прожили всласть не знали лих
в своем домке на Каме.
Но раз расползся дом у них
пол гнется под ногами.

Смерть без гвоздей промолвил Тит
¹⁰ Хоша б мильен заплотишь
не то что хату сколотить
и гроб не заколотишь.

Да это правда молвил Влас
разглаживая бороду
нема в селе гвоздей у нас
а. езжай на помощь к городу
б. езжай помог чтоб к городу

а. Взвали(л)
б. Взял Тит с собой муки мешок
Коняга впряжен пегий
а. Братана Власа в губы чмок
б. в усы братана Власа чмок
²⁰ и марш гремя телегой.

а. Коняга быстрый Тит летит
глаза смыкает дрёма
во сне гвоздищи видит Тит
и строит дом за домом

б. Тит дернул свистнул пегий в путь
версту отъехал с лишком
Эх каб рабочего обдуть
сверлит мозги мыслишка

За часом час бросая прочь
сбаюкав Тита бегом
бежала день бежала ночь,
ретивая телега.

а. Когда ж проснулся утром Тит

30 б. Уже когда проснулся Тит
росы просохли капли
Тит с удовольствием глядит
что он уже в Сарапуле

Стал продувной у Тита вид
Бестия из бестий

Через слободку едет Тит
а. На фабрику Гвоздъреста
б. на фабрику в Гвоздъресте

К гвоздильне прямо едет Тит
вдруг с грустью видит сильной
труба чего-то не копит

40 Коняга впряжен пегий
а. Братана Власа в губы чмок
б. в усы братана Власа чмок
и марш гремя телегой.

а. Коняга быстрый Тит летит
глаза смыкает дрёма
во сне гвоздищи видит Тит
и строит дом за домом

б. Тит дернул свистнул пегий в путь
версту отъехал с лишком
Эх каб рабочего обдуть
сверлит мозги мыслишка

За часом час бросая прочь
сбаюкав Тита бегом
бежала день бежала ночь,
ретивая телега.

- 50 а. Когда ж проснулся утром Тит
б. Уже когда проснулся Тит
росы просохли капли
Тит с удовольствием глядит
что он уже в Сарапуле

Стал продувной у Тита вид
Бестия из бестий
Через слободку едет Тит
а. На фабрику Гвоздьтреста
б. на фабрику в Гвоздьтресте

- 60 К гвоздильне прямо едет Тит
вдруг с грустью видит сильной
труба чего-то не коптит
над фабрикой гвоздильной

⟨Вбегае(т) за гвозд(я)ми⟩ Тит
⟨но в мастерской⟩ холодной
⟨рабочий зря⟩ без дел сидит
⟨Я говорит голодн(ы)й⟩

- а. вовремя налог
б. к сроку продналог.
..... хлебу
..... налег
70 небу

..... к фабри(ке) дрова
..... налога
..... гвозди были вам
..... много.

⟨Дай Тит рабочим⟩ хлеб взаймы
⟨Мы здесь сиди(м)⟩ не жравши
⟨а долг вернем⟩ гвоздями мы
⟨крестьянам⟩ хлеба давшим

80 <Взъярился Тит> не дам не дам
<я хлеба дармоеду>
не дам я хлеба городам
<и без гвоздя до>еду

Мужичье счастье не в гвозде
рычит подобно зверю.
С рабочим нам не делать дел
Ушел и хлопнул дверью.

В село обратно Тит летит
От бега от такого
свалился конь и видит Тит
90 оторвалась подкова

Пустяк ее приколотить
да нету ни гвоздишка
И встал в лесу в ночевку Тит
И Тит и лошадишка.

Нет ни коня ни Тита нет
а. в лесу
б. в селе ходили толки
что этих двух во цвете лет
в лесу сожрали волки.

а. Да клок бородки черной
б. Лишь клок бородки черной
100 оставили от Тита
а всю мучицу вороны
сожрали с аппетитом.

а. С дороги
б. Жена с шоссе не сводит глаз
Конец приходит лету.
Братана ждет с тоскою Влас
а Тит<а> нет и нету.

А дом уже не дом а срам
расползся вдрызг домишка
решает Влас поеду сам
110 а то домишке крышка

Телега мигом собралась.
Не вспомнив Тита даже,
в соседний город гонит Влас
нельзя им без гвоздя же.

Отъезд его обставлен был
попешностью такою
что Влас с собою взять забыл
а. З(абыл)
б. мешок с ржаной мукою

120 Томить не буду долго вас
подробностью дороги
к утру в Сарапул въехал Вла(с) —
гнедого быстры ноги

Звонит бубенчик под дугой
Коняга мыла мыльней
подъехал Влас¹ уже к другой
к работавшей гвоздильне

130 Глядит с лицом довольным Влас
разинь пошире рот-ка
Дымит трубы четыре враз
вовсю идет работка

Влас мигом в мастерскую вбег
по стенкам глазом рыщет
глядит и впрямь и вкривь и вбок
гвоздище на гвоздище

Рабочий меж гвоздей сидит
воткнув в работу очи
а. и только буркнул под нос
б. У работяги хмурый вид
серьезнейший рабочий

¹ В рукописи описка: написано «Тит» вместо «Влас».

Крестьянин шапку заломил
140 а. и молвил с ноткой жалости
б. Имейте молвил жалости
Нам без гвоздишек свет не мил
ссуди гвоздей пожалуйста

Гадает Влас — даст не дас(т)
А тот лишь буркнул под нос
не оторвав от дела глаз
Чего вам Влас угодно-с

А Влас опять ссуди гвоздей
а. не спать же нам под небом
б. не спать же мне под небом
хоть сдохни без гвоздей ей-ей

150 а. А тот в ответ за гвоздь везде
рабочим
б. в хозяйстве нужен гвоздь везде.
Рабочий молвил дам гвоздей
но сыпь сначала хлеба

Затылок грустно Влас скребет
на Тита дурня сетуй
прошиб насквозь холодный пот
муки-то больше нету

а. Поднял рабочий правый глаз
и молвил глядя косо
б. Как только это молвил Вла(с)
рабочий глянул косо
Из-за прекрасных что ли глаз

160 а. я должен делать
б. должен работать гвоздь для вас
езжай обратно с носом

Еще грустнее Влас глядит
Трясет со страху ногу
Рабочий милый дай в кредит
К весне верну ей богу.

Но был рабочий как кремень
не дам взревел и только
а. Как
б. Вези муку и в тот же день
бери любую толику

¹⁷⁰ а. Выходит Влас назад
б. Выходит Влас щемит тоской
с порожними горстями
Сидит рабочий в мастерской
без хлеба но с гвоздями.

В конец рабочий впал в тоску¹
Живот пустой. Ни корки
зашевелилася в мозгу
семья мыслишек горьких

Хоть сельским Титычам скупым
и впору наказание
¹⁸⁰ а. но
б. да ссорой что докажешь им
Дуреха мне названье

Часы минуты дни идут
прошла неделя срока
пришел от голода капут
и гвозди вышли боком

Вопрос простой аж проще нет
а. оставьте и
б. слова оставьте злючие.
С крестьянством ссориться не след
не след ни в коем случае

¹⁹⁰ Моя история проста
а. Крестьяне други вы вот
б. Чтецы сумейте вы вот
Прочтя с начала и с хвоста
из песни сделать вывод.

¹ Это и следующее четверостишие в черновике записаны в обратном порядке.

А вывод ясен вывод прост.
Коль без догадки сами
его сейчас же в полный рост
поставлю пред глазами.

НЕМЦАМ

Германия —
 это тебе!
 Это не от Рапалло.
Не наркомвнешторжым я расчетам внял.
Никогда,
 никогда язык мой не трепала
комплиментщины официальная болтовня.
Я не спрашивал,
 Вильгельму,
10 Николаю прок ли, —
разбираться в дрызгах царственных не мне.
Я
 от первых дней
 войнищу эту проклял.
плюнул рифмами в лицо войне.
Распустив демократические слюни,
шел Керенский в орудийном гуле.
С теми был я,
 кто в июне
20 отстранял
 на вас нацеленные
 пули.
И когда, стянув полков ободья.
сжали горла вам французы и британцы,
голос мой
 взрывался
 песней о свободе,
руки фронта
 вытянув
30 брататься.
Теперь
 хожу
 по твоей земле, Германия,
и моя любовь
 к тебе
 романнее цветет и романнее.

Вижу —
цепенеют верфи на Одере,
Вижу —
40 фабрики сковывает тишь.
Пусть,
не верю,
что на смертном
одре
лежишь.
Я давно
[.....]¹
с себя
лохмотья наций скинул.
50 Нищая Германия,
позволь
мне,
как немцу,
как собственному сыну,
за тебя твою распеснить боль.

Немецкая песня

Мы сеем,
мы жнем,
мы куем,
мы прядем,
60 рабы всемогущих
Стиннесов.
Но мы не мертвы.
Мы еще придем.
Мы еще наметим
и кинемся.
Обернулась шибером,
улыбка на морде, —
история стала.
Старая врет.
70 Мы еще придем.
Мы пройдем из Нордена
сквозь Вильгельмов пролет Бранденбургских
ворот.

¹ Стк. 47 отсутствует.

У них доллары.
Победа дала.
Из унтерденлиндских отелей
ползут,
вгрызают в горло доллар,
пируют на нашем теле.
Терпите, товарищи, расплаты во имя...
80 За все —
за войну,
за после,
за раньше,
со всеми,
с ихними
и со своими
мы рассчитаемся в Красном реванше...
На глотке колено.
Мы — зверьи рычим.
90 Наш голос судорогой немится...
Мы знаем, под кем,
мы знаем, под чьим
еще подымутся немцы.
Мы
еще
извеселим берлинские улицы.
Красный флаг, —
мы заждались —
вздымайся и рей!
100 Будет
песня
из окон каждого Шульца.
И в ответ
свободный откликнется Рейн.
Это
тебе,
Германия!
Это
не долларов тыщи,
110 этой
песни счёта с голодом
не свести.
Что ж,
и ты
и я —

мы оба нищи, —
у меня это лучшее
из всего,
что есть.

⟨1922—1923⟩

После дел всех
шаг прогулкой грохайте.
Так заливай, смех,
чтоб камень
 лопался в хохоте.

Может,
 конец отцу
готовит
40 лапа годов.
Готов взамен бойцу?
Готов.
 Всегда готов!

Что глядишь вниз —
пузо
 свернул в кольца?
Товарищ —
 становись
рядом
50 в ряды комсомольцев!
Комсомолец —
 к ноге нога!
Плечо к плечу!
 Марш!
Товарищ,
 тверже шагай!
Марш греми наш!
(1923)

〈ПРОТЕСТУЮ!〉

〈Первая редакция〉

Ходим расхлябанно ручками машем
Мне не нравятся, движения наши —
Чуть весною солнце выжжется
Человек расхлябался и еле движется
Наткнешься на лицо и некрасивое и рябое
мотор испорчен в сердце перебои
Или пуля просверлит лба кусок
не починешь лоб не вставишь 〈кусок〉 виска
Постоите приставленные жизнью к стенке
¹⁰ и уже дрожим уже неврастеники
Нагрузишь мозг до предельной нагрузки
и уже захочется поэзии да музыки
Идешь и вдруг остановились ноги
наткнулись на барьеры высоких психологий
Стоит детина ражий и рыжий Ванька из всех Ваней
и вдруг валится в яму переживаний
Идут наступают землю роют
и вдруг стали сцепенены хандрою
Дышешь паровозом в сто колес
²⁰ и вдруг закручивают вздох туберкулез
Изобретешь великое передумаешь начисто
и вот
 ослабел
 и вот
 маньячество
Работаешь и вот тише и тише
лег и кончился глупейшей из смертишек
Делать нечего
³⁰ спешите пере(и)начьте планы рода человеческого
Только те люди дано которым
цистерной энергия а не стопкой
которые сердце заменят мотором
которые легкие заменят топкой
Пусть буд(ут) легкие и даже душа

Не завидую
 ни Пушкину,
 ни Шекспиру Биллю
 Завидую
 только
 блиндированному автомобилю
 30 Мозг
 нагрузишь
 до маленькой нагрузки
 и уже
 захотелось
 поэзий
 и музыки
 Если б в понедельник
 паровозы
 не вышли б боля
 40 перепившись
 в честь
 поэтического юбилея
 Даже если
 не брать уродов
 больных
 лежащих под грудой одеял
 то даже
 например
 такой Родов
 50 тоже
 еще для Коммуны не идеал
 Я против времени
 убийцы вороватого
 (подкравшегося часами)
 (скольких) сколько
 часами
 в землю вогнано
 Почему
 болезнь
 60 сковала Арватова
 но сыпятся
 статьи
 профессора Когана
 (Работаешь и вот?)
 тише
 тише

И наконец
 окончивши
 все это
не горелками
 резвиться
 и нарываясь на грабли
А отдыхать
 в небеса
 вбегая
120 ракетой
Резвиться
 по установленной самим
 параболе

На оборотной стороне машинописного листа записаны варианты строк:

¹⁻⁶ Мне
 не нравится
 человечье устройство
ни организация
 ни вид
 ни рост его
44-52 Даже если
 не говорить про уродов
 про больных
 залегших
 под грудю одеял
то даже
 цветущий красавец Родов
тоже для коммуны
 еще не идеал

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

Европа.
 город.
 Глаза —
 Домищами шарили.
В глаза —
 разноцветные капли:
На столбах,
 на версту,
 на миллионы ладов:

¹⁰ Чарли
 Чаплин!!!
Мягкий человечешко
 из Лос-Анжелóса
Через океаны
 раскатывает ролик.
И каждый,
 у кого
 губы нашлося —
Ржет до изнеможения,
²⁰ Ржет,
 до колик.
Денди
 туфлястый
 (огурцами огу́рятся)
К черту!
 Дамица
 (груди — стог).
Ужин.
 Курица.
³⁰ в морду курицей.
Мотоцикл.
 Толпа.
 Сыщик.
 Свисток.
В хвост.
 в гриву.
в глаз.
 в бровь.

Желе подбородки трясутся игриво.
40 Кино гогочет
 в мильон шиберóв.
Молчи, Европа,
 — дура сквозная!
Мусьи,
 заткните ваше орло.
Не вы,
 — я уверен, —
 не вы,
 — я знаю —

50 Над вами
 смеется
 товарищ Шарло́.
Жирноживотные
 Лобоузкие,
Скажите,
 на чем у вас
 пудры пыльца?
Европейцы,
 на чем у вас пудры пыльца?

60 Разве
 эти
 чаплинские усики
Не всё,
 что у Европы
 осталось от лица.
Шарло.
 Спадают штаны-гармоника.
Кок.
 Котелочек около кока.

70 В издевке
 твой
 комарьи ножки,
Европа фраков
 и файфоклоков.
Кино
 заливается щиплемой девкой.
Чарли
 заехал
 какой-то мне...

80 Публика!
 Тише!
 Над вами издевка.

Европа —
оплюйся,
сядь,
уймись.

Чаплин валяй,
марай соусами.

Будет:
90 не соусом,
будет:
не в фильме.

Забитые встанут,
забитые сами

Метлою
пройдут
мировыми милями.

А пока —
Мишка,
100 верти ручку.

Бой! Алло!
Всемирная сенсация,
последняя штучка.

Шарло на крыльях.
Воздушный Шарло.

⟨1923⟩

ВАРИАНТЫ

НОЧЬ

(С. 7)

Пощечина общественному вкусу:

¹¹ И каждый хотел протащить хоть немножко

УЛИЧНОЕ

(С. 10)

Список Д.Бурлюка (без правки):

⁸ Скрестили синих молний копыя
¹² Безглазым ликом Василиска

Сажок сугей 2; Кофта фата:

Заглавие *отсутствует.*

¹ В шатрах истертых масок цвель где
⁸ Скрестили синих молний копыя
⁹ В резной руке единый глаз
¹² Безглазым ликом Василиска.

ИЗ УЛИЦЫ В УЛИЦУ

(С. 11)

Требник троих:

Заглавие *отсутствует.*

¹⁸⁻¹⁹ Пестр как фо-
Рель-сы-
Н
²³ Тянет из пасти трамваев
²⁷⁻²⁸ Лифт
Души
⁴²⁻⁴³ С улицы синий чулок

Листовка «Пощечина общественному вкусу»:

Заглавие *отсутствует.*

¹⁸⁻¹⁹ Пестр как фо-
рель-сы
Н
⁴²⁻⁴³ С улицы синий чулок

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

(С. 13)

Автограф:

⁶ Прочел я зовы вещей губ,
¹⁰ на флейтах водосточных труб?

Фонографическая запись:

¹⁰ на флейтах водосточных труб

ВЫВЕСКАМ

(С. 14)

Требник троих:

Заглавие *отсутствует.*
²⁻⁵ Под флейтой золоченой буквы
Копченые выползут сиги
И нежные головы брюквы
И если с веселостью песьей
⁹⁻¹⁰ Когда же узрите в парче вен
Светилен махровые знаки

ТЕАТРЫ

(С. 15)

Требник троих:

Заглавие *отсутствует.*
¹ Рассказ о влезших на подмосток

КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТЕРБУРГ

(С. 16)

Требник троих:

⁶ Туда где моря блещут блюда
⁸ Реки двугорбого верблюда

Простое как мычание:

Заглавие Кое-что про Петроград

ЗА ЖЕНЩИНОЙ

(С. 17)

Требник троих:

- ⁵ В расплавах меди домов полуда
¹¹ От тротуаров с ужимкой татей
¹³⁻¹⁶ Спугнув.....
¹⁹ И вырвав солнце из черной сумки

*Простое как мычание; Все сочиненное;
13 лет работы:*

- ¹¹ От тротуаров с ужимкой татей
²⁰ ударил злобно по ребрам крыши

Я!

(С. 18)

Я!; Дохлая луна (1-е изд.):

- ⁴ Бьют жестких фраз пяты

<2.> НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ ЖЕНЕ

(С. 18)

Я!; Дохлая луна (1-е и 2-е изд.):

- ⁶⁻⁸ Крикливо тянется любовь созвездий пестрополосая
Венчается с автомобильным гаражом
Целуется с газетными киосками
¹⁴ В шелках озерных ведь ты же висла
¹⁹⁻²⁰ Ведь это ж дочь твоя моя же песня

Простое как мычание:

- ⁷⁻⁸ Венчайся с автомобильным гаражем,
целуется с газетными киосками,

<3.> НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ МАМЕ

(С. 19)

Я!; Дохлая луна (1-е и 2-е изд.):

- ⁷ Что опять увижу
²⁵⁻²⁶ Кто же приласкает золотые руки
Бывеской изломанные
У витрин Аванцо?

⟨4.⟩ НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБО МНЕ САМОМ

(С. 19)

Я!; Дохлая луна (1-е изг.):

- 2-3 Вы прибоая смеха
Мглистый вал
Заметили б за слоновьим хоботом
7-8 А полночь промокшими пальцами щупала
12 Скакал сумасшедше топор
13 Я вижу он сквозь город бежал
17 Слов исступленных вонзая кинжал
с опечаткой: Слез
21 сжался ж хоть ты и не мучай
23-24 Это ж душа моя клочьями порванной тучи
31 Я ж одинок как последний глаз

Дохлая луна (2-е изг.):

- 2-3 заметили б за тоски слоновьим хоботом
7-8 А полночь промокшими пальцами щупала
12 скакал сумасшедше собор
13 Я вижу ... сквозь город бежал
21 Сжался ж хоть ты и не мучай
23-24 Это ж душа моя клочьями порванной тучи
30 в божнице уродца века
31 я ж одинок, как последний глаз

«БАЛАЛАЙКА...»

(С. 22)

Автограф:

- 2 а. [с лаем оборвала]
б. оборвала [с лаем]
3 [лайки бала]

ОТ УСТАЛОСТИ

(С. 23)

*Дохлая луна (1-е и 2-е изг.);
корр. Для первого знакомства:*

- 11-12 Сестра в богадельнях идущих веков

ЛЮБОВЬ
(«Девушка пугливо куталась...»)

(С. 24)

Дохлая луна (1-е изд.):

- 1 Женщина пугливо куталась в болото
2 Ширились зловеще лягушачьи мотивы
3 В шпалах копошился рыжеватый кто-то
4 И упорно в буклях проходили локомотивы
5-6 Но в облачные пары сквозь солнечный угар
Врезалось бешенство ветренной мазурки
8 А женщина поцелуи кидает как окурки

Дохлая луна (2-е изд.):

корр. Для первого знакомства:

- 2 Ширились зловеще лягушачьи мотивы
5 Но в облачные пары сквозь солнечный угар
8 А женщина поцелуи кидает как окурки

Простое как мычание:

- 4 укорно в буклях проходили локомотивы.
8 а женщина поцелуи бросает как окурки.

МЫ

(С. 25)

Дохлая луна (1-е изд.):

- 1 Ле-
Зем
Зем
Ле
3-4 На губах каналов дредноутов улыбки поймать
6-7 На костер разожженных созвездий взвесь
Не позволю мою одичавшую, дряхлую мать
8 Дорога
Рог
Ада
Пьяни грузовоз храпы

подцензурный вариант:

- 10 Черные перья дьяволов бросим любимым на шляпы

Дохлая луна (2-е изг.):

1 Ле-
 Зем
 Зем-
 Ле

3-4 На губах каналов дредноутов улыбки поймать

6-7 На костер разоренных созвездий взвесь
Не позволю мою одичавшую, дряхлую мать

8 Дорога
 Рог
 Ада

Пьяни грузовозов храпы

*цензур. купюра; так же в кн. «Простое как
мычание»:*

Перья линяющих бросим любимым на шляпы

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЩИ

(С. 26)

Дохлая луна (1-е и 2-е изг.):

2 На топоте подошв и на громах колес

5 И ящики гула пронесет грузовоз

6 И трамвай расплещет перекаты гроз

8 И все на площадь сквозь тоннели пассажей

12 На царство толкучек коронован – шум

АДИЩЕ ГОРОДА

(С. 27)

Молоко кобылиц:

Заглавие Зигзаги в вечер

3 Как рыжие дьяволы скакали автомобили

7 И заплакал когда в вечернем смерче

9 А в дырах небоскребов где горела руда

Простое как мычание:

Как рыжие дьяволы, вздымались автомобили,

НАТЕ!

(С. 28)

Рыкающий Парнас:

- ⁵ Вот вы, мужчины — у вас в усах капуста
⁷⁻⁹ Вот вы, женщины: вас белила густо,
Вы смотрите устрицами из раковин вещей.
И все вы на бабочку поэтиного сердца
¹¹ Толпа озверееет и будет тереться,
¹³ А если сегодня мне, неотесанному гунну,
¹⁷ Бесценных слов я — транжир и мот.

Для первого знакомства:

- ⁶ где то недокушанных щей
¹¹ Толпа озверееет и будет тереться

*Простое как мычание; Все сочиненное;
13 лет работы; Избранный Маяковский:*

- ⁶ где-то недокушанных щей;

НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮТ

(С. 29)

Рыкающий Парнас:

- Заглавие Пробиваясь кулаками
¹ Я подошел к зеркалу,
Сказал спокойно:
³ Гладкий парикмахер вдруг сделался хвойный,
⁸ Ругань врывается от писка до писка.

Для первого знакомства:

- ¹ Я вошел к парикмахеру сказал спокойный
³ Гладкий парикмахер сделался сразу хвойный

В АВТО

(С. 30)

Кофта фата:

- ¹⁴⁻¹⁵ «О»
«S»

КОФТА ФАТА

(С. 31)

*Первый журнал русских футуристов;
корр. «Для первого знакомства»:*

*В журнальном тексте заглавие отсутствует.
В корр. сборника заглавие: Желтая кофта
(по ПСС: В 12 т. Т. 1).*

- 3-4 И желтую кофту из трех аршинов заката
И по Невскому мира по лощеным полосам его
9 На глади асфальта мне
«хаашо грасировать»
11 А земля мне любовница в праздничной чистке

Простое как мычание:

- 13 острые и нужные, как зубочистки!

ПОСЛУШАЙТЕ!

(С. 32)

Первый журнал русских футуристов:

Заглавие отсутствует.

- 8-21 Торопится на небо боится что опоздал
Плачет и целует жилистую руку
И просит чтоб обязательно была звезда
Клянется что не перенесет эту беззвездную муку
А после ходит тревожный и
Спокойный наружно
И говорит кому-то ведь теперь —
ничего не страшно

Фонографическая запись:

- 6 Надрываясь
11-15 И целует ему жилистую руку
и просит —
чтобы обязательно была звезда! —
Клянется —
что не перенесет эту беззвездную муку!
19 И говорит кому-то:

А ВСЕ-ТАКИ

(С. 33)

Первый журнал футуристов:

- Заглавие Еще я
1 Улица проваливалась как нос сифилитика
7–8 Одев на голову как рыжий парик
А людям страшно что у меня изо рта
10–13 *отсутствуют.*
15 Ведь меня одного сквозь горящие здания
Проститутки как... на руках понесут
И покажут... в свое оправдание *(с ценз. купюрой)*
18 И... заплачет над моей книжкой
Не слова а судороги смешивая комом
И побежит по... с моими стихами
под мышкой *(ценз.)*

Корр. Для первого знакомства:

- 1 Улица проваливалась как нос сифилитика
7 надев на голову рыжий парик
11 Как пророку цветами устелят след
12–13 Ведь все эти провалившиеся носами знают
Что я их поэт
15 Ведь меня одного сквозь горящие здания
19 Не слова, а судороги, слившиеся комом

Сб. «Для первого знакомства»:

- 1 Улица проваливалась как нос сифилитика
7 Надев на голову как рыжий парик
11 Как пророку цветами устелят след
13 Я их поэт
19 Не слова а судороги слившиеся комом

ЕЩЕ ПЕТЕРБУРГ

(С. 34)

Первый журнал русских футуристов:

- Заглавие Утро Петербурга
7 А с крыш смотрела какая-то дрянь

Простое как мычание:

- Заглавие Еще Петроград

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

(С. 35)

Новая жизнь; Война:

- Заглавие «Война объявлена!»
5–6 Громадную морду обернула кофейня,
Зверем рыча из окровавленного грима...
21 Вдуваются на площади за ротой рта
25 Газетчики надрывались: «Вечернюю! Вечернюю!»
27 А из ночи, черно очерченной чернью

Весеннее контрагентство муз:

- Заглавие «Война объявлена!»
27 А из ночи, черно очерченной чернью
После 28 20 июля 1915 г. (см. примечания)

*Простое как мычание; Все сочиненное,
13 лет работы:*

- 5 Морду разбила кофейня,
27 Из ночи, черно очерченной чернью

МАМА И УБИТЫЙ НЕМЦАМИ ВЕЧЕР

(С. 36)

Автограф; Новь; Весеннее контрагентство муз:

- 18 шаршавый
28 как мертвый кулак с зажатой обоймой.

Простое как мычание:

- 28 как мертвый кулак с зажатой обоймой.
После 49 Октябрь 1915 г. (см. примечания)

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО

(С. 38)

Беловой автограф:

- Заглавие Немножко нервно и скрипка.
6–7 А сам больной, не дослушал скрипкиной речи,
19–21 Когда контрабас меднорожий и потный
27–28 и шатаясь пошел через ноты
и сгибающиеся под ужасом пюпитры
29 отсутствует.

- 34–35 Я вот тоже кричу,
44 *отсутствует.*
45 Будемте жить вместе

Театр в карикатурах:

*Те же разночтения, кроме стк. 44 и 45,
совпадающих с основным текстом.*

Простое как мычание:

- 45 будемте жить вместе!

Я И НАПОЛЕОН

(С. 42)

Автограф:

- 16 Уличные толпы небесной влаге
22 А бульварный цветник истекает кровью
[к]
60 Он раз чуме приблизился тронем
62 Я ж каждый день иду к зачумленным
73 За мной же изъеденные бессонницей

Весеннее контрагентство муз:

- 16 Уличные толпы небесной влаге
20 церковка бульварному изголовью,
22 А бульварный цветник истекает кровью,
32–34 Через секунду, встречу я неб
62 Я ж каждый день иду к зачумленным
73 За мной не изъеденный бессонницей!
После 92 Москва 1915 г.

Простое как мычание:

- 16 Уличные толпы небесной влаге
61 смертью смерть поправ,

ВАМ!

(С. 45)

Альм. «Взял»:

- Заглавие Вам которые в тылу
3 как вам не стыдно о представленных Георгию
5–7 Вот вы прохвосты бездарные многие
Все думаете нажраться лучше как

А может быть сейчас бомбой ноги
9 Если бы он.....

Лист альм. «Взял» с правкой:

4 напеваеете стихи Северянина
9 приведенный на бой
Между 12 и 13 Он проклял бы мать и Россию
И вас вкупе,
Свинооких [свиноглазых],
задом[ницей] сильных,
И как тумба пустая глупых.
14–16 Жизн[и отдам последний час]
Я лучше в баре буду фуюм¹
Подавать ананасовый квас

ГИМН СУДЬЕ

(С. 46)

Новый Сатирикон:

Заглавие Судья
2 С трудом выгребая галеру,
6 Где птицы, танцы и бабы,
15 Глаза у судьи — как пара жестянок
38–39 И зря ему дали галеру,
Ведь судьи мешают и птице, и танцу,

Простое как мычание:

Заглавие Судья
13 И птиц, и танцы, и всех перуанок
17–18 На хвост павлиний оранжево синий
взглянул он строгий, как пост,
39 Ведь судьи мешают и птице, и танцу,

Кофта фата:

Заглавие Судья
6 Где птицы, танцы и бабы
39 Судьи ж мешают и птице и танцу

Фонографическая запись:

15 Глаза у судьи, как пара жестянок
18 под взгляд его строгий, как пост, —
37 А все-таки, знаете, жаль перуанца
39 Ведь судьи мешают и птице, и танцу.

¹ См.: Парнис А.Е. Маяковский и мат // Новая газета. 2013. 30 авг.

ГИМН УЧЕНОМУ

(С. 48)

Новый Сатирикон; Кофта фата:

Заглавие Ученый

³ Ощетинив щетину и выперев перья,

ВОЕННО-МОРСКАЯ ЛЮБОВЬ

(С. 50)

Фонографическая запись:

¹² убежала миноносица

ГИМН ЗДОРОВЬЮ

(С. 51)

Новый Сатирикон:

² С трудом поворачивая шею бычью,
¹⁵ Голодных самок накормим желанья,

ГИМН КРИТИКУ

(С. 52)

Список К.И. Чуковского с черновой рукописи:

- ¹ От страсти извозчика к разговорчивой прачке
³ Ребенок не мусор: не вывезешь на тачке
⁵ Отец разговаривал, вспоминая родословную
⁷ Такое воспитание, изящное и салонное,
⁸ Оберегало ребенка от уклона в свинство.
⁹ Как роется дворником к белошвейке сапа
¹¹ От нее ребенок унаследовал запах.
¹² И способность легко проникать, как мыло
¹³ И когда он вырос приблизительно с полено
¹⁴ а. И веснушки выступили как рыжики на блюде
б. И веснушки высыпали, как рыжики на блюде.
¹⁶ Вывели на улицу, чтобы вышел в люди.
¹⁷ Много ли человеку нужно: клочок
¹⁸ небольшие брюки и что-нибудь из хлеба
¹⁹ Он носом, прицепленным, как подстрочный
пятачок,

20 обнюхал серенькое газетное небо.
22 нежнейший в дверь услышал стук
24 Выдоил и брюки, и ⟨...⟩ галстук
25 Хорошо ему было, обутому и одетому
26 молодых искателей наблюдать ⟨...⟩ игры
27 хорошо бы вцепиться ну хотя бы этому
28 скверными зубенками в шальные икры.
29 Зато если ⟨...⟩
30 Как велик был ⟨...⟩ или Дант,
31 Так и кажется, что разлагается в газете
32 Огромный и жирный официант.
33–34 *отсутствуют.*
35 Имя его пер⟨а⟩ голубя белей
36 первым засияет на поднесенном портсигаре.
38 Писатели! Нас много, соберемте миллион
40 Ежедневно прополаскивать на газетной странице.

Новый Сатирикон; Для первого знакомства:

5 Отец в разговорах вспоминал родословные,
12 И способность вникать легко, как мыло.
16 Провели на улицу, чтоб вышел в люди.
17 Много ли человеку нужно? — Клочок,
23 Скоро критик из именитого вымени
27 И думать, как хорошо, ну, хотя бы этому
37 Писатели, нас много! Соберемте миллион

13 лет работы; Маяковский улыбается:

37 Писатели, нас много соберемте миллион.

ГИМН ОБЕДУ

(С. 54)

Новый Сатирикон:

6 Тысячу Реймсов разбить удалось бы —
14 Их зря отец твой выделал,
21 Лежи спокойней, безглазый, безухий,

Для первого знакомства:

4 и тысячи блюдищ всякой пищи
6 и тысячу Реймсов разбить удалось бы
14 их зря отец твой выделял
21 лежи спокойней, безглазый, безухий

ТЕПЛОЕ СЛОВО КОЕ-КАКИМ ПОРОКАМ

(С. 56)

Новый Сатирикон:

Подзаголовок

отсутствует.

29 Игроческие глаза из ночи

31 Я разгружал какого-то, как настойчивый рабочий

37 И когда говорят мне про труд и еще и еще,

40 «А вы покупаете к пятерке?»

ВОТ ТАК Я СДЕЛАЛСЯ СОБАКОЙ

(С. 58)

Новый Сатирикон; Для первого знакомства:

Подзаголовок

Нам. Вам. Им

1 Ну, это уже совершенно невыносимо.

38 большой и собачий!

41 Ко второму прибавился третий и четвертый.

46–47 огромная и злая, —

50 Гав! Ав! Ав!

Простое как мычание:

1 Ну, это уже совершенно невыносимо.

50 Гав! ав! — ав!

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ ДИРИЖЕРА

(С. 60)

Новый Сатирикон; Для первого знакомства:

2 Кресла облиты в человечью мякоть,

4 Приказав музыкантам плакать.

7 Труба, изловчившись, в спокойную морду

9 И еще не успел он между икотами

11 Его, избитого тромбонами и фаготами

15 Приказав музыкантам завуть по-зверьи —

19 Дул и слушал — раздутый, удвоенный,

21 А когда наутро, от злобы не евший,

*Простое как мычание; Все сочиненное;
13 лет работы; Избранный Маяковский:*

3 Обиженный выбежал дирижер,

ПУСТЯК У ОКИ

(С. 61)

Новый Сатирикон:

- ⁷ Звезда, как вы хорошая, будто не звезда, а девушка.
¹² Как вы прекрасно картавите,
¹⁴ А она: «Ну, зачем вы давите

Кофта фата; Все сочиненное; 13 лет работы:

- ¹⁴ Она: «Ну, зачем вы давите

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ НЕЛЕПОСТИ

(С. 62)

Новый Сатирикон:

- ¹⁰ Громок хозяина бас как
⁴⁶ скажут, что не было ни ядр, ни фугасов.

ГИМН ВЗЯТКЕ

(С. 64)

Новый Сатирикон; Все сочиненное; 13 лет работы:

- ¹⁵ Россия сверху — прямо как огород
Внимательное отношение к взяточникам

Новый Сатирикон:

- ^{21–23} Ведь, может быть, у пристава дети.
Но ведь лишний труд — доить поодиночно,
вы и так в работе ведете года.
²⁷ Берите и деньги, и драгоценности мамашины,
⁴⁰ Берите, милые! Чего там!

Кофта фата:

- ²¹ может, у пристава дети.
²³ вы и так в работе ведете года.
²⁷ берите и деньги и драгоценности мамашины
⁴⁰ Берите, милые! Чего там!

Маяковский улыбается:

Заглавие Гимн взятке

ЧУДОВИЩНЫЕ ПОХОРОНЫ

(С. 67)

Новый Сатирикон:

15 И вдруг из гроба прыснула гримаса,
27 Это большой и носатый,
30 А за ним, ободранная и куцая,
34–35 Но еще и еще откуда-то плачики,
39 Сплошной обрыдавший Гаршин
42–44 Размокло лицо и стало — кашица,
Смятая морщинами на вымуренном лбу,
А если кто и смеется, — кажется,

Простое как мычание:

45 ему разодрали губу

МОЕ К ЭТОМУ ОТНОШЕНИЕ

(С. 69)

Новый Сатирикон:

Подзаголовок

отсутствует.

31 Но этому взял бы да и дал по роже:

Кофта фата:

Подзаголовок

отсутствует.

ЭЙ!

(С. 71)

Новый Сатирикон:

Посвящение

Михаилу Александровичу Гринкругу.

АНАФЕМА

(С. 73)

Стрелец:

Заглавие

Анафема

11 я ж из ящиков не выкрал серебряных ложек

16 Похотливо взлазил на рожок рожок

28 «постель как постель

42–43 *ценз. пропуск.*

После 47 ма-ра-ла
55 пощады нет
58 клянусь моей звериной силой
72 *отсутствует.*
76 Об землю обточатся зубов ножи еще
77 Собакой забьюсь...
85 Белым быком возрос
88 над нею смерчи мух.
98–101
103 Иссохните реки
жажду утолить не дав ему
107 *отсутствует.*
110 *ценз. пропуск.*
118 От окон жидкое солнце льется на спящий город
131 Вам завещаю сад фруктовый

Простое как мычание:

Заглавие Ко всей книге
Посвящение Л.Ю.Б.
47–48 «Марала!
Марррала!
Маааррраала!»
64 *ценз. пропуск.*
100–101 *ценз. пропуск.*
106 Когда

13 лет работы:

Заглавие Анафема
Все сочиненное; Соч. 1:
Заглавие Ко всему.

ЛИЛИЧКА!

(С. 77)

Беловой автограф:

13 а. В жуткой передней долго не влезет
б. В мутной передней долго не влезет
35 а. У меня
б. Мне

НАДОЕЛО

(С. 82)

Новый Сатирикон:

- Заглавие Лучше не называть
Перед 1 Надоело,
13 Осторожно подымаю глаза;
54 Где розы есть нежнее и чайне?
*Все сочиненное; 13 лет работы;
Маяковский улыбается:*
62 в 1914 году

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА

(С. 84)

Новый Сатирикон:

- 11 чем любой Пьерпонт Мурган
12–13 Через столько-то и столько-то лет
— словом, я не выживу —
22–24 и будет с кафедры лобастый идиот
что-то молоть.
30 облысевшую голову мою разрисует она
37 знаю я,
45 и самое мое бессмертье
54 пыля проспекты,
топча рожь,
Все сочиненное; 13 лет работы:
11 чем любой Пьерпонт Морган
57 в Петербурге

МРАК

(С. 86)

Новый Сатирикон:

- 3 и травятся,
12 кому же теперь писать?
После 18 Я знаю,
32 я подожду.
36 Вспомнит опять толпа о половом вопросе.
37 Дальше, — больше скудеет ум ее.
38 Пойдет на лекцию Поссе:
41 Станет, как Чита.

СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

(С. 89)

Новый Сатирикон:

- 23 Здо-о-оро-воо!!»
33 Что рюмки!
35 Пока не покажется дно —
44 просила

ХВОИ

(С. 92)

Новый Сатирикон:

- 27–28 железные чудовища лазят.
А с этих чудовищ
32 Не говорите же.
52 что ж с того!

Кофта фата:

- 27 железные чудовища лазят
32 Не говорите же.
52 Что ж с того

Все сочиненное; 13 лет работы:

- 32 Не говорите же.

СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ, ПОСВЯЩАЕТ ЭТИ СТРОКИ АВТОР

(С. 94)

Весенний салон поэтов:

- 25 Душу одной зажечь!
37 Дрожью б объял земли одряхлевший скит.

Все сочиненное; 13 лет работы:

- 37 Дрожью б объял земли одряхлевший скит.

Избранный Маяковский:

- 11 на цыпочки воли б встал.
37 Дрожью б объял земли одряхлевший скит.

БРАТЬЯ ПИСАТЕЛИ

(С. 100)

Новый Сатирикон:

10 глазенки в чай канув,
20 А знаете вы,
28 Из чего писать
34 неужели не наскучило —
43 Лучше открою лавочку.
52 Причесываться?

Кофта фата:

20 А знаете вы,
28 Из чего писать
52 «Причесываться? но зачем же!

РЕВОЛЮЦИЯ

(С. 102)

Черновой автограф (отрывки):

Заглавие *отсутствует.*
11–16 Тебе сапожищем затоптанная
тебе окровавленная молимся
грязная мать земля
а. Расстрелянными телами по ули<цам>
б. Расстрелянными телами в площадях раскиданных
а. Скажи им
б. клянемся
а. очистим землю
б. искупи(м) вину
в. искупи(м) все.
или вместе поляжем,
смертию грех замоля.
17–24 За цареву иго
за войны за голод карающую руку
подъемлет народ.
Вбежал командир,
грохнулся заколот.
В город вырвалась буря рот.
После 24 «9 часов» *отсутствует.*
24 На своем постоянном посту
30–31 За слухом слух
волнение колет

34–35 И вот
 39 двуглавый орел самодержца
 41–42 Злей и орлинее.
 43–56 И звери и люди
 и памятники
 и дома
 и моя казарма
 двинулись по улице
 толпами
 по сто.
 Звенит мостовая шагами ломаемая
 Уши крушит нечеловечья поступь.
 И вот неизвестно,
 из пенья ли толпы
 из рвущейся меди ль труб гвардейцев
 58 сияньем раззолочивая пыль
 60–61 Горит и рдеется
 68–70 Знамена — крылья
 стоголовой лавой
 из кратера города вверх взлетела
 119 Будто улицы
 121 призывами зарев зовут Россию
 129–133 Разбиты каторг глухие двери
 и в *(не дописано)* пожарище выев
 обрывками орлиных перьев
 убитые падают городовые
 163 а. Или *(не дописано)*
 б. Громче радуйтесь или
 168 Слава нам!
 169–172 а. Это мы без родины без имени без отчества
 б. Это нами без родины без имени без отчества
 в. Мы миллионы без имени без отчества
 а. Сегодня творится религия иная
 б. Днесь создается религия иная
 а. Несем скрижали нового пророчества
 с нашего закоптелого Синая
 б. Сегодня скрижали нового пророчества
 сносим с нашего закоптелого Синая
 173–183 Мы русские
 Нам и француз и англичанин родной.
 Нам и турки и немцы и негры братья.
 Мы на нашей планете воины одной
 а. жизнь создающей рати
 б. жизнь охраняющей рати

Вариант 173–179, записанный отдельно:

- Мы русские
Нам
каждый
земли поселянин родной.
Мы все по земле по станкам и по шахтам братья.
185 И держав бытие
184–186 И громы неб и земель ураганы
послушны нашим волям.
189–193 Наши небес алмазные копи.
Мы ни когда, ни когда ни кому, никому не позволим
199 для всех мало?
202–205 Это наши пушки грохочут в кровавых спорах.
Это наши руки штыки гранят.
Мы этими же руками рассыпем порох
и детям раздарим мячи гранат.
207 не вопли тех, кому есть нечего,
210–211 в величие сердца человеческого.
Это над взбитой боями пылью

Новая жизнь:

- Подзаголовок Хроника
Посвящение Л.Ю.Б.
17 И первому
24 Вырвалась в город буря рот.
После 24 «9 часов» *отсутствует.*
33–34 И видим в окно:
37 дворцов иззубренной линией
43–47 И котелки,
и рабочие,
и лошади,
и дома,
53 уши крушит тысяченогая поступь.
54–55 Неведомо откуда
из пенья ль толпы
70 из кратера города ввысь взлетела
После 72 Горе двуглавному!
75 Сегодня пересматривается мира основа.
83 Пусть в небо толпы вбивают топот!
84 Пусть флоты злобу сиренами вырычат.
85 *отсутствует.*
91 обгоняем погони пуль.
92 Взрывом рожков рассыпаемся в городе.

99 жужжа прокатилось за купол Думы.
 105 ждать нам
 118 И вновь взвиваются, искры рассея.
 119 Будто,
 улицы
 После 125–127 Зажми
 и дни
 и лун лучи
 красными пальцами тысячерукого Марата!
 130 вломись
 147 В сердце цельте!
 163 Громче трубите!
 168 Слава нам!
 180–182 Мы все на земле воины одной
 190 Мы никогда
 После 201 Сегодня
 208–210 Это народа освобожденного
 громовое:
 «Верую
 в величие слова человеческого!»
 211 Это
 над взбитой боями пылью,
 После 215 17 апреля, Петроград.

*Газета футуристов; альм. Ржаное слово;
 Все сочиненное; 13 лет работы;
 Стихи о революции (1-е и 2-е изг.);
 Избранный Маяковский:*
 182 воины одной

Стихи о революции (1-е и 2-е изг.);
 18 Первому
 182 воины одной

Избранный Маяковский:
 17 Руки в железо сжимались с злобой.
 98–99 Первого дня огневое ядро жужжа скатилось
 за куполом Думы.
 135 По чердакам раскинулся поиск.
 155 четыре тысячи в лоно свое прими!»
 182 воины одной

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

(С. 109)

Новая жизнь:

- Заглавие Сказочка
Подзаголовок Цвету интеллигенции посвящаю.
3-5 Кроме этой шапочки, пришедшейся кадету,
ничего в нем красного не было и нету.
8 Прослышит кадет — революция где-то
и внук кадетов и кадетов дед
11 И стал он черный. Видевшие это

Список, сделанный Л.Ю. Брик:

- Заглавие *отсутствует.*
4 Ни черта на нем красного не было и нету.
11 И остался он черный. А увидевшие это
15 Когда будете делать революцию, дети

Список, сделанный О.М. Бриком:

- 11 И остался он черный. А увидевши это,
15 Когда будете делать революцию, дети,

Все сочиненное:

- 4 Ни черта на нем красного не было и нету.

К ОТВЕТУ!

(С. 110)

Черновой автограф:

- 3 а. За сыном сына
б. Детей земли
8-10 голодна и раздета
выпарили человечество кровавой банею
14 разжился Албани(ей)
15 а. Сцепились громады человеческих свор
б. Сцепилась злость человеческих свор
16 опускается на мир за ударом удар
22-24 у земли
не будет неполоманного ребра.
а. Душу вытащат
б. И душу вытащат
25 а. и задушат там ее
б. и прикончат там ее

- 30–31 О во имя чего же
солдат сапог
37 О когда же встанешь во весь свой рост
40 О когда же в лицо им бросишь вопрос

«НЕТРУДНО, ЛАНДЫШАМИ ДЫША...»

(С. 112)

Беловой автограф:

- 25 а. разнесут взрывы задорного хохота
б. разнесут раскаты задорного хохота

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БАСНЯ

(С. 113)

Черновой автограф:

- Заглавие Басня
7 обкрадывать вменялось вору в обязанность
17 а. наворачивается мораль
б. наворачивается и мораль
18–20 а. по шее догу не пора
б. туда же догу не пора

Все сочиненное; 13 лет работы:

- 17 наворачивается и мораль:

«ЕШЬ АНАНАСЫ, РЯБЧИКОВ ЖУЙ...»

(С. 114)

Соловей:

- 1 Ешь ананасы и рябчиков жуй.

НАШ МАРШ

(С. 115)

Беловой автограф:

- 16 а. лет быстролетным коням
б. лёт быстролетным коням
21 а. Бодрость пей и пой
б. Радость пей пой

Газета футуристов; Ржаное слово:

- 16 Лет быстролетный коням
21 Радости пей и пой

Для голоса; Избранный Маяковский:

20 чтобы на небо нас взяли живьем.

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

(С. 116)

Пламя:

14 каким названием тебя еще звали?!
29 взрывают тысячелетие Кремля
32 Визг сирен задушенно тонок
41 Прикладом гонишь седых адмиралов

Избранный Маяковский:

20 шахтеру, пробивающему толщу руд

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

(С. 120)

Новая жизнь:

Заглавие Отношение к лошадям
14 штаны сошедшиеся Кузнецким клошить
19–20 Был Кузнецкий
И лишь один я
22–23 Гляжу и вижу
27 Гляжу и вижу
29–30 Катится по морде,
выблестелась в шерсти.
34 расплылась в шелесте
37 чего вы думаете, что вы сих плоше
44 и мысль ей моя казалась пошла

Для голоса; Избранный Маяковский:

13 За зевакой зеваки, *(Для голоса)*
27 Подошел и вижу: *(Для голоса)*
44 Может быть и мысль ей моя показалась пошла —
(Для голоса; Избранный Маяковский)

ПРИКАЗ ПО АРМИИ ИСКУССТВА

(С. 122)

Для голоса; ИзИз:

Заглавие Приказ по армии искусств

ПОЭТ РАБОЧИЙ

(С. 125)

Стихи рев., Стихи о революции:

29 Но кто ж

ТОЙ СТОРОНЕ

(С. 127)

ИК; Все сочиненное; 13 лет работы:

74 прорвемся сквозь все заставы

ЛЕВЫЙ МАРШ

(С. 129)

*Для голоса; Избранный Маяковский; ИзИз;
Школьный Маяковский:*

9 Клячу истории загоним

ПОТРЯСАЮЩИЕ ФАКТЫ

(С. 131)

ИК; Все сочиненное; Стихи рев.;
Избранный Маяковский:

23 «Власть Совета»

61 Изловчались в спорах

Стихи о революции:

61 Изловчались в спорах

МЫ ИДЕМ!

(С. 135)

Черновой автограф:

Заглавие *отсутствует.*

1-4 Мы идем!

Кто вы?

Мы глашатаи новой веры
красоте задаем железный тон.

9-10 сквозь скулеж стариков злочий,
а всем

20 вывернулась

- 27–28 а. Это революция на Страстном монастыре
б. Революция и на Страстном монастыре
29–30 написала Не (работающий) трудящийся не ест
35 оплакивал на тысячу родов
39 а. возносители завтрашних городов
б. иллюминаторы завтрашних городов
41–42 нерушимо и бодро
53 не на смерть, а на живот

Искусство; Все сочиненное:

- Заглавие Мы идем!
4 красоте задающие железный тон
13 лет работы:
4 красоте задающие железный тон

ВЛАДИМИР ИЛЬЧИ!

(С. 137)

Черновой набросок:

Ноги месили просторы

Ноги без мозга вздорны
Без мозга рукам не дело
Металось во все стороны
России безголовое тело

И земли сели на оси
Каждый вопрос прост
И встали два в хаосе
Мира во весь рост

Красная газета; 13 лет работы; Стихи рев.:

- 61 обмахивать высокий уют

Соч. 2:

- 12 рукам нет дела.
61 обмахивать высокий уют.
71 безмерного свода ВКП.

ОТНОШЕНИЕ К БАРЫШНЕ

(С. 139)

Черновой автограф:

Заглавие

отсутствует.

1-8

Тонелем любви мутнели
глаза темнотою шли
а. удержишься еле еле
б. не удержишься и еле
наклонился я и лишь

9-15

[Я сказал] говорю ей как добрый родитель
[Души][любви] страсти моей крут обрыв
Будьте добры отойдите
отойдите будьте добры

*После записи 1-й строфы на обороте
новый вариант ее без правки:*

1-8

Этот вечер решал
не любовниками выйти нам
Никто не видит нас
И я наклонился действительно
И действительно я наклонясь

ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ

(С. 140)

Черновой автограф:

Заглавие

отсутствует.

1-13

Молнию метнула глазами
Я видала с вами другая
Вы подлый и низкий самый
пошла и пошла, ругая
Остановитесь милая
Гремения прекратите ваши
Если молнией меня не убило
То гром <м>не наверно не страшен
<Записана отдельно стк. 9.>
я малый ученый милая

Заготовки:

немая

не надо ни слова, я все понимаю

«ПОРТСИГАР В ТРАВУ УШЕЛ НА ТРЕТЬ...»

(С. 141)

Черновой автограф:

Заглавие

отсутствует.

Перед текстом зачеркнуто:

[поляна

сел

Закурил]

⁵ а. дивились обалделые выкрутас монограмме

б. обалдело дивились выкрутас монограмме

⁶ а. дивились блестящему серебром полированным

б. дивились сиявшему серебром полированным

⁷ а. И было все что с морями и с горами

б. не стоившие со своими морями и горами

ГОРЕ

(С. 142)

Черновой набросок:

Заглавие

отсутствует.

⁴ Стынут пригорками кровель

Заготовки к стк. 5–6:

ночи

одионочь

**НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ,
БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ
ЛЕТОМ НА ДАЧЕ**

(С. 143)

Черновой автограф:

Заглавие

отсутствует.

² а. катилось. строка не окончена.

б. весна катилась в лето

^{8–9} а. А под той горой [поселок] был

б. А низ горы

деревней был

^{11–15} а. А за селом была дыра

Дыра была наверно

И в эту дырку каждый раз
 Спускалось солнце мерно
 б. А за деревнею
 дыра
 И в ту дыру наверно
 Спускалось солнце каждый раз
 Медленно и верно
 16–18 А утром снова все залить
 26 что в шуме все поблекло
 33–34 а я не знай ни зим ни лет
 ходи рисуй плакаты
 42–47 а. Слова с ума сошел погиб
 Сверльнули мысль до боли
 Ко мне
 раскинув луч шаги
 б. Что я наделал
 Я погиб
 ко мне
 по доброй воле
 само
 расставив луч шаги
 52 Уже пролезло садом
 53–55 В окошко в щели в дверь войдя
 62–63 а. Ты звал? ну что ж чай гони
 б. Ты звал меня Чай гони
 72–73 Кричать ему сконфужен
 76–77 а. Но страшная из солнца ясь
 струилась
 б. Но странную светило ясь
 струило
 93 Но все ж идешь
 96 а. Гремели так до темноты
 б. Болтали так до темноты
 101–102 И вскоре дружбу не тая
 104 [А] И солнце басом
 106 а. Теперь [таких] нас дво(е)
 б. теперь всего нас дво(е)
 110 а. [что] у мира в мут(ном) хламе
 б. у мира в сером хламе
 114–118 а. Сметя долгов и чувств тюрьму
 Среди Вселенной бала
 Взметаем солнца кутерьму
 Смеясь во что попало
 б. Громите тень и ночь тюрьму

Земля довольна *(строка не окончена)*

в. [Стена теней]

Стена ночей *(теней)* тюрьма

Под солнц двустволкой пала

Лучей и света кутерьма

Палим во что попало

119–125 а. Иду горю что силы есть

Чтоб не отстать от друга

Какое счастье в душу влезть

Просолнить сердце лугом

119–124 б. Вдруг я во всю светаю мочь

в. Как я во всю светаю мочь

126–132 *отсутствуют. Заготовка к ним:*

светить и никаких гвоздей

везде.

Дарственная
надпись

Беловой автограф:

Заглавие

Милой Галине Константиновне

Необычайное приключение случившееся

с Владимиром Маяковским на даче Пушкино.

(Акулова гора дача Румянцева)

16 А утром

29 довольно шляться пеклом

34 ходи рисуй плакаты

47 расставив луч-шаги

52 Уже пролезло

62 Ты ждал меня

65 Слеза в глазах у самого

67 а я ему

71 Черт дернул дерзости моей

75 боясь — не вышло б хуже

93 А все ж идешь

102 дружбу не тая

106 ведь нас, товарищ, двое!

117 Лучей и света кутерьма

Фонографическая запись:

Заглавие

Необычайное приключение, бывшее с Маяковским

на даче Пушкино по Ярославской железной дороге,

Акулова гора дача Румянцева

16 А утром

18 все залить

26 что в гневе все поблекло

29 я крикнул солнцу в пекло
34 ходи, рисуй плакаты
47 расставив луч-шаги
52 уже пролезло садом
93 А все ж идешь
102 дружбу не тая
104 И солнце тоже
106 ведь нас, товарищ, двое
117 Лучей и света кутерьма

Машинопись:

Заглавие Необычайное, невероятное происшествие, бывшее
с Владимиром Владимировичем Маяковским
летом 1920 г. в Пушкине, 28 верст от Москвы
по Ярославской железной дороге, дача Румянцева,
Акулова гора
106 Теперь нас, братец
двое.

Красная нива:

Заглавие Солнце
Подзаголовок (Из «Лирня»)
16 А утром
18 все залить
26 Что в гневе все поблекло
35 Я рявкнул солнцу
47 расставив луч-шаги
52 Уже пролезло садом
50 В окошко
93 А все ж идешь
102 дружбу не тая
104 И солнце тоже
106 Ведь нас, товарищ, двое
117 Лучей и света кутерьма

Заглавие в *Для голоса:*
оглавлении сб. Солнце

Заглавие в тексте Необычайнейшее приключение,
бывшее со мной, с Владимиром Маяковским,
на даче Румянцева, Пушкино, Акулова гора,
Ярославской ж.д.

82–100 *отсутствуют.*

Солнце:

Заглавие
в тексте Необычайнейшее ... приключение, бывшее со мной,
с Владимиром Владимировичем Маяковским, на
даче – станция Пушкино, Акулова гора, дом
Румянцевой 27 верст от Москвы, по
Ярославской ж.д.
35 Реву я солнцу
65–70 *отсутствуют.*

ИзИз:

Заглавие Необычайнейшее приключение, бывшее со мной,
с Владимиром Маяковским, на даче Румянцева,
Акулова гора, Пушкино, Ярославской жел. дор.
35 Я рявкнул солнцу

Школьный Маяковский:

Заглавие Необычайнейшее приключение, бывшее со мной,
с Владимиром Маяковским, на даче Румянцева,
Пушкино, Акулова гора, Ярославской жел. дор.
89–100 *отсутствуют.*

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(С. 147)

Черновой автограф:

2 рабочих революций лавой
3 Над штыками
4 а. стяг сияет ал
б. флаг пожаров ал
5 Нас вождь ведет
6 Милльонноглавой
7 III Интернационал
Отдельно записан вариант стк. 4:
флаг нашей кровью обрызганный ал
12–14 а. Волге наших армий не видать истока
б. Волге каких армий нет истока
а. От истока армий не увидишь устья
б. От истока не увидишь устья

- 16–17 Животом востока
 19 Через полюс пустим
 После 19 Подымайся капиталом покоренный,
 Раб Европы долго ль будешь нем
 Щелкайте орехами короны
 а. Революциями плавьте цепь в огне
 б. Революциями цепи плавь в огне
 24–32 Мы идем. Смиряется океан послушен
 Земли двух Америк
 в пламени восстаний
 Из Москвы в Нью-Йорк
 пройдемте как по суше
 красный флаг
 на крыши стоэтажных зданий.
 39–40 Встаньте черные рабы колоний
 44–46 кому владеть у мира в лоне
 цвезть коммуне или звереть Антанте
 47–49 Силы мерьте
 мы и они
 53–60 Мы придем к дверям земного рая
 созданного по указу пролетар(ия)
 Будет флаг (нрзб.) мире
 Серп огнем играет
 а. перекрещен с молотом радугой дуги
 б. с молотом скрещен радугой дуги

Вечерняя стенная газета РОСТА:

- Подзаголовок Марш-гимн
 1–2 Мы идем рабочих революций лавой
 14 Волгам наших армий нету устья
 22 Ширится третий
 31–32 на крыше нью-йоркских зданий
 36–37 встанет третий
 47–49 Силы мерьте!
 Мы и она!
 53–60 Мы идем миры разделить раем.
 В этот рай земной свободы и труда
 Дверь Россия приоткрыла краем.
 Пролетарии всех стран — туда!
 63–64 Да здравствует Третий
 Интернационал

13 лет работы:

- 32 на крышах ньюйоркских зданий

Для голоса:

14 Волнам красных армий нету устья
30 Океанами пройдем, что сушей
32 на крышах нью-йоркских зданий
34–38 В новом свете
и старом ал
встанет третий
интернационал
53–64 Мы идем
миры разделить раем.
Свалят нас —
за нами
миллион других.
Будет герб вселенной —
серп,
огнем играя,
перекрещен с молотом радугой дуги.
Выше лейте
песни вал,
Да здоровствует,
третий
Интернационал.

Стихи о революции (2-е изг.); Соч. 1:

32 на крыши ньюйоркских зданий!

ВСЕМ ТИТАМ И ВЛАСАМ РСФСР

(С. 149)

Черновой автограф:

2 а. поется песня басом
б. Пусть льется песня басом
34 Мы Тит здесь мрем не жравши
35 а. Вернем гвоздем мы
б. А долг вернем гвоздями мы
40 а. Я без гвоздей доеду
б. И без гвоздей доеду!
45 Пустяк ее б приколотить
59 Коль хлеб не получу у вас
69 а. Сей песни ясен
б. Ясней сей песни нет, ей-ей

Театральная проагитация:

23 Гвоздя достать поехал Тит
40 и без гвоздей доеду
47 и встал в лесу в ночевку Тит

О ДРЯНИ

(С. 153)

БОВ:

- Заглавие *отсутствует.*
- 1 Слава героям!
- 9 Подернулась тиной домашняя мешанина.
- 15 Я не против мещанского сословия
- 20 С самого дня Коммуны рождения
- 22–25 Наскоро физиономии переменяв,
Засели во все советские учреждения,
И, натерев от трехлетних заседаний зады,
Крепкие, как мраморные умывальники,
- 28 Свив уютные кабинетки и спальни
- После 28 Что, мол, Коммуна?!
Когда еще, мол
А пока
Один за другим завел
Академический,
Пролеткультовский,
2 красноармейских
и 4 тыловых пайка.
- 39–41 Эх, и заведу себе я тихоокеанские галифища,
51 на вечере в Реввоенсовете?
- 55–56 А из-под потолка верещала
- 58 Маркс со стенки смотрел и смотрел,
- 61–62 И как
Заорет:
Опутали революцию мещанства нити
- Маяковский издевается (1-е и 2-е изг.);
13 лет работы; Избранный Маяковский;
Стихи о революции (1-е и 2-е изг.);
Маяковский улыбается; Школьный Маяковский:*
- 55 А из-под потолка

НЕРАЗБЕРИХА

(С. 155)

Агит-РОСТА:

- Заглавие Наш быт (№ 1)
- 12 что воду набрала в рот
- 14 Против Никольской — Наркомвнудел.

18–19 Чекист из подъезда на площадь вышел.
34 Мальчишки
43–44 Дивится Пантелеймон — вспомнил и о Боге!
52 И снова торговля.

*Маяковский издевается (1-е и 2-е изд.);
13 лет работы; Маяковский улыбается:*

12 что воду набрала в рот

Избранный Маяковский:

12 что воду набрала в рот
28–29 совсем не тот
и не из того отдела
52 И все по-старому

ДВА НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫХ СЛУЧАЯ

(С. 157)

Газ. «На помощь»:

23 просили милостыню, служба и лая.
133 когда б не нашлось в селедке ни косточки.
161 на ней вертеться и нам и свободе.

СТИХОТВОРЕНИЕ О МЯСНИЦКОЙ, О БАБЕ И О ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ

(С. 162)

*Маяковский издевается (1-е и 2-е изд.);
13 лет работы; Избранный Маяковский;
Маяковский улыбается:*

54 с размаха

ПРИКАЗ № 2 АРМИИ ИСКУССТВ

(С. 164)

Вещь:

Заглавие *отсутствует.*

6 армиями Ромео и Джульет
29 пляшущие
и в дуду дующие
74–77 Сегодня
дайте новое искусство —
искусство выволочь республику из грязи

*Маяковский издевается (1-е и 2-е изд.);
13 лет работы; Избранный Маяковский;
Маяковский улыбается:*

Заглавие Приказ № 2 армиям искусств

Для голоса:

Заглавие Приказ № 2 по армиям искусств

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

(С. 166)

Известия:

Заглавие Прозаседавшимися

50 Оне на двух заседаниях сразу

*Маяковский издевается (1-е и 2-е изд.);
13 лет работы; Избранный Маяковский:*

50 Оне на двух заседаниях сразу

*Стихи рев.; Маяковский улыбается;
Стихи о революции; ИзИз:*

33 «Пришел т. Иван Ваньч? —

35 А-бе-ве-ге-де-кома.

61 О, хоть бы

Школьный Маяковский:

33 «Пришел т. Иван Ваньч? —

35 А-бе-ве-ге-де-кома.

54 Поневоле приходится раздвояться.

61 О, хоть бы

СПРОСИЛИ РАЗ МЕНЯ: «ВЫ ЛЮБИТЕ ЛИ НЭП?...»

(С. 168)

Черновой автограф:

Заглавие *отсутствует.*

1–3 *отсутствуют.*

4–5 *а. на иную арену нынче иди*

б. Буржуй никогда пролетарию не мил

12–13 *а. А все побаивался как бы не сбросили*

б. Да раньше побаивался как бы не сбросили

21 *а. Из-под пуза их вылезши груза*

- б. Из-под ихнего пуза груза
- 22–23 а. поднялась раскачалась осиноый кол
б. поднялась раскачалась и вклинила кол
- 24 в разжиревшее вбила в пузо
- 26–27 и вечекой и эмчекою вынянчена
- 29 благим нэпом покрикивает нынче нам
- 35 а. научись арифметике их научись
б. научись арифметикам их научись
- 36–37 а. Бить их цифрами их ненавидя
б. Бить их цифрами в сто крат ненавидя
- 46–51 *отсутствуют.*
- 52–54 Сами скелетами голодные сами
открывая жрущим двери Гротеска
и соусами
- 58 *отсутствуют.*
- 61–65 *отсутствуют.*
- 66–71 Хоть и раньше буржуа жирен и толст
Хоть и брал на тыщу тыщи
- 73 в магазине тебе
- 77–81 *отсутствуют.*
- 84–86 а. Сапог
б. ни сапог ни соху
в. ни сапог ни сохи ни ситец ни гвоздь
- 91–94 *отсутствуют.*
- 95–97 а. Пусть ваш лоб борода морщины рвы
б. Пусть проходит по лбу морщины ров
- 98 в мозг вбирайте купцовский опыт
- 102 революций бешеный топот

СВОЛОЧИ!

(С. 171)

Черновой автограф:

*Были записаны сначала эти две концевые строки,
а затем два варианта начальных двух строк
четверостишия.*

- 191 а. Будет день
б. И когда
- 192 а. Вселенную пожар окружит чадный
б. Всемирного пожара
- 193 а. Выворачивая богачей палаты
б. Час настанет чадный

Будьте так же будьте беспощадны
В час отмщения
И в час расплаты
Вам всесветной
Армии частицами малым
Порох мира
Те силой чьей
Силой брошенной по всем подвалам
Будет взорван
Мир [вс] несметных богачей

Заготовка стк. 1–4:

- а. Пусть
Канатом оплетут
Не речью человеческой
- б. Пусть канатом оплетут вас вместо речи
- а. Нет идите эй
- б. Из подвалов выходите эй
- а. Закрутите им канатом вместо речи
Жир бычачьих шей
- б. Закрутите им веревкой вместо речи

*Известия; 13 лет работы; Стихи о революции
(1-е изд.); Для голоса:*

- 109 Толщу непроходимых шей
196 будьте беспощадны

Стихи о революции (1-е и 2-е изд.):

- 170 проклятье отныне
171 проклятье вовек

Черновой автограф; Для голоса;

Стихи о революции:

- 16 Снова снегами сгрёб

МОЙ МАЙ

(С. 180)

Известия:

- 6 спинам плугами потруженным, —
9 встретьте, товарищи, голосом
12 В солнце снежное тай!
18 для убийства залегшим
26 славьте,

31 Я солдат —
33 Я матрос —
41–44 занесенным снегами,
голодом сглоданным нивам —
47–50 славьте трудом,
плодородием славьте,
славьте любви разливом.
52 пар гудков вздымай.

Стихи рев.; Стихи о революции:

2 на улицу вышедшим,

Для голоса; ИзИз:

26 славьте
31 Я солдат
33 Я матрос
42–44 селам,
степям,
нивам
47–50 рождений трудом (*ИзИз* — славьте рождением
трудо́в,)
плодородий разливом
52 Дым гудков вздымай.
53 Я земля
55 Я завод.

БЮРОКРАТИАДА

(С. 182)

Известия:

2 Машинка.
8 из машинки вылазит трехкопеечная шоколадка.
18–19 раздул машинку в миллиарды крат
и расставил машинку по всей РСФСР.
45 Через шесть секретарш от младшей до старшей.
48 Потеряла след.
52–53 Бумажка плыла, шевелясь еле.
Лениво ворочались машинки валы.
74 бумага на подпись вернулась опять.
127 работали в праздник и в день субботний.
134 вновь вопрос обсуждался в пленуме.
170 Только попросить его:

*Маяковский издевается (1-е и 2-е изд.);
13 лет работы; Стихи о революции;
Маяковский улыбается:*

- ⁷⁴ бумага на подпись вернулась опять.
¹⁷⁰ Только попросить его:

Стихи о революции:

- ⁷⁴ бумага на подпись вернулась опять.

КАК РАБОТАЕТ РЕСПУБЛИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ?

(С. 187)

Известия:

- ¹⁷⁸ В России и не встретишь такой рот.

Маяковский улыбается:

- ²³ поезда от границы отходят ночью

СТИХ РЕЗКИЙ О РУЛЕТКЕ И ЖЕЛЕЗКЕ

(С. 196)

Крокодил:

- Заглавие Напечатайте, братцы, — дайте отыгаться
(с примеч.) От редакции. Выдержка из письма
Маяковского крокодилцам.
⁶⁰ Рулетка — это стол,
⁷⁶ должна быть польза для московского рабочего

Маяковский улыбается:

- Эпиграф «Напечатайте, братцы, дайте отыгаться»
отсутствует.

ДАВИДУ ШТЕРЕНБЕРГУ – ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

(С. 201)

Беловой автограф:

- ⁹ а. Все (жали)
б. Влетели сея смех и крик
¹³ а. и Ося Брик
б. и Оська Брик
в. и Ося Брик

- 33 а. выхваливали ком-красоты
б. выхваливаете ком-красоты
35-31 Казалось бы —
36 что толку тут?!
а. Хорош(о)
в. Ладно
а много ли толку тут?!
41 а. Митинги вот все
б. Митинги вот и все

ГЕРМАНИЯ

(С. 203)

Черновой автограф:

- 1-7 Это тебе Германия
от русского революционера
Это не от Рапало
не счетам Наркомвнештор
жым внял
Никогда язык мой
не трепала
комплементщины офици
альной болтовня

НА ЦЕПЫ!

(С. 206)

*Известия ВЦИК; Стихи о революции
(1-е изд.):*

- 67 Но каждый шаг наш верный

**ТОВАРИЩИ! РАЗРЕШИТЕ МНЕ
ПОДЕЛИТЬСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
О ПАРИЖЕ И О МОНЕ́**

(С. 208)

Известия; Маяковский улыбается; Соч. 2:

- 23 Постоим

ПЕРНАТЫЕ

(С. 210)

Беловой автограф:

- Заглавие Пернатым товарищам.
Подзаголовок Известинцам посвящаю
6 Действующая Армия Газет
12 Темь
13 Косятсь звездные лучики
18 Сенсации в плен берем на разведке
39–41 Сквозь стены
по армии вражьей
снарядом —
грохай стереотип!
54 разбитый петитом и корпусом
55 лежит на полях газетных территорий

Красная нива:

- 40 снарядом
55 в полях газетно-журнальных территорий

О ПОЭТАХ

(С. 212)

Красная нива; Вещи этого года:

- Заглавие Стихотворение это — одинаково полезно
и для редактора и для поэтов
8 тысяч двадцать поэтов изогнулись в дуги.
42 (редактора, от ямбов та(ю)щие).
47 например, «млекопитающие»!
75 и затыкает стихами дырку за дыркою,
103 откидывается на решето.
108 5 (Сушится недолго
(успело перевечниться)
117 да смотри, чтоб рифмы не сбивались в кучку!
118–121 Чтоб «кровь» к «любви»,
128–131 чтобы их не тянуло портить бумажки,

Маяковский улыбается; Маяковский издевается:

- Заглавие Стихотворение это одинаково полезно для
редактора и для поэтов

8 тысяч двадцать поэтов изогнулось в дуги.
42 (к ямбу привык редактор лающийся!)
69 прошлогоднюю
75 и затыкает стихами дырку за дыркою
103 откидывается на решето
108 5 (Сушится недолго
(успело перевечниться)
117 да смотри, чтоб рифмы не сбивались в кучку.
118 Чтоб «кровь» к «любви»,
131 Семашке

Стихи о революции:

8 тысяч двадцать изогнулись в дуги
108 5 (Сушится (не успело перевечниться)
117 да смотри, чтоб рифмы не сбивались в кучку.
119 «тень» к «дню».
129 ...Васильевича.

**О «ФИАСКАХ», «АПОГЕЯХ»
И ДРУГИХ НЕВЕДОМЫХ ВЕЩАХ**

(С. 218)

Беловой автограф:

Заглавие а. О:
«фиасках»
«апогеях»
и про (другие неведомые вещи).
б. О:
«фиасках»
«апогеях»
и других неведомых вещах.
28 а. А это терпит.
б. А этого терпит.

ПАРИЖ (Разговорчики с Эйфелевой башней)

(С. 225)

Черновой автограф:

1 а. Обшаркан [миллионом] ног
б. Обшаркан тысячами ног
2 нешелестен миллионом шин

13–14 Стою один на Place de la Concorde
Красная нива; Вещи этого года:

61 вьюнам богатых
78 На помощь придет Rive Gauche
90 прохожих ссыпят на камин быков.
142 к нам в РСФСР

Стихи о революции (2-е изг.):

74 Я поднимаю рельсовый бунт

МЫ НЕ ВЕРИМ!

(С. 241)

Бюллетень:

Заглавие Ленин

НАШЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

(С. 247)

256 страниц:

Заглавие Наше воскресение
2 изгорблясь

Известия; 256 страниц:

22 солнечный кат

*Известия; Стихи о революции; 256 страниц;
Мы и прагеды:*

28 уму на срам

*256 страниц; Известия; Стихи о революции;
Мы и прагеды; Соч. 2:*

58 а. Коммунистово воскресение

б. Коммунистов воскресение

76 бьют церквам поклон старухи

КОМСОМОЛЕЦ

(С. 254)

Юношеская правда:

- 30–31 Тыща ремесл и дел
35–36 чтоб камни лопались в хохоте

Беловой автограф:

- 10–11 а. Мы уж наверно войдем
б. Мы наверно войдем
30–31 а. Тыща ремесл (и дел).
б. Тыща ремесл. Дел.

ЭТО ЗНАЧИТ ВОТ ЧТО!

(С. 266)

Черновой автограф:

- Заглавие отсутствует.
25–26 ставят по дороге к миру
35–37 нынче голос у пана
44–45 разглагольствуется о нашей гибели
48–50 а. пеной волн
б. в пену волн пропеллером выбели
58 небо пропеллером рыхль

Беловой автограф:

- 11 Польшей парады корчит
Стк. 42–50 помещены перед стк. 32–41.
44 разразился
47 воздух морс
49 пропеллером

Лёт:

- Повторяются разночтения белового автографа,
кроме стк. 47.
47 воздух и море

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

(С. 268)

Беловой автограф:

- 30–31 чество просят:
заплатите по обидам

74 чем делать зряшние ноты

Бюллетень:

Заглавие Мне надоели ноты, —
много больно пишут что-то,
Предлагаю
 без лишних фраз
универсальный ответ —
 всем зараз.

ВОРОВСКИЙ

(С. 270)

Черновой автограф:

Заглавие отсутствует.
3—5 гром голоса раскуй
окрась в крушащий гнев
и за границы брось-ка

Машинописная копия:

Заглавие Сегодня
4—5 до гнева накали
 и по границам брось-ка!
6 Застреленный
11—16 Стольких не станет.
 Стольких не стало.
 Стольких в клочья?
 Стольких в дым?
Кто не сдал?
 Где не сдали?
19—36 По странам прыгай
 бомбы песен мяч.
С Европою
 рабочей
 перекличься,
в глазах капиталистовых маячь!
И тычься
 в слух величеств!
Сегодня
 подкрепи
 шагами
 силу нот!
По улицам
 милыоны вызмей!

Вещи этого гога:

- 11–12 Скольких не станет?!
Скольких не стало?!

**«...ТОВАРИЩ ЧИЧЕРИН
И ТРАЛЕРЫ ОТДАЕТ И ПРОЧЕЕ...»**

(С. 272)

Заготовка в Зап. книжке № 20:

- 70–73 Довольно Керзон зря не керзоньте
наденьте галоши возьмите зонтик

Беловой автограф:

- 4–5 а. Поэту
 незачем дипломатический такт
 б. Но поэту
 незачем дипломатический такт
- 72 а. Курите галоши
 б. Наденьте галоши

БАКУ

(С. 275)

Беловой автограф:

- 19 а. Жирное пятно в пиджаке земли
 б. Жирное пятно в пиджаке мира
- 24 любовно
- 42 Город заклинитель.
- 56–58 а. Вас (?)
 б. черная
 бакинская
 густая кровь.
- На обороте листа зачеркнуты стк. 1–6,
записанные «лесенкой».*
- Бакинский рабочий:*
- 24 любовно
- 42 отсутствует.

О ТОМ, КАК У КЕРЗОНА С ОБЕДОМ РАЗРАСТАЛАСЬ
АППЕТИТОВ ЗОНА

(С. 277)

Беловой автограф:

23 и с пастью ощеренной
33 переместить всех полпредов
51 а. тов. Чичерину
б. мистеру Чичерину
63 а. что требуем
б. что требую
*Стк. 68–78 отсутствуют. Вместо них записаны
и затем зачеркнуты строки:*
а. Требуем
б. Требую
 чтоб прекратив могильный сон
От Девисона
 обратно отозвали пули,
чтоб был немедленно
 воскрешен Девисон
и назначен
 полпредом в Кабуле.

РАЗВЕ У ВАС НЕ ЧЕШУТСЯ ОБЕ ЛОПАТКИ?

(С. 280)

Беловой автограф:

Заглавие Разве у вас не чешутся лопатки?
19 рубашечных обуз
38–41 Предъявить бы
 от Це Же О
 ордера
58 из страуса
После 65 Саратов!
 Самара!
68–69 Например,
 такое
85 а. без дела
б. вперегонку
90–92 а. Людей
 по скверному
б. Людей создали
 по скверному плану

99–102 **Вырастет хвост**
и перья
и крылья

104 **заострись**
114 **а. небесною звездью**
б. небесною твердью

Известия Одесского губисполкома:

Заглавие **Летим**
В стк. 19, 38–41, 58, после стк. 65, 99–102
повторяются разночтения текста
белового автографа.

20–21 **раскрылась пара крыл?**
68–70 **Или дело такое обделать чисто:**
79 **За самовар**
81–86 **Хорошо**

когда рассвет вскрыло
по воздуху гнаться и гнаться!
92 **по скверному плану**
103–105 **грудь заострив для любого лета**
110–117 **отсутствуют.**

Известия ВЦИК; Вещи этого года:

Заглавие **Разве у вас не чешутся лопатки?**
В стк. 19, 38–41, 58, после стк. 65, 68–69, 104
повторяются разночтения текста
белового автографа.

92 **по скверному плану**
99–102 **Вырастут хвост**
и перья
и крылья

Лёт:

20 **раскрылась**
104–105 **для любого**
сквозного лета

О Курске:

104–105 **для любого**
сквозного лета.

СМЫКАЙ РЯДЫ!

(С. 283)

- 6 а. Вместе нам выступать не впервые чать
б. Не раз мы вместе были чать
- 7–8 если тяжкая шла година
- 9–10 а. крестьянская и рабочая рать
б. рабочих и крестьянства рать
- 11 а. выходили всегда воедино
б. шагала воедино
- Стк. 12–20 следуют после стк. 37.*
- 12–13 Когда пришли царицы дни
- 28–29 дворянчиков с поместий
- 37 а. красноармейской службой
б. в красноармейской службе

ИТОГ

(С. 292)

Черновой автограф:

- Заглавие *отсутствует.*
- Стк. 1–11 следуют после стк. 22.*
- 9–11 по фабричному задворку волочась
- 20–22 Еле двигались шажками и ползком
- 35–36 заведи винты и кроша ими
- 46–49 а. Забирается выше и выше
глаз
б. Задирается выше и выше
голова на небес стрекотню
- 61–63 а. Первый шаг пускай (коряв)
б. Первый неуклюжий взмах пускай коряв
- 64–65 Мы не станем раз поднявши якоря
- 66–69 а. Эй смотрите своры белые и сворки
б. Эй смотрите своры черные и сворки
- 73–75 Вон уже летим восьмеркою к восьмерке
- 82–89 Пусть один «Московский большевик»
взлетает первым нынче
мы нанижем за неделями труда недели
миллионокрылые мы в грядущих битвах вымчим
- 93–95 наступленьем заменить мазурки и кадрили
- 96–97 а. Вам в ответ на вызов ярый
б. Пролетарии в ответ на вызов ярый

- 98–100 а. вырвут кулачонки сотни эскадрилий
б. вырвут кулачонки сотней эскадрилий

Беловой автограф:

- 35 а. заводи винты
б. завинти винты

НОРДЕРНЕЙ

(С. 298)

Черновой автограф:

- Заглавие *отсутствует.*
42 и млеют купальщики
43–44 И кажется буря вздымается с дюны
53–55 Но пляж буржуйкам лижет подошвы
56–58 но ветер с песком в ладу с грудастыми
63–65 но это ж наверное красные роты
73–75 а. Но люди на барынь косятся рабы
б. На барынь оберы косятся рабы
76–78 фашистски(й) на барыне знак муссолинится
81–83 глядит как в море закатище вклинится

СОЛИДАРНОСТЬ

(С. 305)

Беловой автограф:

- Эпиграф 7 а. приветствуйте этот акт
б. отметьте этот акт
28–29 а. Ликуют
крысьими водят усами
б. Смеясь,
тараканьи(ми) водят усами
36–38 а. Буржуйам в испуг
такие нелепицы!
б. И вдруг буржуйам
такие нелепицы!
52 Белеет советским сободем Лейпциг

УЖЕ!

(С. 307)

О Курске:

- 42–45 так
летит
германская марка

КИНОПОВЕТРИЕ

(С. 309)

Черновой автограф:

- Заглавие отсутствует.
- 1–3 а. Громаднейший город
глаза городом шарили.
б. Европа Город
глаза домищами шарили
- 4–5 а. В глаза
афиш разноцветные капли
б. В глаза
разноцветные капли
- 17–18 а. ржет до упаду
ржет до колик
б. ржет до изнеможения
ржет до колик
- 19 Денди
туфлястый
огурцом огурятся
- 33 желе подбородков тряся игриво
- 34–35 а. Гогочут кино толпой шиберов
б. Кино гогочет толпой шиберов
- 36–37 а. Европа
б. Молчи Европа
дура сквозная
- 46–47 а. Толстяки животами
лбенками узки
б. Жирные животами
лбенками узкие.
в. Жирноживотые.
Лобоузкие
- 48–49 а. Европейцы,
на чем у вас пудры пыльца

93 Последние штучки
94-95 Шарло на воздухе.
Летающий Шарло.

Огонек:

Заглавие О развлечениях Европы

После 18 Экран (подзаголовки)

19 Денди.

Туфлястый.

Огурцами огурятся!

20-24 К черту!

Дамища.

Груди стог!

29-32 Лупит Шарло —

и в хвост,

и в гриву, —

лупит Шарло

и в глаз,

и в бровь

34-35 Гогочет кино в мильон шиберов

60 Котелочек около кока

85 метлой

89 Мишке —

91 Воу,

allo!

DUBIA

* * *

Полно плакать над ним... Отдыхает
Он в заоблачной, чудной стране...
Всей душой верить хочется мне,
Что теперь он печали не знает...
Он страдал за людские страдания,
Он погиб за свободу людей...
Может быть, и не стало светлей,
Но его не разбиты желанья...
Мысли счастья и правды живут,
Хоть носителей их убивают...
Палачи их, и те даже, знают,
Что они никогда не умрут...

1907

ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА

На солнце блестело стекло,
Снег таял и таял с ним лед...
да, что-то куда-то ушло
И что-то взамен к нам идет...
Я слушал сегодня весь день,
Как где-то кричали грачи;
Оставив дремоту и лень
Катились, звенели ручьи...
Синела прозрачная даль...
Точильщик ножей колесом
Работал поодаль, и сталь
Глаза ослепляла огнём...
Весь мокрый, с хохлом, воробей
Уселся вблизи на кусты
И важно сказал мне: «ей-ей, —
Я знаю в чём дело... А ты?..»

1907

КОММЕНТАРИИ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

При жизни и после трагической гибели Маяковского его произведения издавались довольно часто. Было подготовлено и выпущено несколько собраний сочинений, среди них первое — десяти томное (1927 — 1932). На протяжении 1930 — 1970-х годов вышло еще шесть многотомных изданий. Хотя каждое обладало своими достоинствами, ни одно из них ни по охвату материала, ни по уровню историко-литературного изучения творчества Маяковского, ни по характеру текстологической подготовки не соответствовало задачам полного академического собрания сочинений. В предыдущие десятилетия отсутствовали необходимые предпосылки для его осуществления.

Данное Полное собрание произведений Маяковского в 20 томах подводит в определенном отношении итог осмыслению творческого наследия поэта, ориентировано на новые, открывшиеся в настоящее время возможности подлинно научного изучения истории русской и советской литературы, опирается на достижения современной текстологической науки. В нем критически учитывается опыт всех предшествующих собраний сочинений Маяковского — как десяти томного, начавшего выходить еще при жизни поэта, так и тех, которые создавались после его смерти.

Настоящее собрание произведений включает все выявленное к данному моменту литературное наследие Маяковского, в том числе неоконченные произведения, наброски, черновики, различные редакции и варианты произведений, записные книжки, письма и записки, дарственные надписи, деловые бумаги. Наряду с этим в него входят произведения, созданные в соавторстве, групповые заявления и декларации, подписанные поэтом, а также анонимные и псевдонимные произведения, принадлежность которых Маяковскому не доказана с достаточной степенью достоверности.

В издании в полной мере учитывается одна из отличительных особенностей творческого облика Маяковского, который, как известно, был не только писателем, но и профессиональным художником. В издании представлены созданные им плакаты, агитлубки, реклама, а также его чисто изобразительные работы (живопись, графика). В силу этих причин данное издание именуется Полным собранием произведений В.В. Маяковского.

Впервые в составе собрания сочинений В.В. Маяковского будут представлены разделы «Записные книжки», «Дарственные надписи» и «Материалы к биографии».

Записные книжки Маяковского исключительно важны для понимания его творческой лаборатории, приемов и методов его поэтической работы, уточняют и проясняют многие факты его жизни.

В раздел «Материалы к биографии» помещены подписанные Маяковским деловые бумаги, протоколы редакционных совещаний, протоколы его допросов в полиции 1908—1909 гг., расписки, доверенности и т.п., бумаги по взысканию и оплате подоходного налога, служебные анкеты и т.п.

В основу построения издания положен жанрово-хронологический принцип. Все произведения объединяются по жанрам, а внутри этих групп располагаются по хронологии написания, а в случае отсутствия таких сведений — по хронологии публикации. Исключение составляют устойчивые поэтические циклы, к которым относятся циклы «Я!», «Париж», «Стихи об Америке», «Маяковская галерея», «Ни знахарь, ни бог...», «Обряды», «Вон самогон» и некоторые другие.

Специфика ряда произведений Маяковского, подчиненных задачам культурно-производственного просвещения масс, где текст зачастую связан с изображением, дает основание выделить их в самостоятельную серию томов — «Агитационно-производственное искусство». Признано целесообразным в этот раздел перенести плакаты, «Окна РОСТА» и Главполитпросвета, лубки, рекламу, лозунги.

В соответствии с высказанными выше соображениями материал творческого наследия Маяковского распределяется по томам следующим образом:

Том 1. Стихотворения 1912—1923 гг.

Том 2. Стихотворения 1924—1926 гг.

Том 3. Стихотворения 1927 — первой половины 1928 г.

Том 4. Стихотворения второй половины 1928—1930 г.

Том 5. Поэмы 1915—1923 гг.

Том 6. Поэмы 1924—1930 гг.

Том 7. Пьесы.

Том 8. Киносценарии.

Том 9. Проза.

Том 10. Статьи и выступления 1913—1924 гг.

Том 11. Статьи и выступления 1925—1930 гг.

Том 12. Плакаты, лозунги. Реклама.

Том 13. Окна РОСТА. 1919—первая половина 1920 г.

Том 14. Окна РОСТА. Вторая половина 1920—1921 г.

Том 15. Окна РОСТА и Главполитпросвета. 1921—1922 гг.

Том 16. Агитлубки. Рисунки с подписями.

Том 17. Живопись. Графика.

Том 18. Письма. Телеграммы. Заявления. Записки.

Том 19. Записные книжки. Дарственные надписи. Материалы к биографии.

Том 20. Указатели.

О СТРУКТУРЕ И ОСНОВНЫХ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ИЗДАНИЯ

Принципы научной подготовки академического собрания произведений Маяковского складывались на протяжении многих лет. Они формировались на основе опыта работы над многотомными собраниями сочинений поэта, каждое из которых становилось определенной вехой в деле систематизации и осмысления фактов жизни и творчества поэта, а также материалов, характеризующих исторические и культурно-социальные условия того времени.

Наиболее важную роль в разработке текстологических решений, касающихся многотомных изданий Маяковского, сыграли четыре его собрания сочинений: 10-томное, прижизненное; 12-томное, выпущенное в 1935 – 1938 гг.; 12-томное – 1939 – 1949 гг. и 13-томное, подготовленное в ИМЛИ им. А.М. Горького в 1955 – 1961 гг.

* * *

В текстологической истории творческого наследия Маяковского особое место занимает начавшее выходить при его жизни («прижизненное») десяти томное собрание сочинений – первое по хронологии многотомное издание произведений поэта.

Маяковский задумал его как творческий отчет о том, что к тому времени (конец 1924) было сделано им в искусстве. Многие из его книг имели «итоговые» заглавия: «Все сочиненное Владимиром Маяковским. 1909 – 1919», «13 лет работы», «Вещи этого года: до 1 августа 1923 г.», «255 страниц Маяковского» и др.

Прижизненное собрание сочинений стало выходить с 1927 г. Вначале был издан 5-й том, в 1928 г. появились 1 и 2-й тома, в 1929 г. – 3 и 4-й тома, в начале 1930 г. напечатан том 6. Подготовленные и сданные в производство при жизни поэта (соответственно в августе 1928 и в декабре 1929 г.) тома 7 и 8 вышли в свет после его гибели в 1930 г. Тома 9 и 10 были составлены после смерти Маяковского и выпущены в 1931 и 1932 гг.

С октября 1924 г., когда он впервые обратился в Госиздат с предложением о четырехтомном собрании сочинений, по конец ноября 1925 г. поэт более восьми месяцев отсутствовал в СССР (длительные поездки во Францию и США, а также по городам страны – в Смоленск, Минск, Киев, где проходили встречи с читателями).

У него оставалось мало времени на осуществление столь важного для него в тот период проекта – необходимо было собрать все ранее опубли-

кованные тексты, просмотреть их, при необходимости отредактировать. Приходилось на ходу принимать те или иные решения, поэтому в прижизненном собрании сочинений есть ряд уязвимых моментов.

Поэт хотел, чтобы собрание сочинений по возможности полно представляло его творчество. Однако, как показывает сравнение состава первых томов прижизненного собрания сочинений с содержанием уже изданных к тому времени авторских сборников, а также с газетными и журнальными публикациями произведений Маяковского, эта установка была реализована не всегда.

В первые четыре тома по тем или иным причинам оказались не включенными более 30 текстов, часть которых в тот момент была для автора весьма значимой. Имеются в виду такие стихотворения, как «К ответу» (1917), «После изъятий» (1922), «IV Интернационал» (1922), «Рабочий корреспондент» (1923), «Издевательства летчика» (1923), «Киев» (1924) и ряд других произведений этого типа.

За рамками указанных томов остались стихи агитационно-производственного и агитационно-просветительского характера — в прижизненном издании для их публикации выделен отдельный том.

Ряд произведений, весьма заметных в литературной жизни тех лет, также не попал в прижизненное собрание сочинений: «Размышления о Молчанове Иване и о поэзии», «Иван Иванович Гонорарчиков», «Галопщики по писателям», «Вегетарианцы», «Столп», «Душа общества», «Ханжа», «Кандидат из партии», «Разговор с товарищем Лениным», «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» и др.

Отсюда можно сделать важный вывод: основным исходным материалом для Маяковского при определении состава томов прижизненного собрания сочинений были не газеты и журналы, где, как правило, первоначально публиковалось подавляющее большинство его стихов (на поиск и просмотр этих источников у него не было времени), а сборники стихотворений и отдельные издания тех или иных произведений, которые за 20 лет творческого труда ему удалось выпустить. Таких книг было около 80, но далеко не все они имелись у поэта под рукой, когда он намечал состав томов своего собрания сочинений.

В прижизненном издании сочинений поэта имеется слой правки, отсутствующий в других источниках. Это свидетельствует о том, что к ряду произведений, включенных в собрание сочинений, Маяковский относился довольно внимательно — перечитывал их, уточняя и поправляя отдельные места публикуемых текстов.

Особый случай — публикация в прижизненном издании произведений, созданных и напечатанных в дореволюционные годы.

При опубликовании некоторых текстов тогдашней цензурой был сделан ряд купюр. В первом издании поэмы «Облако в штанах» (1915) они были весьма значительными, о чем вспоминал сам Маяковский в предисловии к переизданию поэмы в 1918 г., восстанавливая запрещенные ранее части текста.

Следует учитывать также и то, что в большинстве ранних публикаций произведений Маяковского — в соответствии с постулатами

футуризма — отсутствовала необходимая пунктуация, которая была воспроизведена при выпуске этих произведений в годы советской власти по существующим тогда издательским правилам.

Несмотря на то что цензурные изъятия в текстах, опубликованных до революции, в годы советской власти были восстановлены, в них в то же время были внесены поправки, соответствующие духу новой эпохи. Так, например, в дореволюционные годы в соответствии с существовавшими тогда культурно-историческими и духовными традициями слова «Бог», «Божественное Провидение» и им подобные писались с большой буквы. Это традиционное написание (кроме междометия «ей-богу» и т.п.) присутствует в дореволюционных публикациях произведений поэта. Что же касается издания этих стихов и поэм в условиях послереволюционной действительности (включая в этот перечень и прижизненное собрание сочинений), то в них написание указанных выше слов и выражений полностью соответствует идеологическим требованиям новой атеистической эпохи. В академическом собрании произведений Маяковского в стихах дореволюционных лет их написание восстановлено.

При выборе основного источника текстов для настоящего собрания произведений требовалось подходить дифференцированно к прижизненному изданию и учитывать всю совокупность обстоятельств, сопутствующих публикациям того или иного произведения. В тех случаях, когда тексты из этого собрания сочинений полностью повторяют написание, существующее в ранних изданиях, ранние авторские публикации могут рассматриваться как выражение последней творческой воли автора. В других случаях следует учитывать и те поправки, которые были сделаны в немалом количестве текстов либо при подготовке томов прижизненного собрания сочинений, либо незадолго до формирования того или иного тома. Иными словами, *все тексты данного издания не могут быть выбраны в качестве исходного источника*, поскольку не являются последним, наиболее полным выражением творческого замысла поэта, его авторской воли. Выбор основного источника возможен лишь на основе сравнения и сопоставительного анализа *всех без исключения* источников текста произведения.

Однако, несмотря на указанные выше недоработки, в прижизненном издании Маяковскому удалось воплотить ряд принципиально важных для него и его эстетики установок.

Прежде всего речь идет о принципах распределения материалов по томам и расположения их внутри каждого тома. Так, произведения, созданные в рамках одного временного периода, Маяковский соединяет в группы, которые в совокупности составляют содержание того или иного тома. Рубежи этих временных границ не обозначены с предельной точностью. К примеру, во втором томе, где сгруппированы в основном стихи, написанные с 1917 по 1922 г., помещены произведения 1923 и даже 1924 г. («Тамара и Демон» и «Владикавказ — Тифлис»). В таких случаях поэт придерживался не хронологической точности, а исходил из ощущения их структурно-стилевой общности. В третьем томе представлены «крупные вещи» 1920 — 1924 гг. («150 000 000», «Про это», «Мистерия-буфф») (вторая

редакция), «Владимир Ильич Ленин»). В четвертом томе главенствуют произведения агитационно-производственного плана (1920–1923) с добавлением стихов для детей (раздел «Детская»), написанных главным образом в середине 20-х годов. Пятый том состоит из произведений 1925–1926 гг. шестой–восьмой тома построены по этому же принципу, в ряде случаев с небольшими отклонениями от существующих в каждом томе временных границ. И все же по большому счету принцип исторической хронологии соблюден: в целях более точного обозначения его следовало бы назвать «хронологически-жанрово-тематическим», поскольку внутри томов поэт нередко выделяет не только циклы (например, «Стихи об Америке»), но и группы стихов, подобранные по определенным темам («О поэзии», «Быт», «Запад», «Культурная революция», «Дороги»).

У того, что Маяковский в расположении произведений по томам придерживался в общем и целом принципа исторической хронологии, есть веские основания, ибо, как известно, его творчество, во всяком случае многие произведения, довольно сильно привязано к текущим событиям.

В прижизненном собрании сочинений есть одна особенность, которая, кстати, дает о себе знать и в некоторых сборниках поэта. Четвертый том, как уже отмечалось, почти целиком состоит из агитпроизведений – стихов и поэм, а также разделов «Лозунг-плакат» и «Реклама». Важно, что Маяковский под публикацию этих вещей отдает отдельный том (хотя произведений подобного типа у него гораздо больше). В его творчестве агитационно-производственное искусство занимает значительное место. К этому типу произведений относят также агитпьесы, агитлубки, «Окна РОСТА». Ограниченный объем издания не позволил поэту более масштабно представить в прижизненном собрании сочинений этот вид творческой продукции. Этих двух эдиционно-текстологических принципов, которые были важны для Маяковского, придерживались и текстологи, занимавшиеся подготовкой собраний сочинений в 30–50-е годы, но, к сожалению, в реализации этих положений они не были до конца последовательны.

Хотя Маяковскому в своем собрании сочинений не все удалось сделать так, как он хотел, опыт подготовки этого издания включал принципиальные для него авторские решения, о чем выше шла речь. Естественно, что в последующих крупных изданиях Маяковского этот опыт не мог не учитываться, он был определенным ориентиром в работе составителей и текстологов.

Второе собрание сочинений Маяковского выходило под общей редакцией Л.Ю. Брик, при участии И.М. Беспалова, В.В. Тренина, Н.И. Харджиева, А.В. Февральского, О.М. Брика, В.А. Катаняна, Н.В. Реформатской и др.

Коллектив, который образовался вокруг подготовки нового собрания сочинений Маяковского, во многом опирался на то, что было сделано в десяти томном издании.

При распределении произведений по томам и разделам составители ориентировались, в частности, на структуру (не повторяя ее) прижизненного собрания сочинений.

В состав собрания сочинений было включено около 40 стихотворных произведений и более 200 текстов из «Окон РОСТА», не вошедших в корпус прижизненного издания. Подавляющее большинство напечатанных в этом издании текстов сопровождалось примечаниями, содержащими сведения о первых публикациях, в ряде случаев — о перепечатках, а также пояснениями отдельных слов, названий и фамилий. В некоторых томах примечания были весьма обстоятельными (например, в 1-м томе, где даны произведения дореволюционной поры, или же в 5-м томе, где наряду с публикацией текста «Про это» воспроизводятся три черновые рукописи поэмы, а также есть большая статья Н. Асеева). Такой комментарий воспринимается как документ, поскольку написан людьми, на глазах у которых происходили события, послужившие толчком к созданию тех или иных произведений. К сожалению, в некоторых томах примечания (в общепринятом в литературной науке смысле) либо очень скудные, либо вообще отсутствуют. Это особенно бросается в глаза в томе 7, где публикуются циклы стихов и очерков о загранице (1922—1929), особенно нуждающиеся в основательном комментировании.

Главные принципы расположения произведений по томам и внутри томов, которых придерживался Маяковский, оказываются повторенными в этом издании: объединение произведений дореволюционной поры в первом томе, стремление (при выделении специальных циклов, нередко не укладывающихся в те временные границы, которые обозначены на титульном листе тома) придерживаться в общем и целом исторической хронологии. И что принципиально важно — выделение произведений агитационно-производственного типа, «агита», как их назвал сам поэт, не только в отдельные разделы, но и в отдельные тома (с одной стороны, 4 том прижизненного издания, а с другой — две книги 4 тома 12-томного собрания сочинений). Желание как можно полнее представить эту грань творческого наследия Маяковского полностью соответствовало его творческим убеждениям — создание «агита» поэт считал одной из важнейших целей своего творчества.

Двенадцатитомное собрание сочинений под общей редакцией Л.Ю. Брик и И. Беспалова заслуживает положительной оценки. По ряду направлений, касающихся подготовки этого издания, его участникам удалось продвинуться вперед. Для нас особенно важно отметить, что работа над ним проходила в немалой степени с использованием методов научного исследования.

Почти сразу после выхода в свет последнего тома издательство¹ приступило к выпуску нового полного собрания сочинений поэта в 12 томах.

Выше уже отмечалось, что основные параметры построения полного собрания сочинений в 12 томах (1935—1938) были predeterminedены структурой прижизненного издания Маяковского. По тому же пути

¹Новое название — ОГИЗ. Государственное издательство «Художественная литература».

пошло и руководство нового полного собрания сочинений, разрабатывая его план. Как и в предыдущих изданиях, 1-й том охватывает творчество поэта 1912–1917 гг., произведения агитационно-производственного типа собраны в специальном разделе, который теперь уже состоит из двух больших по объему томов – 4-го и 5-го. Стихотворения, написанные с 1926 по 1930 г. сгруппированы в тома 8 и 9, входящие в последнюю часть собрания сочинений.

Тем не менее это собрание сочинений не зеркально повторяет предыдущие. Существенно, что подготовители его в гораздо большей степени, чем предшественники, считались при составлении томов с жанровой спецификой произведений поэта.

Собрание сочинений оказалось пополнено большим количеством произведений, не входивших ранее в многотомные издания Маяковского. Наличие новых текстов особенно заметно в разделах «Окна РОСТА», «Агитстихи», «Реклама», «Лозунг-плакат». Но наиболее существенные изменения касаются справочного аппарата, раздела примечаний, которые удалось дополнить, обогатить массой неизвестных ранее либо малоизвестных сведений. Эти материалы позволили не только сопроводить тексты необходимыми пояснениями, но и во многих случаях – реконструировать творческую историю произведений. Это стало возможным еще и благодаря тому, что в ряде томов значительно шире, чем ранее, были представлены варианты и разночтения. В качестве примера можно указать на том 6, о котором уже шла речь. Публикации и анализу черновиков и предшествующих окончательному тексту рукописных редакций отведено в нем более половины объема – 300 страниц из 500¹.

После выхода в свет нового полного собрания сочинений в 12 томах (1939–1949) стало очевидно, что оно и по своей структуре, и по уровню текстологической подготовки, и по широте использованного при издании отдельных томов фактического материала является более основательным в научном отношении изданием творческого наследия В.В. Маяковского в сравнении с предшествующими, хотя уровень текстологической подготовки большинства произведений был невысоким, он явно не соответ-

¹ Тут будет уместно хотя бы кратко сказать об источниках появления столь значительных пластов нового фактического материала. Один из участников собрания сочинений – В.А. Катанян, писатель, критик, литературовед, познакомившийся с Маяковским еще в 1923 г. На протяжении 20-х годов, а особенно после смерти Маяковского он интенсивно занимался сбором материалов о поэте и ко второй половине 1930-х в его руках сосредоточился огромный архив. Опираясь на эти материалы, он подготовил хронику жизни и творчества Маяковского, которая выдержала при жизни автора четыре издания (в 1945, 1948, 1956 и 1966), а первый, начальный вариант работы увидел свет как раз в 1939 г. Новое собрание сочинений основательно подпитывалось материалами В.А. Катаняна, который стал составителем и автором примечаний пяти томов (5–7, 9 и 10-го). Следует иметь в виду, что к этому времени была создана и развернула свою деятельность Библиотека-музей В.В. Маяковского (БММ), в фондах которой также было сконцентрировано много важных материалов. С опорой на фонды музея и библиотеки велась подготовка нового собрания сочинений, заместитель директора которого Н.В. Реформатская также участвовала в этом издании.

ствовал положениям, которые утверждались рядом ученых-текстологов старшего поколения (С.М. Бонди, В.В. Виноградов, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум, Г.О. Винокур и др.).

Следующим шагом в исследовании творчества Маяковского и научном издании его произведений стало создание при Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР специального сектора по подготовке нового полного собрания сочинений поэта. Это произошло примерно в 1954 г.¹

Поначалу цели нового издания формулировались довольно скромно: «...дать научно выверенный текст произведений Маяковского». Так это записано в преамбуле, предваряющей собрание сочинений². Однако вскоре, уже в ходе подготовки очередных томов, эти цели были усложнены, с тем чтобы новое собрание сочинений соответствовало уровню и профилю научных изданий классиков литературы³.

К этому времени в фондах Библиотеки-музея В.В. Маяковского⁴ было сосредоточено большинство сохранившихся рукописных источников произведений поэта. БММ располагала также почти всеми журнальными публикациями и авторскими сборниками поэта — от «Я» и «Облака» до «Грозного смеха». Там имелись фонды, содержащие богатейшие материалы по русскому авангарду. Оказалось, что редчайшие материалы, характеризующие работу Маяковского для театра и в театре (при постановках его пьес на сцене), хранятся у А.В. Февральского. Ранее в его работах они были использованы лишь частично. В его распоряжении находилась и значительная часть архива В.Э. Мейерхольда.

К началу 1950-х годов были приведены в порядок, систематизированы фонды материалов Маяковского и о Маяковском, хранившиеся в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ), а также в главных библиотечных и культурно-просветительных центрах страны — Библиотеке им. В.И. Ленина, Исторической

¹ Вероятно, главной причиной, заставившей ведущее литературоведческое учреждение страны взяться за подготовку нового издания, было прошедшее незадолго до этого (в январе 1953) всесоюзное совещание, «посвященное основным вопросам изучения Маяковского». На нем развернулась острая дискуссия, ход которой подводил к мысли, что маяковедческая среда нуждается в определенной «зачистке», а маяковедение как явление научной и культурной жизни — в отказе от части того, что было сделано в нем за последнее десятилетие, включая и ряд уже состоявшихся изданий. Один из выводов совещания состоял в том, что в новых условиях (а это были годы начала «оттепели») наше общество нуждается в новом фундаментальном издании творчества великого поэта. К работе по его подготовке были привлечены и известные, авторитетные специалисты — В.О. Перцов, А.В. Февральский, В.А. Катанян, М.П. Штокмар, В.Д. Дувакин и ряд сравнительно молодых тогда литературоведов — З.С. Паперный, Ю.Л. Прокушев, Ф.Н. Пицпель, С.А. Коваленко, В.А. Зайцев, А.М. Ушаков и др.

² *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Худ. лит., 1955 — 1961. Т. 1. С. 5.

³ Разумеется, применительно к тому типу подобных изданий, которые существовали в те годы (например, тома «Литературного наследства», «Литературных памятников» и др.).

⁴ Ныне Государственный музей В.В. Маяковского.

библиотеке, Библиотеке М.Е. Салтыкова-Щедрина, Государственном литературном музее. Немаловажно, что все эти материалы, как и газеты 1920-х годов, где активно печатался поэт, стали доступны для исследователей литературы.

В БММ была развернута работа по составлению библиографии о Маяковском, которая в печатном виде появилась значительно позже. Важным обстоятельством было и то, что «Литературная хроника жизни и творчества поэта», подготовленная В.А. Катаняном, вышла к этому времени в значительно расширенном варианте.

Не следует сбрасывать со счетов и то, что подготовка данного собрания сочинений пришлось на годы «оттепели», когда были приоткрыты, а во многих случаях открыты двери многих архивных хранилищ, ранее почти недоступных. При надлежащих усилиях в подшивках старых газет и в архивах можно было найти источники произведений поэта, о которых даже специалистам было мало что известно, а также колоссальный материал для комментирования.

В совокупности все это и составляло ту источниковедческую базу, без которой вообще не может быть осуществлено научное издание любого писателя.

В основной корпус 13-томного собрания сочинений был включен ряд стихотворений, в основном агитационно-публицистического характера, которые до этого оставались за пределами многотомных изданий (об этом выше уже шла речь). В данном случае их было не так много, и по существу они не вносили новых красок в общую картину творчества Маяковского, какой она к этому времени сложилась в сознании специалистов и читателей. Исключение, безусловно, составляло «Письмо Татьяне Яковлевой» — одно из лучших лирических произведений поэта, недоступное многие годы читателям¹.

Необходимо указать на существенное пополнение третьего тома, целиком посвященного «Окнам РОСТА» 1919 — 1922 гг., где из 634 текстов (стихотворных подписей к «Окнам») 188 не входили в предыдущие собрания сочинений.

Другое важное пополнение 13-томного издания новыми текстами связано с включением стенографических записей выступлений Маяковского (их 37) на различных диспутах, заседаниях, совещаниях, съездах, посвященных проблемам развития советской литературы на протяжении 1917 — 1930 гг., а также с воспроизведением выступлений поэта такого же характера (их 37), зафиксированных в газетных отчетах и в записи современников. Этот массив материалов имел исключительное значение не только для прояснения литературно-критических взглядов Маяковского, но и для более глубокого понимания ряда важнейших проблем литературной жизни и развития литературы в 1920-е годы.

Впервые в собрание сочинений вошло 168 писем поэта личного и делового характера, большей частью не публиковавшихся ранее. Они исклю-

¹Текст стихотворения был хорошо известен ближайшему окружению Маяковского и сотрудникам БММ, где хранились его записные книжки № 64 и 65 с записью этих стихов.

чительно много дают для понимания его личности, его взаимоотношений с близкими и современниками.

Немало положительных моментов можно отметить в подготовке разделов, подкрепляющих основной корпус собрания сочинений в 13 томах (варианты, разночтения, примечания к текстам произведений), хотя комментарии ко многим стихам и поэмам, возможно даже и к большинству поэтических произведений Маяковского недостаточно обстоятельны, а в ряде случаев весьма скудны, излишне политизированы.

* * *

Со времени подготовки и выхода 13-томного собрания сочинений Маяковского прошло более пятидесяти лет. Оно приобрело в издательском мире статус «базового» издания. Содержащиеся в нем тексты без каких-либо уточнений воспроизводились во всех больших и малых изданиях произведений поэта. Это собрание сочинений незаметно устаревало, его недостатки становились все более и более очевидными, особенно в подготовке текстов и примечаний.

Идея подготовки нового, полного, теперь уже академического по своему характеру собрания сочинений нашла отражение в планах Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и была поставлена как конкретная задача перед коллективом ученых ИМЛИ, занимающихся изучением истории русской литературы XX в. В ходе многочисленных обсуждений первоначальный план издания не раз менялся. Поиск новых научных подходов к решению задач, возникающих при подготовке академического издания, проходил в преодолении многих существовавших тогда в литературоведении стереотипов. Разработанные группой ученых (Р.В. Дуганов, А.П. Зименков, С.А. Коваленко, А.А. Козловский, В.Н. Терехина) под руководством А.М. Ушакова¹ принципы нового издания и его структура были обсуждены и одобрены на широком совещании специалистов-маяковедов и текстологов. При определении базовых текстологических принципов издания учитывался опыт работы предшественников.

* * *

Ставя задачу как можно полнее представить творческое наследие Маяковского, редколлегия издания приняла решение об именовании его «*Полным собранием произведений*». Это уточнение названия отражает один из важнейших текстологических принципов подготовки данного издания, предопределяя во многом его структуру и характер сопроводительных материалов.

Впервые выделяется серия томов, в которых в целостном виде представлены произведения Маяковского, соединяющие изображение со словесным рядом. Таким образом, в полной мере учитывается одна из отли-

¹Несколько позже к работе группы подключились Е.Р. Арензон, В.Н. Дядичев, Н.В. Королева, Е.А. Тюрина.

чительных особенностей творческой работы Маяковского — писателя и профессионального художника. Дело, однако, не в том, что одновременно с литературой он занимался изобразительным искусством. Важно, что он создал ряд принципиально новых жанров (или существенно видоизменил некоторые бытовавшие ранее), в которых слово неотделимо от изображения и их раздельное опубликование ведет к разрушению художественного целого (прежде всего плакат, агитлужки, рисунки с подписями, реклама и т.д.). В предшествующих многотомных изданиях печатались, как правило, только тексты, а такого рода произведения приводились только как иллюстрации.

Публикуются и произведения этого типа, которые создавались в сотрудничестве с другими художниками, поскольку, как правило, замысел, а нередко и идея основного решения рисунка принадлежали именно Маяковскому. В отношении его живописно-графических работ, которые составляют отдельный том, — в тех случаях, когда возникают сомнения в их авторской принадлежности, проводится атрибуция.

В основной корпус издания вошли все известные на данный момент произведения Маяковского. Важной чертой собрания произведений является существенное расширение его состава. В результате предшествующей поисковой и публикаторской работы в состав собрания было включено около 500 новых текстов и рисунков, не входивших в предыдущие многотомные собрания сочинений. Среди них около 200 писем и телеграмм, свыше 100 изобразительных работ Маяковского, стенограммы выступлений и записи бесед, не менее 50 дарственных надписей, 13 «Окон РОСТА», около 20 статей, написанных в 1913—1915 гг., а также ряд стихотворений.

Кроме основного корпуса текстов в издание включены произведения, в отношении которых авторство Маяковского окончательно не установлено, например 24 текста из московского «Кине-журнала» за 1913—1915 гг. Рассматривая разные методы установления авторства неподписанных либо псевдонимных статей из «Кине-журнала», составители пришли к выводу: поскольку *стопроцентных* доказательств того, что эти тексты написаны Маяковским, обнаружить не удалось, наиболее верным решением будет опубликование их в разделе «Dubia».

Одной из существенных особенностей творчества Маяковского является агитационная направленность многих произведений. Это сказалось и на жанровой структуре его наследия. Такие агитационные жанры, как «Окна РОСТА», плакат, реклама, лубок и др., в определенные периоды занимали большое, даже доминирующее место в его работе.

Специфика этого круга произведений Маяковского, которая проявилась в их образной и ритмико-интонационной структуре, в особой взаимосвязи текста с изображением, подчеркнутой авторской ориентации на определенную аудиторию и т.д., позволила выделить их в самостоятельную серию томов, которую условно можно назвать «Агитационно-производственное искусство».

Это отвечает композиционным установкам поэта, поскольку он сам объединял некоторые агитационные произведения в самостоятельные

разделы или выпускал их в виде отдельных сборников. Так, в 4-м томе прижизненного собрания сочинений представлены разделы «Агитпоэмы», «Агитстихи», «Лозунг-плакат», «Реклама». В 1925 г. вышли сборники «Песни рабочим» и «Песни крестьянам», которые носили в значительной мере агитационный характер и т.д. Однако Маяковский не был последователен в отборе произведений для подобных разделов и сборников, одни и те же произведения могли входить в разные объединения, тематические или жанровые группировки.

По этой причине при формировании серии томов «агитационно-производственного искусства» было признано целесообразным перенести сюда плакаты, «Окна РОСТА» и Главполитпросвета, лубки, рекламу, лозунги, т.е. произведения тех жанров, которые с достаточно высокой степенью достоверности идентифицируются как агитационно-производственные.

В целом серия «Агитационно-производственное искусство» займет 5 томов — 12, 13, 14, 15 и 16-й. Выделение произведений этого типа в особый и, как мы видим, большой по объему раздел способствовало и выбору наиболее оправданного в данном случае принципа построения всего издания.

В основу его композиции положен *жанрово-хронологический* принцип. Все произведения объединяются по жанрам, а внутри этих групп располагаются по хронологии.

При этом следует учитывать, что у Маяковского существуют устойчивые поэтические циклы, в которых объединено некоторое число стихотворений, связанных единством замысла и темы, общностью поэтического настроения и расположенных по определенному плану. К числу таких поэтических циклов могут быть отнесены «Париж», «Стихи об Америке», агитлубки «Маяковская галерея», «Ни знахарь, ни бог...», «Обряды», «Вон самогон!». Их отличает устойчивая композиция и повторяемость состава при переиздании. Но таких композиционных образований у Маяковского немного.

Жанрово-хронологический принцип, положенный в основу общей композиции данного академического издания, применяется также и при построении отдельных томов.

Все произведения, отнесенные к определенному разделу тома, располагаются в хронологической последовательности. В случае, если точная дата создания произведения не установлена, оно помещается в соответствии с предполагаемой датой написания или в соответствии с датой первой публикации.

В тех случаях, когда в томе объединяются произведения разных жанров, они группируются по жанровому принципу, а внутри жанровых групп располагаются в хронологическом порядке.

Отступления от хронологического принципа внутри томов допускаются при публикации циклов стихотворений. Циклы рассматриваются как целостные структурные явления. Поскольку включенные в них стихотворения создавались не одновременно (например, в цикл «Стихи об Америке» входят вещи, написанные с июня 1925 по июль 1926), место цикла в

соответствующем томе определяется временем создания *основной части* стихотворений, входящих в него.

Отступления от жанрового принципа могут допускаться в тех случаях, когда возникает необходимость и целесообразность одновременной публикации произведений разных жанров, но творчески связанных между собой.

В томе «Пьесы», например, помещены не только драматургические произведения Маяковского, но и материалы, связанные с их сценическим воплощением (например, лозунги к спектаклям «Клоп» и «Баня»).

Распределение произведений и иных текстов Маяковского по разделам и томам — в соответствии с жанрово-хронологическим принципом — позволило выделить и тем самым подчеркнуть некоторые виды творческой деятельности Маяковского, которые в предшествующих изданиях не были показаны столь крупно и зримо, в то время как он сам придавал этим видам работы большое значение.

В 20-томном собрании произведений девять таких разделов. В первом разделе объединены поэтические произведения; в первые четыре тома входят стихотворения, в т. 5 и 6 — поэмы. Второй раздел включает в себя драматические произведения — пьесы (т. 7) и киносценарии (т. 8). Затем идет раздел прозы (т. 9), за ним раздел статей и выступлений, состоящий из двух томов (т. 10 и 11). Далее пятитомный раздел агитационно-производственного искусства: т. 12 — плакаты, лозунги, реклама и рисунки с подписями, т. 13, 14 и 15 — «Окна РОСТА» и Главполитпросвета, т. 16 — агитлубки. Вслед за ним раздел живописи и графики — т. 17; в отдельном разделе сгруппированы (т. 18) письма, телеграммы и заявления. Кроме того, есть раздел (т. 19), включающий записные книжки, дарственные надписи и материалы к биографии. Последний 20-й том содержит разного рода указатели.

В полном академическом собрании произведений Маяковского тексты публикуются в соответствии с давно сложившимися требованиями текстологической науки. Путем сопоставления всех источников произведения — рукописных, печатных, существующих в машинописной форме, в виде фонограмм и пр. — устанавливается корпус вариантов и различий. Их всесторонний анализ позволяет понять далеко не простую, нередко весьма причудливую логику работы автора над текстом — с момента создания произведения до его последующего эдичионного существования. С учетом всех этих моментов находится тот вариант видоизмененного текста, который в наибольшей степени выражает последнюю творческую волю автора. Именно творческую, а не просто последнюю — по времени обращения писателя к своему тексту с определенной, возможно, чисто практической целью, осуществление которой не требует со стороны автора каких-либо творческих усилий.

Такая, как обычно ее называют, «критика текста» только тогда бывает результативной, когда проводится с учетом *своеобразия творческого процесса* художника (в одном случае он рационален, в другом импульсивен и т.д. и т.п.), склада его характера и творческой манеры. Без рассмотрения

всей совокупности этих обстоятельств невозможно до конца понять и реконструировать процесс работы Маяковского над текстом.

Маяковский подчеркивал, что «...работа на перспективу не заслоняет реальной работы на сегодняшний день». В одном из своих последних выступлений поэт, подводя некоторые итоги прожитого и сделанного им в искусстве, говорит о том, в чем состояла его «основная работа»: «...каждую минуту приходилось отстаивать те или иные революционные литературные позиции...»¹. Слова «каждую минуту» не следует, конечно, понимать буквально, но они не поэтическое преувеличение, они многое проясняют не только в жизни, но и в творческом труде Маяковского. Желание чуть ли не каждую минуту быть на острие общественных преобразований находило выражение в том, что у него возникает постоянная готовность «лучшить» (его слова) свои уже написанные тексты, кое-что менять в них, приспособлять к реалиям новых обстоятельств, с тем, чтобы «вещь», созданная ранее, воспринималась как только что написанная. Например, пьеса «Мистерия-буфф», написанная к осени 1918 г., текст которой под влиянием разного рода перемен в жизни Маяковский решил переработать. В результате возникла вторая редакция пьесы. Но примечательно, как сам автор в данном случае характеризует свою работу: «Я осовременил текст»².

Выступая в конце января 1925 г. на диспуте «Надо ли ставить "Мистирию-буфф"?» (имеется в виду вторая, уже «осовремененная» редакция пьесы), Маяковский указывает на возможность ее новой переделки: «...В зависимости от новых обстоятельств она будет переделываться. Когда я умру, она будет переделываться другими, может быть, от этого станет еще лучше»³. Он не только указывает на вероятность новых изменений текста пьесы (нового ее «осовременивания»), но и считает возможным ее переделку другими лицами, людьми других поколений. Свою творческую волю он передоверяет другим, даже неизвестным ему людям. Главное заключается не в том, чтобы любые поправки текста пьесы соответствовали его, поэта, драматурга и художника, творческой воле. Ради того, чтобы «Мистерия-буфф» не утратила своей злободневности, он готов пойти на многое и даже может отказаться в каком-то смысле от своих авторских прав.

Из сказанного выше можно сделать весьма важный вывод, касающийся научной подготовки к публикации текстов Маяковского. Уже отмечалось, что значительная часть его произведений создавалась с расчетом на активнейшее участие их в решении агитационно-просветительских задач своего времени. Понятие «канонического» текста как некоего конечного, наиболее художественно-выразительного результата творческого труда поэта малоприменимо к его работе в области «агита». Гораздо больше оснований говорить о них как о наиболее «продвинутых» текстах, выражающих конкретную творческую задачу Маяковского, суть которой в

¹ Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. 1955—1961. Т. 12. С. 423.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 259.

том, чтобы они были как можно основательнее «встроены» в совершенно конкретную социально-производственную ситуацию. Все это нужно учитывать при научной подготовке текстов этого типа к публикации, внося в них обоснованные поправки по другим источникам, не исключая в отдельных случаях и более ранних.

При изучении истории текста ряда весьма значительных и, несомненно, знаковых для Маяковского произведений становится очевидной еще одна особенность его работы с уже написанными стихами. Она довольно отчетливо проявилась в тексте стихотворения 1920 г. «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

В настоящее время существует 14 источников этого произведения: два автографа стихотворения (черновой и белой), фонографическая запись авторского чтения, 2 машинописи и 9 печатных публикаций. В них содержится немало разночтений, касающихся заглавия (стихотворение называлось по-разному), отдельных строк, графики стихов и пунктуации. По свидетельству П.И. Лавута, организатора выступлений поэта, Маяковский при чтении этого стихотворения нередко отходил от опубликованных текстов. Причем не всегда прочтения текста «Необычайного приключения...» были идентичными. Иными словами, в данном случае разночтения имеют место не только между печатными источниками, они существуют (существовали) между печатными текстами и их звуковым воспроизведением¹.

Попытка рассмотреть все существующие источники и соответственно разночтения только в хронологическом ряду и предположить, что в работе над текстом «Необычайного приключения...» есть некая логическая последовательность, к успеху не привела. Невозможно объяснить логику всех поправок текста этого стихотворения *только* наличием какой-то *одной* изначально существующей у автора творческой целевой установки.

Детальный анализ источников «Необычайного приключения...» показал, что их (с учетом внесенных в стихотворение поправок) следует разделить на две группы. В одной воспроизводится текст, первоначально напечатанный в 1921 г. в сб. «Лирень», затем включенный автором в 1923 г. в первой том избранных произведений «13 лет работы», а позже — во второй том прижизненного собрания сочинений. В основе источников этой группы лежит текст, вероятно возникший в 1920 г. в процессе подготовки первой публикации. Тут обращает на себя внимание строка «стихов и света кутерьма», которая в другой группе источников звучит по-иному — «лучей и света кутерьма», что, как нетрудно заметить, создает тавтологию, а ведь фраза исключительно важная для понимания той роли, которую поэт отводил искусству слова в жизни.

В другой группе источников стихотворения отражается авторская работа над текстом после 1920 г., т.е. тогда, когда в несколько ином виде текст стихотворения уже существовал.

¹ Нередко бывает так, что звучащий текст, т.е. тот, который читался поэтом во время выступлений, для него *важнее* печатного.

Во вторую группу наряду с шестью печатными источниками 1923–1929 г. входят три источника 1920 г. (черновой и белой автографы, фонограмма), а также две машинописи, датированные 1921–1923 гг. В них, так же как и в первом случае, отражена авторская работа над текстом (не раз менялось название, из текста порой исключались некоторые строфы, печатание стихотворения в виде столбика в издании 1925 г. было заменено на «лесенку», вместо строки «Я крикнул солнцу» в трех публикациях — «Я рявкнул солнцу» и «Реву я солнцу»). Нет никаких оснований считать все эти разночтения и поправки, содержащиеся в источниках первой группы, случайными. И в том и в другом случае за ними стоит авторское волеизъявление. Попеременное воспроизведение поэтом то одной, то другой версии — свидетельство того, что для него они были приблизительно равноценны.

В этих условиях выбор так называемого основного источника (т.е. того, в котором творческая воля автора нашла бы наиболее полное выражение) оказывается очень сложной задачей с весьма малой вероятностью ее однозначного решения. Именно по этой причине известный исследователь творчества Маяковского Н.И. Харджиев наиболее поздней и совершенной считал *сначала* редакцию сборника «Лирень» (1920), но затем пришел к заключению, что текст сборника «Солнце» полнее отражает творческую волю автора.

Нередко Маяковский использовал для перепечатки своих произведений неправоленные автографы и машинопись, где были и описки, и опечатки, и дефектные места. Они в тот момент оказывались у него под рукой. Бывало и так, что он брал (для передачи в газету, журнал либо при составлении собственного сборника и т.п.) печатные источники, в тексты которых ранее им уже были внесены изменения, и еще раз вносил в них уточнения. При этом он не учитывал собственной правки этих же текстов, сделанной им раньше, до того как они в определенный момент вновь оказались у него в руках.

В этих случаях такие понятия, как последняя авторская публикация, последняя творческая воля автора, наиболее авторитетное издание, утрачивают значительную часть своей приоритетности и не могут привлекаться в качестве решающего аргумента при выборе основного источника.

Возвращаясь к анализу истории текста «Необычайного приключения...», необходимо заострить внимание на том, что и на одной части источников и на другой имеются следы авторской работы. И там и тут весьма существенные поправки. С одной стороны, «стихов и солнца кутерьма», а также название, которое имеется во всех трех источниках и с которым это стихотворение печатается в настоящем издании. С другой стороны — вместо «я крикнул солнцу» (сб. «Маяковский для голоса», «Избранное для избранного»), «реву я солнцу» («Солнце. Поэма» — отдельное издание), а также многочисленные изменения названия этого произведения. Нет сомнений в том, что все поправки — результат авторской работы. И хотя они, возможно, неравнозначны в художественном отношении («я рявкнул солнцу» и т.п.), но с точки зрения авторского волеизъявления равноправны. В каком же направлении должен идти поиск окончательного

научного решения вопроса о «каноническом» тексте «Необычайного приключения...» для 20-томного академического издания Маяковского? С одной стороны, конечно, никуда не уйти от общих, уже давно сложившихся правил текстологической работы в области научной подготовки текстов художественной литературы. Но с другой — не в меньшей степени, а в данном случае даже в большей нужно считаться с особенностями работы поэта над своими уже опубликованными произведениями, к текстам которых он в силу тех или иных причин (издательских, творческих и др.) обратился вновь.

То, как складывалась непростая история текста стихотворения «Необычайное приключение...», — случай не частый, хотя и не единичный в творческой практике Маяковского. Нечто подобное наблюдается и при внесении поправок в другие, уже напечатанные произведения, когда перед ним возникает проблема их возможного переиздания. Конечно, к внесению поправок в тексты наиболее значимых для него поэм и стихов он относился с большим вниманием, хотя в некоторых случаях проявляется прежняя закономерность: создание произведения, его первопечатный текст и ближайшие к нему публикации — это зона, так сказать, повышенного творческого внимания автора, в то время как к последующим публикациям сила творческого контроля с его стороны ослабевает.

Вот один из подобных случаев. Весной 1920 г. Маяковский написал поэму «150 000 000» — важное для него произведение, неоднократно издававшееся на протяжении 20-х годов. Его тексты той поры печатались столбиком, к системе ступенчатого печатания строфы с разбивкой строк на отдельные части он перешел в 1923 г. Все стихи, написанные после, печатались в форме «лесенки». Что же касается произведений, созданных ранее, то они, как правило, при их дальнейшей публикации были идентичны первопечатным текстам. То же самое происходило и с публикациями этой поэмы, например, в сб. «Избранный Маяковский» (февраль 1923), «255 страниц Маяковского» (июль 1923) и др. Однако в 1924 г. на одном из печатных текстов он сделал ступенчатую разбивку строк (этот источник не сохранился), с которого рукой Л.Ю. Брик был сделан список (с воспроизведением «лесенки»), который поэт авторизовал, написав своей рукой: «В.В. Маяковский. 150 000 000». Список был предназначен для Госиздата, но издание не состоялось.

Итак, в 1924 г. поэт в достаточно определенной форме внес в текст весьма существенные уточнения. Существенные — поскольку переход к ступенчатой разбивке строк был для него принципиальным шагом, о чем он говорит в статье «Как делать стихи». Однако в последующих публикациях «150 000 000» (в т. 3 прижизненного собрания сочинений и в «Школьном Маяковском») эта новая разбивка строк, дающая возможность читать поэму с гораздо большей эмоционально-смысловой акцентировкой, не была воспроизведена.

С другой стороны, нужно обратить внимание и на практику работы Маяковского с текстами, готовящимися к переизданию. Огромный массив произведений — от дореволюционных стихов и поэм до появившихся

в советское время: «Про это», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Левый марш», «Сергею Есенину», «Послание пролетарским поэтам», «Разговор с фининспектором о поэзии», «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» и многих-многих других — он по-своему выделял. Именно они выражали наиболее важные особенности его творческой работы. И все-таки эти тексты не свободны от некоторых неточностей, пропусков и опечаток.

Так, через многие издания прошло, закрепившись в тексте поэмы «Владимир Ильич Ленин», несколько опечаток, которые в трех полных собраниях сочинений, вышедших в 30 — 50-х годах, не были исправлены.

В первой части поэмы после рассказа о «бедах» истории человечества возникает главный для автора мотив будущего «заступника», спасителя человечества. И тут в тексте появляется строфа, композиционно очень важная, придающая развитию поэтической мысли новое направление:

Снова
наш
увидите
в военной яви.
Эту
время
не простит вину.
Он расплещется
придет он
и объявит
Вам
и вашинской войне —
войну!

Странное в контексте данной поэтической фразы сказуемое — «расплещется» — появилось не по недосмотру издателей. В рукописи эта строфа есть, но это слово написано неразборчиво. К сожалению, при первой публикации оно было прочитано и напечатано именно так, как воспроизведено чуть выше. Именно «расплещется» проходит через все прижизненные публикации поэмы. Очень чуткий к звучащему и написанному слову поэт, вероятно, в силу тех причин, о которых шла речь выше, не заметил ошибки, явно искажающей смысл поэтической фразы. Нужно иметь в виду, что правку текста по «смыслу» некоторые текстологи не одобряют, требуя более весомых аргументов. В данном случае такая аргументация имеется. Тем, кто ранее занимался научной подготовкой текста поэмы, следовало бы обратить внимание на другие ее места, где автор характеризует своего героя. Он — «человек, боец, каратель, мститель», и в то же время «заступник солнцелицый». А в одном из мест поэмы (кстати, предшествующем процитированной строфе) есть важный призыв — «Приходи, заступник и *расплатчик!*». Важный — потому, что вторая половина процитированной выше строфы — это ответ на прозвучавший ранее

призыв. Восстановление этого образно-смыслового контекста подсказывает и правильное прочтение неразборчиво написанного слова. Конечно, не «*расплещется*», а «*расплатится*». Эта поправка соответственно внесена в текст поэмы, который будет опубликован в новом издании Маяковского.

Рассмотрение некоторых «темных мест» в рамках образно-смыслового контекста позволило исправить ряд ранее вкравшихся в текст поэмы опечаток и ошибок (например, вместо «Гнет капитала, голод-уродина... покажутся белее родинок на теле бабушки...» — «...не более родинок...» и др.).

Впервые в новом академическом издании дается обстоятельный научный комментарий к произведениям Маяковского. Отличительная особенность сопровождающего его художественное творчество комментария заключается в том, что он вбирает в себя материалы разных типов — литературоведческого характера, связанный с томами поэзии, прозы и литературной критики; комментарий искусствоведческого характера, ориентированный на тома живописи, графики, театра. В примечании к томам агитационно-производственного искусства соединены оба типа комментария. В комментировании материалов записных книжек, которые очень важны для понимания творческой лаборатории поэта, приемов и методов его творческой работы, для уточнения многих моментов и фактов его жизни, соединяются разные типы исследования. В каждом томе академического издания полно представлена литературная критика, относящаяся к публикуемым произведениям Маяковского. Впервые за все годы существования маяковедения как определенной области литературной науки в подготовке комментариев к полному академическому собранию произведений широко используются богатейшие материалы русского зарубежья. Комментарий нацелен на то, чтобы полно и всесторонне показать процессы бытования произведений Маяковского в общественно-политической и художественной жизни России 10 — 30-х годов, а также восприятие их читателями и зрителями. Собственно говоря, комментарий такого объема, типа и уровня впервые присутствует в многотомных изданиях произведений Маяковского.

Подготовка полного академического собрания произведений Маяковского в 20 томах велась с учетом новых, открывшихся в последние десятилетия возможностей подлинно научного изучения истории отечественной литературы XX в. Работа над академическим изданием была сориентирована на поиск новых текстологических решений. По отношению к предыдущим собраниям сочинений поэта новое 20-томное издание, несомненно, является шагом вперед в деле научного изучения творческого наследия Маяковского.

Наряду с этим опыт подготовки данного академического издания свидетельствует о том, что ряд обобщающих суждений и конкретных рекомендаций, содержащихся в текстологических исследованиях последних десятилетий (коллективных работах, статьях, учебных пособиях и др.), нуждаются в определенных уточнениях, а в ряде случаев в весьма основательной переработке.

В первый том Полного собрания произведений В.В. Маяковского вошли, в соответствии с жанрово-хронологическим принципом издания, стихотворения, написанные им в 1912–1923 гг. Эти произведения дают читателю наглядное представление о характере поэтического творчества Маяковского на протяжении десятилетия – от первых «профессиональных, печатаемых» стихотворений «Ночь» и «Утро» до стихотворений «Москва – Кенигсберг», «Киноповетрие», воплотивших зарубежные впечатления.

В предыдущих полных собраниях сочинений Маяковского произведения этого периода разделялись на дореволюционные и послереволюционные и печатались в разных томах. Например, в Полном собрании сочинений в 13 томах (1955–1961) эти стихотворения отдельными разделами входили в 1, 2, 4, 5 тома, в результате чего еще более дробилась картина поэтической эволюции Маяковского. Нами сохранена целостность этого творческого периода, что не противоречит замыслу Маяковского («Все сочиненное Владимиром Маяковским», 1919; «255 страниц Маяковского», 1923). В прижизненном собрании сочинений стихотворения 1912–1923 гг. были сгруппированы в тематические блоки в соответствии со структурой издания, исключающей хронологическую последовательность.

Разграничение творчества Маяковского по дате социалистической революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. также отсутствовало в прижизненных сборниках и собрании сочинений, поскольку, обозначая важнейший политический рубеж, это событие не могло моментально изменить эстетические позиции поэта. Основные свойства поэзии Маяковского сформировались уже в середине 1910-х годов – бунтарство, пафос преобразования мира на справедливых началах, повышенная экспрессия и гиперболизм чувств, сатирический дар. Переход к новой эстетике (агитационно-производственное искусство, социальный заказ и литература факта) происходил в 1920-е годы, во многом на основе опыта работы над «Окнами РОСТА», что отразилось и в ряде стихотворений первого тома.

В первый том включено 160 стихотворений. В основном до нас дошли печатные источники текстов и только около 70 рукописных. В их числе беловые и черновые автографы на отдельных листах и в записных книжках (№ 1–21), которыми Маяковский начал пользоваться с 1917 г. Некоторые автографы содержатся в альбомах разных лиц, на почтовых открытках и т.п. Важными источниками являются авторизованные машинописи, корректурные листы неизданных книг поэта: «Для первого знакомства», «Кофта фата», подборка текстов для сборника «256 страниц Маяковского».

Структура тома отвечает его составу. В основном разделе печатаются законченные произведения Маяковского. Впервые в основной корпус включено стихотворение «Мы – коммунисты» (1923) и экспериментальный текст «Балалайка» (1913).

В раздел «Другие редакции» отнесены тексты, сохранившие самостоятельное значение на одном из этапов творческой работы поэта

(«Отплытие», «Весна», «Протест» и др.). Раздел «Dubia» объединяет стихотворения из гимназического журнала «Порыв», принадлежность которых Маяковскому окончательно не доказана.

Раздел «Варианты» представляет разночтения в источниках по отношению к основному тексту, в частности впервые учитываются значимые варианты пунктуации и графики.

В разделе «Комментарии» даются новые сведения об источниках публикации, об изменении датировки и текстологической истории стихотворения. Приводятся ранее не включавшиеся данные о ряде современников Маяковского, о скрытой полемике в текстах поэта. По сравнению с предшествующим собранием сочинений комментарий значительно обновлен и расширен.

Проведена сверка всех известных источников текстов. В качестве основного источника, как правило, выступает публикация в прижизненном собрании сочинений. Однако не всегда она отражает последнее творческое обращение к тексту, например стихотворение «III Интернационал» печатается по сб. «Стихи о революции».

Исходя из новых архивных материалов и исследований, существенно уточнена датировка ряда стихотворений. Так, по дневнику В.Ф. Шехтель установлена не только точная дата выхода первой книги Маяковского «Я!», но и время создания стихотворений этого цикла и ход работы над изданием. Из переписки Маяковского и Л.Ю. Брик уточняется время написания и творческая история стихотворений «Весна», «Хорошее отношение к лошадям» и др. «Ода революции» датируется не по первой публикации 7 ноября 1918 г., а значительно раньше — декабрем 1917 г., в соответствии со временем ее создания.

В основной текст вносились поправки. Например, в стихотворении «Хвои»: «не хмурьте личик» вместо нормативного «не хмурьте личек» (по «13 лет работы»). В стихотворении «Радоваться рано» в результате возвращения к первопечатной пунктуации усилился смысл строк: «Это что — / пиджак сменить снаружи! / Мало, товарищи, — / выворачивайтесь нутром!»

В ряде случаев заглавием стихотворения было двустилие, при печати лесенка в нем пропадала или заглавие сливалось с текстом стихотворения, что при публикации в настоящем издании восстановлено: «О том, / как у Керзона / с обедом / разрасталась / аппетитов зона».

В некоторых случаях тексты стихотворений в прижизненных публикациях сопровождалась примечаниями и пояснениями, рассчитанными на читателя того времени. Принадлежность примечаний Маяковскому документально не подтверждается, поэтому составители приняли решение печатать их не вместе с авторским текстом, а в комментариях.

Графика и пунктуация имеют особое значение в данном томе. Первопечатный текст в футуристических сборниках, например *Сагок сугей 2*, «Дохлая луна», «Молоко кобылиц», набирался без знаков препинания, без деления на строфы, со строчными буквами в начале каждой строки. В кн. «Простое как мычание» — без деления на строфы, но с нормативной пунктуацией, иногда нарушавшей авторскую волю. Строфическое деле-

ние текста стесняло ритмику стиха Маяковского, он переходил к интонационному выстраиванию текста — в столбик, а затем — к стихотворной лесенке. Все эти перемены не случайны и отмечены как в основном тексте, так и в разделе вариантов.

В комментарии с благодарностью учтены труды исследователей творчества Маяковского последних десятилетий и результаты работы текстологической комиссии настоящего издания.

В подготовке настоящего тома принимали участие:

— основной текст, редакции, варианты и комментарии к стихотворениям 1912—1917 гг. — Р.В. Дуганов и А.Т. Никитаев.

— основной текст, редакции, варианты и комментарии к стихотворениям 1917—1923 гг. — А.П. Зименков, В.Н. Терехина.

Статья «О структуре и основных текстологических принципах издания» написана А.М. Ушаковым.

Указатель составлен Н.В. Михаленко.

Ответственный редактор тома В.Н. Терехина.

Редколлегия благодарит Российский государственный архив литературы и искусства и Государственный музей В.В. Маяковского за предоставленные материалы, а также выражает глубокую признательность за помощь в работе над томом Н.И. Шубниковой-Гусевой, С.И. Субботину и Б. Янгфельдту.

НОЧЬ

(С. 7)

Пощечина общественному вкусу. [М.], 1912 (дек.), без разбивки на строфы, с прописными буквами в начале строк; *Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется осенью 1912 г.

С 1912 г. начинается литературная биография Маяковского. Сохранились свидетельства С.Д. Долинского и самого Маяковского о нескольких стихотворениях, написанных летом и осенью 1912 г. и тогда же, по-видимому, уничтоженных поэтом (см.: *Харджиев Н.* Заметки о Маяковском // *День поэзии.* М., 1976. С. 172; автобиография «Я сам», гл. «Следующая»; ср. также: *Бурлюк Д.* Владимир Маяковский // *Творчество.* Владивосток, 1920. № 1. С. 12).

Стихотворение «Ночь» Маяковский считал своим «первым профессиональным, печатаемым» стихотворением («Я сам», гл. «Так ежедневно»). По воспоминаниям Б. Лившица, «зимой 1912 года он (Маяковский) упорно отказывался признавать все написанное им до того времени, за исключением двух стихотворений: "Ночь" ("Багровый и белый отброшен и скомкан...") и "Утро" ("Угрюмый дождь скосил глаза..."), вскоре появившихся в "Пощечине общественному вкусу"» (*Полтораглазый стрелец.* С. 400).

Впервые это стихотворение было прочитано автором Д. Бурлюку осенью 1912 г. В некоторых вариантах своих воспоминаний об этом чтении Бурлюк цитирует (по памяти) первую строфу в редакции, отличающейся от печатного текста:

Зеленый, лиловый отброшен и скомкан,
А в черный, играя, бросали дукаты,
И жадным ладоням сбежавшихся окон
Раздали горящие желтые карты.

(См., напр.: *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 62.) Позже Маяковский читал «Ночь» и другие стихотворения на студенческих вечерах в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) и в «Романовке» — общежитии студентов этого училища и Московской консерватории на Малой Бронной улице.

Первое публичное выступление Маяковского перед широкой аудиторией с чтением стихов (на котором он, вероятно, читал и стихотворение «Ночь») состоялось 17 ноября 1912 г. в петербургском артистическом кабаре «Бродячая собака». В газетном отклике об этом вечере сообща-

лось: «В качестве представителя небольшой группы московских поэтов выступил с краткой вступительной речью художник Давид Бурлюк. (...) После г. Бурлюка выступил другой московский поэт — г. Маяковский, прочитавший несколько своих стихотворений, в которых слушатели сразу почувствовали настоящее большое поэтическое дарование. Стихи г. Маяковского были встречены рукоплесканиями» (З. Конфликт поэтов в «Бродячей собаке» // Обозрение театров. 1912. № 1915. 19 нояб.). Ср. воспоминания М. Матюшина: «После Д. Бурлюка с чтением стихов выступил Владимир Маяковский. Юный поэт заявил во всеуслышание, что он только вступил на путь новаторства и еще не вполне освободился от влияния Бальмонта. Очевидно, Маяковский еще не был уверен в том, что владеет словом по-новому. Но свои стихи он прочел превосходно и произвел большое впечатление» (Матюшин М. Русские кубофутуристы // К истории русского авангарда. Стокгольм, 1976. С. 15, 146). О впечатлении, произведенном публикацией первых стихотворных опытов Маяковского на молодых читателей, свидетельствует факт, приводимый в воспоминаниях Р. Якобсона: «В "Пощечине", я помню, Кана (речь идет о художнике и лингвисте И.Л. Кане (1895 — 1945), будущем известном архитекторе. — Сост.) поразили в то время два стихотворения Маяковского, "Ночь" и "Утро". Он с успехом читал их девушкам, выдавая за свое» (Янгфельдт 1992. С. 17).

...пугая угарами в жесь, хохотали арапы, над лбом расцветивши крыло попугая. — Речь, по-видимому, идет о витрине гастрономического магазина Г.Г. Елисеева на Тверской улице. По воспоминаниям А.Г. Бромберга, «раньше здесь были выставлены две гипсовые фигуры арапов, украшенные разноцветными перьями, одна из них с бубном в руках» (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 8. Ед. хр. 13. Л. 86).

УТРО

(С. 8)

Пощечина общественному вкусу. [М.], 1912 (дек.) (см. «Другие редакции»); *Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; 256 страниц; Избранный Маяковский; Соч. 1.*

Печатается по Соч. 1.

Датируется осенью 1912 г.

В первой публикации — с иной разбивкой на строки и с прописными буквами в начале стихов; бóльшая часть коротких строк выделена в столбик, смещенный к середине длинной строки, что создает особую графическую редакцию стихотворения, демонстрируя прием словесного сдвига.

Стихотворение «Утро» открывало итоговый сборник Маяковского *Все сочиненное* (1919), а также стихотворные разделы книг *13 лет работы*, т. 1, и *Соч. 1*. В нем Маяковский впервые применил необычные способы рифмовки — «переходящую» (по терминологии Д. Бурлюка), а также «переносную» (по В. Брюсову), или «разорванную» (по Н. Харджиеву), рифму; в сочетании с резкими перебоями ритма в неравнослож-

ных стихах этот прием придавал городскому пейзажному стихотворению обостренную динамическую окраску. В 1930 г. Д. Бурлюк вспоминал: «Я предложил рифмование строк стихотворных началами своими. Фронттовую рифму. Мои стихи: А к островам прибьет ладья А кос трава и лад и я А ладан вечера монах А ладно сумрак на волнах Заката сноп упал и нет Закабаленная тенет (из стихотворения "Дверь заперта навек навек..." — *Требник троих*).

Владимир Маяковский написал после этого стихи свои с переходящими рифмами: Проводов перина И на Нее встающих звезд Легко оперлись ноги Но гибель фонарей, царей в короне газа...» (*Бурлюк Д. Энтелехизм. Нью-Йорк, 1930. С. 6*).

Публикация стихотворения в сб. «Пощечина общественному вкусу» вызвала издевательские отклики и пародии со стороны газетных рецензентов сборника, что создавало Маяковскому репутацию «крайнего футуриста» (см.: *Беренгеев. Забавники // Новое время. 1912. 30 дек.; Измайлов А. Рыцари Ослиного Хвоста // Биржевые ведомости. 1913. 23 янв., веч. вып., и др.*). Профессиональная критика обращала внимание на то, что необычные приемы рифмовки, использованные Маяковским, имеют аналоги в русской и зарубежной поэзии. Так, В. Львов-Рогачевский (*Символисты и наследники их // Современник. 1913. № 6. С. 262*) отмечал сходный прием в стихах, приписывавшихся В. Третьяковскому:

Петр Великий о
Поехал в Мо-
скву великий град
Кушать виноград.

В статье «Новые течения в русской поэзии: Футуристы» В. Брюсов писал: «Еще менее удовлетворяют нас такие способы находить новую рифму (кстати сказать, способы тоже не новые, потому что, не помяная Тредьяковского, можно указать очень удачное их применение у Эдгара По), какие предлагает Маяковский» (далее цитируются строки стих. «Утро» и «Из улицы в улицу») (*Русская мысль. 1913. № 3, отд. II. С. 130*).

Сами кубофутуристы считали рифмы Маяковского одним из новаторских достижений футуризма (см. коммент. к стихотворению «Из улицы в улицу»). В дальнейшем Маяковский стал разрабатывать и применять еще более изощренные способы рифмовки (см. об этом в заметке Н. Харджиева «Разорванная рифма Эдгара По» — *Харджиев, Тренин. С. 200–202*).

Стихотворение «Утро» стало первой зарубежной публикацией Маяковского — в журн. «Глидка» (Брно) в апреле 1913 г. был воспроизведен отрывок на русском языке («Я земной шар чуть не весь обошел...»). С. 230).

...раба крестов... — Образ связан со Страстным монастырем, расположенным до 1930-х годов в Москве на Страстной (с 1931 г. Пушкинской) площади. Здесь, по свидетельству Маяковского, появились строки этого стихотворения (см. в ст. «Как делать стихи?»: «Угрюмый дождь скосил глаза. — А за... (Страстной монастырь. 12 г.)»). Ср. воспоминания Д. Бурлюка: «Весь первый период стихотворчества (Маяковского) прошел на бульварах, на улицах» (*Красная стрела. С. 11*).

ПОРТ

(С. 9)

Сагок сугей 2, под загл. «Отплытие» (см. «Другие редакции»); *Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; 256 страниц; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется между 20 и 22 декабря 1912 г. Написано по пути из Николаева в поместье Черная Долина, Нижне-Днепровского уезда, Таврической губ. (Чернянка).

Вторую редакцию отличает более последовательная «эротизация» пейзажа в духе произведений Д. Бурлюка начала 1910-х годов.

Об обстоятельствах создания стихотворения см. в автобиографии «Я сам» (гл. «Прекрасный Бурлюк») и в воспоминаниях М. Бурлюк (Color and Rhyme. N.Y., 1964. N 57. P. 7, 13): «19 декабря 1912 года Бурлюк выехал из Москвы на юг на рождественские каникулы, взяв с собою Маяковского. Днепр еще не был скован льдом, и 22 декабря путешественники добрались до Херсона до пристани Британы за пять часов на пароходе... "Порт" ... был написан... на пути в Маячку» (имеется в виду портовая станция Новая Маячка близ усадьбы Черная Долина, где проживала семья Бурлюков). См. также др. вариант этих воспоминаний (Color and Rhyme. N.Y., 1956. N 31. P. 18) и в воспоминаниях Д. Бурлюка (*Красная стрела*. С. 11; Лит. обозрение. 1993. № 6. С. 19): в Николаеве «он у памятника Мартоса Говарду над рекой Бугом написал свое стихотворение "Порт"».

УЛИЧНОЕ

(С. 10)

Сагок сугей 2, 1913 (февр.), без загл., без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк; *Кофта фата*. Л. 3; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Список рукой Д.Д. Бурлюка с его правкой в почтовой открытке Бурлюка к М.В. Матюшину от 18 января 1913 г. (ИРЛИ. Ф. 172. Ед. хр. 784).

Печатается по Соч. 1.

Датируется январем 1913 г.

В список стихотворения, посланного Матюшину для сб. *Сагок сугей 2*, Д. Бурлюк внес две поправки: в стк. 1 и 9, приводящие к варианту, опубликованному в этом сборнике (в печатном тексте допущена опечатка против копии Бурлюка — в стк. 9: «резкой» вместо «резной»). Отвечая на вопросы В.А. Арутчевой, Д.Д. Бурлюк писал в 1956 г.: «Я поправил при Маяковском — в нашей квартире в Романовке (...) Маски — вместо "ликов", потому что это слово уже часто встречалось в первых его стихах. *Скрестили синих молний колья* гораздо лучше, чем: "блещущие"... *Сухарева башня — в резной руке единый глаз* — на башне был — свет, фонарь. *Лицом безглазым василиска*. — Заболевшего В.В.М. в Чернянке (...) (лечил) фельдшер

Василиск Матвейч» (архив В.А. Арутчевой). В книге «Все сочиненное» и в последующих публикациях Маяковский вернулся к первоначальным редакциям стк. 1 и 9.

...а сквозь меня на лунном сельге скакала крашенная буква. — Первый опыт последовательного перенесения Маяковским приемов живописного кубизма (сдвиг, алогизм) в поэтическую практику. Маяковский употреблял слово «сельдь» в мужском роде и в быту. По воспоминаниям А.В. Февральского, после открытия московского Дома печати 3 марта 1920 г. Маяковский угощал «сидевших за одним столом с ним селедкой, приговаривая: "Ешьте сельдя. Замечательный сельдь!"» (*Февральский А. Встречи с Маяковским. М., 1971. С. 41 — 42*).

ИЗ УЛИЦЫ В УЛИЦУ

(С. 11)

Листовка «Пощечина общественному вкусу» (1913, конец февр.), без загл., без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк; *Требник троих* (1913, март; сдан в печать, по-видимому, раньше листовки), под загл. «Разговариваю с солнцем у Сухаревой башни»; *Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф начальных строк на листке из блокнота, записан для Ф.С. Непряхина в Баку 7 декабря 1927 г. (ГММ. № 11060).

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется январем или началом февраля 1913 г.

Текст в сб. *Требник троих* также напечатан без знаков препинания и с прописными буквами в начале почти всех строк. Графическая структура текста в значительно большей степени соответствовала классическому требованию равенства стиха и строки, чем в окончательном варианте: стк. 11 — 12, 14 — 15, 23 — 24, 36 — 38, 40 — 41 и 42 — 43 были напечатаны в подбор, а стк. 29 и 30 разбиты на трехстрочия. Расположение частей стихотворения на страницах сборника при этом было явно ориентировано на визуальное восприятие, выделяя симметрические особенности фрагментов текста (в полной мере осуществить этот замысел не позволили, по-видимому, типографские возможности). В последующих публикациях стиховая графика все более отличалась от первоначальной и теряла геометризацию, подчиняясь декламационным установкам.

В сб. *Требник троих* текст искажен опечаткой в стк. 17 («губы» вместо «чубы») и добавлением слова «Конец» после стк. 43; в тексте кн. *Простое как мычание* — опечатка в стк. 18 («Пестер» вместо «Пестр»), а в тексте автографа — описка в стк. 5 («догодов» вместо «догов»).

Стихотворение «Из улицы в улицу» представляет собою образец поэтического новаторства Маяковского кубофутуристического периода. В нем реализованы принципы литературного творчества, отраженные в

манифесте из сб. *Сгоок сугей 2*: «Мы стали придавать содержание словам по их начертательной и фонической характеристике (...) Нами уничтожены знаки препинания, чем роль словесной массы выдвинута впер- вые и осознана. (...) Нами сокрушены ритмы. (...) Мы перестали искать размеры в учебниках; всякое движение рождает новый свободный ритм поэту. Передняя рифма (Давид Бурлюк), средняя, обратная рифмы (Мая- ковский); разработаны нами» (*Сгоок сугей 2*. С. 1–2). Приемы «сдвига», разрыва слов, усложненная ритмическая структура этого и ряда других стихотворений Маяковского 1913–1914 г. имеют прямые соответствия в живописной практике кубизма и футуризма, что неоднократно подчер- кивалось как самими участниками кубофутуристического движения, так и современной им критикой. Так, в кн. «Футуризм в стихах В. Брюсова» (М., 1913) А.А. Шемшурин писал: «Литературный футуризм пользуется сдвигом так же, как и живописный. Начать с того, что литераторы-футу- ристы применяют простейший зрительный вид сдвига, то есть тот самый, который бывает в типографской работе. (...) Кроме этого чисто механиче- ского употребления новые поэты пользуются сдвигом уже и как специ- ально литературным приемом. Например: У/лица. Лица/у» (С. 5).

Маяковский, выступая 24 марта 1913 г. в Петербурге на Первом пуб- личном диспуте о новейшей русской литературе, включил в свой доклад тезисы: «Кубизм в слове. Футуризм в слове» и иллюстрировал их чтени- ем произведений футуристов, в том числе и стихотворения «Из улицы в улицу». По свидетельству Н. Харджиева, К. Малевич считал это стихотвор- ение Маяковского наиболее удачным опытом «стихотворного кубизма» (Маяковский и живопись // *Харджиев, Тренин*. С. 48).

В своих рассуждениях он опирался на стихи Маяковского «Из ули- цы в улицу» и «Исчерпывающая картина весны»: «Взялись футуристы освобождать слово, но так как оно состоит из букв, а буквы между собой склеены столярным клеем мысли и вещи, то поэты кубисты-футуристы разрубили его на несколько кусков, но не как-нибудь по букве, а раздели- ли их связь между собою и получилось: у-ли ца ли ца у/лис-точки» (Ма- левич о себе. Современники о Малевиче: В 2 т. / Авт.-сост. И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. М., 2004. Т. 1).

Со стороны газетных рецензентов стихотворение Маяковского вы- звало многочисленные насмешки и пародии (Речь. 1913. 22 марта; Столич- ная молва. 1913. 25 марта, и др.). В газете «Московский листок» под видом цитаты из стихотворения были помещены строки:

Пестр как фо-
рель сы-
Н,
Су-
Кин
Сын
Овняя лю-
бовь скрытая циф-
ерблатами ба-
шни шерсти клок

Аст
Лысый фонарь снимает
С улицы синий чулок
(Эр. Отголоски дня //
Московский листок. 1913. 1 марта)

В «Синем журнале» сообщалось: «Московские кубисты рассылают нечто вроде литературных преискурантов. Один из поэтов такого преискуранта так представляет себе городской вечер:

Ветер колючий трубе вырывает
Дымчатой шерсти клок.
Лысый фонарь сладострастно снимает
С улицы синий чулок.

(Синий журнал. 1913. № 10. С. 14)

О значимости для самого Маяковского новаторских приемов, использованных в стихотворении «Из улицы в улицу», свидетельствует упоминание его в статье «Как делать стихи?» (1926): «Концевое созвучие, рифма — это только один из бесконечных способов связывать строки, кстати сказать, самый простой и грубый. Можно рифмовать и начала строк:

улица —
лица у догов годов резче,
и т.д.»

Своеобразным «приложением» к этому отрывку является автограф 1927 г. Он был записан с целью пояснения некоторых вопросов стихосложения в ходе беседы с начинающим бакинским поэтом Ф.С. Непряхиным (см.: *Немирова М.* «Дана сия от заводского комитета...» // Лит. Россия. 1986. 31 янв.). Судя по схемам стихотворных строк, изображенным Маяковским под автографом, речь шла о принципах концевой, передней и средней рифмовки, в качестве иллюстрации которых поэт использовал те же строки стихотворения «Из улицы в улицу».

...жирафий рисунок... — По воспоминаниям Л.Ф. Жегина, Маяковский «испещрял в ту пору изображениями жирафов любой кусок бумаги, случайно попадавший ему под руку, или даже целые альбомы для рисования» (*Восп.* 1963. С. 100; см. также воспоминания В.Ф. Шехтель — Лит. обозрение. 1993. № 6. С. 35, 38). В ГММ хранится более десяти подобных рисунков Маяковского.

Фокусник рельсы тянет из пасти трамвая, скрыт циферблатами башни. — В статье «Как делать стихи?» Маяковский упоминал обстоятельства рождения образов этого стихотворения: «Трамвай от Сухаревой башни до Срет(енских) ворот. 13 г.».

...черный чулок. — Очевидная причина отказа Маяковского от первоначального варианта «синий чулок» — стремление избежать неадекватных ассоциаций с соответствующим выражением.

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

(С. 13)

Требник троих (см. «Другие редакции»); *Простое как мычание*; *Все сочиненное*; *13 лет работы*; *Избранный Маяковский*; *Для голоса*; *Соч. 1.*

Автограф без заглавия. Стк. 5 – 10 с вариантами (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 60. Л. 1 – 2; из альбома Е.П. Иванова).

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется началом 1913 г.

Переработано в середине 1915 г. в ходе подготовки кн. «Для первого знакомства», оставшейся неизданной. Помимо общей конкретизации и упрощения образной системы, изменения текста были подсказаны, очевидно, многократным исполнением стихотворения на публичных выступлениях. Порядок строк был изменен, и предпоследняя строка была разбита на три части, что усилило ораторскую интонацию стихотворения, ударная концовка вынесена в заглавие.

В отличие от первой редакции, где текст печатался без знаков препинания (но с прописными буквами в начале каждой строки), вторая редакция – в обычном правописании, по всей вероятности, в соответствии с издательскими требованиями.

Однако некоторые изменения текста оказались не вполне устойчивыми, о чем свидетельствует фонографическая запись авторского чтения 1920 г., где стк. 10 совпадает с первой редакцией.

Стихотворение «А вы могли бы?» (наряду с другими стихотворениями Маяковского в сб. *Требник троих*) получило одобрительную оценку в рецензии В. Шершеневича на этот сб.: «Если бы было можно отметить только хорошее, – я бы сказал только о Маяковском. Его поэзы стали неожиданно сильны, интересны; образы помимо новизны отличаются меткостью; ритм интересен и своеобразен; сюжет всюду подходит под форму». Далее в рецензии цитируются строки стихотворения «А вы могли бы?» и «Театры» (Нижегородец. 1913. 20 дек.).

Д. Бурлюк в письме Н. Никифорову от 28 октября 1959 г. дал вариант строки первой редакции: «А вы (Маруся!) ноктюрн (Шопена) сыграть могли бы (...» по записи в альбоме М.Н. Бурлюк с датой «1912» (Бурлюк Д.Д. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011. С. 364).

В своей окончательной редакции это одно из первых стихотворений, в которых Маяковский ориентируется на прямое обращение к аудитории; такое обращение вскоре станет отличительной чертой его поэтики.

Впоследствии Маяковский неоднократно иронически обыгрывал строки стихотворения «А вы могли бы?». Описывая события осени 1913 г., В.В. Каменский вспоминал: «Взяв меня под руку, Маяковский спросил серьезно вполголоса, почти по секрету:

– А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?

Никак не думая, что это стихи, я и ответил столь же серьезно:

– К сожалению, нет. Я играю только на баяне» (*Каменский В. Жизнь с Маяковским*. М., 1940. С. 21). Ср. также дарственную надпись С.М. Третьякову от 7 июня 1921 г. на кн. «Мистерия-буфф»: «Дорогому Сергею

Третьякову. "А вы ее сыграть могли бы?.."» (*Февральский А.В.* Маяковский и его пьесы // Театр. 1960. № 4. С. 131) и эпиграмму Маяковского на К.Д. Гандурина («Подмяв моих комедий глыбы...», 1930).

Я сразу смазал карту будня... — Карта будня (от фр. Carte du jour) — карта дня, меню с определенным набором дежурных блюд (*Лекманов О.* Об одном образе в стихотворении Маяковского «А вы могли бы?» // Русская речь. 2001. № 5. С. 54 — 55).

...на блюде студня... — Ср.: в реплике Маяковского на «Втором диспуте о современном искусстве», устроенном обществом художников «Бубновый валет» 24 февраля 1913 г., организаторы диспута были названы «кучкой, размазывающей слюни по студню искусства» (Московская газета. 1913. 25 февр.).

...на флейте водосточных труб? — В тезисах доклада «Перчатка», прочитанного на «Первом в России вечере речетворцев» 13 октября 1913 г., говорилось о колыбельной: «Версеусе оркестром водосточных труб». Подробнее см.: *Толоров В.* Флейта водосточных труб и флейта-позвоночник: (Внутренний и внешний контексты) // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева. М., 2000. С. 381 — 423.

ВЫВЕСКАМ

(С. 14)

Требник троих, без загл., без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк, без деления на строфы; *Простое как мычание*; *Все сочиненное*; *13 лет работы*; *Избранный Маяковский*; *Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется январем — февралем 1913 г.

В сб. *Требник троих* иллюстрировано двумя литографиями работы В.Е. Татлина и самого Маяковского.

В воспоминаниях «Маяковский и его современники» Д. Бурлюк писал: «Его (Маяковского) интересовали городские натюрморты. Железные вывески с "копчеными сигами", "трубы", по которым водопадами струится сырость» (*Красная стрела.* С. 11). Тема стихотворения «Вывескам», как и аналогичные мотивы в др. ранних стихотворениях Маяковского, связана с общим интересом художников и литераторов русского авангарда к городской вывеске как к художественному произведению. Он возник еще в 1900-е годы, а в 1912 — 1913 гг. стал предметом оживленных дискуссий. 20 ноября 1912 г. общество «Союз молодежи» устроило в Петербурге диспут, на котором выступали Д. Бурлюк («Что такое кубизм?») и Маяковский («О новейшей русской поэзии»). В своем докладе Бурлюк поставил городские кустарные вывески в один ряд с произведениями признанных мастеров живописи, что вызвало публичные возражения А. Бенуа (Кубизм или кукишизм? // Речь. 1912. 23 нояб.) и И. Ясинского (Вывесочный ренессанс // Биржевые ведомости. 1912. 28 нояб., утр. вып.). В статье

«Кустарное искусство», опубликованной в «Московской газете» 25 февраля 1913 г., Д. Бурлюк назвал городскую вывеску «гордостью русского искусства», а на открывшейся 24 марта 1913 г. в Москве выставке «Мишень» несколько вывесок были впервые включены в экспозицию наряду с произведениями профессиональных художников.

...*созвездия «Магги»*... — Световая реклама бульонных кубиков фирмы «Магги» была установлена в начале 1910-х годов на Невском проспекте в Петербурге.

ТЕАТРЫ

(С. 15)

Требник троих, без загл., без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк; без деления на строфы; *Простое как мычание*; *Все сочиненное*; *13 лет работы*; *Избранный Маяковский*; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется январем — февралем 1913 г.

...у блеклой женщины *Карьера*... — Карьер (Каррьер) Эжен (1849—1906) — французский художник, автор женских портретов в неярких, пастельных тонах. Позже Маяковский упоминал его в статьях «Уничтожение кинематографом "театра" как признак возрождения театрального искусства» (1913) и «Живопись сегодняшнего дня» (1914) в качестве примера живописца, манеру которого можно имитировать средствами фотографии.

КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТЕРБУРГ

(С. 16)

Требник троих, без загл., без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк, без деления на строфы; *Простое как мычание*, под загл. «Кое-что про Петроград»; *Все сочиненное*; *13 лет работы*; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется январем — февралем 1913 г.

ЗА ЖЕНЩИНОЙ

(С. 17)

Требник троих, без загл., без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк, без деления на строфы; с цензурным изъятием стк. 13—16; *Простое как мычание*, с цензурным изъятием слова «Бога» в стк. 14; *Все сочиненное*; *13 лет работы*; Соч. 1.

Автограф неизвестен.
Печатается по Соч. 1.
Датируется по первой публикации.

Я!

(С. 18)

Я! М., 1913 (17 мая); *Дохлая луна; Дохлая луна 2; Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Печатается по Соч. 1.

Датируется не позднее марта 1913 г.

Цикл из четырех стихотворений составил первую книгу Маяковского «Я!», выпущенную литографским способом в Москве (издание Г.Л. Кузьмина и С.Д. Долинского, литография С.М. Мухарского, тираж 300 экз.). Книга была иллюстрирована соучениками Маяковского по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества, В.Н. Чекрыгиным и Л.Ф. Шехтелем (Жегиным); рисунок на обложке сделан самим Маяковским. Текст записан рукой В.Н. Чекрыгина.

По записям в дневнике сестры Льва Шехтеля, В.Ф. Шехтель (ГММ), существенно уточняется время написания цикла и процесс подготовки кн. «Я!». Первое упоминание о будущей книге относится к 18(31) марта 1913 г.: «...В 3 ч. приходил Маяковский. Вечером Маяковский приходил вторично, так я думала, что конец — совсем с левой из-за книги рассорятся, но все обошлось благополучно (...) Левка не прав, хочет, чтобы обязательно иллюстрировал кроме него и Вася, вечно его навязывает, а уж с "Шехтель" (...), не узнаю, ведь он страшно обижает М(аяковского). Рисовали. Но не наброски, а так». Вероятно, речь шла о том, что Лев Шехтель, зная отрицательное отношение отца, известного архитектора Ф.О. Шехтеля, к Маяковскому, не решился подписать три рисунка и портрет Маяковского полной фамилией, а ограничился инициалами «Л.Ш.» (то же и на обложке кн. «Я!»). Вера Шехтель, посещавшая художественную студию К. Юона, также стремилась участвовать в работе над книгой: «Ужасно хочется нарисовать иллюстр(ации) для М(аяковского)» (21 марта). В записи 29 марта (11 апр.) говорилось: «Были у нас Вася и Маяковский. Они рисовали иллюстрации, чувствую, что мои мечты не исполнятся — моих не будет». Чекрыгин, записавший текст и сделавший четыре рисунка, 2(15) апреля уехал на пасхальные каникулы.

Таким образом, текст цикла был написан к середине марта, а листы для литографской печати подготовлены до 2 апреля 1913 г.

По наблюдению Н.И. Харджиева, на оформление обложки большое влияние оказала обложка книги А.Е. Крученых «Полуживой» работы М.Ф. Ларионова, вышедшей не позже середины февраля 1913 г. в том же издательстве и отпечатанной в той же литографии Мухарского.

Вспоминая об истории издания сб. «Я!», Л.Ф. Жегин писал: «Как-то раз Вася (Чекрыгин) объявил мне, что Володька (т.е. Маяковский) хочет

издать сам свои стихи кустарным литографированным способом и ему надо в этом помочь, — удобнее всего работать над этим в моей комнате. Я согласился, Маяковский принес с собой литографской бумаги, особых чернил и стал диктовать Васе, — тот писал своим характерным почерком, немного в славянском духе. Вася сделал несколько очаровательных рисунков, напоминающих новгородские фрески, не имеющих, правда, ничего общего с текстом Маяковского. — Ну вот, Вася, — бурчал Маяковский, — опять ангела нарисовал, нарисовал бы муху, давно не рисовал! — Впрочем, особенно не возражал: ему это было как-то безразлично. (...) Не смутили его и мои рисунки и набросок с него в широкополой шляпе (...). Бесконечно долго рисовалась обложка к книжечке "Я!". На ней весьма декоративно расположены какое-то черное пятно и надпись: В. Маяковский. "Я!". Это пятно, которое можно признать за растекшуюся чернильную кляксу, имеет в основе реальный прообраз: это галстук "бабочкой", который тогда носил Маяковский. На фотографиях, сохранившихся от того времени, галстук этот запечатлен» (Жегин Л. Воспоминания о Маяковском // *Восп.* 1963. С. 100 — 120).

Верстка кн. «Я!» была получена 3(16) мая, а из печати она вышла 17(30) мая 1913 г. (см.: Лит. обозрение. 1993. С. 41); 25 мая экземпляр этой книги был подарен Маяковским В.Ф. Шехтель с надписью: «Хорошей Вераньке. В.М.» (Там же. С. 41; книга с дарственной надписью хранится в ГММ). О выходе сб. см. также письмо Маяковского Л.И. Жевержеву от 7 июня 1913 г.

В среде профессиональных критиков книга «Я!» получила в целом положительную оценку. В своей рецензии В.Г. Шершеневич писал: «Первая книга кубофутуристов, о которой стоит писать. Среди стихов Хлебникова — воскресшего троглодита, Крученных — истеричного дикаря, Маяковский выгодно выделяется серьезностью своих намерений. Он действительно ищет, и хотя достижений можно ждать, но ведь суметь заставить поверить в себя — это не малая заслуга» (газ. «Нижегородец». 1913. 14 авг.). Ср. также в кн. В. Шершеневича «Футуризм без маски» (М., 1913): «Справедливость требует отметить у Маяковского истинно-прекрасные стихи в книгах "Я!" и "Требник троих"» (с. 83).

В обзоре «Год русской поэзии: апрель 1913 — апрель 1914» В. Брюсов дал следующую оценку Маяковского в ряду русских футуристов: «Больше всего счастливых исклчений мы находим в стихах, подписанных "В. Маяковский". У г. Маяковского много от нашего "крайнего" футуризма, но есть свое восприятие действительности, есть воображение и есть умение изображать. (...) Как в маленьком сборнике г. Маяковского ("Я!"), так и в его стихах, помещенных в разных сборниках, и в его трагедии встречаются и удачные стихи, и целые стихотворения, задуманные оригинально» (Русская мысль. 1914. № 5, отд. 3. С. 30 — 31).

Характеризуя своеобразие урбанизма Маяковского в сборнике «Я!», К. Чуковский писал: «Изо всех российских футуристов еле-еле нашелся один урбанист, да и то косноязычный, заика, хотя далеко не бездарь. Я, конечно, говорю о Маяковском. И, конечно, я люблю Маяковского, эти его конвульсии, судороги, сумасшедше-пьяные всхлипы о лысых купо-

лах, о злобных крышах, о букете из бульварных проституток, о городских миражах и бредах, но ведь, шепну по секрету, Маяковский иллюзионист, визионер, Маяковский импрессионист, он им чужой совершенно, он среди них случайно. (...) К тому же город для него не восторг, не пьянящая радость, а распятие, Голгофа, терновый венец, и каждое городское видение — для него словно гвоздь, забиваемый в самое сердце. (...) Это кликуша, неврастеник, горластый, ему бы метаться по площади и кричать, рыдая: гнида вы! Его синтаксис бессвящен, его слова сумасшедшие, но в них ударность, надрыв. И его косноязычие только придает ему мощь. Никогда не шепчет, не поет, всегда кричит, из последнего голоса, до хрипоты, до судорог — и когда привыкнешь к его насаднему крику, почувствуешь здесь подлинное» (Чуковский К. Эгофутуристы и кубофутуристы // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1914. Кн. 22. С. 124, 147). С последним наблюдением перекликается и более поздний отзыв М. Горького: «Я читал его книжку стихов ("Я!"). Какое-то меня остановило. Оно написано настоящими словами» (Горький М. О русском футуризме // Журнал журналов. 1915. № 1, 15 апр. С. 4). Об урбанизме Маяковского в связи со сб. «Я!» см. также: Крученых 1914. С. 8—20).

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ ЖЕНЕ

(С. 18)

Я! М., 1913 (17 мая); *Дохлая луна; Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Печатается по Соч. 1.

Датируется не позднее марта 1913 г.

Леснь — устар., обл.: лестница.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ МАМЕ

(С. 19)

Я! М., 1913 (17 мая); *Дохлая луна; Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Печатается по Соч. 1.

Датируется не позднее марта 1913 г.

В Соч. 1 стихотворение сопровождается примечанием: «Аванцо — фирма магазина в Москве».

...из-за крыш завода Шустова. — Винно-водочный завод «Шустов и сыновья» в Москве был расположен на внешней стороне Большой Садовой улицы.

И когда мой лоб, венчанный шляпой фетровой, окровавит гаснущая рама... — Ср. с портретом Маяковского работы Л. Шехтеля, помещенным в кн. «Я!».

...вазы вашей муки... — По предположению Л.Ю. Брик и Н.И. Харджиева, источник образа — стихотворение А.Н. Апухтина «Разбитая ваза (Подражание Сюлли-Прюдому)» 1870-х годов, сюжет которого построен на параллелизме: разбитая ваза — разбитое сердце (известны романсы на текст этого стихотворения). Сходный образ («... из севрской мѹки изваянных vaz») использован Маяковским в поэме «Облако в штанах» (1915).

... у витрин Аванцо... — Магазин художественных и писчебумажных товаров Б.А. Аванцо на ул. Кузнецкий Мост в Москве. «Кто же приласкает золотые руки вывеской изломанные у витрин Аванцо?» (первонач. вар.), ср. восприятие этих строк современником-футуристом: «И тут понятны и особенно остры его воспоминания о матери, воплотившейся в руки золотых солнц-реклам, и бас звучит особенно грустно на "Невском проспекте"» (Крученых 1914. С. 16).

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБО МНЕ САМОМ

(С. 19)

Я! М., 1913 (17 мая); *Дохлая луна; Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Печатается по Соч. 1.

Датируется не позднее марта 1913 г.

Я люблю смотреть, как умирают гети. — Эта строка Маяковского вызвала полемику исследователей, которая касается, с одной стороны, возможных литературных источников текста, а с другой — интерпретации начальной строки в контексте как данного стихотворения, так и раннего творчества Маяковского в целом и даже всей его творческой судьбы.

Еще в 1913 г. С.П. Бобров в статье «Чужой голос» писал: «Маяковский и Хлебников дают иногда вещи, которые можно читать, но тогда они всегда в совершенном разногласии с выставленными принципами. (...) В брошюре Маяковского "Я!" последнее стихотворение, действительно, совсем приятно, но большое влияние Анненского налицо» (Развороченные черепа. СПб., 1913. С. 7). Критик, вероятно, имел в виду заключительные строки стихотворения И.Ф. Анненского «Тоска припоминания» из его кн. «Кипарисовый ларец» (СПб., 1910): «... Я люблю, когда в доме есть дети и когда они плачут». Возражая Боброву, Н.И. Харджиев писал, что сходство со стихами Анненского имеет чисто внешний характер. Полагая, что «сходство между Анненским и Маяковским нельзя искать в отдельных темах или стихотворениях», Харджиев указывал, тем не менее, что Маяковский знал стихи Анненского и «некоторые черты поэзии Анненского были близки Маяковскому в период его поэтического формирования» (Харджиев, Тренин. С. 197, 199).

В.О. Перцовым было высказано предположение, что строка Маяковского была полемическим ответом на стихотворение Франсиса Жамма «Молитва, чтобы ребенок не умер», опубликованное в переводе И. Эренбурга в кн.: Жамм Ф. Стихи и проза. М., 1913 (Перцов В. Маяковский:

Жизнь и творчество. М., 1976. Т. 1. С. 195). Это предположение, в свою очередь, вызвало возражение со стороны Л.Ю. Брик, которая находила, что «стихотворение "Несколько слов обо мне самом" никакого отношения к стихотворению Жамма не имеет», и ссылалась на то, что к моменту создания Маяковским своего стихотворения «почти невозможно» было его знакомство с книгой Ф. Жамма (*Брик Л. Из материалов о Маяковском // Лит. обозрение. 1993. С. 61*). В настоящее время, однако, выход книги переводов Ф. Жамма датируется апрелем 1913 г. (см.: *Полов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества. Т. 1: 1891 – 1923. СПб., 1993. С. 89*), и по этой причине предположение о стихотворении Жамма «Молитва, чтобы ребенок не умер» как о литературном источнике начальной строки стихотворения Маяковского нельзя отвергнуть категорически (ср. также коммент. к стих. «Послушайте!»).

Свою интерпретацию первой строки В. Перцов строил на противопоставлении ее «эпатажного» характера «гуманистическому» содержанию стихотворения в целом. Л.Ю. Брик, напротив, рассматривала эту строку как органическую часть произведения: «Смысл этого стихотворения: Жизнь полна страданий, тоски и ощущения одиночества. Чем раньше кончится такая жизнь, тем лучше для человека. Чем раньше человек умрет, тем для него лучше. Поэтому и – "Я люблю смотреть, как умирают дети". (...) Это горькое выражение взято резко-парадоксально, как единственное, что может радовать человека, любящего и жалеющего людей» (*Лит. обозрение. 1993. С. 61*). К такому пониманию образа близки строки М. Лохвицкой: «Есть в небе сад невянущий / Для детских душ, для радостных». Интерпретация Н.И. Харджиева также основывается на целостности авторского образа в стихотворении: «Это – горький сарказм поэта, перед глазами которого не раз проходили похоронные процессии ("гроба том"), поэта, который знает непрерывное чередование радостных и сумеречных эмоций ("прибой смеха за тоски хоботом")» (*Харджиев, Тренин. С. 198*).

С иных позиций подошел к анализу этой строки Р.О. Якобсон, усмотрев в ней не сарказм и не «эпатаж», а знак неприятия Маяковским «рваческого цепляния за сегодняшний день» и его веры в то, что «за горами горя (...) – "настоящие земные небеса", единственно возможное разрешение всех противоречий», которые, по мнению Якобсона, пронизывают все творчество поэта. «С неуклонной любовью к чудотворному будущему Маяковский соединяет неприязнь к ребенку, что на первый взгляд с этим фантастическим будетлянством едва ли совместимо. Но в действительности (...) в духовном мире Маяковского с отвлеченной верой в грядущее преображение мира закономерно сопряжена ненависть к дурной бесконечности конкретного завтрашнего дня, продолжающего сегодняшнее ("календарь как календарь!"), неугасимая вражда к той "любовшке наседок", которая снова и снова воспроизводит нынешний быт. (...) Его юношеское стихотворение "Несколько слов обо мне самом" начинается строкой "Я люблю смотреть, как умирают дети". Здесь детоубийство возведено в космическую тему: "Солнце! Отец мой! Сжался, хоть ты и не мучай! Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней" (...) Связь тем дето-

убийства и самоубийства несомненна, это разные способы лишить пре-емства настоящее, "прервать одряхлевшее время"» (Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов // Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть Владимира Маяковского. Берлин, 1931; репр.: The Hague; Paris, 1975. С.17, 18, 22 – 23).

Н.И. Харджиев отмечал: «неожиданная начальная фраза об умирающих детях в стихотворении Маяковского в свое время вызвала упреки в "аморальности"». Реакция Маяковского на обвинения такого рода зафиксирована в воспоминаниях Л. Равича «Полпред поэзии большевизма», в которых описан его разговор с Маяковским в 1928 г.: «Мы шли уже, кажется, по улице Дзержинского. Из школы выбежали дети... Много детей. Очевидно, у них вечер был, или это была вторая смена. Маяковский остановился, залюбовался детьми. Он стоял и смотрел на них, а я, как будто меня кто-то дернул за язык, тихо проговорил :

"Я люблю смотреть, как умирают дети".

Мы пошли дальше. Он молчал, потом вдруг сказал:

— Надо знать, почему написано, когда написано и для кого написано... Неужели Вы думаете, что это правда?..» (Маяковскому: Сб. воспоминаний и статей. Л., 1940. С. 180 – 181).

ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ КАРТИНА ВЕСНЫ

(С. 21)

Дохлая луна, под загл. «Весна» (см. «Другие редакции»); *Дохлая луна 2*, под загл. «Исчерпывающая картина весны»; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1* (с изменениями).

Черновой автограф, без загл., стк. 1 – 3 (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 201. Л. 2) – на обороте фотопортрета Маяковского, рядом с текстом стихотворения «Балалайка ...».

Печатается по *Соч. 1*.

Датируется не ранее 25 апреля 1913 г.

В сб. *Дохлая луна* стихотворение открывало подборку из пяти текстов Маяковского, пронумерованных от 1 до 5, за которыми (без нумерации) шел цикл стихотворений «Я!». Готовя сборник к печати летом 1913 г., Д. Бурлюк писал из Чернянки Маяковскому: «Милый и славный Владимир Владимирович! По получении сего письма прошу – умоляю!!! выслать – сей день же!!! стихи Ваши, возможно больше, до 400 строк. Уже все готово для печати и только жду Ваших стихов. Садитесь, пожалуйста, если Вы сколько-нибудь помните о моем существовании и что осенью приеду в Москву – и пишите – перепишите и, не откладывая, сей день же отправляйте мне (...) P.S. (Вы упустили "Союз молодежи", сборник – был гонорар 9 руб. на человека)» (Харджиев Н. Из материалов о Маяковском // 30 дней. 1939. № 7. С. 82).

В первом наброске заметна ориентация на опыты В. Хлебникова по «внутреннему склонению корней». См. его статьи 1912 г. «Учитель и уче-

ник», «Изберем два слова: лысина и лесина ...», а также строки, известные нам только по некрологу Маяковского «В.В.Хлебников» (1922):

Леса лысы.

Леса обезлосили. Леса обезлосили.

Во втором (первопечатном) варианте эта ориентация сменяется экспериментом с использованием приемов «стихового кубизма» (см. коммент. к стих. «Из улицы в улицу»). Этот вариант вызвал негативный отклик В. Шершеневича: «Совсем неудачная "Весна"» (Нижегородец, 1913. 19 дек.). Окончательная редакция, отличающаяся от предыдущей исключением одного слова и радикальным изменением графики, по своей структуре соответствует японскому хокку. Не исключено, что здесь снова сказалось влияние Хлебникова, проявлявшего большой интерес к японскому языку и стихосложению (см. воспоминания Б.П. Денике — День поэзии. М., 1976. С. 202, и письмо Хлебникова к А.Е. Крученых от авг. — сент. 1912 г. — *Хлебников В. Собр. произведений*. 1933. Т. 5. С. 298 — с неверной датировкой).

«БАЛАЛАЙКА...»

(С. 22)

Черновой автограф на обороте фотографии Маяковского 1913 г. (Киев?) под автографом первой редакции стихотворения «Исчерпывающая картина весны» (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 201. Л. 2).

Автограф (карандаш) включает первоначальный вариант стихотворения (см. «Другие редакции»), стк. 2 — 4 которого зачеркнуты, и его дальнейшую переработку, приводящую к окончательному тексту.

При жизни Маяковского опубликовано не было. Впервые — *ПСС: В 13 т.* С. 141 (в разд. «Поэтические заготовки, экспромты, неоконченное»).

Печатается по автографу.

Датируется не ранее 25 апреля 1913 г.

В.А. Арутчева и Н.И. Харджиев (Из материалов о Маяковском // *День поэзии*. М., 1968. С. 157 — 158) считали стихотворение незаконченным. При этом Харджиев предлагал вместо текста, механически копирующего черновой автограф, дать первоначальную «беловую» редакцию. Однако как первоначальный, так и окончательный варианты представляют собой связные и самостоятельные тексты. По замыслу и по структуре стихотворение аналогично тексту «Исчерпывающая картина весны».

Тот факт, что Маяковский не печатал это стихотворение, не может однозначно свидетельствовать о его незавершенности. Автор мог полагать избыточной публикацию в «Дохой луне» рядом двух идентичных по творческой задаче стихотворений или нашел неинтересным «играть» с ним дальше, как сделал это с «Весной», или затерял фотографию с автографом.

ОТ УСТАЛОСТИ

(С. 23)

Дохлая луна; Дохлая луна 2; Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется не позднее лета 1913 г.

Нас — двое, ораненных, загнанных ланями, вздыбилось ржанье осегланых смертью коней. — Ср. в Апокалипсисе: «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя "смерть"; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» (Откр 6, 8).

...бросил я ей окровавленный песнями рог. — Образ восходит к строкам «Песни о Роланде»:

С усилием отчаянным и болью
Трубит Роланд — багряной, свежей кровью
Его уста покрыты.

(Песнь о Роланде /
Пер. Ф. де ла-Барта. СПб., 1897. С. 62)

ЛЮБОВЬ («Девушка пугливо куталась...»)

(С. 24)

Дохлая луна; Дохлая луна 2; Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется первой половиной 1913 г.

...а женщина поцелуи бросает — окурки! — Первонач. вар.: «...а женщина поцелуи кидает как окурки». В рецензии на сб. Дохлая луна В. Шершеневич писал: «Хочется посоветовать поэту внимательнее отнестись к звуковой стороне стихов; право, очень не хороша звуковая какофония строки: "кидает как окурки"» (Нижегородец. 1913. 19 дек.). В кн. «Простое как мычание» Маяковский изменил эту строку, однако окончательный вариант стиха появился лишь в кн. «Все сочиненное», возможно, не без влияния «композиции» Крученых «История КАК анальная эротика началась Акакием Акакиевичем Гоголя и кончилась ыкуЗЫкак-ом Зданевича», в которой цитировались и некоторые строки Маяковского (см.: Крученых А. Малохолия в капоте. Тифлис, 1918. С. 2–7).

МЫ

(С. 25)

Дохлая луна; Дохлая луна 2; Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется первой половиной 1913 г.

Перья линяющих ангелов бросим любимым на шляпы, будем хвосты на боа обрубать у комет, ковыляющих в ширь. — «Параллельная» метафора (Харджиев) использована в трагедии «Владимир Маяковский» (1913):

Мы солнца приколем любимым на платье,
из звезд накуем серебрящихся брошек.

Ср. также в статье поэта «О разных Маяковских» (1915): «... северное сияние никак не пришить вашей жене на юбку...»

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЦИ

(С. 26)

Дохлая луна, без загл., без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк; Дохлая луна 2; Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Написано в первой половине 1913 г.

По воспоминаниям Р.О. Якобсона, Маяковский читал это стихотворение на чествовании К. Бальмонта в Обществе свободной эстетики 7 мая 1913 г. (*Янгфельдт 1922. С. 18*), однако эти сведения не находят подтверждения в других источниках.

В. Шершеневич в 1913 г. так оценивал это произведение: «"По эхам города" слегка напоминает "Смехачей" Хлебникова (в методе), хотя превосходит оригинал по своей внутренней обоснованности» (Нижегородец. 1913. 19 дек.). Критик, по-видимому, имел в виду не столько вариацию суффиксов при корне «шум», сколько сплошную суггестивную аллитерированность стиха. Аллитерации на шипящие (ш, щ, ж), взрывные (т, п) и фрикативные (р) согласные пронизывают стихотворение, создавая звуковую картину улицы большого города.

Почти одновременно с появлением стихотворения Маяковского городские шумы входят в качестве темы или материала в изобразительное искусство и музыку авангарда. В конце 1912 г. рисунок М. Ларионова «Уличный шум» был опубликован как иллюстрация в кн. А. Крученых и В. Хлебникова «Мирсконца» (см. также в сб. «Ослиный хвост и Мишень» и в кн. Эли Эганбюри (И. Зданевича) «Наталия Гончарова. Михаил

Ларионов», обе книги вышли не позднее июля 1913). 11-м марта 1913 г. датирован манифест итальянского футуриста Л. Руссола «Искусство шумов», выпущенный в Милане в виде листовки-буклета и почти сразу же переведенный на русский язык В. Шершеневичем (Маски. 1912–1913 (апр. – сент.); см. также: Манифесты итальянского футуризма. М., 1914. С. 51–58).

В социологической критике первых послеоктябрьских лет это стихотворение приводилось в качестве примера чуждости творчества Маяковского культуре социалистического общества. Один из руководителей Пролеткульта – В. Полянский писал, что Маяковский, подслушав в городе все «шумики, шумы и шумищи», не заметил в нем главного – людей, творцов и двигателей жизни, будущих хозяев «и трамвая, и площади, и царства шумов». «Теперь они уже строят новую жизнь, в которой маяковские ничего не увидят и ничего не услышат» (Пролетарская культура. 1920. № 13–14).

АДИЩЕ ГОРОДА

(С. 27)

Молоко кобылиц, под загл. «Зигзаги в вечер», без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк, без деления на строфы; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется осенью 1913 г.

В кн. «Стихи Маяковского» А. Крученых так писал об этом стихотворении: «Это у Брюсова такой глупо-спокойный игрушечный город:

“царя властительно над долом
огни вонзая в небосклон” (<...>)

вот удивительно! а куда же и направляется дым и огонь городов как не вверх и над чем же царит город как не над долиной
не то у Маяковского

тут дана не внешне-описательная сторона, а внутренняя жизнь города, он не созерцается, а переживается (футуризм в разгаре!)

и вот уже город исчезает а воцаряется какой-то ад (далее приводится стихотворение “Адище города”)» (Крученых 1914. С. 23–24). В Брюсов привел это суждение Крученых в своей статье «Здравого смысла тартарары: (Диалог о футуризме)», вложив в уста оппонента-символиста следующую оборванную реплику: «Позволяю себе думать, что (это) неправда, и не потому, что “amicus Plato”. Дело в том, что у Брюсова – синтез города вообще, а у Маяковского...» (Русская мысль. 1914. № 3).

...где у раненого солнца вытекал глаз ~ никому не нужная, гребля лунa. – Снижение традиционно «высоких» поэтических образов у ранне-

го Маяковского — результат усвоения приемов стихотворной практики Д. Бурлюка, который, в свою очередь, ориентировался на опыт французских «проклятых поэтов» (Т. Корбьер, Ж. Лафорг и др.). Ср. стихотворения Бурлюка «Мертвое небо» («"Небо-труп"!! не больше ...») — *Дохлая луна*. С. 99); «Зима» («Луна скользит как с корабля Мертвец ...» — *Молоко кобылиц*. С. 41); «Луна старуха просит подаянья ...» (*Рыкающий Парнас*. С. 10) и др. А. Крученых писал: «Раньше был месяц — золотое сомбреро и луна — серебряная раковина или чудная, прелестная, гордое чело богини и т.д. Потом стала медной, а ночь железной. Но, наконец, стало дурным тоном говорить о ней в таком тоне, и вот читаем: месяц корявый черный (т.е. деревянный), луна как мочевого пузыря (Лафорг), наконец, большая и дохлая» (*Крученых А., Клюн И., Малевич К. Тайные пороки академиков*. М., [1915]. С. 16).

НАТЕ!

(С. 28)

Рыкающий Парнас; Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется серединой октября 1913 г.

По газетным сообщениям, это стихотворение Маяковский читал 19 октября 1913 г. на открытии литературного кабаре «Розовый фонарь» в Мамоновском переулке в Москве (см.: Руль. 1913. 21 окт., и др.). Обличительно-публицистическая направленность, а также некоторые реалии («Чистый переулок», обращение к «ресторанной» аудитории) позволяют предполагать, что оно было написано специально для подобного выступления, и датировать его временем, близким к публичному чтению.

В кабаре «Розовый фонарь» Маяковский выступал в желтой кофте; М. Ларионов, пришедший на вечер во главе группы футуристов с расписанными лицами, был встречен приветственным словом К. Бальмонта. Выступление Маяковского, а также эпатазирующее поведение М. Ларионова и Н. Гончаровой привели к скандалу с вмешательством полиции, после чего кабаре прекратило свое существование. Ср. в первом варианте автобиографии Маяковского «Я сам»: «"Розовый фонарь" закрыли после чтения мной "Через час отсюда"».

...мне — грубому гунну... — Аллюзия на стихотворение В. Брюсова «Грядущие гунны» (1905).

НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮТ

(С. 29)

Рыкающий Парнас, под загл. «Пробиваясь кулаками»; Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется не позже декабря 1913 г., по времени сдачи в печать сб. *Рыкающий Парнас*.

Оба варианта заглавия («Пробиваясь кулаками» и «Ничего не понимают»), не имея видимой связи с сюжетом стихотворения, носят метатекстовый характер, отражая взаимоотношения ранней поэзии Маяковского (и поэзии русских футуристов в целом) с господствующими литературными вкусами и литературно-бытовой обстановкой 1910-х годов.

В конце 1917 или начале 1918 г. стихотворение было переведено Р.О. Якобсоном на старославянский язык; перевод прочитан им в «Кафе поэтов» в Настасьинском пер. в Москве (*Янгфельдт 1992*. С. 38; реконструкцию текста перевода см. в ст.: *Шанур М.И.* Русская тоника и старославянская силлабика // *Даугава*. 1989. № 8. С. 65–79). 1 мая 1918 г. в кафе «Питтореск» (Кузнецкий Мост, 5) это стихотворение читалось в переводах на английский (А.А. Буслаев), немецкий (В.И. Нейштадт) и старославянский языки, после чего Маяковский прочитал его по-русски (*Нейштадт В.И.* Из воспоминаний о Маяковском // 30 дней. 1940. № 9–10. С. 102–105; текст афиши вечера см.: *Хроника 1985*. С. 145).

Вошел к парикмахеру... — А.Е. Крученых связывал тему стихотворения с картинами М. Ларионова. Ср. его рассчитанное на эпатаж заявление: «Это не стихи, а ремесленная подпись к картине Ларионова "Парикмахер"» (*Крученых 1914*. С. 4). Работы Ларионова на этот сюжет неоднократно экспонировались на выставках в Москве (Золотое руно, янв. — февр. 1910; Моск. салон, 1911; Мир искусства, ноябрь 1911; Ретроспективная выставка М. Ларионова, декабрь 1911) и, несомненно, были известны Маяковскому. Художник С.М. Романович вспоминал: «"Ходите со мной, Вас будут часто колотить", — так сказал Ларионов Маяковскому после одного из скандальных выступлений в 1913 г.» (*Романович С.М.* О прекраснейшем из искусств. М., 2011. С. 17).

Рыжий — ампула циркового клоуна. Во время своего выступления в кабаре «Розовый фонарь» (см. коммент. к стих. «Нате!») Маяковский назвал себя «рыжим русской литературы» или, согласно другому отчету о вечере, «рыжим в искусстве» ([Б.л.] Опять футуристы: (Вместо передовой) // *Актер*. 1913. № 4. С. 1).

В АВТО

(С. 30)

Кофта фата. Л. 3 об.; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется предположительно 1913 г.

В верстке неизданного сб. «Кофта фата» (1918) помещено между стихотворением «Уличное» (1913) и стихотворениями 1915–1917 гг.; в первой публикации (*Все сочиненное*. С. 11) отнесено к ранним стихам и расположено между стихотворениями «Порт» (дек. 1912) и «Уличное». По ряду признаков близко к стихотворениям 1913 г. («разорванная» рифма, вывесочные и рекламные реалии, негативное восприятие городских образов).

КОФТА ФАТА

(С. 31)

ПЖРФ, без загл., без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк; *Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется не позже января 1914 г. по времени сдачи *ПЖРФ* в печать.

В *Соч. 1* стихотворение сопровождается примечанием: «Би-ба-бо — детская игрушка вроде петрушки».

По свидетельству Б. Лившица, Маяковский читал это стихотворение на Первом в России вечере речетворцев в зале Общества любителей художеств в Москве 13 октября 1913 г. (*Полутораглазый стрелец*. С. 436). Эту информацию, однако, не удастся подтвердить другими источниками.

Стихотворение должно было открывать сборник Маяковского «Для первого знакомства», подготовленный к печати летом 1915 г., но оставшийся неизданным. В 1917 г. Маяковский использовал название стихотворения в заголовке своего сб. «Кофта фата: Всякая ерунда», также не увидевшего света.

Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего. — Этот образ основан на разворачивании и одновременно на снижении метафоры «бархатный голос». Ср. мнение В. Брюсова: «Конечно, не хитро сочинить метафору

Я сошью себе штаны из бархата голоса моего

И по Невскому мира...»

(Год русской поэзии: Апр. 1913 — апр. 1914 // *Русская мысль*. 1914. № 5. С. 30). С другой стороны, Харджиев отметил (*Харджиев, Тренин*. С. 190–191), что источником образа мог быть эпиграф к первой главе повести Пушкина «Египетские ночи» (1835), заимствованный, как указано в ком-

мент. к Полному собранию сочинений Пушкина 1936 г., из составленного маркизом де Бьевром «Альманаха каламбуров» (1771): «— Quel est cet homme? — На, c'est un bien grand talent, il fait de sa voix tout ce qu'il veut. — Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte» («— Что это за человек? — О, это очень большой талант; он делает из своего голоса все что захочет. — Ему бы следовало, сударыня, сделать из него штаны»).

По воспоминаниям М. Ройзмана, в 1920 г. начальные строки стихотворения явились предметом публичной пикировки Маяковского и В. Шершеневича. 17 (по другим данным, 16) ноября в Политехническом музее в Москве имажинисты организовали «Литературный суд над современной поэзией». Во время выступления В. Шершеневича Маяковский «с места крикнул Вадиму:

— Вы у меня украли штаны!

— Заявите в уголовный розыск! — ответил Шершеневич. — Нельзя, чтобы Маяковский ходил по Москве без штанов!

Не впервые вопрос шел о стихотворении Маяковского «Кофта фата», в котором он написал:

Я сошью себе штаны
Из бархата голоса моего.

Эти строки, где черные штаны были заменены полосатыми, попали в стихи Шершеневича» (Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 106). В этой полемике речь, вероятно, шла о строках из стихотворения Шершеневича «Так ползите ко мне по зигзагистым переулкам мозга...»:

Из ваших поцелуев и из ласк протертых
Я в полоску сошью себе огромный плащ

(Шершеневич В. Автомобилья поступь. М., 1916; вариант этих строк см. также в книге: Шершеневич В. Быстрь. М., 1916. С. 18).

Желтая кофта — отличительная особенность костюма Маяковского во время его публичных выступлений, «знак» эстрадного облика поэта в 1913—1914 гг. Первоначально это была ярко-желтая блуза с черным воротником и манжетами (см. рис. Животовского — Огонек. 1913. № 50). Вспоминая о встречах с Маяковским в октябре 1913 г., Б. Лившиц писал: «В Училище живописи, ваяния и зодчества, где он еще числился учеником, его ждал триумф: оранжевая кофта на фоне казенных стен была неслышанным вызовом казарменному режиму школы. Маяковского встретили и проводили овациями.

Ему этого было мало.

Решив, что его наряд уже примелькался, он потащил меня по мануфактурным магазинам, в которых приказчики вываливали нам на прилавки все самое яркое из лежавшего на полках.

Маяковского ничто не удовлетворяло.

После долгих поисков он набрел (в магазине) у Цинделя на черно-желтую полосатую ткань неизвестного назначения и на ней остановил свой выбор...

Сшила полосатую кофту Володина мать» (Полутораглазый стрелец. С. 425).

Облик поэта на эстраде описан в мемуарах А. Крученых: «Маяковский в блестящей как панцирь золотисто-желтой кофте с широкими черными вертикальными полосами, косая сажень в плечах, грозный и уверенный, был изваянием раздраженного гладиатора» (Крученых 1996. С. 61).

К. Чуковский, вспоминая одну из своих лекций о футуризме конца 1913 г., писал: «Помню, Маяковский как раз в ту минуту, когда я бранил футуризм, появился в желтой кофте и прервал мое чтение, выкрикивая по моему адресу злые слова. В зале начался гам и свист.

Эту желтую кофту я пронес в Политехнический музей контрабандой. Полиция запретила Маяковскому появляться в желтой кофте перед публикой. У входа стоял пристав и впускал Маяковского только тогда, когда убеждался, что на нем был пиджак. А кофта, завернутая в газету, была у меня под мышкой. На лестнице я отдал ее Владимиру Владимировичу, он тайком облачился в нее, и, эффектно появившись среди публики, высыпал на меня свои громы» (Восп. 1963. С. 124).

Ср. также гл. «Желтая кофта» в автобиографии «Я сам», а также строки из поэмы «Облако в штанах»: «Хорошо, когда в желтую кофту душа от осмотров укутана!»

В лоскутную блузу Маяковский одет на коллективной фотографии группы «Гилея» (1913), желтая кофта была на «Самопортрете» (1915; не сохр.) и «Автопортрете» (1913; собр. И. Генс); см. также графические портреты Маяковского работы Д. Бурлюка 1914, 1925 и 1930 гг. Лоскут от этой блузы сохранился в собрании ГММ.

Не исключено, что черно-желтая кофта Маяковского в качестве символа «независимого» русского футуризма явилась скрытым объектом выпада итальянского футуриста Джакомо Балла в манифесте «Анти-нейтральная одежда» (11 сент. 1914): в футуристической одежде «самым жестким образом будет исключено сочетание желтого и черного цветов». Поводом для этого запрета (который отсутствовал в первоначальном варианте декларации — «Футуристическом манифесте мужской одежды») могла быть реакция на негативное отношение части русских футуристов (в том числе Маяковского) к визиту в Россию лидера итальянских футуристов Ф.Т. Маринетти в январе — феврале 1914 г. Сам Дж. Балла в своих проектах футуристических тканей и элементов одежды этим запретом пренебрегал.

Би-ба-бо — кукла, надеваемая на пальцы руки.

ПОСЛУШАЙТЕ!

(С. 32)

ПЖРФ, без загл., без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк; *Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Соч. 1*; фонографическая запись, 1920.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется не позднее января 1914 г., когда *ПЖРФ* был сдан в печать.

В воспоминаниях С. Шамардиной так описывается история создания этого стихотворения: «Вспоминается, как возвращались однажды с какого-то концерта-вечера. Ехали на извозчике. Небо было хмурое. Только изредка вдруг блеснет звезда. И вот тут же, в извозчицкой пролетке, стало слагаться стихотворение: "Послушайте! Ведь, если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?..."»

.....
.....
Значит — это необходимо,
чтоб каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?! —

держал мою руку в своем кармане и наговаривал о звездах. Потом говорит: "Получаются стихи. Только непохоже это на меня. О звездах! Это не очень сентиментально? А все-таки напишу. А печатать, может быть, не буду"» (*Восп.* 1993. С. 13).

По мнению В.О. Перцова (Маяковский: Жизнь и творчество. М., 1973. Т. 1. С. 194 — 195), в стихотворении содержится скрытая полемика с текстом Франсиса Жамма «Молитва, чтобы получить звезду» («Боже, дай мне одну золотую звезду...» — *Жамм Ф.* Стихи и проза / Пер. И. Эренбурга. М., 1913. С. 39).

А ВСЕ-ТАКИ

(С. 33)

ПЖРФ, под назв. «Еще я», без знаков препинания, с заглавными буквами в начале строк, с цензурными изъятиями в стк. 10—13, 15—20; *Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется не позже января 1914 г., когда *ПЖРФ* был сдан в печать.

Первоначальное название «Еще я» или, может быть, «Еще Я» (в первой публикации дано прописными буквами), возможно, указывает на то, что Маяковский рассматривал это стихотворение как примыкающее к циклу «Я!».

...надел на голову, как рыжий парик. — Ср. коммент. к стих. «Ничего не понимают».

...сквозь горящие здания... — Аллюзия на заглавие сб. стихов К. Бальмонта «Горящие здания» (М., 1900), восходящее к строкам из его стихотворения «Кинжальные слова»:

Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!

В предисловии ко второму изданию сб. (М., 1904) Бальмонт писал: «Эта книга не напрасно названа лирикой современной души (...) В этой книге я говорю не только за себя, но и за многих других, которые немوتствуют, не имея голоса, а иногда, имея его, но не желая говорить, немотствуют, но чувствуют гнет роковых противоречий, быть может, гораздо сильнее, чем я» (ср. у Маяковского: «Все эти, провалившиеся носами, знают: я — ваш поэт»). Не исключено, что и в других строках стихотворения «А все-таки» содержатся скрытые отсылки к сб. «Горящие здания». Так, в стк. 3—4 («Отбросив белье до последнего листика, сады похабно развалились в июне») можно видеть аллюзию на строки

И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли

из стихотворения Н. Клюева «Вы обещали нам сады...» (Сосен перезвон. 2-е изд. М., 1913, февр. — март), являющегося, в свою очередь, ответом на стихотворение Бальмонта «Оттуда» из указ. книги; ср. также в стихотворении Бальмонта «Мой друг, есть радость и любовь...» из того же сборника:

Мы только капли в вечных чашах
Не отцветающих цветов
Не погибающих садов.

Отражение строк стихотворения Бальмонта «Белая страна»:

Я один в просторах, где умолкло время,
Не с кем говорить мне, не с кем, кроме Бога —

можно видеть не только в теме двух последних строф стихотворения «А все-таки», но и в сюжете и пафосе целого ряда других ранних стихотворений и поэм Маяковского.

ЕЩЕ ПЕТЕРБУРГ

(С. 34)

ПЖРФ. 1914. № 1—2 (март), под назв. «Утро Петербурга», без знаков препинания, с прописными буквами в начале строк; *Для первого знакомства*; *Простое как мычание*, под загл. «Еще Петроград»; *Все сочиненное*; *13 лет работы*; *Соч. 1*.

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1*.

Датируется не позднее января 1914 г., когда *ПЖРФ* был сдан в печать.

По воспоминаниям Б. Лившица, стихотворение было прочитано Маяковским на «Первом в России вечере речетворцев» 13 окт. 1913 г. (*Полтораглазый стрелец*. С. 435), однако иных свидетельств об этом обнаружить не удалось.

Окончательное заглавие стихотворения отсылает к тексту «Кое-что про Петербург», вслед за которым оно следовало в сб. *Простое как мычание*, *Все сочиненное* и *13 лет работы*.

В 1914 г. две последние строки стихотворения В. Хлебников включил в свою декларацию «(Будетлянский)» со следующим комментарием: «Первый учитель Толстого — это тот вол, коий не противился мяснику, грузно шагая на бойню» (Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т / Под ред. Р.В. Дуганова. М., 2003. Т. 6, кн. 1. С. 227). В 1938 г. В. Шершеневич, выступая с воспоминаниями о Маяковском, говорил об этих строках: «Можно еще раскрыть происхождение строчек Маяковского в одном из его ранних стихотворений — “Еще Петербург” (...)

Дело в том, что по тому времени Лев Толстой был просто тою очередной мишенью, в которую мы все били, потому что по этой мишени мы достигали наибольшего результата в смысле нервозности зрительного зала.

Зрительный зал совершенно легко переносил выпады по адресу Пушкина, Лермонтова и кого угодно, но как только дело доходило до Льва Толстого, то немедленно начиналось беснование.

Я помню один случай, когда после первой же неуважительной реплики кого-то из футуристов по адресу Толстого из зрительного зала поднялся пристав и потребовал от нас обещания, что больше имени Толстого упоминаться не будет, так как он, пристав, не может допустить, чтобы в его присутствии ругали такого почтенного писателя.

Когда Маяковский, вмешавшись в разговор, спросил, как относится пристав к церкви, которая отлучила Толстого и неоднократно отзывалась о нем очень неодобрительно, пристав сказал: “То, что допустимо для церкви, то недопустимо для футуристов”» (Шершеневич В. Из воспоминаний о Маяковском // День поэзии 1968. М., 1968. С. 162 — 163).

О выпадах футуристов против Л. Толстого см. также: Матюшин М. Русские кубофутуристы // К истории русского авангарда. Стокгольм, 1976. С. 147 — 148; Шершеневич В. Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 536 — 538; Крученых 1996. С. 58, и др.

А с неба смотрела какая-то грянь величественно, как Лев Толстой. — Ср. в стихотворении С. Черного «Санкт-Петербург» (1910):

Плывет отравленный пьяный!
Бросил в глаза проклятую брань
И скрылся, качаясь, — нелепый, ничтожный и рваный.
Сверху сочится какая-то дрянь...

(Саша Черный. Сатиры и лирика. СПб., [1911]
Кн. 2. С. 9; 2-е изд. [1913])

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

(С. 35)

Новая жизнь. М., 1914. № 8 (авг.); альм. «Война». 1-е и 2-е изд. М., 1914, вместе с карикатурой «Germania grandiosa — mania grandiosa»; Весеннее контрагентство муз. М., 1915 (май); Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется в первых публикациях 20 июля 1914 г. В альманахе «Весеннее контрагентство муз» — ошибочно: 20 июля 1915 г.

В «Весеннем контрагентстве муз» напечатано вслед за стихотворениями «Я и Наполеон», «Мама и убитый немцами вечер» в составе подборки, озаглавленной «3.» с общим посвящением «Светлой О.В. Р. — эти стихи».

Имя адресата посвящения не раскрыто ни в текстах Маяковского, ни в мемуарах современников, ни в известных нам документальных материалах. В 1935 г. Харджиевым было высказано утверждение, что этим адресатом является О.В. Розенблюм, однако сведений об этой женщине и какой-либо аргументация в пользу сделанного заключения исследователь не привел. По устному его свидетельству (1988), О.В. Розенблюм была актрисой и случайной знакомой Маяковского. В подписном листе, который был вручен Маяковскому в Париже на вечере, устроенном в его честь французскими художниками 24 ноября 1922 г., есть подпись «M^m Rozenblum», сделанная с ошибками против французской орфографии. Помимо этого, в записной книжке поэта (нояб. 1927 — май 1928. ГММ. Зап. книжка № 56. Л. 21) есть телефон Ольги Викентьевны Розенблюм (возможно, описка). Эти документы, однако, не дают серьезных оснований отождествлять О.В. Розенблюм с адресатом подборки стихотворений, опубликованной в 1915 г. Более убедительной представляется гипотеза В.Н. Терехиной (Творчество. 1988. № 5. С. 11—13) о том, что стихотворения, напечатанные в сб. «Весеннее контрагентство муз», посвящены художнице О.В. Розановой (1886—1918). В конце 1912 — начале 1913 г. О. Розанова, член общества художников «Союз молодежи», участвовала вместе с Маяковским в выставке этого общества в Петербурге. С 1913 г. Розанова сближается с группой кубофутуристов, оформляет целый ряд книг А. Крученых и В.Хлебникова. Розанова была автором афиши «Первые в мире постановки футуристов театра» к спектаклям «Владимир Маяковский» и «Победа над солнцем» (дек. 1913). В 1914—1915 гг. художница иллюстрирует два сборника с участием Маяковского (*Рыкающий Парнас* и *Стрелец*), а также брошюру А. Крученых «Стихи Маяковского» (1914, февр.). Фотография «Группы футуристов», включавшая среди прочих Маяковского и Розанову, была опубликована в «Синем журнале» 21 марта 1915 г. (№ 12. С. 7). Дружеское расположение поэта к О. Розановой в 1913—1914 гг. засвидетельствовано Н.Е. Добычиной: «Гуро, Хлебникова и Ольгу Розанову он безусловно уважал. (...) Когда она отстаивала свою точку зрения, я никогда не слышала, чтобы Маяковский спорил с ней так, как он спорил с Крученых. Он с ней никогда не спорил, а с ним спорил всегда» (Стенограмма восп. 1941. ГММ). В том, что их связи не прерывались и в последующие годы, удостоверяет письмо О. Розановой к А. Шемшурину от 4 апреля 1917 г.: «Все дни с начала революции были битком набиты какими-то сумбурными впечатлениями, сюрпризами и забавно-нежными делами. (...) За все это время умные речи слышала только от Д. Бурлюка и Маяковского» (ОР РГБ. Ф. 339. К. 5. Ед. хр. 14. Л. 28).

Стихотворение написано на следующий день после объявления Германией войны с Россией. 21 июля Маяковский читал его на митинге у конного памятника М.Д. Скобелеву на Скобелевской площади в Москве (Русское слово. 1914. 22 июля; Утро России. 1914. 22 июля). В автобиографии «Я сам» (гл. «Война») поэт писал: «Принял взволнованно. Сначала только с декоративной, с шумовой стороны. (...) Стих. "Война объявлена"». В поздних редакциях автобиографии Маяковский неточно датирует стихотворение временем после начала работы над «военными плакатами» (авг. 1914).

«Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю! Италия! Германия! Австрия!» — 15 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии; 17 июля Россия приняла решение о всеобщей мобилизации, а на следующий день всеобщую мобилизацию начала Австро-Венгрия. В ночь с 18 на 19 июля Германия предъявила России ультиматум с требованием немедленно приостановить мобилизацию. Россия ответила отказом; Германия начала всеобщую мобилизацию, а вечером 19 июля официально объявила войну России. Ожидалось, что Италия как член Тройственного союза может выступить вместе с Австро-Венгрией и Германией; вскоре, однако, Италия провозгласила нейтралитет, а в мае 1915 г. вступила в войну на стороне Антанты.

Сообщение о германском ультиматуме России появилось в газетах вечером 20 июля; на следующий день газеты объявили о начале войны, после чего в Петербурге, Москве и других городах начались небывалые по численности и накалу страстей митинги и демонстрации.

«Постойте, шашки о шелк кокоток...» — Фельетонист «Нового Сатирикона» Дон Аминадо (А.П. Шполянский) вспоминал, как Маяковский, «взобравшись на памятник Скобелеву против дома генерал-губернатора, потный от воодушевления, кричал истошным голосом: "Теперь война не та! Теперь она наша! И я требую клятвы в верности! Требую от всех и сам ее даю! Даю и говорю — шелковым бельем венских кокоток вытереть кровь на наших саблях! Уррра! Уррра! Уррра!"» (Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 181). В.Ф. Ходасевич также слушал чтение Маяковским этих стихов 21 июля 1914 г. и обвинял поэта в том, что тот, «размахивая плащом, без шапки, вел по Тверской одну из тех патриотических толп, от которых всегда сторонился патриотизм истинный». О том же: Бунин И. Воспоминания. Париж, 1950. С. 240.

МАМА И УБИТЫЙ НЕМЦАМИ ВЕЧЕР

(С. 36)

Новь. М., 1914. 20 нояб.; Весеннее контрагентство муз. М., 1915 (май); *Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Беловой автограф с подписью (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 60. Л. 3; из альбома Е.П. Иванова), начало 1915 г.

Печатается по Соч. 1.

Датируется первой половиной октября 1914 г. В альманахе «Весеннее контрагентство муз» ошибочно датировано: окт. 1915.

На вечере футуристов «Война и искусство» 14 октября 1914 г. в Политехническом музее в Москве Маяковский читал два стихотворения о войне, т. е. «Война объявлена» и «Мама и убитый немцами вечер» (см.: Раннее утро. 1914. 15 окт.; Театр. 1914. 16 окт.).

Косвенное свидетельство того, что стихотворение написано в первой половине октября, см. в реальном комментарии ниже.

В автобиографии «Я сам» (гл. «Зима») Маяковский относит дату написания стихотворения к зиме 1914 г., что не согласуется с датой его первой публикации (20 нояб.).

По воспоминаниям И. Хвасс (Лит. обозрение. 1993. № 9/10. С. 34), Маяковский читал это стихотворение у нее в гостях в августе 1914 г., что противоречит упоминанию военных действий у Варшавы и Ковно.

...расплакался, бедный, на шее Варшавы. — 27 сентября — 1 октября 1914 г. наступление германской армии в ходе Варшавско-Иваногородской операции сопровождалось ожесточенными боями под Варшавой. Ср. отклик на эти события в стихотворении Брюсова «К Варшаве» («Ужели мало жертв обильных...»), 2 октября 1914 г. (Русская мысль. 1914. № 10) и его корреспонденции «Тревожные дни в Варшаве», «Немцы под Варшавой» и др. (Русские ведомости. 1914. 8, 11, 12, 15, 17 окт.)

В статье «Без белых флагов» (Новь. 1914. 23 нояб.) Маяковский, назвав заключительные строки стихотворения В. Брюсова «В Варшаве» («В первый раз по улицам Варшавы...») «хладнокровной, бесчувственной записью немки-стенографистки», по поводу своего стихотворения писал: «А рядом разве не образ жгучей печали, скорбная, ждущая Варшава, с расплакавшимся на шее, обгаренным ранами заката вечером?» В своем ответе Маяковскому редактор газ. «Новь» А. Порошин (А.А. Суворин) так оценил это стихотворение: «Я согласен с критиками г. Маяковского, что стихи его вздернуто нервозны, хотя общий образ в них — грозно злоеущий вечер над Варшавой — не лишен поэтического интереса. Это в общем манерное стихотворение, но две строки в нем истинно превосходны и звучат с трагической силой:

Слезя золотые глаза костелов,
Пальцы улиц ломала Ковна»

(Порошин А. Листки журналиста // Новь. 1914. 24 нояб.)

...пальцы улиц ломала Ковна. — В сентябре 1914 г. в результате неудачно проведенной Восточно-Прусской операции русская армия была отброшена в г. Ковно (ныне г. Каунас, Литовской республики).

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО

(С. 38)

Театр в карикатурах. 1914. 30 нояб., под загл. «Немножко нервно и скрипка»; *Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Соч. 1.*

Беловой автограф (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 60. Л. 4; из альбома Е.П. Иванова), за исключением стк. 44–45, совпадает с журнальным текстом.

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется октябрём – ноябрём 1914 г.

В *Соч. 1* сопровождается примеч.: «Кузнецкий – улица в Москве (Кузнецкий Мост)».

В 1926 г. название стихотворения было обыграно в анонимной пародии на Маяковского «Ошибка и немножко сумбурно» (Театры и зрелища: Прилож. к журн. «Жизнь искусства». 1926. № 41. 12 окт. С. 4–5).

Геликон (от греч. «геликс» – кольцо, спираль) – духовой инструмент басового и контрабасового регистров; широко применяется в военных духовых оркестрах, для которых и был сконструирован в качестве самого низкого по звучанию.

МЫСЛИ В ПРИЗЫВ

(С. 40)

Кофта фата. Л. 12–13; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется предположительно осенью 1914 г.

В *Соч. 1* сопровождается примечаниями: «Анатэма – мистическая пьеса Леонида Андреева, Спарта – греческое государство, славившееся мужеством и физкультурой».

Написано в связи с намерением вступить в действующую армию. В автобиографии «Я сам» (гл. «Август») поэт писал: «Чтобы сказать о войне – надо ее видеть. Пошел записываться добровольцем. Не позволили. Нет благонадежности». На самом деле Маяковский обратился за свидетельством о благонадежности для поступления в армию 24 октября 1914 г. 12 ноября на основании справки Охранного отделения в свидетельстве ему было отказано, о чем он узнал 16 ноября. На военную службу Маяковский был призван в начале сентября 1915 г.

Сунь ему «Анатэм». – «Анатэма» – философская трагедия Л. Андреева (1908–1909), трактующая отношения дьявола, Бога и человека.

Я и НАПОЛЕОН

(С. 42)

Весеннее контрагентство муз. М., 1915 (май); *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Беловой автограф с подписью — ГЛМ. оф.-35386.

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется началом 1915 г. (не позже первой половины марта). В первой публикации датировано: Москва. 1915 г.

В *Соч. 1* сопровождается следующими примеч.: «Ноев — фирма цветочного магазина в Москве; Аустерлиц. — В битве под Аустерлицем Наполеон одержал блестящую победу; Яффа — город на Востоке, где, по преданию, Наполеон посетил больных чумой; Аркольский мост — здесь Наполеон чуть было не был убит шальной пулей».

Не исключено, что название и тема стихотворения были подсказаны буффонадными строками стихотворения Игоря Северянина «Поэза возмездия», опубликованного в сб. *Рыкающий Парнас* и вошедшего в его кн. «Златолира» (М., 1914):

Я — гениальный корсиканец!
Я — возрожденный Бонапарт!
(...)
Извечно странствуя с талантом
На плоской лосскости земной,
Был Карлом Смелым, был я Дантом,
Наполеоном — и собой.

Публикация стихотворения Маяковского в альм. «Весеннее контрагентство муз» вызвала отклик фельетониста Арк. Бухова:

«Владимир Маяковский на четвереньках догоняет Бурлюков... Маяковский мне напоминает Мартина Бергера (...) Бергер — человек совершенно не известный литературе. Он написал одно только объявление о какой-то типографской справочной книге:

— Я, Мартин Бергер, сим объявляю, что кто не купит эту книгу, тот подлец и дурак.

Объявление это было напечатано во многих журналах. Я думаю, что с момента его появления вырос и литературный талант Маяковского. Из каждой его строчки так и сквозит утверждение Бергера:

— Кто не согласен — тот подлец и дурак.

В альманахе Маяковскому предоставлено публику поразить стихотворением «Я и Наполеон» (далее цитируются пять его начальных строк).

Есть скандальные души, которые любят раздеваться в печати — но как-то умело у них выходит. А этот раздевается — и волосатая грудь наружу. Отведите детей в сторону...» (Арк. Б-ов. Шумные трупы // Журнал журналов. 1915. № 6. С. 18).

Я живу на Большой Пресне, 36, 24. — По этому адресу Маяковский жил вместе с матерью и сестрами с конца августа 1913 до 25 мая 1915 г.

(см.: *Маяковская Л.В.* Паспортная книжка Ал-дры Алексеевны Маяковской (машинопись) — ГММ. № 13279. Л. 2, 5). На доме по этому адресу установлена мемориальная доска.

... у *Ноева оранжереи*... — Цветочный магазин Н.Ф. Ноева на ул. Петровка в Москве.

... *солнце Аустерлица*. — На восходе солнца веред началом Бородинского сражения (26 авг. 1812) Наполеон воскликнул: «Вот солнце Аустерлица!» 20 ноября (2 дек.) 1805 г. под Аустерлицем Наполеон одержал крупную победу над русско-норвежской армией, в результате которой Австрия была вынуждена заключить мирный договор с Францией, а Священная Римская империя перестала существовать.

...*смелостью смерть поправ*... — Парафраз слов пасхального песнопения: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Ср. вариант этой строки в кн. «Простое как мычание».

...*я каждый день иду к зачумленным по тысячам русских Яфф!* — В 1799 г., во время Египетского похода, Наполеон посетил в Яффе (Палестина) чумной госпиталь.

...*в одном лишь июле*... — Имеется в виду начало Первой мировой войны.

Аркольский мост — мост через реку Альпона у селения Арколе (Сев. Италия), который неоднократно штурмовали французские войска, руководимые Наполеоном, в сражении с австрийской армией 15—17 ноября (н. ст.) 1796 г. Сам Наполеон во время боев подвергался смертельной опасности. Подвиги Наполеона запечатлены на полотнах французского художника Антуана Гро «Наполеон Бонапарт на Аркольском мосту» и др.

...*тысяча тысяч пирамид!* — 21 июля (н. ст.) 1898 г. в Битве при пирамидах Наполеон разбил армию мамлюков Мурад-бей.

ВАМ!

(С. 45)

Альм. «Взял». 1915 (дек.), под загл. «Вам которые в тылу», с цензурным изъятием в стк. 9, без знаков препинания; *13 лет работы*; Соч. 1.

В собрании А.Е. Парниса находится лист из альм. «Взял» с правкой, предположительно авторской.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется не позднее начала февраля 1915 г.

Маяковский читал это стихотворение 11 февраля на «Вечере пяти» поэтов (В. Каменского, Д. Бурлюка, И. Северянина) и художников (С. Судейкина и А. Радакова) в петербургском артистическом кабаре «Бродячая собака», выступив вне программы (см.: Биржевые ведомости. 1915. 13 февр., веч. вып.; 20 февр., утр. вып.). В первоначальном варианте автобиографии «Я сам!» Маяковский писал: «Бродячую тоже (закрыли) чуть не за "Вам, проживающим"» (Новая русская книга. 1922. № 9. С. 45). Ди-

ректор «Бродячей собаки» Б.К. Пронин впоследствии вспоминал: «Вдруг Маяковский обращается ко мне: "Боричка, разреши мне!" А он чувствовал, что его не любят и на эстраду не пускают, что я и Кульбин — это единственные, кто за него, и это была его трагедия.

— Разреши мне выйти на эстраду, и я сделаю "эпатэ", немножко буржуев расшевелю.

Тогда я, озлобленный тем, что вечер получился кислый, говорю Вере Александровне (своей жене, актрисе Лишневецкой): "Это будет замечательно", и она говорит: "Шпарьте!"

Маяковский вышел и прочитал "Вам!". Это имело действие грома, получились даже обмороки» (Стенограмма воспоминаний, ноябрь 1939; частный архив; цит. по кн.: *Памятники культуры*. С. 166).

По рассказу Т. Вечорки (Т.В. Толстой), записанному А. Крученых, «Маяковский стоял очень бледный, судорожно делая жевательные движения, — желвак нижней челюсти все время раздувался, — опять закурил и не уходил с эстрады.

Очень изящно и нарядно одетая женщина, сидя на высоком стуле, вскрикнула:

— Такой молодой, здоровый... Чем такие мерзкие стихи писать, шел бы на фронт!

Маяковский парировал:

— Недавно во Франции один известный писатель (Анатоль Франс) выразил желание ехать на фронт. Ему поднесли золотое перо и пожелали: "Останьтесь, Ваше перо нужнее родине, чем шпага".

Та же "стильная женщина" раздраженно крикнула:

— Ваше перо никому, никому не нужно!

— Мадам, не о Вас речь. Вам перья нужны только на шляпу!» (*Крученых 1996*. С. 62; ср. также запись в дневнике Т.В. Толстой от 15 апреля 1930 — *De visu*. 1993. N 11. P. 15).

А.С. Левин, вспоминая тот же эпизод, продолжал: «Кто-то дико захохотал. "Вы не знаете законов техники, — сказал Маяковский. — Для того чтобы поставить телефонный столб, нужна проволока. Для того чтобы смеяться, надо иметь лицо". Причем это была мгновенная реакция» (*Левин А.С. Мои встречи с Маяковским // Памятники культуры*. С. 167).

По воспоминаниям Б.К. Пронина, на стороне Маяковского выступил князь М.Н. Волконский, который сказал приблизительно следующее: «Я не понимаю возмущения присутствующих. Мне кажется, что юноша, который прочитал необычайные по форме и необычайные по поэтической силе стихи, юноша-поэт почему-то шокировал собрание. (...) Я нахожу, что если бы нецензурное слово в (пред)последней строчке заменить, — то стихотворение этого нерядового поэта было бы совершенно великолепным! И удивляюсь, зачем вам дался этот юноша!» (*Памятники культуры*. С. 166 — 167).

Свидетельства о выступлении Маяковского оставлены также А. Ахматовой, В.Б. Шкловским, С.А. Лешковой.

Отчет о «скандале» в «Бродячей собаке» был опубликован газетой «Биржевые ведомости» (*Муравей (Елоховский Н.А.?)*). Театральный мура-

вейник // Биржевые ведомости. 1915. 13 февр., веч. вып.); после этого Б.К. Пронин, В.А. Лишневецкая и Маяковский ходили объясняться к редактору газеты, и «скандал как-то рассосался» (*Памятники культуры*. С. 167). Следующий вечер в «Бродячей собаке» (20 февр.) был целиком предоставлен Маяковскому. В заметке, напечатанной в «Биржевых ведомостях» непосредственно перед вечером, предшествующее выступление поэта было упомянуто в примирительных тонах: «В цитадели футуризма, в подвале "Бродячей собаки", был бой, заставивший публику на минуту отвлечься от боев под Ипром и Суассоном. Г. Маяковскому удалось на минуту отгеснить Вильгельма и приковать опять внимание публики к футуризму» (Биржевые ведомости. 1915. 20 февр., утр. вып.).

...как вы измазанной в котлете губой похотливо напеваеете Северянина! — Характерной чертой чтения И. Северянином своих стихов была мелодекламация, многократно отмеченная в рецензиях на его «поэзо-концерты». Так, в отчете о вечере Северянина, состоявшемся 31 января 1915 г., говорилось: «В третьем отделении выступил (...) сам автор с усталыми глазами, с неподвижным, как маска трагического шута, лицом. Он пел свои стихи унылым и однообразным напевом. Но, видимо, была какая-то магия, какое-то очарование в этом серьезном, почти мрачном пении музыкальных, капризных, скользких и дерзких словозвучий, потому что (...) публика аплодировала поэту азартно» (Русское слово. 1915. 1 февр.). Отношение Маяковского к стихам Северянина накануне Первой мировой войны нашло отражение в его выступлениях в Саратове 19 марта 1914 г.: «Г. Маяковский цитирует (...) Игоря Северянина, которого, впрочем, лектор считает нетипичным, даже "бездарным" представителем футуризма, хотя его "стихи-шансонетки", которые надо петь, как шансонетки (г. Маяковский их поет), очень типичны для поэзии города» (Саратовский вестник. 1914. 21 марта). Ср. воспоминания Л. Брик, относящиеся к более позднему времени: «Ему (Маяковскому) доставляло удовольствие произносить северянинские стихи. (...) Он всегда пел их на северянинский мотив (чуть перевернутый), почти всерьез» (Брик Л.Ю. Чужие стихи // *Восп.* 1963. С. 334). «Военные» стихи Северянина вызвали резко негативную реакцию Маяковского, высказанную им в статье «Поэзовечер Игоря Северянина» (Новь. 1914. 23 дек.): «Но зачем-то ко всему этому притянута война? Впечатление такое: люди объята героизмом, роют траншеи, правят полетами ядер, и вдруг из толпы этих "деловых" людей хорошенький голос: "Крем де виолет", "ликер из банана", "устрицы", "пудра"! Откуда? Ах да, это в серые ряды солдат пришла маркитантка. Игорь Северянин — такая самая маркитантка русской поэзии».

...поговать ананасную вогу! — По законам военного времени запрещалась продажа спиртных напитков. В. Шкловский вспоминал:

«Ходил в "Бродячую собаку". В "Собаке" в то время официально вина не было. Пили, скажем, кофе. Народу было много, все больше приходило людей посторонних, которых в "Собаке" звали "фармацевтами" (...) "Бродячая собака" была настроена патриотически. Когда Маяковский прочел в ней свои стихи:

Вам ли, любящим баб да блюда,
Жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре б... буду
Подавать ананасную воду, —

то какой был визг.

Это был бар. Вино запретили, и вода была ананасная» (Шкловский В. О Маяковском // Шкловский В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1974. Т. 3. С. 64).

ГИМН СУДЬЕ

(С. 46)

Новый Сатирикон. 1915. № 9. 26 февр., под загл. «Судья»; *Простое как мычание; Кофта фата*. Л. 9–10; *Все сочиненное*; фонографическая запись, 1920; *13 лет работы; Маяковский улыбается; Соч. 1.*

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

В Соч. 1 сопровождается примеч.: «Баобабы — деревья».

В автобиографии «Я сам» Маяковский писал: «В рассуждении чего б покушать» стал писать в «Новом Сатириконе» (гл. «Новый Сатирикон»).

А.А. Радаков, бывший в то время соредактором «Нового Сатирикона», в 1939 г. вспоминал: «Познакомились мы с Маяковским так. Каждое утро я ходил в кафе "Амбир". Я был тогда редактором трех журналов, но редакцию ненавидел. (...) Однажды вижу, входит здоровенный дядя и спрашивает: "А где здесь Радаков сидит?" Ему показывают. "Позвольте познакомиться — Маяковский". Я и раньше слышал о Маяковском. У Комиссаржевской шла его трагедия "Владимир Маяковский". Он говорит: "Вот приехал в Петроград, хочу писать стихи". Я отвечаю: "Великолепно, а я буду иллюстрировать". — "Да вы меня печатать не будете". — "Буду, потому что Аверченко уехал на Кавказ". (...) И вот Маяковский дал первое стихотворение — "Гимн судьбе". Это стихотворение он отделявал здорово, сначала мне прочитал, а потом долгое время носил в кармане. Помню, много изменений было им внесено» (Радаков А. «Сатирикон» и сатириконцы // Лит. обозрение. 1993. С. 29–30).

ГИМН УЧЕНОМУ

(С. 48)

Новый Сатирикон. 1915. № 12, 19 марта; под загл. «Ученый»; *Кофта фата*. Л. 8; *Все сочиненное; 13 лет работы; Маяковский улыбается; Соч. 1.*

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

...с головой, откусанной начисто трактатом «О бородавках в Бразилии». — А.А. Радаков вспоминал: «В 1915 году, когда Маяковский жил в Петрограде, в "Новом Сатириконе" я иллюстрировал ряд стихов Маяков-

ского: "Гимн судьбе", "Гимн взятке", "Гимн ученому", "Гимн здоровью". (...) Не удавался рисунок "Гимн ученому", рисунок получался какой-то неубедительный. Маяковский долго смотрел на рисунок и сказал: "А вы спрячьте голову ученого в книгу, пусть с головой уйдет в книгу". Я так и сделал. И рисунок тематически очень выиграл, тема стихотворения была раскрыта» (Радаков А. На выставке // Лит. газета. 1940. 26 апр.).

ВОЕННО-МОРСКАЯ ЛЮБОВЬ

(С. 50)

Новый Сатирикон. 1915. № 2, 18 июня; *Все сочиненное*; фонографическая запись, 1920; *13 лет работы*; *Для голоса*; *ИЗИЗ*; Соч. 1.

Автограф Л.Ю. Брик (стк. 1–18 рукой) с пометами Маяковского (ИМЛИ).

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

А.А. Радаков, вспоминая о сотрудничестве с Маяковским «Новом Сатириконе», говорил: «В этом же кафе "Ампир" (см. примеч. к стих. "Гимн судьбе". — Сост.) он и работал, бормоча по обыкновению строчки. Я помню: "Миноносец, миноносец..."» (Лит. обозрение. 1993. С. 30). Ср. в стихотворении Н.Н. Асеева «Выход эскадры» близкий мотив «семьи военных кораблей» и «разговора флагов»:

«Адмирал Дреднот:

— Миноноска! Дорогая моя!

Миноноска:

— Они гнались за мной...» (Московские мастера. [М.], 1915).

ГИМН ЗДОРОВЬЮ

(С. 51)

Новый Сатирикон. 1915. № 27, 2 июля; *Для первого знакомства*; *Простое как мычание*; *Все сочиненное*; *13 лет работы*; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

И по камням ~ бросим за решетки сумасшедших домов! — Как отметил Харджиев (*Харджиев, Тренин*. С. 219), эта строфа может рассматриваться в качестве полемического выпада против книги доктора Е. П. Радина «Футуризм и безумие» (Пг., 1914), в которой проводились параллели между теорией и практикой футуристов, с одной стороны, и творчеством душевнобольных — с другой.

Онания — по-видимому, контаминация имени библейского грешника Онана (Быт 38, 4) и Анании — имени целого ряда библейских персонажей и мучеников раннехристианской истории. См. также коммент. к стих. «Братья писатели» (1917).

ГИМН КРИТИКУ

(С. 52)

Новый Сатирикон. Пг., 1915. № 28, 9 июля; *Для первого знакомства; Все сочиненное; 13 лет работы; Маяковский улыбается; Соч. 1.*

Список с черновой рукописи, сделанный К. Чуковским (1915) (ГММ. Р-55-38).

Беловой автограф (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 1092).

Печатается по Соч. 1.

Датируется июнем 1915 г.

Написано во время пребывания Маяковского в Куоккале (ныне Репино), на даче Чуковского. В «Журнале журналов» сообщалось: «Вл. Маяковский проходит сейчас в Куоккале под руководством К. Чуковского "курс хорошего тона". Футуристическому поэту вменено в обязанность каждую неделю написать пару понятных строчек, а по воскресеньям набрасывать по одному-другому портрету...» (Журнал журналов. 1915. № 10). По записи А.Е. Крученых, в начале 1920-х годов Маяковский так вспоминал об истории создания стихотворения: «Чуковский мне говорил: "Вот вы так остроумно разговариваете, вы бы записали все это!" Я и записал. Получилось стихотворение. Я посвятил его "критикам". Чуковскому, не знаю, почему, оно не понравилось» (Живой Маяковский. М., 1930. Вып. 1. С. 3). Харджиев приводил свидетельства того, что «в самом конце июня у Маяковского произошла размолвка с К.И. Чуковским», который, по его словам, был «горько обижен» стихотворением «Гимн критику» (Харджиев. С. 151). Гипотеза Харджиева о непосредственной связи этого стихотворения с личностью К. Чуковского расходится с воспоминаниями К. Чуковского и точкой зрения В.А. Катаняна (Русская литература. 1979. № 2. С. 155–158). Обострение отношений Маяковского и Чуковского произошло в начале 1920-х годов в связи с историей с С. Шамардиной (Восп. 1993. С. 9–10, 19, 20–21, 28, 264–267, 324, 332–333; Янгфельдт 1991. С. 106, 222–223).

Однако Чуковский вновь усмотрел обидные для себя намеки на «Гимн критику» в экспромте «Окно сатиры Чукроста», внесенном Маяковским в «Чукоккалу» 8 декабря 1920 г.: «Что ж ты в лекциях поешь, будто бы громила я (...) Не пори, мой милый чушь, крыл не режь ты соколу (...)». За разъяснениями он обратился с письмом к Маяковскому, который ответил ок. 10 декабря: «К счастью, в Вашем письме нет ни слова правды. Мое "Окно сатиры" это же не отношение, а шутка и только. Если б это было отношение — я моего критика посвятил бы *давно и печатно*. Ваше письмо чудовищно по не основанной ни на чем обидчивости». Вероятно, пятилетняя «обидчивость» имела очевидные для Чуковского основания в тексте «Гимна критику».

От страсти извозчика и разговорчивой прачки... — Мать К.И. Чуковского, Екатерина Осиповна Корнейчукова, была прачкой, затем швеей. Николай Корнейчуков (К.И. Чуковский) — незаконнорожденный сын (его отец Эммануил Соломонович Левенсон — потомственный почетный гражданин — оставил ребенка в трехлетнем возрасте).

...чтоб вышел в люди. — Чуковский был исключен из гимназии, с 16 лет жил самостоятельно.

...обнюхал приятное газетное небо. ~ выдоил и брюки... — Чуковский не раз вспоминал, как в 1898 г. начал печататься в газ. «Одесские новости»: «Я плохо помню эту статью, но хорошо помню, что мне заплатили за нее семь рублей и что мог купить себе наконец на толкучке новые брюки» (Чуковский К. Как я стал писателем // Юность. 1970. № 1. С. 78). Ср. в стихотворении С. Черного «В редакции толстого журнала» (1909) из его кн. «Сатиры» (СПб., 1910):

Поэт поник. Поэт исполнен горя:
Он думал из «Восходов» шить штаны!
(курсив автора).

ГИМН ОБЕДУ

(С. 54)

Новый Сатирикон. 1915. № 29, 16 июля; Для первого знакомства; Все сочиненное; 13 лет работы; Маяковский улыбается; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

В Соч. 1 сопровождается примеч.: «Реймс — город во Франции. Во время империалистической войны немцы разрушили бомбардировкой знаменитый Реймский собор».

Если ударами ядр тысячи Реймсов разбить удалось бы... — 6(19) сентября 1914 г. Реймс был подвергнут жестокой артиллерийской бомбардировке отходящими германскими войсками, в результате которой был разрушен Реймский собор.

ТЕПЛОЕ СЛОВО КОЕ-КАКИМ ПОРОКАМ

(С. 56)

Новый Сатирикон. 1915. № 30, 23 июля; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

В Соч. 1 сопровождается примечаниями: «Щепкин — известный актер; Врубель — художник».

Стихотворение вызвало издевательский отклик «Журнала журналов»: «Обычно такие исповеди до сих пор печатались в "Жизни и суде" под общей рубрикой "В мире шулеров". Неужели "Новый Сатирикон" с его читательскими симпатиями завидуует славе уголовного журнальчика? (...)

За какое место должны его (автора) брать читатели, которым еще никогда не попадалась в "Сатириконе" такая безудержная развязность?» (*Vindex*. Поэзо-исповедь // Журнал журналов. 1915. № 16. С. 18).

Это стихотворение послужило основанием для Н.И. Бухарина подчеркнуть в статье «О старинных традициях и современном культурном строительстве: (Мысли вслух)»: «Разве это не типично мещанская идеология? Разве это не есенинщина, прорывавшаяся в наш лагерь? Конечно, это она, нэпманско-мелкобуржуазно-мещанская "стихия" залезла "под череп" поэту Маяковскому, который хочет идти в ногу с пролетариатом, но мечется еще между "железной поступью рабочих батальонов" и "пьяной песней в кабинете кабака"» (Революция и культура. М., 1927. № 1. С. 19).

«Железка» — шмен-де-фер, азартная карточная игра. Под таким названием в марте 1915 г. на выставке «1915» экспонировалось живописное полотно Маяковского (хранится в ГММ).

«А вы прикупаете к пятерке?» — Согласно правилам игры в «железку» игрок, имеющий на руках пятерку, может либо «прикупать», либо оставаться при своих картах.

ВОТ ТАК Я СДЕЛАЛСЯ СОБАКОЙ

(С. 58)

Новый Сатирикон. 1915. № 31, 30 июля, с подзагол. «Нам. Вам. Им»; *Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Маяковский улыбается; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется не позже 4 июля 1915 г., когда Маяковский читал это стихотворение на «Белом вечере» в Куоккале.

Тема произведения, возможно, подсказана стихотворением Ф. Сологуба «Собака седого короля» (1905), вошедшим в кн. Сологуба «Пламенный круг» (М., 1908), и его же циклом стихотворений «Когда я был собакой» (1911—1912). Последнее стихотворение цикла было впервые опубликовано в журнале «Новая жизнь» (1914. № 3, март), а в мае того же года сам Маяковский стал печататься в этом журнале.

В отчете о «Белом вечере» (Куоккала, 4 июля 1915) еженедельник «Театр и искусство» (1915. № 28) так оценивал прочитанные Маяковским стихотворения: «Пьесы Маяковского про собаку и про звезды ("Послушайте!") — произведения прямо отличные, рельефные, очень индивидуальные, весьма любопытные в отношении ритмической и рифмической техники».

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ ДИРИЖЕРА

(С. 60)

Новый Сатирикон. 1915. № 32, 6 авг.; *Для первого знакомства; Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по сб. *Избранный Маяковский*, где была последняя авторская правка (стк. 3).

Датируется по первой публикации.

ПУСТЯК У ОКИ

(С. 61)

Новый Сатирикон. 1915. № 33, 13 авг., под инициалами «В.М.»; *Копта фата*. Л. 4; *Все сочиненное; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Соч. 1.*

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется по первой публикации.

... и заверчен, как ~ из Аверченко... — В составной рифме использована фамилия главного редактора «Нового Сатирикона» А.Т. Аверченко.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ НЕЛЕПОСТИ

(С. 62)

Новый Сатирикон. 1915. № 34, 20 авг.; *Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется по первой публикации.

Возможно, написано весной — в начале лета.

В *Соч. 1* сопровождается примечанием: «Сена — река, на которой стоит Париж; Рейн — пограничная река между Францией и Германией; Гангrena — гниение от заражения крови».

В кн. *Простое как мычание* вместе с тремя стихотворениями, опубликованными в сб. «Весеннее контрагентство муз» («Война объявлена», «Мама и убитый немцами вечер» и «Я и Наполеон»), составило раздел «военных» стихов под общим заглавием «Великолепные нелепости». В кн. *13 лет работы* этот раздел озаглавлен «Война» и дополнен стихотворениями «Вам!» и «Военно-морская любовь».

ГИМН ВЗЯТКЕ

(С. 64)

Новый Сатирикон. 1915. № 35, 27 авг., под инициалом: «В»; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется по первой публикации.

Написано для специального номера журн. «Новый Сатирикон» — «О взятке». В том же номере (за полной подписью Маяковского) опубликовано стихотворение «Внимательное отношение к взяточникам».

ВНИМАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЗЯТОЧНИКАМ

(С. 65)

Новый Сатирикон. 1915. № 35, 27 авг.; *Кофта фата*. Л. 4—5 об.; *Все сочиненное; 13 лет работы; Маяковский улыбается*, под загл. «Гимн взятке»; Соч. 1.

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

Написано специально для номера «Нового Сатирикона», посвященного взятке (см. «Гимн взятке»).

Я, выколачивающий из строчек штаны. — Тот же мотив в «Гимне критику» — «И скоро критик...выдоил и брюки...».

См. также коммент. к стк. 1—2 стихотворения «Кофта фата» (1914).

Что нам деньги, транжирам и мотам! — Автопарафраз стк. 4 и 17 стихотворения «Нате!» (1913).

ЧУДОВИЩНЫЕ ПОХОРОНЫ

(С. 67)

Новый Сатирикон. 1915. № 36, 3 сент.; *Простое как мычание; Все сочиненное; 13 лет работы; Маяковский улыбается; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

В Соч. 1 сопровождается примечанием: «Гаршин — русский писатель, писавший скорбные рассказы».

...кажется, что ему разогрели губу. — Аллюзия на персонаж романа В. Гюго «Человек, который смеется» (1869).

МОЕ К ЭТОМУ ОТНОШЕНИЕ

(С. 69)

Новый Сатирикон. 1915. № 38, 17 сент., без подзагол.; *Кофта фата*. Л. 5 об.—6 об.; *Все сочиненное; 13 лет работы; Маяковский улыбается; Соч. 1.*

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

В *Соч. 1* сопровождается примечанием: «Сытин — крупный издатель-капиталист; Апухтин — поэт, очень толстый; Спектакль-гала — парадный спектакль».

Подзаголовок «Гимн еще почтее» впервые появился в кн. «Все сочиненное», где «Мое к этому отношение» было помещено почти сразу после стихотворения «Теплое слово кое-каким порокам. (Почти гимн)». Подзаголовок к последнему, как и заглавия «Гимн судьбе» и «Гимн ученому», впервые появились в указанном издании.

...*лежит себе сыт, как Сытин.* — Ср. воспоминания М.Н. Бурлюк, описывающие общение Маяковского с Д. Бурлюком в 1911 — 1912 гг.: «"Сыт — как Сытин", как сострил тогда вечно-веселый, неунывающий Бурлюк» (*Красная стрела*. С. 10). *Сытин* Иван Дмитриевич (1851 — 1934) — один из крупнейших русских издателей, владелец самой распространенной газеты России «Русское слово».

Апухтин Алексей Николаевич (1840 — 1893) — поэт. «Тучную фигуру Апухтина» Маяковский упоминает в статье «И нам мяса!» (1914).

ЭЙ!

(С. 71)

Новый Сатирикон. 1916. № 8, 18 февр., с посвящением: «Михаилу Александровичу Гринкругу»; *Кофта фата*. Л. 6 об. — 7 об.; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1.*

Датируется по первой публикации.

В *Соч. 1* сопровождается примечанием: «Капри — остров в Неаполитанском заливе».

Тема стихотворения, по-видимому, имеет прямую связь с идеей «театрализации жизни», разработанной Н.Н. Евреиновым в кн. «Театр как таковой» (СПб., 1912), «Театр для себя» (СПб., 1915. Ч. 1.) и др. (см.: *Харджиев* 1975. Р. 89). Ср. в кн. «Театр для себя»: «Когда же я произношу слово "театр", мне *прежде* всего представляется ребенок, дикарь и все, что свойственно их творчески-преображающей воле: неприятие этого мира, непонятного им, и не их мира: замена его другим, свободно выдуманым и свободно принятым, как *своим*, зависимым не столько от судьбы, сколько от выдумщика, влечение к маске как к прикрытие своего действительного "я" и, eo ipso, к маске как к носительнице нового "я", произвольно созданного» (курсив автора; цит. по: *Журнал журналов*. 1915. № 21. С. 16).

По воспоминаниям М.Н. Бурлюк, еще весной 1912 г. Маяковский активно интересовался творчеством Евреинова: «В те годы на углу Никитской и переулка, что вел в Филармонию, стоял театр (ныне Театр им. Вл. Маяковского). Там в постановке Н.Н. Евреинова давался в ту весну "Овечий источник" (Фуэнте Овехуна) Лопе де Вега (...)

В ложе, во второй от сцены, сидел рядом с Бурлюком молчаливый, умный и добрый юноша Володя Маяковский; он не аплодировал "моральному успеху" искусства Евреинова. Театр почти пуст (...). Материальный неуспех затеи Н.Н. Евреинова не беспокоил Маяковского, ему было важно, что он видел это новое блестящее, врывающееся искусство новатора, а до других ему не было дела» (*Красная стрела*. С. 12; исправлено по публ.: *Burluk D., Burluk M. Majakovsky // Color and Rhyme*. N.Y., 1956. N 31. P.16).

В 1915 г. Маяковский тесно общался с Евреиновым: во второй половине февраля вышел сб. *Стрелец*, где Маяковский поместил отрывки из поэмы «Облако в штанах», а Евреинов — статью «Об отрицании театра»; 25 февраля оба они участвовали в вечере, состоявшемся в «Бродячей собаке» и посвященном выходу в свет сб. *Стрелец*.

30-м мая датирован портрет Евреинова работы Маяковского (воспроизведен в кн.: *Евреинов Н.* Оригинал о портретистах. М., 1922. С. 79); об общении с Евреиновым летом 1915 г. Маяковский писал в автобиографии «Я сам» (гл. «Куоккала»). См. также в письме Евреинова В. Каменскому из Куоккалы от 26 июня 1915 г.: «Здесь живет Маяковский, в общем, "не так страшен черт, как его малюют". Мы с ним пока в прекрасных отношениях» (В.В. Маяковский в переписке современников // *Встречи с прошлым*. М., 1996. Вып. 8. С. 395).

Гринкруг Михаил Александрович (1889—1957), которому в первой публикации посвящено стихотворение, — брат Л.А. Гринкруга, близкого друга Маяковского и Брик (см. о нем в коммент.: *Янгфельдт 1991*. С. 194, и др.).

Капри — остров-курорт в Тирренском море. Впечатления от Капри были, вероятно, сообщены Маяковскому М. Горьким, который жил там в 1906—1913 гг.

...*глаза уткнув в желтоглазый коньяк*. — Эти строки вошли цитатой в стихотворение «Бей белых и зеленых» (1926).

Сорвем ерунду пиджаков и манжет, крахмальные груди раскрасим пог панцерь... — Ср. в декларации В. Хлебникова «Предложения»: «IV. Носить вместо одежд средневековые латы белого цвета из того полотна, которое теперь служит для валких воротничков и нагрудничков» (Взял: Барабан футуристов. Пг., 1915 (дек.) С. 3).

АНАФЕМА

(С. 73)

Стрелец 2, под загл. «Анафема»; *Простое как мычание*, в качестве вступительного стихотворения к сб. под загл. «Ко всей книге» и с посвящением Л.Ю. Б(рик); *Все сочиненное; 13 лет работы*, под загл. «Анафема»; *Соч. 1*, под загл. «Ко всему».

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1, с изменением заглавия («Анафема» вместо «Ко всему») по *Стрелец 2 и 13 лет работы*».

Датируется по времени цензурного разрешения сб. — не позднее 1 июля 1916 г.

В сб. *Стрелец* — с цензурными купюрами стк. 42–43, 98–101, 110 и части стк. 77: «под нары казарм!»; в кн. *Простое как мычание* с цензурными купюрами стк. 64 и 100–101; во всех прижизненных публикациях несколько различается деление на строфы.

В том же сб. *Стрелец*, где впервые было напечатано стихотворение Маяковского, его редактор А.Э. Беленсон поместил статью В.В. Розанова «Из последних страниц истории русской критики», содержащую антисемитские выпады. Это вызвало открытое письмо Маяковского в газету «Биржевые ведомости», в котором он заявил о прекращении своего сотрудничества с редакцией «Стрельца» (письмо датировано 21 августа 1916 г., опубликовано 26 августа в утреннем выпуске). Публикация письма почти совпала с появлением статьи редактора еженедельника «Журнал журналов» И.М. Василевского (Не Буквы), в которой он, цитируя высказывания Розанова и строки стихотворения Маяковского, делал заключение: «То унылое и бездарное, что под именем футуризма скопилось на крайнем левом ("левее здравого смысла") фланге литературы — неминуемо и неизбежно должно было столкнуться и слиться со всем тупым и меднолобым, что только есть на крайнем правом, черносотенном фланге. (...) Черносотенство — это единственное, чего не хватало г. г. футуристам, чтобы до конца выявить свое я» (*Не Буква*. Распродажа остатков: Второй альманах «Стрелец» // *Журнал журналов*. 1916. № 35, авг. С. 4).

В начале октября (т. е. более чем через месяц) «Журнал журналов» откликнулся, на «Открытое письмо» Маяковского в газету «Биржевые ведомости» заметкой П. Михайлова в рубрике «Сучки и задоринки» (1916. № 41. С. 4). Заметка была выдержана в ироническом, однако отнюдь уже не оскорбительном тоне; в конце октября журнал опубликовал вполне доброжелательную рецензию на книгу стихов Маяковского за подписью Петроний (П.М. Пильский) (*Не... новая книга стихов*. Вл. Маяковский. «Простое как мычание» // *Журнал журналов*. 1916. № 44, окт. С. 6–8).

...я ж из ящика не выкрал серебряных ложек! — Это же выражение приводит М.Ф. Андреева в воспоминаниях о приезде Маяковского в Мустамьяки к М. Горькому летом 1915 г.:

«У нас стоял еще утренний завтрак на столе. Спрашиваю:

— Вы кофе хотите? Или, может быть, чаю?

— Да, не откажусь.

— Вот и хорошо. Вы посидите, я пойду скажу, чтобы подогрели.

И пошла из комнаты, а он мне вдогонку:

— А вы не боитесь, что я у вас серебряные ложки украду?» (*Восп.* 1963. С. 115).

Ты уронила только: «В мягкой постели он...» — В.В. Катанян, со слов Л.Ю. Брик, писал: «Однажды он (Маяковский) попросил рассказать ему о ее свадебной ночи. Она долго отказывалась, но он так неистово настаивал, что она сдалась... Она не представляла, что он может ревновать к тому, что произошло в прошлом, до их встречи. Но он бросился вон из комнаты и выбежал на улицу, рыдая» (Брик Л. Пристрастные рассказы. Н. Новгород, 2003. С. 160—161).

Марала! — Возможно, искаженное «маран-афа» (арам. «Господь наш грядущий» из 1 Кор 16, 22). В православном каноническом толковании словосочетание «анафема маран-афа» означало проклятие, обрекающее виновного на гибель.

ЛИЛИЧКА!

(С. 77)

Альманах с Маяковским. М., 1934. С. 75—76.

Беловой автограф на именном бланке с грифом «Владимир Владимирович Маяковский» с подписью «В. Маяковский» и указанием даты и места написания: «26 мая 1916 г. Петроград» (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 1096).

Печатается и датируется по автографу.

...глава в *крученыховском аге*. — Имеется в виду поэма А. Крученых и В. Хлебникова «Игра в аду», вышедшая в Москве двумя изданиями (1912, 1914).

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА

(С. 79)

Новый Сатирикон. 1916. № 45, 3 нояб. (дозволение военной цензуры — 25 окт.), подзагол. «Цикл из пяти» (см. «Другие редакции»).

Автограф неизвестен.

Печатается и датируется по первой публикации.

В журнале «Новый Сатирикон» — как вступительное четверостишие неосуществленного цикла «Издевательства». Его слог пародировал торжественный гекзаметр эпических поэм Гомера. Ряд сатирических текстов Маяковского, появившихся в ближайших номерах «Нового Сатирикона» («Надоело», «Дешевая распродажа»), соответствовал заглавию и программе цикла, как она намечена во вступительном четверостишии, однако ни в журнальных публикациях, ни позже цикл «Издевательства» так и не был реализован.

...те, кто у губа, кормящего их, корни рылами роют. — Аллюзия на басню И.А. Крылова «Свинья под дубом» (1822—1823).

НИКЧЕМНОЕ САМОУТЕШЕНИЕ

(С. 80)

Новый Сатирикон. 1916. № 45, 3 нояб. (дозволение военной цензуры — 25 окт.), под загл. «Не говорите глупостей» (см. «Другие редакции»); *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

В «Новом Сатириконе» печаталось как первое стихотворение задуманного цикла «Издательства» и примыкало к вступительному четверостишию.

В кн. *Все сочиненное* без знаков препинания внутри предложений; в кн. *13 лет работы* — с делением на строфы.

Во всех последующих изданиях Маяковский публиковал «Никчемное самоутешение» в качестве самостоятельного произведения.

НАДОЕЛО

(С. 82)

Новый Сатирикон. 1916. № 46, 10 нояб. (дозволение военной цензуры — 1 нояб.), под загл. «Лучше не называть», с рис. А. Радакова; *Все сочиненное; 13 лет работы; Маяковский улыбается; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

Печатается с исправлением в стк. 62: «в 1916 году» вместо «в 1914 году».

В кн. *13 лет работы* и *Маяковский улыбается* — с делением на строфы.

В Соч. 1 стихотворение сопровождается следующим примечанием: «Анненский, Тютчев, Фет — поэты, "Простое как мычание" — название сборника стихов Маяковского». Подготавливая к печати кн. *Все сочиненное*, Маяковский внес в текст стихотворения (помимо мелких исправлений) два значимых изменения: он отказался от первоначального, возможно случайного, заглавия, поставив на его место первую строку стихотворения, и заменил «Петроград» на «Петербург».

Два аршина безлицого розоватого теста... — Ср. в поэме Н.А. Некрасова «Современники»:

Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род пуховика,
Пьедесталом служит уху
Ожиревшая рука.
{...} Он — известный объедало...

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА

(С. 84)

Новый Сатирикон. 1916. № 48, 24 нояб. (дозволение военной цензуры — 15 нояб.); *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1* с восстановлением прописной буквы в слове «Богодьявол» (стк. 24) по кн. *Все сочиненное и 13 лет работы* и с исправлением в стк. 57: «в Петрограде» вместо «в Петербурге» по тексту «Нового Сатирикона».

Датируется по первой публикации.

В тексте «Нового Сатирикона» — цензурная купюра в стк. 24: опущены слова «о Богодьяволе»; последняя строфа отделена пробелом и линейкой; в кн. *Все сочиненное* внутри предложений пунктуация отсутствует (кроме тире); в кн. *13 лет работы* стихотворение поделено на строфы.

Замена «Петроград» на «Петербург» была сделана в кн. *Все сочиненное* в связи с включением этого стихотворения в раздел «1914» (см. коммент. к стих. «Надоело»); в дальнейшем стихотворение печаталось Маяковским по тексту кн. *Все сочиненное*.

В *Соч. 1* сопровождается примеч.: «Надеждинская — улица в Петрограде, на которой в то время жил Маяковский».

..любой Пьерпонт Морган. — Морганы Джон Пирпонт-старший (1837 — 1913) и Джон Пирпонт-младший (1867 — 1943), американские миллиардеры, руководители банкирского дома «Дж.П. Морган и К°» в Нью-Йорке.

...в *Петрограде на Надеждинской*... — Надеждинская ул. (с 1936 г. — ул. Маяковского), д. 52, кв. 9 — адрес Маяковского в Петрограде с осени 1916 до отъезда в Москву в начале декабря 1917 г.

МРАК

(С. 86)

Новый Сатирикон. 1916. № 49, 1 дек. (дозволение военной цензуры — 22 нояб.); *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1*.

Датируется временем между 15 и 21 ноября 1916 г.

В *Соч. 1* сопровождается примечаниями: «Верхарн — бельгийский поэт; был в 1916 году раздавлен поездом; Шебуев — бульварный журналист; "Селект" — ресторан в Петрограде; Око — карточная игра; Поссе — лектор-популяризатор; Театр Мосоловой — подленький театр миниатюр в Петрограде; "Задушевное слово" — журнал для детей».

Сегодня на Верхарна обиделись небеса. — Бельгийский поэт и драматург Эмиль Верхарн погиб в Руане под колесами поезда 14 (27) ноября 1916 г. по пути на одну из своих лекций о войне. Его смерть вызвала мно-

гочисленные отклики в России (В. Брюсов, А. Луначарский, Ю. Балтрушайтис, Г. Чулков и др.), ей придавалось символическое значение. Так, некролог Ю. Айхенвальда, опубликованный уже 15 ноября в газ. «Нижегородский листок», был озаглавлен «Символическая смерть», а стихотворение Игоря Северянина «На смерть Верхарена», датированное 16 ноября 1916 г., заканчивалось словами:

Зачем же он, Культура кем любима,
Ее певец — Культурой умерщвлен?!

(Опубл.: Острова очарований: Альманах 2-х. Пг., 1917. С. 36; вошло в кн.: *Северянин И.* Миррэлия. Берлин, 1922.) Позже Маяковский негативно оценивал общественную позицию Верхарна во время Первой мировой войны (см. его выступление на диспуте о постановке пьесы Верхарна «Зори» в Театре РСФСР Первом 22 ноября 1920 г.).

Шебуев Николай Георгиевич (1874—1937) — журналист, писатель; редактор-издатель (и единственный автор) сатирического журнала «Пулемет» (1905—1906), в 1906—1907 гг. издавал «Газету Шебуева», в 1908-м — журнал «Весна», в 1910—1917-м — «Синий журнал» и др. В 1915 г. вышло шеститомное собрание его сочинений. В связи с Шебуевым стихотворение «Мрак» цитировалось Маяковским в докладе «Анализ бесконечно малых» 13 февраля 1924 г. на вечере «Леф вызывает своих критиков» в Большом зале Московской консерватории (см. запись А. Крученых в кн.: *Живой Маяковский М.*, 1930. [Вып.1]. С. 4).

«Селект» — гостиница в Петрограде, Лиговская ул., д. 4 (ныне — Лиговский проспект).

С Фадеем Абрамовичем сягу играть в окó. — Речь идет о Фадее Абрамовиче Штейне (1879—1947), знакомом Маяковского.

Пойдут на лекцию Поссе... — Владимир Александрович Поссе (1894—1940) — литератор, журналист, лектор демократического направления.

Футуризмом покажется театр Мосоловой. — Елизавета Александровна Мосолова — одна из первых актрис — исполнительниц «гиньольных» ролей; в 1912—1913 гг. — владелица и антрепренер первого в России театра миниатюр — Литейного театра «Мозаика», в 1915—1916 гг. — Литейного интимного театра, на сцене которого ставились среди прочих и сценки редактора «Нового Сатирикона» А. Аверченко.

«*Загушевное слово*» — название двух детских журналов для младшего и старшего возраста, выходивших в Петербурге в 1877—1918 гг. (издатель — А. А. Федоров-Давыдов).

ЛУННАЯ НОЧЬ

(С. 88)

Новый Сатирикон. 1916. № 49, 1 дек. (дозволение военной цензуры — 22 нояб.).

Автограф неизвестен.

Печатается и датируется по первой публикации.

СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

(С. 89)

Новый Сатирикон. 1916. № 50, 8 дек. (дозволение военной цензуры — 29 нояб.). С. 10; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1* с исправлениями в стк. 8: «Какой сногшибательней вид?» вместо «Какой сногшибательный вид!», по всем предшествующим публикациям и в соответствии с темой стихотворения (см. ниже), и в стк. 19: «такой» вместо «таковой» по всем предшествующим публикациям; стк. 39 — 40, напечатанные в *Соч. 1* (а также в кн. *Все сочиненное и 13 лет работы*) в подбор, даются раздельно по публикации в «Новом Сатириконе» и в соответствии с положением рифмующегося слова; внесены некоторые исправления в пунктуацию.

Датируется по первой публикации.

Заглавие и тематика стихотворения позволяют предположить, что оно написано в связи с выходом (в октября 1916) книги Маяковского *Простое как мычание*.

Один из сотрудников «Нового Сатирикона», Л. Астахов, вспоминал: «С молодым, "начинающим" Маяковским меня познакомил покойный А. Т. Аверченко в пестрые, юные, радостные дни бывшего расцвета петербургского "Сатирикона" (...) Маяковский, оказавшийся "рубахой-парнем", мастерски прочитал несколько своих едких, образных, сатирических стихотворений, написанных для "Сатирикона". "И только по дамам проносится крик: — Какой великолепный мерзавец!" — Так иронически отзывался о самом себе тогда еще правдивый и не развращенный газетной лестью и журнальной славой, поэт"» (*Астахов Л. Злая смерть // Наша заря. Тяньцзинь, 1930. 24 апр.*).

В.Я. БРЮСОВУ НА ПАМЯТЬ

(С. 91)

Новый Сатирикон. 1916. № 51, 15 дек. (дозволение военной цензуры — 7 дек.), за подписью: «М»; *Кофта фата*. Л. 14об. — 15.

Печатается и датируется по первой публикации.

Эпиграмма на В. Брюсова в связи с опубликованием его поэмы в шести главах «Египетские ночи: (Обработка и окончание поэмы А.С. Пушкина)» в альманахе «Стремнины», кн.1 (М., 1916. С. 3 — 27).

В предисловии к поэме Брюсов писал: «Почти излишне говорить, что ни на миг не мечтал я сравниться с Пушкиным и своими стихами заменить ненаписанные части поэмы; я желал только помочь читателям по намекам, оставленным самим Пушкиным, полнее представить себе одно из его глубочайших созданий (...). Все, что уже было сделано Пушкиным

для "Египетских ночей", тщательно мною сбережено, не исключая черновых набросков, и заняло соответственные места целого». Далее Брюсов приводит подробный перечень своих заимствований, из которого следует, что собственно строки Пушкина составляют одну шестую часть поэмы Брюсова.

...во тьме египетских ночей. — «Трехдневная тьма на земле Египетской», по Библии, была одной из десяти казней, поразивших Египет перед исходом евреев (Исх 10, 21 — 29). Не исключено, что Маяковский здесь намекает на описание этого эпизода в Псалтири (Пс 4, 27 — 28), где Египет назван «землею Хамовой».

ХВОИ

(С. 92)

Новый Сатирикон. 1916. № 52, 22 дек. (дозволение военной цензуры — 12 дек.); *Кoftа фата*. Л. 13 — 14об.; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 1.*

Печатается по *Соч. 1* с исправлением в стк. 50: «личик» вместо «личек» по тексту кн. *13 лет работы*.

Датируется по первой публикации.

Стихотворение написано для рождественского номера журн. «Новый Сатирикон».

СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ, ПОСВЯЩАЕТ ЭТИ СТРОКИ АВТОР

(С. 94)

Весенний салон поэтов. М., 1918 (март); *Все сочиненное; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Соч. 1.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1* с исправлением в стк. 23: «Дант» вместо «Данте», по всем предшествующим изданиям, и примечанием в *Соч. 1*.

Датируется предположительно 1916 — 1917 гг.

В кн. *Все сочиненное* стихотворение включено в раздел «1915», хотя подающиеся проверке данные не позволяют датировать 1915-м годом ни одно из включенных в этот раздел произведений, кроме поэмы «Флейта-позвоночник». В *ПСС1939* (Т. 1. С. 447) Н. И. Харджиев со ссылкой на свидетельство Л. Ю. Брик датировал стихотворение началом 1916 г. Такого же мнения придерживался и В. А. Катанян (*Хроника 1985*. С. 119). Однако, по воспоминаниям Р. О. Якобсона, который познакомился с Маяковским летом 1916 г., Маяковский читал ему это стихотворение в феврале 1917 г. «как только что написанное» (*Якобсон Р. Новые строки Маяковского // Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956. С. 204; см. также: Янгфельдт 1992. С. 33*).

В сб. «Весенний салон поэтов» стк. 51 читается: «Любовницу мою волооча», что, по-видимому, является следствием опечатки; в кн. *13 лет работы* стихотворение разбито на строфы.

В *Соч. 1* сопровождается примеч.: «"Кесарево кесарю — Богу богово" — евангельское изречение; Калифорния — штат в Америке, богатый золотыми приисками; Дант, Петрарка — знаменитые итальянские поэты; Голиаф — ветхозаветный великан».

«Кесарево кесарю — Богу Богово». — Цитата из Евангелия: «Отдавайте кесарево кесарю, а Боже Богу» (Мф 22, 21; Мк 12, 17; Лк 20, 25).

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ СКАЗКА

(С. 96)

Все сочиненное; 13 лет работы, разбито на строфы; *Соч. 1*.

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 1*.

В *Соч. 1* текст сопровождается примечанием: «В Ленинграде бывшая гостиница "Астория" находится около памятника Петру Первому; тут же здание бывшего Сената».

Датируется по содержанию предположительно 1916 г.

Косвенные свидетельства в пользу этого предположения имеются в письмах О. М. Брика и Л. Ю. Брик 1916 — 1917 гг. 6 ноября 1916 г. в ответ на просьбы С. П. Боброва прислать ему стихи Маяковского для готовящегося третьего сборника «Центрифуги» О. М. Брик предложил купить у него права на публикацию стихотворения Маяковского, которое предназначалось ранее для другого сборника (возможно, это был невышедший альманах «Еще Взят!»); 24 ноября Брик выслал Боброву эти стихи, сообщив, что «они просмотрены и проверены, несколько исправлены и в окончательной редакции имеют не 54 строки, как я Вам писал, а 52» (отрывки из писем О. Брика С. Боброву опубликованы в работе: *Харджиев 1981*. Р. 278 — 279). Третий сборник «Центрифуги» издан не был. В середине декабря 1917 г. Л. Ю. Брик в письме Маяковскому спрашивала: «Что с Бобровым? Куда он дел твоё стихотворение?» (*Янгфельдт 1991*. С. 49). Можно полагать, что речь шла о том же стихотворении, остававшемся ненапечатанным. Известно два стихотворения Маяковского, не опубликованных к концу 1917 г. и имеющих объем, близкий к указанному в письме О. Брика: «Себе, любимому, посвящает эти строки автор» (57 строк) и «Последняя петербургская сказка» (50 строк). Более вероятно, что у Боброва было второе стихотворение. Это предположение позволяет объяснить тот факт, что в сб. «Весенний салон поэтов», вышедшем в марте 1918 г., вместе со стихотворением «Себе, любимому...» было помещено стихотворение 1913 г. «Шумики, шумы и шумищи», трижды напечатанное до этого времени (в том числе в октябре 1916 г.) в кн. Маяковского *Простое как мычание*. По-видимому, Маяковскому не удалось своевременно получить текст «Последней петербургской сказки» у Боброва. Кроме того, факт существования

законченного (и отданного для печати) текста стихотворения «Себе, любимому...» до ноября 1916 г. противоречит свидетельству Р.О. Якобсона (см. коммент. к этому стихотворению).

Стоит император Петр Великий... — Имеется в виду памятник Петру I работы Э.М. Фальконе на Сенатской площади в Петербурге (император на коне, попирающем копытами змея), установленный на цоколе из гранитной скалы.

«*Запирую на просторе я!*» — Перефразированная строка из поэмы Пушкина «Медный всадник» (1833): «И запируем на просторе».

...*гостиница Астория*. — Была построена на Исаакиевской площади в Петербурге в 1911—1912 гг.

Гренадин — гранатовый напиток.

РОССИИ

(С. 98)

Все сочиненное; 13 лет работы, разбито на строфы; Соч. 1.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 1.

Датировка стихотворения встречает трудности. В кн. *Все сочиненное* стихотворение включено в раздел «1915», хотя поддающиеся проверке данные не позволяют датировать ни одно из других произведений, составляющих этот раздел (кроме поэмы «Флейта-позвоночник»), 1915-м годом. В ПСС1939, ПСС: В 13 т. и Хронике 1985 Н.И. Харджиев и В.А. Катанян предположительно датировали его 1916 годом, однако никаких документальных или мемуарных свидетельств этого не обнаружено. В 1979 г. Б. Янгфельдт выдвинул иное предположение. Он отмечает, что «настрой стихотворения позволяет полагать, что оно было вызвано каким-то особым обстоятельством (или обстоятельствами), заставившим поэта испытать чувство полного отчуждения. События, последовавшие за Октябрьской революцией в 1917 году, могли бы оказать такое влияние на Маяковского, в то время как в 1916 году трудно найти нечто подобное» (*Jangfeldt B. Russian futurism 1917—1919 // Art, Society, Revolution: Russia 1917—1921. Stockholm, 1979. P. 130*). Исследователь связывает эти события с неприятием Маяковским культурной политики большевиков, оказывавших в это время поддержку Пролеткульту, и, в частности, с конфликтом Маяковского с Луначарским; этот конфликт, по словам О.М. Брика, был одной из причин отъезда Маяковского из Петрограда в Москву в начале декабря 1917 г. (см.: *Ibid. P. 121—137; Брик О. ИМО — искусство молодых // Маяковскому. Л., 1940. С. 89; Динерштейн Е. Маяковский в феврале—октябре 1917 г. // ЛН. М., 1958. Т. 65. С. 563—564; о начале разногласий Маяковского с Пролеткультом см.: Черемин Г. Ранний Маяковский. М.; Л., 1962. С. 165—168; Хроника 1985. С. 130—131). Б. Янгфельдт выдвинул предположение, что стихотворение написано в декабре 1917 г. По его словам, с такой датировкой был согласен и Н.И. Харджиев, который, в свою*

очередь, получил подтверждение О.М. Брика. Датировка стихотворения 1916-м годом, впервые появившаяся в *ПСС1939*, была вызвана тем, что иначе стихотворение вообще невозможно было напечатать (*Jangfeldt B.* Op. cit. P. 135). В пользу более поздней даты создания стихотворения свидетельствует и возможная аллюзия к фельетону А. Аверченко 1917 г. (см. ниже). На основании приведенных данных стихотворение предположительно датируется концом 1917 — началом 1918 г.

Печатается по *Соч. 1* с исправлением в стк. 26: «яйца» вместо «яйца» по кн. *Все сочиненное* и с уточнением правописания в стк. 34: «мёрзкой» вместо «мерзкой».

Вот иду я, заморский страус, в перьях строф, размеров и рифм. — Весьма вероятно связь этого образа с «автобиографическим фельетоном» А. Аверченко «Мое самоопределение», в котором герой (писатель) представляет себя страусом-буржуем в глазах обывателя эпохи революции. Фельетон был опубликован в журн. «Новый Сатирикон» (1917. № 17, май. С. 11 — 14), в котором Маяковский печатался вплоть до марта 1917 г. Ср. в тексте Аверченко: «Вероятно, такое же чувство овладевает страусом, беззаботно бегавшим по безлюдным африканским пустыням, когда он впервые с разбега налетел на человека, и тот уверенно заметил вслух:

— Ба! Да это страус.

⟨...⟩ И вот, услышав свое настоящее имя, бредет страус, уже потупив голову, опустив хвост, и элегически думает:

“Ну вот, и оказывается, что я — страус. Хорошо это или дурно? Позорно быть страусом, или я тоже имею право на свое местечко под солнцем?”

⟨...⟩ Вот я пришел домой, стал перед зеркалом и впился глазами в свою фигуру, в свое лицо.

— Ну, вот он я. Вот я, беззаботная вольная птица, впервые узнавшая, что я не просто птица, а — страус. И перо мое — мое страусово перо по полтиннику за строчку — хотя и ценится, но оно идет на потребу и нужды буржуев, и сам я поэтому буржуи.

Черт меня возьми, когда же я им сделался? ⟨...⟩ И был ли я буржуем, когда, бросив шестидесятирублевое место на Брянском руднике, приехал в Петроград девять лет тому назад с одиннадцатью рублями в кармане?»

БРАТЯ ПИСАТЕЛИ

(С. 100)

Новый Сатирикон. 1917. № 3, 13 янв. С. 8; *Копта фата*. Л. 15 — 16; *Все сочиненное; 13 лет работы; Маяковский улыбается; Соч. 1*.

В кн. *13 лет работы и Маяковский улыбается* — с разделением на строфы.

В Соч. 1 стихотворение сопровождается следующими примечаниями: «Бристоль — литературное кафе в Петрограде; Франсуа Виллон — французский поэт».

Печатается по Соч. 1.

Датируется по первой публикации.

Стихотворение «Братья писатели» сразу же вызвало резкую реакцию сотрудника «Нового Сатирикона» Ефима Зозули. В «Журнале журналов» (1917. № 4, янв. С. 9) под общим заголовком «В. Маяковскому» он напечатал два стихотворных памфлета, первый из которых был направлен против кн. Маяковского «Простое как мычание», а второй назывался «О проповеди Вл. Маяковского о писательских нравах»:

Маяковский, не пиши о писателях и даже о «Бристоле»,
Тебе, трагически-мертвому и невысказанному, как губы детей,
погибших на «Титанике». —
Тебе вообще не писать надо, а резать мозоли
В каком-нибудь тихом и честном предбаннике...

Голый и негибкий, билиардным шаром
Катишься по зеленому полю кислого полупризнания...
Помни же, не ругайся, отдохни, прими бром,
— Ты, двадцатого века литературный Анания.

Стихотворение Маяковского и позже продолжало привлекать внимание современников. В 1920 г. Роман Якобсон перефразировал его строки в письме к Эльзе Триоле:

Если такая западная культура,
Мне наплевать на всякий запад

(письмо от 19 декабря 1920 г., см.: *Янгфельдт 1992*. С. 84). Аллюзию к стк. 24—26 можно найти в анонимной пародии на Маяковского «Ошибка и немножко сумбурно» (Театры и зрелища: Приложение к журн. «Жизнь искусства». 1926. № 41, 12 окт. С. 4—5):

поставьте так,
чтобы каждый
умел
ножом перочинным
участвовать в гуще уличных драк.

В 1927—1928 гг. стихотворение «Братья писатели» послужило поводом для нападок на Маяковского со стороны Г.А. Шенгели и Н.И. Бухарина. Г. Шенгели в кн. «Маяковский во весь рост» (М., 1927) неоднократно цитировал это стихотворение, чтобы показать логическую бессвязность, фальшь и бессодержательность инвектив Маяковского против современных ему поэтов, квалифицируя все творчество Маяковского как «поэзию люмпен-мещанства» (об отношениях Маяковского и Шенгели см. ком-

мент. к стих. «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели» — т. 3 наст. изд.). Н. Бухарин в статье «О старинных традициях и современном культурном строительстве: (Мысли вслух)» цитировал стк. 39 — 48 стихотворения как образец «типично мещанской идеологии» (Революция и культура. 1927. № 1. С. 19).

О дальнейших взаимоотношениях Маяковского с Бухариным см. коммент. к стих. «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру» в т. 3 наст. изд.

«Бристоль» — гостиница в Петрограде.

...если не писал, разбоем занимался Франсуа Виллон. — Франсуа Вийон (1431 или 1432 — после 1463) — французский поэт рубежа Средневековья и Возрождения; был участником краж и ограблений. В 1463 г. был приговорен к повешению за убийство, затем помилован и изгнан из Парижа. В апреле 1913 г. в Москве вышла кн. Фр. Вийона «Отрывки из "Большого завещания", баллады и разные стихотворения» в переводе и с биографическим очерком И. Эренбурга. По свидетельству И.Г. Эренбурга, Маяковскому нравились строки: «И сколько весит этот зад, узнает скоро шея» из «Четверостишия, сложенного Вийоном, когда он был приговорен к смерти», включенного в эту книгу (см.: *Эренбург И.* Книга для взрослых // Знамя. 1936. № 5. С. 67; *Он же.* Люди, годы, жизнь. М., 1961. Т. 1. С. 391).

«Причесываться? ~ невозможно». — Парафраз строк из стихотворения Лермонтова «И скучно и грустно» (1840):

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.

РЕВОЛЮЦИЯ

(С. 102)

Новая жизнь. 1917. 21 мая, с подзагол. «Хроника», посвящением Л.Ю.Б. (Л.Ю. Брик); Газета футуристов. 1918. № 1, 15 марта; Ржаное слово. Пг., 1918; *Все сочиненное; 13 лет работы; Стихи о революции; Избранный Маяковский; Американцам; Соч. 2.*

Черновой автограф двух начальных прозаических строк, стк. 1 — 68, 115 — 117, 124 — 129, 159 — 211 и стк. 169 — 175, записанных отдельно, в Зап. книжке № 1 (ГММ).

Печатается по Соч. 2.

В Соч. 2 стихотворение сопровождается следующими примечаниями: «Волынский полк — первый полк петроградского гарнизона, перешедший на сторону революционного народа; Военная автомобильная школа — Февральская революция застала Маяковского на военной службе в Автомобильной школе; Форд — автомобиль фабрики Форд; Марсельский марш — Марсельеза; Купол Думы — купол Таврического дворца, где заседала Государственная дума; Марат — деятель Французской революции; Троицкий мост — мост через Неву в Ленинграде; Петропавловская кре-

пость — место заключения государственных преступников при царизме; Синай — гора, где, по библейскому преданию, бог дал Моисею скрижали с десятью заповедями».

Датировано в первой публикации: «17 апреля 1917 года, Петроград».

В автобиографии «Я сам» (гл. «26 февраля, 17-й год») Маяковский отметил: «Пишу в первые же дни революции Поэтохронику "Революция". Читаю лекции — "Большевики искусства"». В либеральных кругах эти выступления Маяковского были расценены как знак поддержки партии большевиков. Так, в «Журнале журналов» (1917. № 20/21, июнь. С. 11) был помещен шарж Тэдди «Большевик от футуризма В. Маяковский» (в паре с шаржем «Меньшевик от футуризма Игорь Северянин») и в том же номере журнала (с. 13) опубликован стихотворный памфлет «В. Маяковский», заканчивавшийся строками:

И гордый гений — будь здоров ты.
Богат, сияющ и блестящ! —
На плечи вместо желтой кофты
Напялил ярко-красный плащ.

И, славя радости восстанья,
Мятежный гром благих начал,
Поэт коровьего мычанья
Днесь Марсельезу зарычал!

Доль (Тигер Д.Н.).

Самоопределившиеся:

(История новейших метаморфоз)

26 февраля. Пьяные, смешанные с полицией, солдаты стреляли в народ. — Имеется в виду расстрел демонстрации на Невском проспекте.

Волынский полк — первый из полков Петроградского гарнизона, открыто перешедший 27 февраля 1917 г. на сторону революции.

«Стрелять за голод!» — Февральские демонстрации 1917 г. проходили под лозунгами против царского самодержавия, войны и вызванного ею голода.

...в Военной автомобильной школе стоим, зажатые казарм оградою. — В 1915—1917 гг. Маяковский проходил службу в Военно-автомобильной школе (см. в автобиографии «Я сам», гл. «26 февраля, 17-й год»: «Пошел с автомобилями к Думе. (...) Принял на несколько дней команду Автошколой»). Казармы Военно-автомобильной школы находились на Загородном проспекте, 17 (см.: *Александров Г.* Полтора года в царской армии с Маяковским // *Звезда.* 1977. № 1. С. 178).

Идем запутавшемуся миру на выручу! — Парафраз строки из стихотворения Н. Асеева «Осада неба»: «Идем, идем к тебе на выручу!» (*Асеев Н., Петников Г.* Леторей. М., 1915; перепеч.: *Асеев Н.* Оксана. М., 1916).

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

(С. 109)

Новая жизнь. 1917. 30 июля, под загл. «Сказочка» с посвящением: «Цвету интеллигенции посвящаю»; список Л. Ю. Брик для предполагаемого сборника детских стихов (1918) — с правкой, без названия; *Все сочиненное*, с небольшой правкой, в огл. под назв. «Сказка о кадете»; *13 лет работы*, с незначительной правкой; *Маяковский улыбается*; Соч. 2.

Список Л. Ю. Брик известен только по описанию. В ИМЛИ хранится список О.М. Брика с другими разночтениями.

Печатается по Соч. 2.

В Соч. 2 стихотворение сопровождается примечанием: «Кадет — сокращенное "конституционист-демократ", член политической партии левых дворян и купцов».

Датируется по первой публикации.

Kadet — член Конституционно-демократической партии, оформившейся в октябре 1905 г. и с либеральных позиций выступавшей за парламентскую и конституционную монархию в России. В стихотворении можно видеть отклик на события, происходившие во Временном правительстве России в июле 1917 г.: 2 июля кадетские министры вышли из состава правительства, а 24 июля было образовано новое коалиционное правительство, ряд ключевых постов в котором заняли представители Конституционно-демократической партии. Не исключено, однако, что образ кадета символизировал представителей всех «центристских» партий, в особенности после подавления Временным правительством беспорядков в Петрограде 3—4 июля 1917 г. Ср. в «Несвоевременных мыслях» М. Горького: «Теперь чиновник старого режима, кадет или октябрист, встает перед арестованным демократом как его органический враг, либеральная маниловщина — никому не нужна и неуместна» (Новая жизнь. 1917. 20 июля).

...волки революции ~ сожрали кадета. — Для неосуществленного сборника Маяковского «Для деток» В. Козлинский сделал рисунок к этому стихотворению. В стенограмме заседания Отдела изобразительных искусств Наркомпроса 6 февраля 1919 г. так описано обсуждение этого рисунка:

«Лунин. (...) В предыдущем заседании было решено изменить один из рисунков (...). Указывали на то, что нужно изменить этот рисунок потому, что революция не так уж страшна и ужасна, чтобы изображать ее в виде волка, который ест куклу... Тут имеется в виду, что красный волк съел кадета. Я нахожу, что рисунок в художественном отношении удовлетворителен, и я предложил бы отменить это ограничение рисунка.

Председатель (Д.П. Штеренберг). (...) Вопрос уже решен и было бы излишне его снова голосовать.

Маяковский. (...) Может быть, мы предложим передать этот рисунок художнику, не говоря уже о мотивах, которыми мы руководство-

вались, и, если он опять выполнит тот же сюжет, то это нас уже не касается.

(Коллегия остается при прежнем решении.)

(...)

Пунин. Нельзя ли узнать, в каком смысле можно изменять рисунок.
Председатель. Волка не делать» (*ПСС: В 13 т.* Т. 12. С. 234).

К ОТВЕТУ!

(С. 110)

Новая жизнь. 1917. 9 авг.

Черновой автограф — Зап. книжка № 1 (июнь — авг. 1917 г. ГММ).

Печатается по тексту газеты.

Датируется по первой публикации и по положению черновика стихотворения в записной книжке.

Написано, вероятно, в связи с трехлетием начала Первой мировой войны.

Стихотворение вызвало резко отрицательную оценку в меньшевистской печати: «Если до сих пор только скучные прозаики (...) победно боролись с "империализмом" (...) Милюкова, французов и англичан, то теперь за это дело взялся в стихах футурист Маяковский (...). "Баней", "Албанией", "там ее" и "Месопотамия", "свою им" и "воюем" — это рифмы, извините! Видимо, плохая политическая проза настолько испортила вкус М. Горького, что он потерял чутье и к поэзии» ([Б. п.] Футурист-«интернационалист» // Единство. [Пг.], 1917. 11 авг.).

Зовет железо в живых втыкать. — Ср. в поэме В. Хлебникова «Немочичей и немичей...» (1908 — 1910):

Железавут играет в бубен,
Надел на пальцы шумы пушек

(опубл. в сб. «Союз молодежи». 1913. № 3, под ред. загл.: «Война — смерть»). Маяковский, цитируя эти строки в своей статье «Война и язык» (1914), писал: «Мне ничего не говорит слово "жестокость", а "железавут" (так у Маяковского. — *Сост.*) — да. Потому что последнее звучит для меня такой какофонией, какой я себе представляю волну. В нем спаяны и лязг "железа", и слышишь, как кого-то "зовут", и видишь, как этот позванный "лез" куда-то».

Кто над небом боев — свобода? Бог? Рубли! — Ср. в «Несовременных мыслях» М. Горького: «Этому отвратительному самоистреблению нет оправдания. Сколько бы ни лгали лицемеры о "великих" целях войны, их ложь не скроет страшной и позорной правды: войну родил Барыш, единственный из богов, которому верят и молятся "реальные политики", убийцы, торгующие жизнью народа» (Новая жизнь. 1917. 19 июля).

«НЕТРУДНО, ЛАНДЫШАМИ ДЫША...»

(С. 112)

Сб. «Владимир Маяковский». М.; Л., 1940.

Беловой автограф с правкой — Зап. книжка № 1 (ГММ).

Печатается по автографу.

Датируется по месту в записной книжке июнем — августом 1917 г.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БАСНЯ

(С. 113)

Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 2.

Черновой автограф — Зап. книжка № 1 (ГММ).

Печатается по Соч. 2.

В Соч. 2 стихотворение сопровождается примечаниями: «Петух — эмблема французов; Дог — эмблема англичан; Вор — царь Николай II».

Датируется по автографу в записной книжке летом 1917 г.

«ЕШЬ АНАНАСЫ, РЯБЧИКОВ ЖУЙ...»

(С. 114)

Соловей: Журнал пролетарской сатиры. М., 1917. № 1, 24 дек., на обл. — как подпись под рис. неизвестного художника; Соч. 4 (в разд. «Лозунг-плакат»).

Печатается по Соч. 4.

Датируется концом 1917 г. (до начала декабря — времени отъезда Маяковского в Москву).

В журн. «Соловей» под рисунком со стихотворной подписью Маяковского был помещен парный ему рисунок того же художника (с подписью «БХН» (?)), сопровождаемый двумя начальными строками «Интернационала». Вся композиция имела общий заголовок «Наши дни».

Об истории создания этого двустишия Маяковский рассказал в статье «Только не воспоминания...» (1927): «К привалу (литературное кафе "Привал комедиантов". — *Сост.*) стали приваливаться остатки фешенебельного Петербурга. В такт какой-то разухабистой музычке я сделал двустишие. (Далее приводится окончательная редакция стихотворения.) Это двустишие стало моим любимейшим стихом: петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку: "Ешь ананасы... и т.д."». Об этом же Маяковский говорил 15 ноября 1927 г., выступая на вечере в Политехническом музее с чтением поэмы «Хорошо!»: «Когда-то в прокуренном кафе я обронил такие строчки: "Ешь ананасы..."». Этих стихов нет ни в одной из моих книжек. Но недавно я узнал из воспоминаний, напечатанных в "Ленинградской правде", что с этими строками красногвардейцы шли на взятие Зимнего дворца. И этим отрывком я те-

перь горжусь больше, чем шестьюдесятью тысячами напечатанных мною строк» (Кут А., Курузов А.В. В защиту поэта и поэзии: (На вчерашнем вechере В. Маяковского) // Вечерняя Москва. 1927. 16 нояб.). По воспоминаниям А.Г. Бромберга (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 8. Ед. хр. 13), приблизительно то же Маяковский говорил слушателям на выставке «20 лет работы» (1930). В статье «Как делать стихи?» (1926) поэт писал, что строки

Ешь ананасы,
Рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй...

«усыновила петербургская улица».

Первое известное упоминание об этом стихотворении в печати содержится в заметке Л. Клячко об организованной большевиками 17 декабря 1917 г. демонстрации в честь «всеобщего демократического мира»: «По временам сами демонстранты чувствовали, что демонстрация вышла жалкая. Они подбадривали себя революционными песнями и новой специально приновленной. Разудалым мотивом, позаимствованным из частушек, некоторые группы во все горло распевали:

Ешь ананасы, рябчика жуй.
Пришел твой последний денечек, буржуй!

А на знаменах красовалось: "Вся власть Советам", "Долой буржув" и т. п. Все эти лозунги под пение "Рябчика жуй" были принесены на Марсово поле. Там потоптались, попели. Вперемежку революционные песни с рябчиком и ананасами. Очень скоро занятие это надоело "мирным" манифестантам, вооруженным винтовками. Они потоптались, поглазели и разошлись» (Клячко Л. «Мирная» манифестация // День. 1917. 19 дек.). В письме от второй половины декабря 1917 г. Л. Ю. Брик писала Маяковскому из Петрограда в Москву: «Говорят, да и в газетах было, что 17-го на улице рабочие пели: ... и рябчиков жуй — день твой последний приходит буржуй (не помню начала)» (Янгфельдт 1991. С. 49).

Маяковский читал это двустишие с эстрады, в том числе в московском «Кафе поэтов». В разных вариантах оно неоднократно цитировалось в российской и эмигрантской печати. Так, газета «Понедельник "Власти народа"» (М., 1918. 12(25) февр.) писала: «Близость футуристов к большевикам еще более подчеркивается их восприятием современности. Маяковский в стихах воспекает насаждение социализма и обличает коварство Англии, принуждавшей нас проливать кровь за Месопотамию (речь, в частности, идет о стихотворении "К ответу!". — *Сост.*). В маленьком черном подвале (...) футурист поет:

Ешь ананасы!
Рябчиков жуй!
День твой последний
приходит, буржуй!»

См. также «Письмо из Петербурга» Вл. Пруссакa (Ars. [Тифлис], 1918. № 1. С. 75), анонимную статью «Великие обжоры» (Мой журнал. [М.],

1918. № 5), где стихотворение «Ешь ананасы...» использовано в качестве эпиграфа, и др. В статье «Торжествующее искусство» (Общее дело. [Париж], 1919. 9 окт.) А.Н. Толстой, вспоминая выступления Маяковского в 1916 г., писал: «Там на эстраде поэты-футуристы и "учителя жизни", окруженные девицами, бледными от кокаина, распевали хором:

Ешь ананасы, рябчика жуй.
День твой последний приходит, буржуй».

Ср. в воспоминаниях Р. Якобсона о «Кафе поэтов»: «Публика была очень пестрая. Были действительно бывшие буржуи, которые слушали "Ешь ананасы..."» (*Янгфельдт 1992. С. 38*).

Сам Маяковский неоднократно обращался к этому стихотворению и в 1920-е годы. Аллюзии на него встречаются в стихотворениях «Эй, уралец! Без помощи твоего рудника не победить разруху никак!» (1921; стк. 5–8) и «Вандервельде» (из цикла «Маяковская галерея», 1923; стк. 91–95). В 1924 г. поэт использовал его как автоцитату в поэме «Владимир Ильич Ленин» (стк. 1778–1781). Сохранилось свидетельство о публичном чтении Маяковским этого стихотворения в Нью-Йорке во время поездки в Америку. 17 августа 1925 г. в письме-доносе на имя государственного секретаря США за подписью «Б. Петров» говорилось: «В субботу 15 августа в его (Маяковского) честь был дан "великолепный" банкет в Сентрал Опера хауз (...). Все ораторы заявляли, что Маяковский — делегат Коммунистической партии, что он является могильщиком капиталистической системы. Он ответил на это своими стихоподобными словами: "...Ешь ананасы, рябчиков жуй, День твой последний приходит, буржуй" и т.д. Это была опасная демонстрация. В коммунистической русской газете "Русский голос" (54 Ист 7-я стрит) на странице 1-й из Воскресной от 16 августа и на странице 2-й в передовой весь этот "успех" коммунистической пропаганды был отмечен с величайшим удовлетворением. "Этот делегат, — сообщает передовица, — откроет глаза русскому, которого белогвардейские журналисты повергли в сомнение по поводу коммунистической революции (...)"» (*Краснов И. Маяковский в Америке: (Новые архивные документы) // Неделя. 1974. № 41. С. 7*).

НАШ МАРШ

(С. 115)

Газета футуристов. 1918. 15 марта; Ржаное слово, под назв. «Марш футуристов»; *Все сочиненное; 13 лет работы; Для голоса; Избранный Маяковский; Американцам; Соч. 2*.

Беловой автограф (ГММ. Р-5353). Датируется первой половиной марта 1918 г. (до выхода «Газеты футуристов»), поскольку стихотворение было записано по просьбе актрисы О.В. Гзовской для исполнения с эстрады и содержит элементы старой орфографии, которых уже не было в первой публикации. О.В. Гзовская вспоминала: «Мне очень хотелось, чтобы он написал пером, но он выбрал на письменном столе цветной карандаш с

синим и красным концами и начал писать. Писал быстро, не отрываясь. Четверостишие "Дней бык пег..." записал, насвистывая ритм строк. На третьем четверостишии синий карандаш сломался. Он не стал чинить и продолжал дописывать красным... В конце он сделал поправку: написал сперва "Бодрость, пей и пой", потом зачеркнул эту строку и переделал на "Радость, пей и пой"» (*Восп. 1963. С. 158*). Сомнения в подлинности автографа высказывал Н.И. Харджиев: «Тщательное изучение "трехцветного" рукописного текста (содержащего в себе весьма странные описки и поправки) не оставляет сомнения в том, что это не автограф, а грубая мистификация» (*Харджиев 1970. С. 324*). Экспертиза текста не проводилась.

Беловой автограф отдельных строк (Собрание Сони Делоне, Париж; фотокопии — ГММ. № 9267-2). Датируется 24 ноября 1922 г., когда во время первой поездки во Францию Маяковский посетил мастерскую художника Робера Делоне. Его жена, Соня Делоне-Терк, рассказывала, как после чтения «Нашего марша» Маяковский взял со стола ватманские листы и написал им на память три варианта начальных строк, сопроводив их рисунками. На двух листах он нарисовал голубя, держащего в клюве цветок и сердце, пронзенное стрелой с надписью «Да здравствует Комфут!» (*Сагалович М. По следам Фернана Леже. М., 1985. С. 186*).

Фонографическая запись. Пг., 1920, декабрь.

Печатается по Соч. 2.

Датируется не позднее 5 декабря 1917 г. — времени отъезда в Москву (возможно, написано в мае 1917 г. в связи с демонстрацией «Займ Свободы»).

В письме к Л.Ю. Брик перед выходом «Газеты футуристов», т. е. до 15 марта 1918 г., он сообщал: «Сразу в книжечку твою написал два стихотвор(ения). Большое пришло в газете (которое тебе нравилось)».

Маяковский часто исполнял «Наш марш» в Кафе поэтов в Настасьинском переулке в Москве. Там Р.О. Якобсон в кругу футуристов читал свои переводы этого стихотворения на французский язык: «Маяковский читал по-русски, а я по-французски...» (*Янгфельдт 1992. С. 38*). Этот перевод был включен в программу вечера Маяковского «Мой май» 1 мая 1918 г. в кафе «Питтореск» в исполнении поэтессы Наталии Поплавской.

Композитор Артур Лурье, возглавлявший в 1918—1920 гг. МУЗО (музыкальный отдел) Наркомпроса, вспоминал: «В январе 1918 года я прочел только что сочиненное стихотворение Маяковского "Наш марш". Заглавие означало, что марш этот наш, марш футуристов:

Бейся в площади бунтов топот (...)

Под непосредственным впечатлением, в один-два дня я сочинил к этому стихотворению музыку. Причем из озорства сочинил я этот марш не в четырехдольном размере, как это полагается быть всякому маршу, а в трехдольном. Характер маршеобразного движения сохранялся, но марш мой как бы прихрамывал. Посвятил я его моим товарищам-футуристам, переименовав их на первой странице рукописи. Так это и напечатано на нотах» (*Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 94. С. 131*).

Об исполнении «Нашего марша» военным оркестром и хором при открытии памятника Карлу Марксу (скульптор А. Матвеев) у Смольного в первую годовщину Октябрьской революции и на других площадках Петрограда см.: Жизнь искусства. Пг., 1918. 22 нояб.) и воспоминания В. Азарова: Маяковскому: Сб. воспоминаний и статей. Л., 1940. С. 196 – 197.

Отдельное издание с нотной записью А.С. Лурье и обложкой П.В. Митурича – Пг., 1918 (20 нояб.).

Перепечатано: Газета футуристов. Томск, 1919. № 1 (под назв. «Марш футуристов»); Дальневосточная Республика. Чита, 1921. 19 янв.; *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин, 1922; Календарь изд-ва «Красная новь» [М.], 1923; Революционная поэзия. 2-е изд. Киев, 1923; *Daily Worker*. Chicago, 1925. 2 oct.; Русская поэзия XX века / Сост. И.С. Ежов, Е.И. Шамурин. М., 1925.

«Наш марш» встретил одобрение в литературной среде. Евгений Замiatин в статье «Презентисты» (за подписью Михаил Платонов) отмечал, что Маяковский «очень талантливый, создавший свою особую, грузную, грубую музыку стиха – параллель музыке “Скифской сюиты” Прокофьева» (см.: «Наш марш» Маяковского в «Газете футуристов» // Дело народа. Пг., 1918. 18(31) марта).

Предваряя публикацию в «Дальневосточной Республике», П.В. Незнамов писал, что марш «несмотря на некоторую вычурность словопостроений, неизменно читается и распевается во всех рабочих театрах и клубах столиц и крупных рабочих центров».

В рецензии на книгу И.Г. Эренбурга «Портреты русских поэтов» В.М. Чернов писал, что Маяковский, «словно Васька Буслаев, свои шуточки пошучивает; вытесняет ритмы ассонансами, но не бледными, заурядными, а полнозвучно-намекающими, играет размерами, чередует их и вовсе ниспровергает, заменяя голой ритмичностью, а не то – начинает игру с анафорами, щеголяя их богатством, как в этом марше, с его отрывистыми кадансами: Зеленью ляг луг...» (*Чернов В.* «Эолова арфа» // Голос России. Берлин, 1923. 16 апр.).

Дней бык пег... ~ Наш бог бег. – Идея «внутреннего склонения» слов разрабатывалась В.В. Хлебниковым, в частности, в статье «Учитель и ученик» (1912): «Бег бывает вызван боязнью, а бог – существо, к которому должна быть обращена боязнь... Также бык есть то, откуда следует ждать удара, а бок то место, куда следует направить удар». Хлебников записал строки «Дней бык пег. Медленна лет арба» рядом со своей зарисовкой портрета Маяковского (1920). Помимо опытов Хлебникова Маяковский ценил трехдольные стихи О.Э. Мандельштама («Сегодня дурной день...», 1911) и Божидара («Битва», 1914).

Медленна лет арба. – По воспоминаниям О. В. Гзовской, на вопрос, что означает выражение «лет арба», Маяковский ответил: «Вам же у Пушкина “телега жизни” понятна» (*Восп.* 1963. С. 158). Те же ассоциации отмечал П.Н. Медведев, сообщая о вечере в кабаре «Привал комедиантов» 20 февраля 1919 г., где Маяковский читал «Наш марш»: «На эстраде гремит

и глушит, мечет и позирует Владимир Маяковский. Вдруг Блок обрывает реплику и хватает меня за руку: "Слышите, строчка из Пушкина!" Ему радостно было услышать родное и вечное в том, что на отрицании всего этого, а порою — и на глумлении над ним, строит свое ударное красноречие» (Искусство. Витебск, 1921. № 416. С. 3).

Нас ли сжалит пули оса? — Р. Яacobсон вспоминал, что в 1919 г. во время его работы над хлебниковскими рукописями на столе лежал лист с отрывком «Из улицы улья пули как пчелы. Шатаются стулья...»: «Володя это прочел и сказал: "Вот если бы я умел писать, как Витя..."» (*Янгфельдт* 1992. С. 45).

Радуга, дай дуг лет быстролётным коням. — В беловом автографе слово «лет» в соответствии со старой орфографией было написано через «ять» и тем самым оно было отнесено к семантическому гнезду «лето, год», а слово «быстролётным» — через «е», соответственно однокоренные ему — «летать, лётный». Затем в автографе Маяковский исправил «ять» на «е» (при сохранении «ятя» в строке «лет арба»). Таким образом, возникла возможность двойного толкования строк: 1) «дать лететь быстролетным коням лет» или 2) «дать дуги быстролетным коням лет». В письме в редакцию ПСС: *В 13 т.* О. В. Гзовская свидетельствовала о том, что Маяковский пояснял: «Много лет лететь быстролетным коням, даже попасть ввысь, в небо» (Т. 2. С. 439). Поддерживая справедливость такой интерпретации («Радуга, дай дуг лет быстролетным коням...»), Н.И. Харджиев возражал против закрепления неисправной публикации этих строк в *Соч. 2* («Радуга, дай дуг, лет быстролетным коням») в качестве «первоначального варианта»; динамичный образ «быстролётных коней лет» противопоставляется образу «быка дней», который «медленно» тащит «арбу лет» (*Харджиев* 1970. С. 339). Ср. также словообразования Н. Н. Асеева «лѣторѣй», «лѣтѣнь», «летное слово» (1915) и В. В. Хлебникова — «Бурного лёта летá» («Каменная баба», 1919).

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

(С. 116)

Пламя. Пг., 1918. № 27, 7 нояб.; *Все сочиненное; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Стихи о революции; Американцам; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 2.*

Датируется концом 1917 г. исходя из содержания стихотворения, в котором отразились события октября (гибель крейсера «Слава») и ноября 1917 г. (штурм Кремля и обстрел собора Василия Блаженного), а также эпизод расправы с генералами, подробности которого были изложены в ноябрьском номере журн. «Новый Сатирикон». Маяковский поместил стихотворение в разделе «1917» сб. *Все сочиненное.*

Первые упоминания о чтении Маяковским стихотворения относятся к декабрю 1917 г. Р. Яacobсон сообщал, что вместе с Эльзой Триоле слушал Маяковского в Кафе поэтов в Настасьинском переулке: «Он читал тогда

"Наш марш", "Левый марш" и "Оду революции". "Ода революции" мне тогда не понравилась своим избытком сухой риторики, которая проявлялась и в его чтении» (*Янгфельдт* 1992. С. 38).

С. Спасский также вспоминал о выступлении Маяковского в Кафе поэтов: «Программа сохранялась постоянная. Маяковский — глава из только что написанного "Человека", "Ода революции" и отдельные стихотворения... Иногда разгон брался большой. Тогда читалась хроника "Революция" или недавно написанная "Ода"» (*Восп.* 1963. С. 164, 167).

Это первая публикация Маяковского в советской официальной печати — журнале под ред. А. В. Луначарского, в номере, посвященном первой годовщине Октябрьской революции, который открывался стихотворением Н. Клюева «Товарищ».

«Ода революции» открывала, по словам Ю. Тынянова, «особую систему стихового смысла», при котором фраза, приравненная к слову, занимавшему целый стих, сжималась. В статье «Промежуток» (о поэзии) критик развивал мысль о державинской традиции, воспринятой Маяковским, который возобновил грандиозный образ, где-то утерянный со времен Державина. Как и Державин, он знал, что секрет грандиозного образа не в «высокости», а только в крайности связываемых планов — высокого и низкого» (*Русский современник.* Л.; М., 1924. Кн. 3. С. 317).

О «первых звуках державинской гражданственности» писал критик русского зарубежья Д. Святополк-Мирский, подчеркивая одическое построение стиха, о котором сам поэт заключал: «...торжественней, чем строчка державинских од...» (*Святополк-Мирский* Д. Поэты и Россия // Версты. Париж, 1926. № 1. С. 145).

Иначе воспринял стихотворение один из товарищей Маяковского по футуристическим выступлениям, К. Большаков, выразивший сожаление по поводу того, что «время заставило соблазниться такого поэта на средней руки публицистику и не отличить ее от строк, быть может, лучших из всего последнего», т.е. поэм «Война и мир» и «Человек» (*Жизнь.* 1918. 7 июня).

Блаженный стропила соборы тщетно возносит... — Собор Василия Блаженного на Красной площади был поврежден во время артиллерийского обстрела Кремля при штурме его отрядами большевиков 1(14) ноября 1917 г. В связи с полученными в Петрограде известиями о разрушении Кремля нарком просвещения А.В. Луначарский подавал прошение об отставке. Проходивший в те дни Поместный собор Русской православной церкви обратил к «дорогим нашим братьям и детям», умоляя «победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях шадить жизнь побежденных. Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всей России наших в нем святынь, разрушения и поругания которых русский народ никогда и никому не простит, Священный Собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу». Утром 3(16) ноября обстрел прекратился. Председателем комиссии по оценке разрушений и восстановлению Кремля был назначен К.С. Малевич.

«Слава». Хрипит в предсмертном рейсе. — Броненосный линкор «Слава» оказал сопротивление германскому флоту, направлявшемуся к Петрограду. Корабль получил повреждения и после эвакуации команды был затоплен в Моонзундском проливе 5(18) октября 1917 г.

Прикладами гонишь ~ с моста в Гельсингфорсе. — Гельсингфорс (ныне Хельсинки) — на базе русского флота восставшие 1(14) февраля 1917 г. матросы казнили офицеров, в том числе адмиралов Вирена, Непенина, Небольсина. О подобном случае Маяковский читал в журн. «Новый Сатирикон» (1917. № 40, нояб.), где в рубрике «Нам прислано» воспроизведена страница из книги для записи арестованных Выборгской городской гаупт-захты на 29 августа 1917 г.:

Звание, имя и фамилия	Кем арестован	Причина ареста	На какой срок	Отметка об освобождении
Генерал от кавалерии Орановский	Председателем армейского комитета 42-го корпуса	Неизвестна	До распоряжения	Насильственно взят солдатами гарнизона и сброшен в воду с Абоцкого моста в 5 час. 5 мин.
Генерал-лейтенант Васильев	То же	То же	То же	То же
Генерал-майор Степанов	То же	То же	То же	То же
Подполковник Кирениус	То же	То же	То же	То же

«Вот поистине страшный документ, который войдет в историю наряду с другими документами о великих злодеяниях...

Да, это настоящее освобождение! Освобождение навсегда — от всей официальной и неофициальной подлости, попустительства, лжи и подлизывания к «хозяевам положения». В следующем номере журнала в рубрике «Почтовый ящик» напечатан ответ «П.В. Обо-ву»: «Я уверен, что Керенский потому боится арестовать матросов "Петропавловска" (убийц офицеров), что у него "кишка тонка"».

ТУЧКИНЫ ШТУЧКИ

(С. 118)

Все сочиненное; Юнь. Владивосток, 1921. № 1 (февр.). С. 13; 13 лет работы; Соч. 2.

Авторизованный список (ИМЛИ): заглавие; стк. 1 — 12. Сделан рукой Л. Ю. Брик, с пометами Маяковского. Пометы: пронумерованы двусторонняя — 12 — 17 (см.: Никитаев А.Т. К истории неизданной книги Мая-

ковского «Для детков» // *Маяковский в нач. XXI в.* С. 469–475). Список является частью рукописи невышедшего сб. «Для детков», в который Маяковский включил еще два стихотворения: «Военно-морская любовь» и «Сказка о красной шапочке». Рукопись имеет сквозную, сделанную Маяковским, нумерацию двестишестидесяти трех стихотворений. Каждое из стихотворений предваряет лист, на котором рукой Маяковского написано название темы. Перед «Сказкой о красной шапочке» — «1. Политика», перед «Военно-морской любовью» — «2. Общественная жизнь», перед «Тучкиными штучками» — «3. Литература». В заглавии после «Тучкины» рукой Л.Ю. Брик зачеркнуто «ручки». В стк. 11 «А, следом» ее же рукой исправлено на «И, следом» (зачеркнуто «А»).

Печатается по Соч. 2.

Датируется не позднее 5 декабря 1918 г., когда Маяковский выступил на заседании коллегии отдела ИЗО Наркомпроса с предложением о его издании: «Книга эта наиболее желательна для отдела, потому что детских книг в новой литературе и поэзии совершенно нет. (...) Эта книжка, ее исполнение явились по нашей инициативе. Мы заранее сговорились с художниками. В этом согласны принимать участие Альтман, Штеренберг и Козлинский (...) Я бы всецело поддержал предложение Ятманова по вопросу о детской книжке, потому что детскую книжку нужно сделать очень хорошо, особенно как первую книжку отдела...» (ПСС: В 13 т. Т. 12. С. 222–223, 225).

Обсуждение на заседании 9 февраля 1919 г. рисунка В.И. Козлинского к входившему в сб. стихотворению «Сказка о красной шапочке» подтверждает дальнейшую работу, не получившую, однако, практического завершения.

Вместе с тем в первой публикации стихотворение датировано 1917-м годом, что, возможно, связывает его появление с планами издания сборника «Радуга» (вышел под названием «Елка» в дек. 1917). К. И. Чуковский сообщал художнице Ю. Л. Оболенской: «Сборник предназначается для самых крошечных детей. Желательно побольше сказочного, фантастического материала. Одновременно с этим письмом я обращаюсь к Марине Цветаевой, к Ходасевичу и Маяковскому» (РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Ед. хр. 68).

ВЕСНА

(С. 119)

Автограф в письме к Л.Ю. Брик от первой половины марта 1918 г. (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 13).

Печатается по автографу.

Датируется по содержанию письма, в котором Маяковский сообщал, что записал в подаренную книжку два стихотворения (см. коммент. к стих. «Наш марш»: «...а вот маленькое "Весна" (следует текст) — это, конечно, только разбег». Впервые: *Брик Л.Ю.* Из воспоминаний о стихах Маяковского // *Знамя.* 1940. № 4. С. 232.

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

(С. 120)

Новая жизнь. М., 1918. 9 июня, под загл. «Отношение к лошадям»; *Все сочиненное; 13 лет работы; Для голоса; Избранный Маяковский; Соч. 2.*

Печатается по Соч. 2.

Замысел стихотворения относится к апрелю 1918 г. О нем Маяковский упоминает в письме из Москвы к Л.Ю. Брик ок. 15 апреля: «Стихов не пишу, хотя и хочется очень написать что-нибудь прочувствованное про лошадь».

По воспоминаниям С. Спасского, стихотворение было прочитано Маяковским 1 мая 1918 г. в кафе «Питтгореск» на вечере «Мой май»: «Он прочел тогда и самое свое новое... О том, как лошадь поскользнулась на Кузнецком и ее окружила празднотающаяся толпа».

В основе стихотворения — реальный случай, свидетелем которого Маяковский оказался на возвышенном участке улицы Кузнецкий Мост в Москве (см. стих. «Автобусом по Москве», 1927). Подобные происшествия были одной из характерных черт разрухи и голода и описаны З. Гиппиус, Б. Зайцевым, А. Мариенгофом. В номере «Новой жизни» от того же числа (петроградский выпуск) был напечатан очерк М. Горького «В больном городе». На петроградской улице «лошадь, истощенная трудом и голодом, упала на кучу торца. Лошадь плачет, вялые веки судорожно выжимают из мутных глаз большие, грязноватые слезы (...) Скоро все поумираем от бескормицы. И люди — тоже». В.А. Десницкий вспоминал, что это он «дал тему своеобразного творческого состязания» Горького и Маяковского, рассказав им о таком случае (*Восп. 1968. С. 145*).

Известная сюжетно-лексическая близость стихотворения к сценам жестокого избиения лошади в стихотворении Н.А. Некрасова «О погоде: Уличные впечатления» (1859) и в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1865—1866) отмечена американским славистом Владимиром Марковым. Он противопоставлял им активное гуманистическое звучание произведения Маяковского: «Художественно конец его стихотворения и неубедителен и неудачен. Он сам это сознает: "Может быть, и мысль моя ей казалась пошла" (то есть эстетически невысокого уровня). Но Маяковский сознательно изменяет эстетике, мирящейся со страданием или со своим бессилием ему помочь, и становится на сторону чистой этики... Ради уничтожения жестокости и страдания он идет на эстетическое преступление — на Нарру end. Этому можно отказать в глубине, но это колумбово яйцо по этической гениальности» (*Марков В. О поэтах и зверях // Опыты. Нью-Йорк, 1955. № 5. С. 78—79*).

Стихотворение отмечено критиками среди лучших лирических произведений поэта. Так, Р. Гуль в рецензии на сб. *Все сочиненное* подчеркивал: «В поэтическом облике Маяковского лирика является лучшим из всего, что у него есть. Может быть, по своей силе с ней сравнятся лишь стихи о революции... Он — поэтическая нелепость! Внезапно запевший Илья Муромец!» (*Гуль Р. Запевший Илья Муромец: (Лирика В. Маяковского) // Накануне. Берлин, 1923. 7 окт.*).

Пронизывающая стихотворение дихотомия человеческого и животного создавала основу для перехода от жанровой сценки на уровень общения и олицетворения, наглядно выраженный художником А. Тышлером в серии иллюстраций (1940). Возможно, с тем же связано определение Р.В. Ивановым-Разумником Маяковского как «ломового извозчика русской литературы» (1920). Заглавие стихотворения было использовано в качестве названия экспериментального спектакля мастерской Н. Форегера — «Мастфор» (1922; текст В. Масса). См. также сб. В. Шершеневича «Лошадь как лошадь» (1920).

— *Гриб. Грабь. Гроб. Груб.* — Звукопись Маяковского можно соотнести с работами В. Хлебникова, например:

Гроб греб трудолюбиво,
Грабитель вод, к тиши ревнивых,
Грабителям дев бесолюбивых (1908).

Этот фрагмент стихотворения Маяковского Джеймс Джойс включил в «заумный язык» героя своего романа «Поминки по Финнегану» (1929) (*Иванов Вяч.Вс. Хлебников и типология авангарда XX века // Russian literature. Amsterdam, 1990. Vol. 27-1. P. 7*).

Стихотворение многократно было положено на музыку.

ПРИКАЗ ПО АРМИИ ИСКУССТВА

(С. 122)

ИК. 1918. № 1, 7 дек.; Все сочиненное; 13 лет работы; Для голоса; Избранный Маяковский; ИзИз; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Напечатано на месте передовой статьи в первом номере еженедельника Отдела изобразительных искусств Наркомпроса «Искусство коммуны». Впервые требование создать газету левого направления Маяковский выдвинул на собрании деятелей искусств в Троицком театре 21 марта 1917 г. за «демократизацию искусства». Попытка осуществить этот замысел весной 1918 г. в Москве привела к изданию единственного номера «Газеты футуристов». Новую резолюцию о необходимости газеты «информационного характера», обслуживающей «более глубокие интересы отделов в области пропаганды», Маяковский внес на заседании коллегии ИЗО 28 ноября 1918 г. Одной из непосредственных причин срочного выхода первого номера была потребность подведения итогов октябрьских торжеств, а также негативная оценка деятельности петроградской газеты «Жизнь искусства». На ее страницах 11 ноября была напечатана рецензия А.Я. Левинсона на «Мистерию-буфф», вызвавшая дискуссию с участием наркома А.В. Луначарского и членов коллегии ИЗО. В редакцию газеты входили О.М. Брик, Н.Н. Пунин, Н.И. Альтман; издание прекратилось в апреле 1919 г.

Я. Лерс в «некрологе» *ИК*, опубликованном в газ. «Искусство» (М., 1919. 19 янв.), отмечал ее «идеологическую цельность». Он выражал уверенность, что «когда-нибудь лежащие перед нами 19 листов послужат материалом для изучения Окт(ябрьской) Рев(олюции)».

Маяковский опубликовал в *ИК* 7 стихотворений, объединенных общей темой разработки принципов революционного искусства.

В «Приказе по армии искусства» нашли отражение некоторые идеи, обнародованные в «Газете футуристов». Так, в «Декрете № 1 о демократизации искусств» говорилось: «Пусть улицы будут праздником искусства для всех». В. Каменский в «Декрете о заборной литературе, о росписи улиц, о балконах с музыкой, о карнавалах искусств» провозглашал:

Поэты!
Берите кисти, ну,
И афиши — листы со стихами,
По улицам с лестницей
Расклейте жизни истину.

Вместе с тем, основной материал первого номера *ИК* был посвящен итогам октябрьских торжеств. В этом контексте стихотворение приобретало дополнительный оттенок праздничного, итогового, победного приказа. Юрий Иваск в статье «Маяковский: Орала-мученик» подчеркивал: «"Есть еще хорошие буквы Эр, Ша, Ща..." — писал Маяковский. Батюшков ненавидел русские "щи, щий", но громкий Державин насыщал стихи и шипящими, и раскатистыми Рцы:

То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

(...) Упоение безобразием, но и великолепием, величием, динамикой, дисгармонией, выразительностью, а не совершенством — это барочные черты одописцев Петрова, Державина, но и Маяковского, увлекавшегося кончетто в стиле барокко» (*Иваск Ю. Цветаева — Маяковский — Пастернак // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 95. С. 172 — 173*).

Те же строки, интерпретированные как восходящая державинская традиция, связаны и с футуристической оппозицией по отношению к символистам. Н. Харджиев отметил их связь с убеждением Вяч. Иванова: «(...) очень многозначительны могут быть аллитерирующие м и с; наоборот, следует избегать р». Этой установке на «музыкальную» аллитерацию Маяковский противопоставлял шероховатую «фактуру слова» и «шумовую» аллитерацию массового шествия, митинга.

Современники поддерживали общий оптимистический пафос стихотворения: «Справедлив Владимир Маяковский, обращая внимание в своем "Приказе..." на то, что "канители стариков бригады канители одну и ту же...". Соглашательство и единый демократический фронт от Иеронима Ясинского до Пикассо» (М. Ковылев — Грядущая культура. Тамбов, 1919. № 3, янв.).

В связи с выходом первого номера *ИК* и публикацией стихотворения развернулась полемика между футуристами и Пролеткультом. П. Бес-

салько, лидер Пролеткульта, писал: «Футуризм и пролетарская культура, вот два сфинкса, смотрящие друг на друга и вопрошающие, кто ты? (...) В "Искусстве коммуны" Н. Альтман говорит: "лишь футуристическое искусство построено на коллективистических основах. Лишь футуристическое искусство есть в настоящее время искусство пролетариата". По мнению О. Брика, культура, творимая самими рабочими, не есть пролетарская культура. О. Брик тщится доказать, что истинными ее творцами являются художники-пролетарии, сиречь футуристические интеллигенты». Отметив курсивом строки «Приказа...» («корпеть на заводах, перемазать рожу в копоть» и т. д.), П. Бессалько иронизировал по поводу «футуристической» симпатии Маяковского к рабочим и его «плохо замаскированной тревоги за чужую роскошь»: «"Грошовые" истины в этом коммунисте вызывают тошноту. И для него дороже этих грошовых истин необыкновенное рифмование слов с окончанием на эр, ша, ща!» (Бессалько П., Калинин Ф. Проблемы пролетарской культуры. Пб., 1919. С. 31, 33).

П. Бессалько заключал: «Можно воспользоваться кое-чем ценным из их технического багажа, но ни в коем случае нельзя позволить футуристам тело рабочей культуры одеть в футуристическую одежду». Вывод критика развил Ф. Калинин, считавший футуризм буржуазной идеологией, «дошедшей до пределов своего конечного развития». Поддерживая эти суждения, И. Садофьев ссылаясь на те же строки «Приказа...»: «Пролетариату известно, что эти охранители чужой собственности, эти лающие собаками суть щенки буржуазной псарни. И он достойно заплатит им за их усердие посыпать солью незалеченные им еще раны баррикад» (Грядущее. 1918. № 10. С. 14).

Ответом на эти выступления пролеткультовцев была статья О. Брика «Налет на футуризм», где пояснялось, что слова «грошовые истины» относятся не к рабочим, а к буржуям. Отзвуки полемики — в последующих стихах на страницах *ИК*.

Строки «Приказа...» многократно использовались в качестве заглавного текста газеты: в № 4 — «Только тот коммунист истый...»; в № 5 — «Улицы — наши кисти...». Отдельные фразы воспринимались как аргументы в дискуссии. Так, в статье за подписью «Рабочий Муштаков» говорилось: «Октябрь в искусстве может сделать только рабочий класс... и тов. Маяковский это понял, он сказал: "На улицы, футуристы, барабанщики и поэты". Я же добавлю к его словам, на фабрики, на заводы» (*ИК*. 1918. № 2). Важный аспект стихотворения выделял художник И. Пуни в статье «Современные группировки в русском левом искусстве» (*ИК*. 1919. № 19), говоря об искусстве-жизнестроении: «На основе слов Н. Пунина, О. Брика и др. ... видно, что искусство будущего кажется им понятным и приемлемым как искусство — творчество жизни (чрезвычайно известные стихи Маяковского "улицы — наши кисти" и чрезвычайно симптоматичные». Бывший критик журн. «Аполлон» Вс. Дмитриев также подчеркивал позитивный пафос стихотворения: «Для меня "улицы — наши кисти..." уже абсолютно не слова, но дела, основное и единственное дело, которое есть сейчас у искусства. Нужно взять эти кисти, нужно макать их в эти палитры...» (*ИК*. 1919. № 15).

«Приказ...» был отмечен и писателями объединения «Скифы». Иванов-Разумник, называя Маяковского типичным поэтом города, считал футуризм лишь временным, случайным ручейком мирового потока (Голос России. Берлин, 1922. 14 мая). Н. Клюев писал: «Маяковскому грезится гудок над Зимним, / А мне журавинный перелет и кот на лежанке (...) Заблудиться в моей поддевке / "Изобразительным искусствам" не диво...» (1919).

Анализируя стихотворение, В. М. Чернов признавал, что Маяковский — революционер в полном смысле слова: «Он считает себя коммунистом, но это надо понимать *cum grano salis*; он, конечно, далек от всякого коммунистического "правоверия". Он коммунист по-своему, если угодно — "сверх коммунист". Этот сверхкоммунизм и окрасил собою содержание его футуризма, и заставил его бросить лозунг: "на улицу, футуристы..." (...) И видно, что всякое коммунистическое правоверие для него ведь тоже завтра же будет "канителью", что вся суть для него — в дерзании, в разрушении — в громе и даже погроме: на улицу тащите рояли» (Чернов В. Эолова арфа // Голос России. Берлин, 1922. 16 апр.).

Жанр поэтического «приказа» был использован французским поэтом Андре Сальмоном в поэме, навеянной событиями Октябрьской революции («*Prikaz*», 1922).

...рояль раскроя ли... — По воспоминаниям современников, во время октябрьских событий в Москве рояль С. С. Прокофьева был сброшен анархистами со второго этажа его квартиры, о чем Маяковский мог слышать от самого композитора, с которым часто встречался в начале 1918 г. в Кафе поэтов. Возможно, близкий образ в статье А. Белого «Кризис культуры», где клавиатура рояля сравнивается с «клавиатурой пушечных звуков»: «...гамма звуков рояля культуры, которою мы забавляемся, есть любованье рядом крестов и терновых венцов; состояние наше на пире культуры подобно тому, как если б мы наблюдали из цирка борьбу гладиаторов; перебирание клавишей инструмента (рояля культуры) сантиментально до крайности» (Белый А. На перевале. Берлин; Пг.; М., 1923. С. 178).

РАДОВАТЬСЯ РАНО

(С. 124)

ИК. 1918. № 2. 15 дек.; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2 с исправлением знаков препинания в последней строфе.

В Соч. 2 с примечанием: «Растрелли — знаменитый архитектор, Зимний — Зимний дворец».

Датируется по первой публикации.

Программное стихотворение об отношении к искусству прошлого заостряло основные положения футуристических манифестов начиная

с «Пощечины общественному вкусу». Непосредственно связано с провозглашением в № 1 «Искусства коммуны» методом разрушения. Н.Н. Пунин в статье «К итогам октябрьских торжеств» писал: «Этот метод и следовало бы провести в день Октябрьской годовщины... Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы — как не мечтать об этом новому художнику, пролетарскому художнику, новому человеку».

Культурный нигилизм был присущ не только футуристам. Несмотря на предупреждения А. Бенуа в статье «О памятниках» (Новая жизнь. 1917. 2 июля) после Февральской революции был сожжен Литовский замок («русская Бастилия»), а при Союзе деятелей искусств образована «комиссия по уничтожению памятников».

Автор статьи «Ложка противоядия» (ИК. № 4) нарком А.В. Луначарский незадолго до резкой критики позиции Маяковского писал в заметке «Монументальная агитация»: «Одним из ярких проявлений монументальной агитации явится уничтожение на Триумфальных воротах при въезде в красный Петербург позорной надписи...» (Пламя. 1918. № 11. С. 14).

Отвечая Луначарскому, редакция ИК и О.М. Брик в заметке «Уцелевший бог» предостерегали от буквального понимания поэтических образов Маяковского. «Всемирно известно, — подчеркивал Брик, — что никто не собирается ни уничтожать сочинения Пушкина, ни сжигать картины Рафаэля, ни разбивать статуи Микельанджело. Все прекрасно понимают, что речь идет об ореоле святости, которым окружают этих непогрешимых пап эстетической церкви» (ИК. № 4).

Маяковский в день публикации стихотворения выступил на митинге «Старое и новое искусство» и на диспуте «Пролетариат и искусство», поясняя, что «футуристы выступают против своего же искусства, если оно становится мертвым и старым» и что «он сам готов возложить хризантемы на могилу Пушкина». Однако позиция Маяковского не претерпела принципиальных изменений, что отразилось в стихотворении «Той стороне», а также в поэме «150 000 000». А.А. Блок в неотправленном письме Маяковскому 17 (30) декабря 1918 г. обозначил этот конфликт как универсальный: «Не так, товарищ! Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музей. Но разрушение так же старо, как строительство, и так же традиционно, как оно (...) Ваш крик — все еще только крик боли, а не радости. Разрушая, мы все те же еще рабы старого мира: Нарушение традиций — та же традиция» (Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 351).

В. Ховин сравнивал взгляды В.В. Розанова и Маяковского по этому вопросу и пришел к выводу: «И если Розанов, правда без ножовщины, но так нетерпимо расправлялся с "Культурой" и "Истиной", если футуризм вместе с Маяковским сворачивал голову не только "культуре", но и ее Великим представителям, учителям человечества, то делали они это возмущенные поклепом, пусть трижды возвышенным, на человека и человечность (...), пренебрежением к его земному обиходу» (Ховин В. На одну тему. Пб., 1921. С. 61).

Критик русского зарубежья Федор Иванов в книге «Красный Парнас» (Берлин, 1922) выделял Маяковского «в толпе маленьких надругателей от

отчаяния, за отрицанием которых не чувствуется подлинного горения, подлинного таланта». Комментируя строки о Рафаэле, он находил «озорство разгулявшегося, еще не определившегося таланта, от избытка сил рубящего якобы устаревших богов» (с. 74).

Вместе с тем в обстановке конфронтации обостренно воспринимался политический аспект стихотворения. В обзоре «Русская поэзия за последние три года» А. Яценко иронизировал: «В то время, как пролетарские поэты не без умиления вспоминают, что это они, пролетарии, были в Иудее, "когда любви учил Христос", и со справедливой гордостью радуются, что это они, пролетарии, некогда "клали камни Парфенона", в это самое время "имажинисты", вроде Маяковского, заявляют: "Белогвардейца найдете — и к стенке!.."» (Русская книга. Берлин, 1921. № 3. С. 5).

Федор Степун считал, что «сквозь искусство футуристов и проби- валась к жизни величайшая тема новой истории, страшная тема большевистской революции, с ее футуристическим отрицанием неба и традиции, с ее разрушением общепринятого русского языка и заменой его интернационалистическим рев-жаргоном». Не принимая философско-эстетической программы футуризма, Ф. Степун признавал ее действительность, в частности талантливую агитацию Маяковского: «В интересных метрических стихах обращался товарищ Маяковский к красной гвардии, упрекая власть в том, что, ставя к стенке буржуев и белогвардейцев, она все еще щадит Рафаэлей и Пушкиных...» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 125 — 126).

Полемика, развернувшаяся на страницах «Искусства коммуны» в связи с публикацией стихотворения «Радоваться рано», как и предшествовавшей ему статьи Н. Пунина, получила развитие не только в стихотворении «Той стороне», но и в статьях Н. Пунина «О памятниках» (№ 9, 2 февр.), К. Малевича «Нерукотворные памятники» (9 февр.), «О музее» (23 февр.).

Перепечатано: От символизма до «Октября». М., 1924.

Исходили вёрсты торцов. — Улицы, мощенные деревянными брусками — «торцами». Ср. в очерке А.М. Горького «В больном городе», напечатанном рядом со стихотворением «Хорошее отношение к лошадям»: «Лошадь, истощенная трудом и голодом, упала на кучу торца».

А Рафаэля забыли? — Ср. в стихотворении Вл. Кириллова «Мы» (опубл.: Грядущее. 1918, май):

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «вы палачи красоты»,
Во имя нашего Завтра — сегодня сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

По свидетельству Вл. Кириллова, Маяковский подарил ему свою книгу с надписью: «Т. Кириллову. Однопольчанин по битвам с Рафаэлями. Маяковский» (РГАЛИ. Ф. 1327. Оп. 1. Ед. хр. 1).

Ранее, в статье «Россия. Искусство. Мы» (1914), Маяковский использовал имя Рафаэля как знак наивысших достижений мировой живописи.

Расстрели Бартоломео (1700 – 1771) – автор проекта Зимнего дворца.

А царь Александр на площади Восстаний стоит? – Памятник Александру III работы скульптора Паоло Трубецкого был установлен на Знаменской площади в мае 1909 г. Он подвергался постоянной критике. И.Е. Репин писал, что «гениальный “Медный всадник” все так же будет взлетать в гармонии со всем светлым к желанным идеям человечества, а другой – с тупой ограниченностью самодовлеющей тьмы – все так же будет стоять за все отжившее, невежественное...» Вопрос о снятии памятника дискутировался в печати сразу же после Февральской революции. А. Бенуа отстаивал художественные достоинства скульптуры (О памятниках // Новая жизнь. 1917. 15 июля). Его позиция нашла своеобразную поддержку в процессе осуществления ленинского плана монументальной пропаганды. Искусствовед А. Сидоров отмечал: «Когда в будущем – мыслится – потомки будут спрашивать, зачем была произведена революция – “вот почему”, можно будет ответить, показывая на грозного медного царя» (1919). Маяковский, по свидетельству О. Брика, спорил с А. Бенуа в кабинете Луначарского (Маяковский – редактор и организатор // Литературный критик. 1936. № 4).

В 1922 г. на постаменте был выбит текст Д. Бедного «Пугало»: «Мой сын и мой отец при жизни казнены, / А я пожал удел посмертного бесславья: / Торчу здесь пугалом чугуном для страны, / Навеки сбросившей ярмо самодержавья. // Предпоследний самодержец всероссийский Александр III». Демонтирован в 1937 г.

ПОЭТ РАБОЧИЙ

(С. 125)

ИК. 1918. № 3. 22 дек.; Все сочиненное; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Стихи о революции. Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с участием Маяковского в дискуссиях о месте искусства в пореволюционном обществе. Выступая на митинге «Храм или завод» в Зимнем дворце 24 ноября 1918 г., он говорил: «Нам нужно (...) не мертвый храм искусства, где томятся мертвые произведения, а живой завод человеческого духа (...). Все старые предметы и пейзажи говорят только о сплетнях богатей и буржуа. Жалко, что на такие ненужные вещи художники тратят свой талант. Искусство должно быть сосредоточено не в мертвых храмах-музеях, а повсюду: на улицах, в трамваях, на фабриках, в мастерских и в рабочих квартирах» (ИК. № 3).

Маяковский продолжал развивать тезисы, изложенные в манифесте Летучей федерации футуристов (Газета футуристов. 1918. 15 марта), в частности о преемственности социальной и духовной революции: «Мы пролетарии искусства – зовем пролетариев фабрик и земель к Третьей бескровной, но жестокой революции, революции духа».

В новых условиях Маяковский не только провозглашал идеи близости футуризма интересам рабочего класса, но стремился получить практическое подтверждение этому. Так, на заседании коллегии ИЗО Наркомпроса 12 декабря 1918 г. О.М. Брик сообщал: «Мы теперь с Маяковским объезжаем районы: мы были в Выборгском районе, сейчас поехали на Охту, в понедельник будем в клубе моряков и т.д. Интерес проявляется колоссальный» (*ПСС: В 13 т. Т. 12. С. 231*). Одним из результатов этой деятельности стало образование в январе 1919 г. группы «Комфутов» (коммунистов-футуристов).

Однако в отчете о выступлении Маяковского в Выборгской партийной школе, помещенном в том же номере газеты, что и стихотворение «Поэт рабочий», прослеживаются и обвинения в адрес Маяковского в непонятности стихов, в призывах к насилию над старым искусством, в обособленности от реальных проблем пролетариата. Эта ситуация отразилась в диалогической форме стихотворения и его полемическом пафосе.

Стихотворение было первым произведением Маяковского, переведенным на польский язык Владиславом Броневским в 1920 г.

Перепечатано: *День пролет. культуры*. Киев, 1919. 6 апр.; Тайфун. Владивосток, 1923. № 3. С. 1.

Я тоже фабрика. — Ср. с метафорой и из трагедии «Владимир Маяковский» (1913):

...в будуарах женщины —
фабрики без дыма и труб —
миллионами выделявали поцелуи.

Н. Пунин писал о необходимости «физиологического родства» художника с пролетарием как условия создания нового искусства, пролетарского.

В. Шкловский, полемизируя с Н. Пуниным, отмечал: «Наиболее тяжелой из ошибок современных писаний об искусстве я считаю то уравнение между социальной революцией и революцией форм искусства, которое они сейчас доказывают. "Скифы", "футуристы-коммунисты", "Пролеткульты" — все провозглашают и долбят одно и то же! Новому миру, новой классовой идеологии должно соответствовать новое искусство (...) Искусство всегда было вольно от жизни и на цвете его флага никогда не отражался цвет флага над крепостью города (...) Новые формы в искусстве являются не для того, чтобы выразить новое содержание, а для того, чтобы заменить старые формы, переставшие быть художественными» (*Шкловский В. Об искусстве и революции // ИК. 1919. № 17*).

ТОЙ СТОРОНЕ

(С. 127)

ИК. 1918. № 4. 29 дек.; Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 2* с исправлением опечатки в стк. 73—74: «Когда прорвемся сквозь все заставы» вместо: «Когда ж прорвемся сквозь заставы» по трем первым публикациям.

Датируется по первой публикации.

Написано как ответ на статью А.В. Луначарского «Ложка противоядия», в которой содержалась критика взглядов поэта, отразившихся в стихотворении «Радоваться рано». Опубликовано под лозунгом из последнего: «Только тот коммунист истый, кто мосты к отступлению сжег». О соотношении стихотворения со второй, не опубликованной в *ИК*, частью статьи Луначарского см.: *Черемин Г.С. Маяковский в литературной критике (1917–1925)*. Л., 1985. С. 61–65.

Перепечатано: Тайфун. Владивосток, 1923. № 3. С. 2.

За целостность Венеры вы готовы щадить веков камарилью. — Аналогичное противопоставление развивал К. Малевич на страницах газ. «Анархия» весной 1918 г. В статье «Ответ» он писал: «Я видел пламя футуризма как бунт, сжигающий все заторы. (...) В пламени его очутился весь алтарь искусства. Я видел, как закопошились брандмейстеры тушения. Бенуа, Мережковские, Эфросы, Глаголи — все бросились к тушению своей ненаглядной Венеры» (Анархия. М., 1918. 28 марта). Маяковский также выступал против «государственного искусства», т.е. позиции членов «комитета А. Бенуа», которые стояли за министерство по делам искусств и подчинение государственному руководству.

Мы не поносим — «Готово! На блюде!...» — В этот период Маяковский подчеркивал самостоятельность футуризма как идеологии. В фельетоне А. Аверченко отразилась эта ситуация с точки зрения «мадам Троцкой»: «Пришло мне позавчера в голову — иметь своего придворного поэта — помните, как Мольер был. Я и позвала Маяковского. Посидел полчаса, выпил полторы бутылки коньяку, набил все карманы печеньем, обкусал ногти, плюнул три раза на ковер и ушел, даже не попрощавшись. Неужели и Пушкин и Лермонтов были такие?..» (Аверченко А. Двенадцать портретов. Париж, 1923. С. 13).

Но мы не зовем обывателей гроба. — В то время Маяковский добивался на заседании коллегии ИЗО установления более высоких расценок для приобретения картин у живых художников. Иначе, по его словам, «выгодно будет составить записку о фиктивной смерти (...) оставить белье на берегу». Ср. в 1922 г. в некрологе «В.В.Хлебников»: «Хлеб живым! Бумагу живым!»

Орете: «Пожарных! Горит Мурильо!» — Реминисценции из пьесы Л. Андреева «Царь Голод», дейст. 2: «Художники группой:

— Горит Мурильо!

— Горит Веласказ!

— Горит Джорджоне!

— Боже, Боже!» (Андреев Л.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2013. Т. 6. С. 237).

ЛЕВЫЙ МАРШ

(С. 129)

ИК. 1919. № 6, 12 янв.; Все сочиненное; 13 лет работы; Для голоса; Избранный Маяковский; Стихи о революции; ИзИЗ; Соч. 2; Школьный Маяковский.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется первой половиной декабря 1918 г.

Маяковский читал стихотворение 17 декабря в Матросском театре (бывш. Гвардейский экипаж). В отчете об этом вечере сказано: «Это было первое выступление с искусством в Матросском театре, существующем уже несколько месяцев, но почему-то обойденном культурно-просветительской работой. Сомнение, высказываемое некоторыми товарищами на возможность чтения стихов, да еще футуристических, перед аудиторией, склонной до этого лишь к "танцулке", не оправдалось ни в какой мере. Горячая встреча и целая очередь покупающих книги была радостным окончанием выступления футуризма» (*ИК. № 3, 22 дек. 1918*). Об истории его создания он вспоминал: «Мне позвонили из бывшего Гвардейского экипажа и потребовали, чтобы я приехал читать стихи, и вот я на извозчике написал "Левый марш". Конечно, я раньше заготовил отдельные строфы, а тут только объединил адресованные к матросам» (Выступление в Доме комсомола на Красной Пресне, 25 марта 1930 // *ПСС: В 13 т. Т. 12. С. 436*).

Стихотворение связано с началом Гражданской войны и интервенции стран Антанты. В ноябре – декабре 1918 г. после высадки англо-французского десанта в Одессе, Севастополе и Батуми над Черноморским флотом нависла угроза полного уничтожения. В декабре войска белых и отряды англичан со стороны Архангельска и армия Колчака на северо-востоке начали движение навстречу друг другу с целью создания единой линии фронта. В связи с возросшей опасностью РКП(б), ВЦИК и советское правительство объявили мобилизацию в Красную Армию, учредили Реввоенсовет, Совет рабоче-крестьянской обороны (30 ноября) и выдвинули лозунг «Всё для фронта! Всё для обороны республики!» Сложившейся общественно-политической ситуацией обусловлены лозунги: «Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер», «Коммуне не быть покоренной», «России не быть под Антантой».

На примере «Левого марша» Маяковский показывал становление языка революционного искусства («Как делать стихи», 1926).

Начиная с выступлений в клубах и на заводах Выборгского и Василеостровского районов Петрограда в декабре 1918 г. («Только не воспоминания», 1927) Маяковский с неизменным успехом читал «Левый марш» по городам Союза. Так, в письме к Л.Ю. Брик (20 февраля 1926) по поводу лекций в Ростове, Краснодаре и Баку Маяковский сообщал: «Я живу весело: чуть что — читаю "Левый марш" и безошибочно отвечаю на вопросы, что такое футуризм и где теперь Давид Бурлюк» (*ПСС: В 13 т. Т. 13. С. 81*).

Среди газетных отчетов, в которых упоминалось чтение Маяковским «Левого марша», репортаж М.А. Булгакова «Бенефис лорда Керзона» о митинге на Советской площади в Москве в связи с убийством В.В.Воровского и ультиматумом Керзона: «А напротив, на балкончике под обелиском Свободы, Маяковский, раскрыв свой чудовищный квадратный рот, бухал над толпой надтреснутым басом: ...британский лев вой... Ле-вой! Ле-вой! – Ле-вой! – отвечала ему толпа. Из Столешникова выкатывалась новая лента, загибала к обелиску. Толпа звала Маяковского» (Накануне. Берлин, 1923. 19 мая). В тот же день Маяковский читал «Левый марш» на Театральной площади, где, по воспоминаниям И. Френкеля, перефразировал строки: «Крепи у Керзона на горле пролетариата пальцы» (День поэзии. М., 1973. С. 55).

Во время выступлений в Берлине, Праге, Париже, Нью-Йорке Маяковский включал в программу «Левый марш». В очерке «Ездил я так» он писал о вечере в Праге 23 апреля 1927 г.: «В театре левых "Освобожене Дивадро" (обозрение, мелкие пьесы, мюзикхолльные и синеблузые вещи) я выступил между номерами с "Нашим" и "Левым" маршами». В отчете говорилось: «...среди этих лирических декламаций о кружевах на белье появился Маяковский с чтением "Левого марша", это было подобно тому, как если бы слон вошел в посудную лавку» (*Večerník Právo lidu*. Praha, 1927. 25 dubna; цит. по: *Хроника 1985*. С. 381).

С переводами «Левого марша» на другие языки связано формирование понятия «левое искусство». Отвечая на анкету «Театр или кино?», Маяковский писал: «Киноработа мне нравится главным образом тем, что ее не надо переводить. Я намучился, десятый год объясняя иностранцам красоты "Левого марша", а у них слово "левый" в применении к искусству, даже если его перевести, ничего не значит». Однако именно работа над переводом «Левого марша» ускоряла политическое и эстетическое самоопределение поэтов. Например, автор первого перевода его на польский язык А. Слонимский (*Skamander*. Warszawa, 1922. N 16) написал свой «Контрмарш», в котором подчеркивал самостоятельность искусства: «...левый или правый, — не все ли равно?»

В. Броневский, чей перевод «Левого марша» появился в том же году, напротив, считал: «Маяковскому я обязан окончательным разрывом с символистским старьем и отношением к слову как к оружию борьбы».

Четыре перевода на немецкий язык (Й. Крамер, 1921; И. Голль, 1922; И. Бехер, 1924; Гуго Гупперт, 1928) отразили стремление к перенесению оригинала на почву национальной культуры. В начале 1930-х «Левый марш» на музыку Г. Эйслера в исполнении Э. Буша стал песней Единого антифашистского фронта. Пример восприятия стихотворения в Чехословакии, где перевод И. Вейля был опубликован в журн. «Кмен» (Прага, 1920. № 37), содержится в воспоминаниях участника Московского лингвистического кружка, проф. П.Г. Богатырева: «В 1922 г. мы посетили Горького — Эрвин Киш, Шкловский, я и дочь Станислава Костки Неймана. Горький сказал, что ему хочется послушать чешское стихотворение, но такое, чтобы он мог его понять. Дочь Неймана, готовящаяся стать

актрисой и обладавшая прекрасным голосом, прочла ему "Левый марш" Маяковского..." (Рукоп., ГММ).

В некрологе поэту Юлиус Фучик подчеркивал: «Сколько раз звучали на демонстрации слова его "Левого марша": "Кто там шагает правой?левой!левой!левой!"» (Rudé Právo. Praha, 1930. 16 dubna).

Кроме упомянутых языков «Левый марш» был переведен в 1920-е годы на английский, болгарский, венгерский, испанский, французский.

Стихотворение вошло в школьную программу и репертуар «Синей блузы», использовалось в лозунгах и плакатах.

Перепечатано на русском языке: Литературно-художественная неделя: Приложение к № 58 газ. «Известия». Харьков, 1919. № 1. 2 марта; Тайфун. Владивосток, 1923. № 2. С. 1; Запомни! М., 1923; Революционная поэзия: Чтец-декламатор. 2-е изд. Киев, 1923; Клич юного коммунара. Казань, 1924. 16 окт.; Сегодня русской поэзии. Нью-Йорк, 1924; Рабочий клич. Рязань, 1925. 22 февр.; Пионер. 1930. № 14; Клубный репертуар. 1930. № 5.

Музыкальные произведения: *Корчмарев К.* Левый марш: Для хора с фортепиано. М., 1924; *Белецкая В.* Левый марш: Для тенора в сопр. фортепиано. Ростов-на-Дону, 1925; *Кац С.* Левый марш: Декламация (голос и хор) с сопр. фортепиано. М., 1926.

Оценка стихотворения была тесно связана с политической позицией критика. Так, философ-сменовеховец Н. Устрялов видел в «Левом марше» отражение анархистского бунтарства («Русский бунт, — писал он в статье "О нашей идеологии" (1923), — не мог остановиться на "умеренной оппозиции", он объявил войну историческим ценностям человечества (государство, право). Но он мог остановиться и на этих ступенях протеста, — за штурмом истории ("клячу-историю загоним!") он бросился на штурм самого неба: — самый последний и самый страшный бунт, гениально запечатленный прозрением Достоевского» (*Устрялов Н.* Под знаком революции: Сб. статей. Харбин, 1925. С. 154; Религия и революция // *Корабль.* Калуга, 1923. № 1 — 2. С. 36).

В рецензии на сб. «Для голоса» М. Осоргин показывал, что поэт «берет шаблонные коммунистические девизы и переплавляет их тупую ржавчину в поэтическую сталь. У него новая напряженность даже в забитом слове:

Грудью вперед браво!
Флагами небо оклеивай!..

...Он высокий мастер кованого, дерзкого, нового стиха, бьющего по хилым головам и раздражающего тех, кому адресованы. Лирики Маяковский чужд; он поэт не только "борьбы", но и кровавой драки, поэт вызова, наглого удара, не попадающего мимо. Когда пора политических оценок пройдет и художественная критика снова попытается быть беспристрастной, тогда, за отменением поэтического мусора, в числе оставшихся окажутся на равной степени признания и "белогвардейка" Марина Цветаева, и "коммунист" Владимир Маяковский, оба наиболее сильные, хотя и "гражданские", поэты последних лет» (Современные записки. Париж, 1924. № 22. С. 456).

Сопоставление «Левого марша» Маяковского с «Посмертным маршем» М. Цветаевой проведено Р. Гулем в статье «Мораль в искусстве» (Накануне. Берлин, 1923. 30 сент.). Критик приходил к выводу: «"Левый марш" Маяковского жизненно отвратителен и художественно прекрасен». С «правым» маршем Цветаевой его объединяет «тяга искусства к последней грани, к напряженности, к пафосу, к воплощению максимализма. Не думаю, чтобы эти произведения нужно было помещать в детские хрестоматии».

Характерные черты восприятия стихотворения как марша левых сил в искусстве отразились в заметке «Леф в Казани» (Леф. 1923. № 3. С. 184) по поводу лекции А. Фомина «Большевики поэзии»: «...если французская революция дала миру огненно-вдохновенную марсельезу, то русская революция создала свой гимн не меньшей силы и яркости — гимн, исполненный потрясающей мощности, насыщенный непреодолимой волей к победе — это "Марш левых" Маяковского».

ПОТЯСАЮЩИЕ ФАКТЫ

(С. 131)

ИК. 1919. № 7, 19 янв.; Все сочиненное; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Стихи о революции; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с восстанием берлинских рабочих против коалиционного правительства Эберта в первой половине января 1919 г. В газетах сообщалось об обращении Карла Либкнехта к массам, напечатанном в «Роте Фане» 15 января 1919 г.: «О, спокойно. Мы никуда не бежали, мы не разбиты. Наш корабль стойко и гордо идет своим курсом к назначенной цели. Вопреки всему!» Этим событиям был посвящен первый сеанс радиовещания петроградской радиостанции «Новая Голландия». Маяковский связывает представление о не знающих границ «в неслышном карьере», «звения в «Интернационале», радиоволнах с традиционным образом морского призрака «Летучего голландца». Факт радиопередачи из России опередил почти три года начало радиовещания в других странах, с чем связаны слова восхищения: «потрясающие факты», «восторженные дети», «я... свидетель».

Стк. 5, 63 — 66 и некоторые образы стихотворения Маяковский использовал в тексте «Окна РОСТА» «Коммунисты, все руки тянутся к вам...» (март 1920) во время восстания немецких рабочих против правительства Каппа.

Переведено на чешский язык И. Вейлем (1920).

Заключительные строки стихотворения были отмечены критикой.

В статье «Пролеткульт и комфут» С.В. Евгенов (подпись — С. Клубень) выделил их как аргумент против «коммунистов-футуристов»: «Не исчезает это доминирующее "Я" и в последних произведениях Маяковского, —

Маяковского будто бы уже окончательно "преобразовавшегося" в духе коммунизма... Какой же коммунизм в "коммунистическом" футуризме, когда один из наиболее ярких и несомненно наиболее талантливых его представителей легче поцелует бронзового Пушкина на Тверской – "при всем честном народе" и при полном дневном освещении, чем забудет свое главенствующее над войной и миром и всем человечеством – "Я"!» (Грядущая культура. Тамбов, 1919. № 4/5, февр. – март. С. 16, 17).

Напротив, Я. Лерс (Шапирштейн) на страницах близкого по направлению к «Искусству коммуны» еженедельника «Искусство» одобрительно писал о «беззлой насмешке грядущего победителя», с которой Маяковский и его соратники «бросали старому миру в лицо: И если скульпит обывательская моль нам...» (Искусство. М., 1919. № 7. С. 3).

...звеза в «Интернационале» ~ Смольный ринулся к рабочим в Берлине. – Речь идет о начале радиопередач из Петрограда на Европу, позывными которых были звуки «Интернационала». Символом революционной России служил Смольный, в котором после Октябрьской революции размещалось советское правительство, затем руководство Северной коммуны. Образ восходит к произведению Б.Кушнера «Митинг дворцов» (1918), которое ценил Маяковский, включивший его в революционную хрестоматию «Ржаное слово». Ср.: «И Смольный ушел на окраину. К груди пушку прижимает невольно. Хмурится на запад, мудрый и недовольный» (с. 8).

...тризменный призрак ~ Шагает по Европе. – Парафраз первой строки «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

Аллея Побег – улица в Берлине, на которой располагаются скульптуры германских императоров и полководцев. По словам Б.Кушнера, «этой аллее, продукту величайшего имперского чванства, создали скандальную мировую известность» (Кушнер Б. 103 дня на Западе. М., 1928. С. 71).

...туда, где гудит союзное ржанье... – В Париже 18 января 1919 г. открылось совещание союзных держав – Англии, Франции, США и др. – по выработке договоров с побежденными странами. Ср. в «Митинге дворцов»: «Пока гордый табун декретов без узды вымолачивает степь за Днепром и Доном, – на Эльбе и Темзе, на Сене и нервных берегах Гудзона» (с. 6).

С ТОВАРИЩЕСКИМ ПРИВЕТОМ, МАЯКОВСКИЙ

(С. 133)

ИК. 1919. № 10, 9 февр.; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

В Соч. 2 с примечанием: «Фермопилы – узкое ущелье, где произошла битва трехсот греков с персидским войском».

Написано по случаю первой годовщины образования Отдела изобразительных искусств Наркомпроса, утвержденного 24 января (6 февраля) 1918 г. под руководством комиссара по делам искусств Д.П. Штеренберга. Стихотворение напечатано под общей шапкой: «6-е февраля – годовщина Отдела изобразительных искусств». Рядом с ним приветствие Д.П. Штеренберга: «Товарищи! Год прошел. Год тяжелой борьбы. Много работы впереди еще. В ногу, товарищи!»

В стихотворении прослеживаются мотивы, получившие развитие в поэме «150 000 000». Тема подвига греков в Фермопилах связана с образами «революций кровавой Илиады», «голодных годов Одиссеи». Строки «Слава вам! Для посмертной лести да не словит вас смерти лов» соотносятся со строками поэмы: «за нас замученные – слава вам». Заключительные строки стихотворения («Сотую – верю! – встретим годовщину») совпадают со стихами последней главки поэмы: «Может быть, Октябрьской революции сотая годовщина...»

Вместе с тем стихотворение написано в жанре приветствия и адресовано коллегам-футуристам: «Но нас, футуристов, нас всего – быть может – семь». Символика числа «семь» у Маяковского могла быть связана с футуристическим опытом Хлебникова: «Моих друзей летели сонмы. / Их семеро, их семеро, их сто!» (1916). В «Трубе марсиан»: «Нас семеро. Мы хотим меча из чистого железа юношей...»

Не лишена оснований соотношенность этого образа с кантатой-заклинанием для тенора, смешанного хора и оркестра «Семеро их» Сергея Прокофьева. Это произведение композитора, чрезвычайно близкого в 1917–1918 г. Маяковскому, было признано самым значительным сочинением к октябрьской годовщине. Стремясь показать революционные события через сюжеты древности, Прокофьев взял за основу стихотворение К. Бальмонта «Аккадийская надпись» о семи грозных великанах, повелевавших миром. Наконец, под семью футуристами могли подразумеваться непосредственно члены коллегии ИЗО Наркомпроса Д. Штеренберг, Н. Пунин, О. Брик, Б. Кушнер, Н. Альтман, А. Карев и В. Маяковский.

Этим стихотворением завершилось сотрудничество Маяковского в «Искусстве коммуны». Оно заключало и соответствующий раздел в сб. «Все сочиненное Владимиром Маяковским». Рецензент «Вестника литературы» писал: «Итак, один из наиболее нашумевших футуристов и, скажем, более интересный из них, верит, что молодым людям, разгуливающим недавно в полосатых кофтах с выкрашенными лицами и с огурцами и ложками в петлицах, улыбается долгое будущее, Мафусаилов век (...) Но несть пророков в своем отечестве (...) Открывателям словесных Америк едва ли предстоит такая заманчивая перспектива» (1919. № 10, май. С. 4–5).

В 1920 г. художник Ю.М. Бонди, участник вечеров в «Привале комедиантов», выпустил в Костроме плакат «КостРОСТА» со словами: «Верю, сотую встретим годовщину».

МЫ ИДЕМ!

(С. 135)

Искусство. М., 1919. № 5, 1 апр.; *Все сочиненное; 13 лет работы; Соч. 2.*

Черновой автограф — Зап. книжка № 2 (ГММ).

Печатается по *Соч. 2.*

В *Соч. 2* с примечанием: «Ирод — наместник Иудеи; по еванг(ельскому) преданию, в поисках младенца Христа велел перебить всех новорожденных иудейских младенцев».

Датируется по первой публикации.

Написано предположительно в конце 1918 г. Опубликовано в номере, посвященном годовщине образования Московского отдела изобразительных искусств при Наркомпросе под руководством В.Е. Татлина. Из анализа стихотворения следует, что все его реалии относятся к событиям осени 1918 г. и локализуются в Москве. Поэт приезжал в Москву 8—12 октября 1918 г., о других поездках достоверных сведений нет. Однако после октябрьских торжеств в Петрограде он встречался с В.Е. Татлиным и с К.С. Малевичем, вместе с которым выступал на нескольких митингах и чью статью опубликовал в первом номере *ИК*. От них Маяковский мог узнать о достижениях левых художников Москвы. Маяковский помещал это стихотворение вслед за «Приказом по армии искусства» среди стихов периода «Искусства коммуны» (*Все сочиненное; 13 лет работы*). Таким образом, стихотворение могло быть предназначено для газеты московского отдела ИЗО «Искусство», первый номер которой вышел 5 января 1919 г. Газета должна была издаваться два раза в месяц, однако, вследствие типографских затруднений, не выходила в марте, второй половине апреля, мае — июне. Стихотворение «Мы идем!» появилось рядом со статьями О. Брика, Д. Штеренберга в начале апреля 1919 г., после переезда Наркомпроса в Москву (в середине декабря в новую столицу приезжала делегация отдела ИЗО).

С. Третьяков в рецензии на *Все сочиненное* рассматривал «Мы идем!» в ряду стихотворных передовиц, в которых «Маяковский принимает вызов и вступает в борьбу, осложненную тем, что противники не прочь прикрыться авторитетом революции. (...) Резко чувствуется, какой шаг делает Маяковский от своего пережитого гордо отъединенного "Я" к этому мощно звучащему "Мы". Он уже перешагивает из эгоцентрических построений в мир согласованно радостной коллективной воли» (Творчество. Чита, 1921. № 7. С. 89, 91).

Заключительные строки стихотворения были использованы как эпиграф к «Ответу тов. Ф. Калинин» Конст. Крайнего (К. Уманского), в котором шла полемика со статьей «О футуризме», где высказывалось мнение Пролеткульта о футуристах — «приспосабливающихся обломках прошлого», желающих «пришить футуризм к марксизму» (*Искусство*. 1919. № 6. 8 июля).

...в небеса шарахаем железобетон. — Ср., в статье К. Малевича из первого номера *ИК* говорилось: «Футуризм нарисовал новые пейзажи современной быстрой смены вещей, он выразил на холстах всю динамику железобетонной жизни» («Архитектура как пощечина бетоножелезу»; впервые опубликовано в газ. «Анархия». М., 1918. № 37, 6 апр.).

Художник С.Я. Сенькин вспоминал о посещении В.И. Лениным общедожития Вхутемаса 21 февраля 1921 г.: «Достаем № 1 нашего стенгаза. Владимир Ильич нарочно долго читает лозунг Маяковского. "Мы разносчики новой веры, красоте задающей железный тон, чтоб природами хилыми не сквернили скверы, в небеса шарахаем железобетон"».

— Шарахаем, да ведь это, пожалуй, не по-русски, а?» (Молодая гвардия. 1924. № 2/3).

...а радуга вырвалась... — Один из устойчивых образов обновления искусства у Маяковского в 1918 г. Ср. в «Открытом письме рабочим»: «Может быть, художники в стоцветные радуги превратят серую пыль городов...» Тогда же в «Декрете № 1 о демократизации искусств» провозглашалось: «Пусть самоцветными радугами перекинутся картины (краски) на улицах и площадях». В поэме «150 000 000», начатой в той же Зап. книжке № 2, — «за радужные закаты скважины», «тысячу радуг в небе нагаммим...»

Это революция и на Страстном монастыре начертила... — На Страстной площади на старом здании газ. «Известия» в октябре 1918 г. был торжественно открыт агитрельеф С. Чернышева «Кто не работает, тот не ест» (хранится в Музее современной истории). Другой рельеф, установленный в те дни на стене Рождественского монастыря (скульптор А.Гюрджан), гласил: «Вся надежда покоится на тех людях, которые сами себя кормят» (не сохранился).

...это мы, иллюминаторы завтрашних городов. — К первой годовщине Октября В. Татлин, С. Дымшиц-Толстая, П. Кузнецов (от ИЗО Наркомпроса) в сотрудничестве с артиллерийским, инженерным, авиационным ведомствами и Высшей школой краско-маскировки подготовили в Москве «пиротехническую иллюминацию». Художница О.В. Розанова использовала для праздничного оформления Ходынского поля прожектора. В заметке «Фейерверки и иллюминация» (Известия. 1918. 9 нояб.) сообщалось: «В деле художественного освещения столицы приняла участие группа художников, пользовавшихся широким содействием Военного комиссариата».

Заново обкрасимся. Сияй, Москва! — В Москве 7 ноября 1918 г. были выкрашены в яркие цвета деревья Александровского сада. «Сквер у Большого театра каким-то волшебством превращен в сад Черномора, — деревья окутаны кисеей лилового оттенка. Окрашенные дорожки кажутся залитыми лунным светом. По всей площади протянута в несколько рядов красная бахрама, развеваемая ветром» ([Б. п.] На улицах Москвы // Известия. 1918. 9 нояб.).

И пускай с газеты какой-нибудь выродок сражается с нами... — Вероятно, речь идет о рецензии А. Левинсона на «Мистерию-буфф» в петроградской газете «Жизнь искусства» 11 ноября 1918 г. Маяковский требовал

от А.В. Луначарского привлечь критика к общественному суду «за грязную клевету и оскорбление революции». Не исключена и реакция Маяковского на антифутуристические выступления в московской печати в феврале – марте 1919 г. в связи с украшениями ко дню Красной Армии – «Издавательство над революцией», «О художественных недоносках» и др. (см.: Крусанов А. Русский авангард: В 4 т. М., 2003. Т. 2, кн. 1. С. 80 – 83).

ВЛАДИМИР ИЛЬЧИ

(С. 137)

Красная газета. Пг., 1920. 5 нояб.; *13 лет работы*; *Стихи о революции*, 1-е изд.; Молодой рабочий. Баку, 1924. 24 янв.; Соч. 2.

Черновые наброски (2-я и 4-я строфы). Зап. книжка № 4 (ГММ).

Беловой автограф – Зап. книжка № 4 (ГММ), следует непосредственно за черновыми заготовками.

Печатается по Соч. 2.

Датируется не позднее 28 апреля 1920 г.

Написано в апреле 1920 г. в связи с пятидесятилетием В.И. Ленина. Ранее, в дни работы IX съезда РКП(б) с 29 марта по 5 апреля 1920 г., некоторые идеи стихотворения были отражены в тексте «Окна РОСТА» – «9-й партийный съезд. Как правят партии, когда они у власти»:

7. Беспартийный рабочий – рабочий без головы.

8. Куда хотят ведут его буржуи.

9. Партия дает рабочему голову.

Прочитано на Коммунистическом вечере в Доме печати 28 апреля 1920 г. Открывая вечер, В. Брюсов сказал: «Предугадать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же, – это доступно лишь человеку колоссальной мудрости. И это в Ленине поражает меня более всего. Мы знаем, что всякая героизация противоречит миросозерцанию Ленина; все мы учили, что земля движется по орбите, но это не мешает нам, однако, восхищаться восходом солнца, так же будут изучать и восхищаться образом товарища Ленина» (цит. по: Живой Ленин: Воспоминания писателей о Ленине. М., 1965. С. 238). В. Казин вспоминал, что, прослушав стихотворение Маяковского, не смог читать свои стихи «О, буревестник мировой, бушующий миллионными руками!»: «Несмотря на искренность чувства буквально испугался их велеречивого пафоса...» (Там же. С. 211).

При подготовке книги *13 лет работы* весной – летом 1922 г. Маяковский включил стихотворение в первый том. В «Красную газету» было передано автором в первых числах октября 1922 г. по пути в Берлин. Прибыв из Петрограда в Ревель, Маяковский дал интервью корреспонденту рижской газеты «Сегодня», в котором говорилось: «...Вл. Маяковский готовит новую книгу о любви. Им написано также стихотворение, посвященное В.И. Ленину» (Сегодня. 1922. № 4/5, 10 – 15 окт., прилож.).

ОТНОШЕНИЕ К БАРЫШНЕ

(С. 139)

Лирень: Сб. М., 1920; *13 лет работы*; Соч. 2.

Записано автором на фонографе в декабре 1920 г.

Черновой автограф (стк. 1 – 15, без загл.) – Зап. книжка № 5 (ГММ).

Печатается по Соч. 2.

Датируется не позднее июля 1920 г. по месту среди записей, следующих за текстом «Необычайное приключение...» (см.: *Арутчева В.А. Записные книжки Маяковского // ЛН. Т. 65: Новое о Маяковском. М., 1958. С. 325 – 396*).

Л.Ю. Брик вспоминала: «Лирические стихи, написанные этим “ростинским” летом в Пушкине, Маяковский сочинял, гуляя по вечерам вдоль лесной опушки и где-то на дачных улицах.

Недалеко от домика Румянцевой в настоящей большой даче жили две сестры-дачницы. Обе хорошенькие. И на той же, кажется, улице – красивая рыженькая девушка. О младшей из сестер и о рыженькой написаны “Отношение к барышне” и “Гейнеобразное”. Маяковский собирался написать цикл таких стихов, но пора было уезжать» (*Брик Л. Пристрастные рассказы. Н. Новгород, 2003. С. 56*).

ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ

(С. 140)

Лирень. М., 1920; *13 лет работы*; Соч. 2.

Черновой автограф (стк. 1 – 13, без загл.) – Зап. книжка № 5 (ГММ).

Печатается по Соч. 2.

Датируется концом июля – августом 1920 г., что устанавливается по месту среди записей, следующих за опубликованным 26 июля стихотворением «III Интернационал».

В черновом автографе первая строфа записана без помарок («проработана во внутренней речи поэта», по наблюдению В. Тренина). Заключительная строфа вписана с пропусками букв, наспех. При подготовке к печати Маяковский внес ряд изменений, усиливших бытовой, шуточный характер сценки: введено обращение на «ты» со стороны героини, повтор конструкции «ты самый...», неологизм «гремения» заменен разговорным – «громыханья», «наверное» – на «ей-богу».

Вероятно, с усилением иронической интонации связано заглавие «Гейнеобразное».

Немецкий поэт Генрих Гейне был очень любим Маяковским в гимназические годы. Позже, зимой 1920 г., по воспоминаниям Риты Райт, она обучала Маяковского немецкому языку по томику Гейне: «Занимались мы довольно усердно, и Маяковский, уезжая в 1922 году, собирался раз-

говаривать вовсю с немецкими барышнями» (*Восп. 1963. С. 254*). На даче в Пушкино Маяковский произносил:

Ich bin ein russischer Dichter,
Bekannt im russischen Land.

(«Я русский поэт, известный в России...» Парафраз стих. Гейне «Когда выхожу я утром...» из цикла «Опять на родине»).

Традиции Гейне стали актуальны после революции. Так, в апреле 1918 г. постановлением ВЦИК об увековечивании великих людей предлагалось «внести в список писателей и поэтов наиболее великих иностранных, например Гейне». А.А. Блок в докладе о Гейне в России, прочитанном в «Привале комедиантов» 17 июня 1919 г., доказывал необходимость новых переводов его произведений. Над ними в 1920-х годах работали, в частности, Ю. Тынянов и В. Нейштадт, с которыми Маяковский был близко знаком. Некоторые переводы из Гейне могли быть источниками интонационной и образной структуры «Гейнеобразного» и «Отношения к барышне», например из цикла «Серафина» (1833):

Девнца, стоя у моря,
Вздыхала сто раз подряд, —
Такое внушал ей горе
Солнечный закат.
Девнца, будьте спокойней,
Не стоит об этом вздыхать.
Вот здесь оно спереди тонет
И всходит сзади опять.

Мотив восхода и захода солнца сближает «гейнеобразные» стихи с «Необычайным приключением...».

«ПОРТСИГАР В ТРАВУ УШЕЛ НА ТРЕТЬ...»

(С. 141)

Лит. газета. 1933. 11 апр., под загл. «Портсигар» (публ. О.М. Брика).
Черновой автограф (стк. 1 — 20, без загл.) — Зап. книжка № 5 (ГММ).
Печатается по автографу.
Датируется по месту в записной книжке июлем — августом 1920 г.

В. Тренин предполагал, что Маяковский, начав писать стихотворение с середины, оставил эту запись без вступительной строфы («В ма-стерской стиха Маяковского»). Но, возможно, Маяковский зачеркнул первые три слова («Поляна / сел / Закурил») потому, что, дописав стихотворение до конца, решил отказаться от вводной строфы и начать с неожиданной и ключевой для его замысла фразы: «Портсигар в траву ушел на треть...»

ГОРЕ

(С. 142)

Навстречу: Издание Всероссийского комитета помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам. М., 1923. 9—16 апр.

Черновой набросок (стк. 3—4, рифма к стк. 5—6, без загл.) — Зап. книжка № 5 (ГММ).

Печатается по сб. «Навстречу».

Датируется по месту среди записей текстов, относящихся к лету 1920 г., — «Необычайное приключение...», «Гейнеобразное» и др.

В записной книжке зафиксирован ключевой образ стихотворения: «Капли чернеющей крови / Стынут пригорками кровель».

Можно предположить, что на следующей странице был записан текст набело (соответствующие листы вырваны).

Возможно, стихотворение возникло из строк, не вошедших в текст поэмы «150 000 000», работа над которой проходила в той же записной книжке. См., например, между стк. 1634—1635, в развитие темы ночной тьмы:

День за днем спускались дни,
и снова густела тьма ночная.
Тщетно отчаянный ветер
бился нечеловече.
Капли чернеющей крови
стынут крышами кровель.
И овдовевшая в ночи
вышла луна одиночить.
Прежде чем выстроиться сумев,
Они
грянули:

— Начинаем!

Повторно: сб. «Маяковскому». М., 1940 (публ. О.М. Брика).

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

(С. 143)

Лирень. М., 1920, тот же текст: *13 лет работы; Соч. 2; Для голоса;* с изменениями: Красная нива. 1923. № 1, 7 янв.; Солнце. М., 1923; Солнце в гостях у Маяковского. Нью-Йорк, 1925 (см. «Другие редакции»); *ИзИз; Школьный Маяковский.*

Печатается по *Соч. 2.*

Датируется июлем 1920 г. (не позднее 27 июля, когда было опубликовано стихотворение «III Интернационал», непосредственно следовавшее в записной книжке за черновиком «Необычайного приключения...»).

Черновой автограф (Зап. книжка № 5. ГММ). Датируется июлем (не позднее 26 июля) 1920 г. Без загл., без подзагол. Стк. 1 – 125, 129 – 130 и четверостишие, не вошедшее в окончательный текст.

Беловой автограф с вариантами (осень 1920. ГММ. Р-5295). С загл., подзаголовком и подписью. Стк. 1 – 59 рукой Маяковского. Стк. 60 – 132 диктовались автором по памяти и записаны рукой Л.Ю. Брик. Над заглавием дарственная надпись Маяковского: «Милой Галине Константиновне» (Флаксерман).

Фонографическая запись авторского чтения (4 – 11 декабря 1920). Без загл. Стк. 1 – 132 с вариантами.

Машинопись с авторской правкой (не позднее начала марта 1921). С загл., подзаголовком, подписью и посвящением «Лиле» (Л.Ю. Брик). Стк. 1 – 132 с вариантами. Другой экземпляр без правки с дарственной надписью А.В. Февральскому от 9 марта 1921 г.

Фотокопия автографа, выполненного на двери мастерской художника Р. Делоне в Париже 24 ноября 1922 г. Без загл. Стк. 1, 126 – 132 с подписью и надписью внизу двери: «А также и Делоне» (ГММ. № 9266).

Машинопись с авторской правкой, из неизданного сб. «256 страниц Маяковского» (не позднее мая 1923. ИМЛИ. Ф. 18. Оп. 1. № 13). С загл., подзаголовком. Стк. 1 – 132 с вариантами.

На основе чернового автографа был подготовлен текст для сб. «Лирень». Затем работа над стихотворением продолжалась, исходя из того же автографа, но практически без учета правки для сб. «Лирень». В результате сложился иной вариант текста, который нашел отражение в беловом автографе, фонограмме и машинописи (1921).

Публикация из сб. «Лирень» была повторена в сб. *13 лет работы и Соч. 2*, все другие издания основывались на втором варианте текста. Их характеризует достаточно устойчивый общий круг вариантов: стк. 16, 26, 47, 52, 93, 102, 106, 117.

В связи с особенностями создания и дальнейшего бытования стихотворения его название постоянно изменялось так, что не оказалось двух полностью совпадающих. Наряду с варьированием первоначального заглавия Маяковский использовал и другое – «Солнце», перекликающееся с заглавием его раннего стихотворения «Разговариваю с солнцем у Сухарево́й башни». Оно впервые возникает в оглавлении сб. *Для голоса*, затем в «Красной ниве» становится основным заглавием стихотворения, а в отдельном издании (1923) выносится на обложку с подзаголовком «поэма». Вместе с тем в этих случаях (кроме публикации в «Красной ниве») сохранялось и первое название текста.

В некоторых изданиях пропущены строки: *Для голоса* – 82–100, «Солнце» 64–70, *Школьный Маяковский* – 89–100. Скорее всего эти пропуски не были связаны с переработкой текста и были восстановлены в последующих публикациях. Например, строки

Слеза из глаз у самого –
жара с ума сводила,
но я ему –

на самовар:
«Ну что ж, —
садись, светило!»,

пропущенные в отдельном издании, сохранялись во всех других и присутствовали в авторском чтении с эстрады, о чем свидетельствует Маяковский в статье «Расширение словесной базы»: «В.И. (Качалов) читает:

Но я ему —
на самовар!
Дескать, бери самовар (из моего "Солнца").
А я читаю: Но я ему...
(на самовар)
(указывая на самовар)».

Постоянное интонационное варьирование при исполнении стихотворения отразилось в многообразии пунктуационных вариантов текста.

Однако все указанные изменения не привели к образованию нескольких редакций стихотворения. Более того, версия, восходящая к сб. «Лирень», и версия, восходящая к «Красной ниве» и «Для голоса», воспринимались Маяковским как равноправные и поэтому могли заменять друг друга. Вследствие этого Н.И. Харджиев при подготовке Полного собрания сочинений поэта в качестве основного выбрал текст из сб. «Лирень» (М., 1936. Т. 2). «Не подлежит никакому сомнению, — писал он, — что редакция "Лирня" является более поздней и совершенной, чем все другие опубликованные при жизни Маяковского тексты, в которых он отчасти возвращался к первоначальным черновым вариантам...» Позднее он изменил свою точку зрения: «...как мне удалось установить, первопечатный текст "Необычайного приключения...", вошедший в прижизненный десяти томник, окончательной редакцией не является. Стихотворение подвергалось стилистической обработке и до и после выхода сборника "Лирень"» (Из материалов о Маяковском // Russian Literature. Amsterdam, 1990. Vol. 27. P. 429). В качестве текста, наиболее полно отразившего творческую волю, Харджиев предложил текст сб. «Солнце».

Исходя из равноправия существующих версий, основным источником текста выбирается опубликованный в прижизненном собрании сочинений как итоговом издании для поэта.

Написано в Пушкино, в то время дачном поселке под Москвой, где Маяковский снимал жилье летом 1919 — 1922, 1924, 1927 гг. Об этих местах он писал в стихотворении «Мы отдыхаем», «Дачный случай», поэме «Пятый Интернационал».

Обращение к солнцу присутствует в поэзии Маяковского изначально как важнейший мотив (ср. «Разговариваю с солнцем у Сухаревой башни» — первоначальное название стихотворения «Из улицы в улицу» (1913); «Солнце! Отец мой...» — из первой книги «Я!» (1913)). В альбоме С.С.Прокофьева «Что вы думаете о солнце?» Маяковский вписал 22 марта 1918 г. строки из поэмы «Облако в штанах»: «Я знаю, солнце померкло б, увидев наших душ золотые россыпи».

В стихотворении отразились черты традиционного для поэзии солярного мифа, элементы народно-поэтического творчества и отголоски футуристического бунта. С одной стороны, строки «Светить всегда!..» сближаются с «Вакхической песней» Пушкина: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Однако Н.Оцуп выражал сомнение в правомочности этого, считая более прочной «связь с "Будем как солнце" Бальмонта, религией по ту сторону добра и зла... Печально и пусто в мире, где солнцу позволено светить в пределах такой-то доктрины» (Оцуп Н.А. Миф Владимира Маяковского // Лит. обозрение. 1992. № 3/4. С. 43).

С другой стороны, ключевой образ «само, расставив луч-шаги, шагает солнце в поле» восходит, в частности, к лубку Василия Кореня (XVIII в.), воспроизведенному в атласе А. Ровинского «Русские народные картинки» (СПб., 1881. Т. 3) и хорошо известному Маяковскому.

Кроме того, существенно отражение футуристического вызова солнечному витализму модерна. Так, в листовке «Союза молодежи» (1913) О.В. Розанова писала: «Солнце Искусства светит слишком ярко, чтобы мы могли преступно спать. Вот наш девиз: "В непрерывном обновлении Будущее Искусства!"» Возможна полемика с пьесой А.Е. Крученых «Победа над солнцем» (1913), герои которой («несущие солнце») вырвали его «со свежими корнями»: «Солнце железного века умерло!»

В качестве автопародии рассматривается рекламный текст «Дайте солнце ночью...» (1923).

Стихотворение принадлежит к числу наиболее часто исполнявшихся автором с момента создания и до последних выступлений. Одно из первых чтений состоялось в сентябре 1920 г. во Вхутемасе, «на осеннем балу голодных лет. В монументальной мастерской Кузнецова, на стенах которой были написаны гигантские красноармейцы и рабочие, покрашенные в красный цвет, появился Маяковский. Он встал на ярко-освещенное возвышение для натурщиков и прочитал в первый раз только что написанное "Солнце". Успех был ошеломляющим. Мастерская гремела от оваций и у всех было приподнятое, возвышенное настроение, у всех полная уверенность в необходимости, огромном значении искусства» (Роскин В.О. Наша молодость. ГММ). Во время первой поездки в Германию Маяковский прочитал «нашумевшее "Солнце"» в ателье художника И. Пуни. По воспоминаниям А. Бахраха, «несмотря на камерность обстановки, Маяковский читал эстрадно и вызывающе. Словно всей своей монументальной фигурой и громом своего голоса он еще стремился подчеркнуть необычность своей "баллады". Маяковский кончил чтение, как и следовало ожидать, на лаврах. Очередь была за Оцупом (...) после литавр Маяковского негромко, почти безлично (...) он скандировал стихи из своего "Града":

Нам, уцелевшим от пожара
В самой неслыханной стране,
Какое нам дело. Вдыхай, гитара,
Почитаем стихи, зайдем ко мне...

Тогда мне казалось, что столкнулись два мира; теперь я думаю, что встретились только два аспекта одного и того же мира... А между тем, мне

кажется несомненным, что даже тогда большинству слушателей не вполне внятные и прочитанные под сурдинку стихи Оцупа были ближе крикливой, хотя и очень талантливой плакатности Маяковского» (*Бахрах А. О Николае Оцупе // Мосты. Мюнхен, 1962. № 9. С. 205*).

В Париже после встречи с артистами Художественного театра 13 декабря 1922 г. В.Н. Муромцева записала в дневнике: «За ужином я сидела с Милюковым, который был любезен... Речей не было, по уговору, но вдруг, уже почти в конце ужина поднимается изящная фигура Качалова, томно становится у колонны и начинает читать "Солнце" Маяковского. Милюков говорит: "Я думал, что Маяковский совсем не умеет писать, а теперь вижу, что он поэт". Когда Качалов кончил под аплодисменты ошалевших эмигрантов и стало тихо, Ян громко сказал: "Поедем, а то, пожалуй, еще будут читать и ленинские речи..."» (Устами Буниных. Франкфурт-на-Майне, 1981. Т. 2. С. 104). Стихотворение воспринималось как программное, и Маяковский усиливал этот аспект не только декламацией. Фрагмент стихотворения он изобразил на двери мастерской французского художника Р. Делоне как эмблему своего творчества. Дважды он выпускал отдельные издания этого произведения.

Н.С. Гончарова вспоминала о своем выступлении на обеде в честь Маяковского в Париже в 1922 г.: «Голос его, — голос многогласных труб; как и его поэзия говорящий о многогласности жизни: — Солнце вваливается сквозь щели деревянного забора и говорит с человеком на человеческом языке... Возникает образ необычайного равновесия и мощи — какое-то Ассирийское видение, сказанное простыми человеческими словами, иногда словами газетных статей с изумительной логикой и ясностью подбора. И хочется снова восстановить в памяти кованные, литые стихи Маяковского, если и сродственные с чьим-то подходом, хотя и на другие темы — то сходственные с писаниями Протопопа Аввакума, Пушкина, Ломоносова в "Оде к Богу". Это чудеса простоты, ясности, ритма, слога, слова и мысли» (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 1254).

По наблюдению А.В. Февральского, манера исполнения у Маяковского с годами менялась: «Заключительные строки — "Вот лозунг мой — и солнца!" в первые годы Маяковский произносил с эдакой бравадой: "мой" — значительно, а "и солнца" — почти пренебрежительно, махнув рукой. Но в дальнейшем он обычно читал эти строки иначе: в словах "и солнца!" слышался подъем, и рука взлетала вверх, — стихотворение более серьезное, утверждающее интонационное завершение, которое вполне отвечало высокой идее "лозунга": "Светить всегда, светить везде!"» (*Февральский А.В. Встречи с Маяковским. М., 1971. С. 35*).

Наиболее интересные иллюстрации к стихотворению принадлежат современникам Маяковского: М. Ларионову, Д. Бурлюку, Д. Штеренбергу, Н. Денисовскому. Самое значительное музыкальное произведение — «Патетическая оратория» Г.В. Свиридова, завершающаяся «Разговором с солнцем».

В сто сорок солнц закат пылал... — Ср. в той же записной книжке строки, вошедшие в поэму «150 000 000»: «14 000 улиц / Солнц площадей лучи».

Акулова гора — возвышенность (не сохранилась).

...что-де заела Роста... — С октября 1919 г. Маяковский работал в Российском телеграфном агентстве (РОСТА) над рисунками и текстами агитплакатов. Рифма «Роста / просто» появилась в экспромте: «Пусть радиоероглифами Роста / футуристический расклеило Талмуд / На пастбищах стихов волом паситесь просто / Уверенного мухи слухов не доймут» (май 1919).

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(С. 147)

«Вечерняя стенная газета РОСТА». 1920. 26 июля (с подзаг. «Марш-гимн»); *13 лет работы; Для голоса; Стихи о революции; Соч. 2.*

Черновой автограф (стк. 1–7, 12–19, 24–32, 40–60 и четверостишие после стк. 19, не вошедшее в окончательный текст; без загл.) — Зап. книжка № 15 (ГММ).

Печатается по сб. «Стихи о революции», 2-е изд. Выбор этого источника объясняется тем, что в нем воспроизведено последнее обращение поэта к стихотворению, тогда как в *Соч. 2* вошел более ранний текст.

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с проходившим 19 июля — 17 августа 1920 г. II Конгрессом Коммунистического Интернационала. После открытия в Петрограде конгресс продолжил работу в Москве. К этому событию были приурочены праздничные демонстрации трудящихся 27 июля, накануне которых опубликовано стихотворение.

По воспоминаниям Риты Райт, стихотворение переведено ею на немецкий язык для делегатов конгресса: «К сожалению, я не знала, что он по-немецки женского рода, "Die dritte Internationale", и зарифмовала его в мужском, над чем мы долго смеялись...» (*Восп. 1963. С. 242*).

Тема Третьего Интернационала обсуждалась на страницах «Искусства коммуны». После публикации статьи Н.Пунина «Третий Интернационал» (*ИК. № 15*) В.Шкловский писал: «А мы, футуристы, связываем, свое творчество с Третьим Интернационалом. (...) И неужели просто не режет глаз тот шуршащий хвост из газетной передовицы, который сейчас приделывают» («Об искусстве и революции» — *ИК. № 17*). В том же номере Н.Пунин под рубрикой «Коммунизм и футуризм» возражал критику: «Третий Интернационал — такая же футуристическая форма. (...) Я спрашиваю, какая разница между Третьим Интернационалом и рельефом Татлина или "Трубой марсиан" Хлебникова? Для меня никакой».

Маяковский читал это стихотворение на интернациональном митинге «Революция и литература» 8 марта 1923 г. в Политехническом музее.

Перепечатано: Рабочий край. Иваново, 1920. 30 июля; Орловская правда. 1923. 7 нояб.; Смена. Л., 1929. 3 марта.

ВСЕМ ТИТАМ И ВЛАСАМ РСФСР

(С. 149)

Вестник театра. М., 1920. 22 окт., под загл. «Всем Титам и Власам»; сб. «Театральная пропагандация». М.: ГИЗ, 1920. Вып. 1; отдельное издание — Краснодар, 1921.

Беловой автограф 1 — стк. 1 — 12, 25 — 72 с правкой, стк. 13 — 24 рукой П.А. Кузько, загл. (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 64. Л. 1 — 6). Текст, по свидетельству П.А. Кузько, переписан им со второй страницы подлинника. На последнем листе под текстом помета неустановленного лица: «Роста».

Беловой автограф 2 — Зап. книжка № 20 (1923. ГММ). Один из листов вырван, от пяти строф сохранились только слова, записанные на странице справа. В строках, текст которых совпадает с текстом первой редакции стихотворения (1920), в угловых скобках восстановлены недостающие слова (см. «Другие редакции»).

Печатается по тексту сб. «Театральная пропагандация».

Датируется августом 1920 г.

Написано в связи с развертыванием продовольственной агиткампании по поводу изъятия хлебных излишков ввиду неурожая в центральных губерниях и Поволжье. 26 августа Маяковский участвовал в заседании коллегии Политпросветсектора Наркомпроса в качестве представителя РОСТА. Он внес предложение использовать для агитации возможности театрального представления и прочитал стихотворение «Всем Титам...», предназначенное для этой цели.

В протоколе заседания отмечалось, что Маяковский предлагал «устроить передвижной театр с одним актером и передвижными плакатами-декорациями, которые должны быть заготовлены на полотнах, чтобы дать возможность одному актеру произвести 40 — 50 действий» (*Хроника 1985*. С. 181). Это была новая попытка реализации идеи «Летучего театра» (1919).

В постановлении говорилось о том, что Театральный отдел (ТЕО) должен обратить внимание на предложение Маяковского о новой форме театральных постановок и использовать материал, имеющийся у него. Заведующий ТЕО Наркомпроса В.Э. Мейерхольд издал приказ об организации на местах летучек для проведения агиткампании, в которой вместе с профессиональными театрами участвовали крестьянские любительские кружки.

Публикация стихотворения сопровождалась режиссерскими указаниями к его исполнению в «пропагиттеатрах».

Весной 1923 г. Маяковский возвратился к стихотворению и создал вторую редакцию, агитпоэму, заключительная часть которой под названием «Смыкай ряды!» была опубликована в 1923 г. (см. с. 283 наст. тома).

Б. Арватов подчеркивал: «Когда Маяковский пишет агитстихи, — революционность его не в том, что он берет политические темы (Брюсов их тоже берет), а в том, что самые его стихи, способ его работы над словом глубоко утилитарен. Маяковский деэстетизирует поэзию, строит формы на материале практического, разговорного языка, пишет лозунгами,

синтаксис и образы организует с точным расчетом на определенное воздействие и этим перебрасывает мост от искусства к жизни. Маяковский утилитарен и социален, как поэт» (Дискуссия: Серапионовцы и утилитарность // Известия. 1922. 6 нояб.).

Ф.В. Иванов, выступая против тех, кто делает из литературы партийную листовку, отмечал: «И вот Маяковский, забыв свой стиль, пускается в писание лубка: О Тите и Власе РСФСР (...) И не примечательно ли, что Маяковского забивают в этом своего рода искусстве безвестные Басовы, Верховьянцы (Басов-Верхоянский) и иже с ними...» Собственно стихотворение он рассматривал лишь как «интересный документ будущего историко-литературного архива» (Иванов Ф. Красный Парнас. Берлин, 1922. С. 95).

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(С. 152)

БОВ. 1921. № 1, апр.; Грозный смех. М., 1931.

Автограф неизвестен.

Печатается по сб. «Грозный смех».

Датируется ноябрем – декабрем 1920 г.

Посвящено победе Красной Армии над частями Врангеля в Крыму. 11 ноября были взяты укрепления Перекопского перешейка, 14–15 ноября Симферополь и Севастополь. В передовой статье газеты «Правда» «Текущий момент и задачи партии» говорилось: «Полный разгром Врангеля и ряд поражений, нанесенных Петлюре, делают вероятным переход всей работы организующих сил республики на трудовой фронт. Однако отсюда вовсе не следует, что мы сразу придем к облегчению нашего положения (...) Наоборот, момент перелома, то есть момент перехода от войны к миру, сам по себе представляется моментом, требующим добавочных сил» (Правда. 1920. 19 нояб.).

Стихотворение тематически находится в одном ряду с текстами «Окон РОСТА» № 556 («Врангель добит»), № 571 («Сломали красноармейцы шею барону...»), № 577 («Врангель разбит») и др., относящимися к ноябрю 1920 г.

Впервые напечатано в сатирическом журнале «БОВ» («Боевой отряд весельчаков»), попытку создания которого предпринял Маяковский при участии В. Каменского, М. Черемных, Д. Моора и др. Вышел один номер.

«Вспоминаю его выступление на одном собрании в редакции "Правды" в связи с проектом издания нового сатирического журнала, выступление, направленное против "академической юмористики" и полное смертоносного яда. Долгое время, как всегда бывает в таких случаях, мы все бились над тем, как назвать журнал. Обсуждалось очень много названий, но ни одно не удовлетворяло собравшихся. Маяковский предложил подчеркнуто простые названия: "Махорка", "Мыло", "Мочалка" и "БОВ". Остановились на "БОВе"» (Нюрнберг А.М. Маяковский с художниками // Искусство. 1940. № 3).

О ДРЯНИ

(С. 153)

БОВ. М., 1921. № 1, апр.; *Маяковский издевается; 13 лет работы; Стихи о революции; Маяковский улыбается; Избранный Маяковский; Соч. 2; Школьный Маяковский.*

Автограф — запись для памяти перед выступлением — Зап. книжка № 19 (ГММ).

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано предположительно зимой 1921 г. вслед за стихотворением «Последняя страничка Гражданской войны», поскольку первые строки повторяют и развивают тему, его завершающую. Было напечатано без заглавия вместе с предыдущим в журн. «БОВ» с иллюстрацией М. Черемных.

Автограф начала — стк. 8, 9, 19 (Зап. книжка № 19. ГММ). Вероятно, запись для памяти (расположена рядом с аналогичной записью стихотворения «Мы не верим») перед выступлением 12 января 1924 г. в Пролетарском доме искусств Киева (Воспоминания Н.Ф. Рябовой. ГММ).

При подготовке текста для сб. «Маяковский издевается» дано заглавие, внесена авторская правка, которая устраняла несоответствие с реалиями 1923 г. («намозолив от пятилетнего сиденья зады» вместо «натерев от трехлетних заседаний зады» и опущены строки о пайках времени Гражданской войны).

Новое обращение Маяковского к сатирической поэзии было отмечено критикой. Федор Иванов писал: «И не в этом ли истинное призвание Маяковского? В этом отрицании — положительное: ненависть Маяковского к Мещанству мировому, мещанству а большой буквы. (...) В борьбе с одолевающим мещанством корни творчества Маяковского... И если он не ушел, то уйдет от искусственной вымученной поэзии имажинизма, поэзии разложения, к здоровому настоящему творчеству» (Иванов Ф. Красный Парнас. Берлин, 1922. С. 76). В ст. «Обмирщение» Н. Устрялов, говоря об оживлении буржуазной психологии в период НЭПа, приводил пример творческого проникновения в конфликт: «А поэт зенитных достижений революции, бунтом и хаосом вдохновленный Маяковский из последних сил обличает канарейку, виденную им в уютной квартирке некоего коммуниста, одного из многих... Увы, не так-то легко свернуть канарейке шею! Это не Деникин, не Колчак, даже не Антанта. Ибо канарейка — "внутри нас есть..."» (Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1925. С. 119).

На стихотворение «О дряни» опирался Г.Винокур в статье «О политической фразеологии», говоря о том, что «почти все элементы нашей фразеологии — это изношенные клише... "Обнаглевшие хищники мирового капитала" — на каждом углу, в каждой строке, в каждом клочке бумаги — это то же самое, что "без серпа и молота не покажешься в свете". Уж не начать ли нам борьбу с бюрократизмом и мещанством с обновления фразеологии?» (Леф. 1923. № 2. С. 118).

Аллюзии на стихотворение содержатся в поэтической сатире В. Набокова «О правителях» (1944), последние строки которой обращены к Маяковскому:

Покойный мой тезка,
писавший стихи и в полоску
и в клетку, на самом восходе
всесоюзно-мещанского класса,
кабы дожил до полдня,
нынче бы рифмы натягивал
на «монументален»,
на «переперчил»,
и так далее.

В комментариях для американских читателей В. Набоков пояснил: «...мелкокалиберный советский поэт, Владимир Владимирович Маяковский, не лишенный некоторого блеска и хватки, но роковым образом развращенный режимом, которому верно служил. (...) "Монументален" рифмуется довольно точно со "Сталин", и "переперчил" забавным образом перекликается с фамилией британского политического деятеля в неряшливом русском произношении» (*Набоков В. Стихи. Michigan: Ardis, 1978. С. 320*).

На стенке Маркс. — Ср. в буриме Маяковского (май 1919) в том же значении: «Совдепщики, замаринуйтесь с Марксом в доме...»

НЕРАЗБЕРИХА

(С. 155)

Агит-РОСТА. 1921. № 9, 16 авг., под загл. «Наш быт»; Дальневосточный телеграф. Чита, 1921. 25 сент.; *Маяковский издевается; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Маяковский улыбается; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

В письме Н. Асееву в Читу около 20 августа 1921 г. Маяковский сообщал: «... Хочу приехать в Читу (...) Шлю стишонок "Наш быт". Можно бы, пожалуй, и напечатать. Отпечатан только в Агитросте — распространение малое».

В «Агит-РОСТА» стихотворение имело название «Наш быт. № 1», из чего можно сделать заключение о намерении автора продолжить эту тему. Так, стихотворение «Прозаседавшиеся» первоначально имело то же общее заглавие «Наш быт» и подзаголовок «Прозаседавшимся».

Новое название — «Неразбериха» — стихотворение получило в сб. *Маяковский издевается* (май 1922).

ДВА НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫХ СЛУЧАЯ

(С. 157)

На помощь!: Однодневная газета (изд. «Известия ВЦИК» в пользу голодающих Поволжья). 1921. 29 авг.; *13 лет работы; Соч. 2.*

Автограф неизвестен

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

В письме Н. Асееву (ок. 20 авг. 1921) Маяковский говорил: «Сейчас только чувствую себя крайне удрученным, так как нужно во Всеросгазету сдать стихи о голоде».

Газета «На помощь» была выпущена в связи с началом массовой кампании по организации помощи голодающим. Воззвание ЦК РКП(б) о борьбе с голодом было опубликовано 21 июля 1921 г., после чего при Главполитпросвете, где работал Маяковский, была создана Агиткомиссия.

Перепечатано: Дальневосточный телеграф. Чита, 1921. 16 окт.

Полгода звезды селедкою пахли... — В дневнике З. Гиппиус весной 1919 г. отмечалось: «Тогда царила вобла — и кажется, я до смертного часа не забуду ее пронзительный, тошный запах, подымавший голову из каждой тарелки супа, из каждой котомки прохожего» (*Гиппиус З. Черная книжка // Под созвездием топора. М., 1991. С. 338*). См. также натюрморты К. Петрова-Водкина и Д. Штеренберга (1918 — 1920).

СТИХОТВОРЕНИЕ О МЯСНИЦКОЙ, О БАБЕ И О ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ

(С. 162)

Маяковский издевается; 13 лет работы; Стихи о революции; Маяковский улыбается; Избранный Маяковский; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано не ранее октября 1921 г., что устанавливается из упоминания о «чистке» в партии, начавшейся по решению ЦК РКП в октябре, и об электрификации во всероссийском масштабе, декрет СНК о которой был опубликован 21 декабря 1921 г.

Маяковский относил стихотворение к «сатирам» (см., например, афишу выступления в Сентрал-Опера-хауз в Нью-Йорке, 1925). Им открывался раздел «Быт» в Соч. 2.

Луначарский усматривал в нем «перемену внутреннего смысла футуризма»: «Несмотря на то, что я сильно поспорил с Влад. Маяковским, когда он, перегибая палку, начал доказывать мне, что самое великое призвание современного поэта — в хлестких стихах жаловаться на дурную

мостовую на Мясницкой улице, в душе я был им очень доволен. Я знаю, что Маяковского в луже на Мясницкой улице долго не удержишь, а это — почти юношеский (ведь Маяковский до гроба будет юношей) пыл и парадокс гораздо приятнее, чем та форма "наплеви́зма" на жизнь, которой является художественный формализм при какой угодно выпренности и жреческой гордыне» (*Хроника 1985*. С. 246).

Критическое отношение к этой «перемене» выразил Евг. Замятин в статье «Я боюсь» (1921): «...футуристам любезно показали на дверь те, чьими самозванными герольдами скакали футуристы. Футуризм сгинул. И по-прежнему среди плоско-жестяного футуристического моря один маяк — Маяковский. Потому что он — не из юрких: он пел революцию еще тогда, когда другие, сидя в Петербурге, обстреливали дальнобойными стихами Берлин. Но этот великолепный маяк пока светит старым запасом своего "Я" и "Простого как мычание". В "Героях и жертвах революции", в "Бубликах", в стихах о бабе у Врангеля — уже не прежний Маяковский, Эдисон, пионер, каждый шаг которого в дебрях: из дебрей он вышел на ископыченный большак, он занялся усовершенствованием казенных сюжетов и ритмов. Впрочем, что же: Эдисон тоже усовершенствовал изобретение Грэхэма Белла» (Дом искусств. Пг., 1921. № 1. С. 43—44).

Перепечатано: Два стихотворения. М.: Вхутемас, 1922.

«Чистка!» — во всероссийском масштабе. — В результате «чистки» из 650 тыс. членов РКП было исключено 24% и к весне 1922 г. в ней осталось менее 500 тыс. человек.

Правдив и свободен мой вещей язык... — Цитата из «Песни о вещем Олеге» Пушкина: «Правдив и свободен их вещей язык и с волей небесною дружен».

ПРИКАЗ № 2 АРМИИ ИСКУССТВ

(С. 164)

Вещь. Берлин, 1922. № 1—2, апр., без загл.; *Маяковский издевается; Для голоса; 13 лет работы; Маяковский улыбается; Избранный Маяковский; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано, вероятно, осенью 1921 г. В стихотворении отразились некоторые реалии того времени: название «Роста» существовало до конца года; вечер всех поэтических школ и групп состоялся 17 октября; выступление Маяковского по докладу В. Мейерхольда «О театре» — 30 октября; диспут о Большом театре 10 ноября.

История создания стихотворения связана с работой Маяковского над поэмой «Пятый Интернационал», проходившей, по словам поэта, в 1920—1922 гг. Об этом свидетельствуют текстуальные совпадения в прологе и черновиках поэмы («IV Интернационал») и «Приказе»: в стк. 10 —

«жили, жря и ржа», в стк. 69 — «Я даю стихам новую форму», «Я поэзии одну разрешаю Форму». Общим является упоминание в негативном контексте оперных арий: в стк. 6 — «...лезут млеть в Онегине, в Сильве, в Игоре». (См. также «Открытое письмо рабочим» (1918): «С удивлением смотрю я, как с подмостков взятых театров звучат "Аиды" и "Травиаты" ...») Кроме того, стихотворение первоначально опубликовано без заглавия, что, возможно, связано с вычленением текста из поэтических заготовок (заглавие появилось в мае 1922 г. в *Маяковский издевается*). В названии отразился процесс структурирования поэмы «Пятый Интернационал», новым прологом которой стал «Приказ № 3»: «Прочесть по всем эскадрильям футуристов, крепостям классиков, удушливогазным командам символистов, обозам реалистов и кухонным командам имажинистов».

Напечатано в первом номере журн. «Вещь» (Международное обозрение современного искусства), вышедшем в изд. «Скифы» на русском, немецком и французском языках под ред. И. Эренбурга и Л. Лисицкого при участии Ж. Сало (псевдоним И. Эренбурга), Ж. Липшица, Ф. Леже, Фр. Элленса, А. Жаннере, А. Кусикова и В. Маяковского.

Редакция сообщала: «Вещь — деловой орган, вестник техники, преискуррант новых вещей и чертежи еще не осуществленных». И.Эренбург привлек к участию Маяковского сразу же после выхода своего очерка о поэте (Портреты русских поэтов. Берлин, 1922) и включил его стихи в сб. «Поэты революционной Москвы» (Берлин, 1922). Он писал: «Маяковский пребывает в моем сознании бунтарем — немного святой Павел, разбивающий десяток-другой богов, немного задорный телеграфист, отправляющий по радио первое, обязательно первое, революционное воззвание Клемансо и Ллойд Джорджу, немного хороший, достаточно раздраженный бык в музее Севра. (...) После революции, когда безумие стало повседневностью, Маяковский разгримировался, оставил в покое "председателя земного шара" Хлебникова и показался в новом виде. Глаза толпы ослепили его рассудочность и страсть к логике. (...) Приемами декламации, даже внешним видом — чуть ли не каждое слово с новой строки — тщится Маяковский скрыть однозвучность своего ритма. Он пробует рассеять уже остроумными звукоподражаниями, акробатическими составными рифмами (ну, чем не Брюсов?) и прочими фокусами, но все же слышатся одни, конечно, перворазрядные барабаны» (*Эренбург И. Портреты современных поэтов. М., 1923. С. 53, 56*).

В рецензии на «Вещь» говорилось по поводу «Приказа»: «(...) самый революционный из поэтов послеоктябрьского духа, Маяковский, и предстает перед нами как живое, воплощенное *contradictio in adjecto* (противоречие в определении): этот заклятый спорщик и искатель нового смысла во всем мире и жизни требует, чтобы перестали

канителить, спорить,
смысл сокровенный ища.

Он в звучных стихах протестует против стихотворчества — «так говорит Заратустра», так говорит Маяковский, решивший «работать в Росте» (...)

Редакторы "Вещи", конечно, хорошо понимают, что его сотрудники в слесаря и механики от этого не уйдут...»

В заключение рецензент отметил с иронией, что Маяковский уподобился «Эпимениду Критянину, который объявил, что все критяне лгуны» (Лоренцо. Индустриализация духа искусства // Голос России. Берлин, 1922. 30 апр.).

К анализу соотношения «вещного» и «духовного» в творчестве Маяковского обращался И. Гроссман-Рощин в связи с выходом этюда Р.В. Иванова-Разумника «Маяковский» (Берлин: Скифы, 1922). Иванов-Разумник подчеркивал, что футуризм отразил необходимость новых форм искусства соответственно с величайшим развитием машин в XX в., и Маяковский «оседлан вещью». Гроссман-Рощин возражал: «У Маяковского нет ни абстрактного вещефильства, ни вещефобства: все зависит от того, какой общественный класс явился организатором вещного жира...» (Известия. 1922. 27 июля).

Продолжая полемику с «маньяками вещи», К.В. (К.В. Мочульский) в рецензии на кн. «Вещи этого года» писал: «Илья Эренбург порекомендовал писателям и художникам вместо "стишков" и "картинок" делать вещи, но забыл объяснить, как их делать. (...) Новые "вещи" Маяковского свалены в кучу и ждут своего антиквара. Они свою службу отслужили и больше ни на что не годны» (Звено. Париж, 1924. 10 марта).

Это вам — упитанные баритоны... — На диспуте о Большом театре 10 ноября 1921 г. Маяковский заявлял о необходимости «закрыть все театры как абсолютно чуждые современной революционной действительности» (Театральная Москва. 1921. № 7). То же — в прениях по докладу В. Мейерхольда «О театре» 30 октября, в котором говорилось: «Мы должны дать массе новый, революционный театр, а не кормить народ дрянными постановками "Пиковой дамы" и скверным "Теревсатом"!» (Хроника 1985. С. 218).

Это вам — пентры... — От «reintre» (фр.) — художник. В октябре 1921 г. была учреждена Российская академия художественных наук. Состоялась выставка обновленного общества художников «Мир искусств». Маяковский, сторонник производственного искусства, воспринимал это как реставрацию «старья».

...пролеткультцы, кладущие заплатки на вылинявший пушкинский фрак. — Спор об отношении к классическому наследию, отразившийся в полемике Пролеткульта и «Искусства коммуны», сохранял остроту ввиду публикации письма ЦК РКП(б) «О пролеткультах» в декабре 1920 г. Год спустя Л. Троцкий отмечал, что призыв футуристов «разделаться с Пушкиным, ликвидировать традицию» имеет смысл лишь по отношению к интеллигенции: «Рабочему классу не нужно и невозможно порывать с литературной традицией, ибо он вовсе не в тисках ее. Он не знает старой литературы, ему нужно только приобщиться к ней, ему нужно только овладеть еще Пушкиным, впить его в себя — и уже тем самым преодолеть его. Футуристический разрыв с прошлым есть в конце концов буря в замкнутом мире интеллигенции, которая выросла на Пушкине, Фете,

Тютчеве, Брюсове, Бальмонте и Блоке и которая не потому "пассеистична", что заражена суеверным преклонением пред формами прошлого, а потому что у нее нет ничего такого, что требовало бы новых форм» (Троцкий Л. Литература и революция. М., 1923. С. 94).

...огромным академическим пайком. — Заполняя в 1920 г. анкету для лиц, получающих академический паек, Маяковский написал: «Признан за поэта всеми, кроме ЛИТО...»

Мастер — звание, установленное при создании Гос. Свободных художественно-производственных мастерских (затем Вхутемас), заменявшее профессорское. Сообщая 2 сентября 1918 г. о выборе мастеров в бывшее Строгановское училище, «Известия» указывали на лекторов, в том числе Маяковского. Перед началом следующего учебного года уходивший на фронт художник Г. Щетинин писал: «И Андрей Белый, и Валерий Яковлевич, и Владимир Владимирович должны читать в разные часы, чтобы их могли услышать все желающие, а не какая-нибудь группировка (...) читать им всем не более двух часов в неделю (...) Вл.Вл. пусть прочтет ряд лекций — "Я" или "Владимир Маяковский ушедший и грядущий", — где должен познакомить со своей биографией и поэзией» (цит. по: Шатских А.С. «Прорубая окно в человеческое миропонимание...» // Панорама искусств — 8. М., 1985. С. 266).

Слушайте! Паровозы стонут... — Парафраз текстов «Окон РОСТА» ноября — декабря 1920 г., посвященных транспортным и топливным проблемам:

1. Слушай! Паровозы стонут.
2. Товарищ, внимателен будь!
3. Чтоб уголь пришел с Дону,
4. чините железный путь

(Окна сатиры РОСТА. № 610)

Представляется вероятным, что это «самоцитирование» иллюстрирует заявленную выше позицию поэта — работника РОСТА. Утилитарность приводимых строк контрастировала с эстетикой «чистого искусства». Ср.: на вечере «Всех поэтических школ и групп» 17 октября 1921 г. Маяковский заявлял о том, что «считает сегодняшний вечер пустой тратой времени, в то время как в стране разруха, фабрики стоят, и что лучше было бы создать еще один агитпункт, чем устраивать этот вечер» (цит. по: Руль. Берлин, 1921. 3 нояб.).

Н. Чужак указывал на расхождения между строками: «Кому это интересно, что — "Ах, вот бедненький!"» и поэмами «Люблю» (1922) и «Про это» (1923): «Золотые слова! Оказывается только, что написанные они не между "Люблю" и "Про это", а в бытность поэта еще в Роста, когда он не был так "общепризнан" и столь... парнасен. (...) Конкретно-производственные задачи дня диктуют и искусству совершенно конкретные задания» (Леф. 1923. № 2).

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

(С. 166)

Известия. 1922. 4 марта, под загл. «Прозаседавшимися» в рубрике «Наш быт»; *Маяковский издевается; 13 лет работы; Избранный Маяковский; Маяковский улыбается; Стихи о революции; ИзИЗ; Соч. 2; Школьный Маяковский.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

При написании стихотворения Маяковский опирался на личный опыт, связанный с бюрократическим произволом чиновников в процессе издания поэмы «150 000 000», второй редакции «Мистерии-буфф» и др. (см.: выступление Маяковского 30 янв. 1921 г. в Театре РСФСР Первом на диспуте «Надо ли ставить "Мистерию-буфф"»; его письмо о бюрократизме в Госиздате от 5 апр. 1921 г. в комиссию ЦК РКП(б) по делам печати; заявление Маяковского в юридический отдел МГСПС от 6 авг. 1921 г. по поводу отказа Госиздата уплатить ему гонорар за издание 2-й ред. «Мистерии-буфф», — дело о неоплате Госиздатом гонорара Маяковскому рассматривалось 25 авг. 1921 г. в дисциплинарном товарищеском суде — об этом в очерке Маяковского «Только не воспоминания» и фельетоне Л. Сосновского «Довольно маяковщины» (Правда. 1921. 8 сент.)). Автобиографические факты приобрели общественное звучание в связи с начавшейся в октябре 1921 г. «чисткой» в РКП, направленной прежде всего на снижение процентного состава интеллигенции, т.е. советских служащих, в партии по сравнению с рабочими и крестьянами. Тема бюрократизма широко обсуждалась в печати. В этом аспекте стихотворение Маяковского было упомянуто В.И. Лениным 6 марта 1922 г. в речи «О международном и внутреннем положении Советской республики» на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов: «Вчера я случайно прочитал в "Известиях" стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении от вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно» (Ленин. Т. 45. С. 13).

Л.Д. Троцкий считал, что «в сатирических вещах Маяковского (...) не хватает углубленного проникновения в суть вещей и отношений. (...) Салтыков хорошо знал бюрократию и дворянство! Приблизительная карикатура (а таков, увы, на 99 сотых является пока наша советская карикатура) похожа на пулю, которая на палец, а то и всего лишь на волосок пролетает мимо цели: почти что в точку, но все-таки мимо. Сатира Маяковского приблизительно: беглые наблюдения со стороны, иногда на палец, а иногда и на ладонь от цели» (Троцкий Л. Литература и революция. М., 1923. С. 101).

Как пример сатиры, в которой «комизм речи» заменен «комизмом случая», рассматривал «Прозаседавшихся» И.А. Груздев; указывая на пренебрежение «самовитым словом», он подчеркивал, что «самый популярный, если не самый талантливый, поэт футуризма Маяковский пошел от признаков производных. Центральным фактом для его поэзии было введение в поэтический оборот лапидарного жаргона улицы, что неизбежно сопровождалось комическим эффектом». Однако тяготение к сюжетности, по мнению критика, привело Маяковского к тому, что только «утилитарное действие» (уменьшение количества заседаний) «могло бы искупить (...) бездействие поэтическое» (Петроград: Лит. альманах. Пг.; М., 1923. Кн. 1. С. 187).

Тео — театральная часть Наркомпроса; в 1920—1921 гг. его возглавлял В.Э. Мейерхольд.

Гукон — Главное управление коннозаводства при Наркомземе. Нелепость подобного «объединения» в гротескной форме отразила «странный диссонанс», который увидел Луначарский между движением футуристов и послевоенной политикой. Объясняя освобождение зав. ТЕО Мейерхольда от должности и закрытие Театра РСФСР Первого в 1921 г., нарком писал: «Увлекающийся Вс. Эмильевич немедленно сел на боевого коня футуристического типа и повел сторонников "Октября в театре" на штурм "контрреволюционных твердынь академизма" (...) Мне пришлось признать крайнюю линию Мейерхольда неприемлемой с т. зр. государственно-административной» (см.: *Рудницкий К. Мейерхольд*. М., 1981. С. 259).

СПРОСИЛИ РАЗ МЕНЯ: «ВЫ ЛЮБИТЕ ЛИ НЭП?..»

(С. 168)

Известия. 1922. 12 марта; *Маяковский издевается; 13 лет работы; Стихи о революции; Маяковский улыбается; Соч. 2*.

Черновой автограф — стк. 4—45, 52—60, 66—76, 82—90, 95—102, без загл. — Зап. книжка № 17 (ГММ). Последовательность строф иная, чем в окончательной записи.

Печатается по *Соч. 2*.

Датируется не ранее января 1922 г. — по месту в записной книжке вслед за пометками Маяковского, датированными 29 ноября и 31 декабря.

Поводом к созданию стихотворения могла послужить развернутая в прессе подготовка к XI съезду РКП(б), который состоялся 27 марта — 2 апреля 1922 г.

Тема НЭПа возникла у Маяковского в марте 1921 г. непосредственно после того, как новая экономическая политика была провозглашена на X съезде РКП(б) и в постановлении ВЦИК о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом (опубл. в газ. «Известия»

17 марта 1921 г.; см. в тексте плаката Главполитпросвета (ГПП) № 101 — «Вместо разверстки — налог!»).

Последний плакат, посвященный НЭПу, «Опыт новой экономической политики показал, что мы на верном пути», вышел в январе 1922 г. Стихотворение сохраняет связь с песенно-сказовыми формами, характерными для «Окон РОСТА» и ГПП (тремякратный повтор рефрена «Да и то в Октябре пролетарская голь...», ориентированные на изобразительный ряд строки: «загнала осинового кола в кругосветное ихнее пузо», «из мухи делает слона и (...) продает слоновую кость»).

Спросили раз меня... — Название стихотворения — перефразированная эпиграмма Козьмы Пруткова:

«Вы любите ли сыр?» — спросили раз ханжу.
«Люблю, — он отвечал, — я вкус в нем нахожу».

Многие товарищи повесили нос. — Одним из объектов полемики Маяковского мог быть Демьян Бедный, который в феврале 1922 г. опубликовал в газ. «Правда» серию стихотворных фельетонов. В одном из них при виде наглости нэпманов «прослезился» памятник большевику. В другом («ЭП!») отразилась растерянность автора:

Кто говорит: передышка.
Кто говорит: карачун.
Кто говорит: старой жизни отрыжка.
Кто говорит: старой жизни канун.

Выступая на XI съезде РКП(б), В.И. Ленин упомянул о поэтах, которые писали, что «раньше было чисто, красиво, а теперь — торговля, спекуляция». Позиция Маяковского была положительно оценена Лениным (см. коммент. к стих. «Прозаседавшиеся»), и не случайно его критику принял на свой счет Д. Бедный: «А на съезде я проглотил дегтю ложку: я-де, нападая на нэп, сделал ошибку...»

...«*всерьез и нагло*»... — Слова из речи В.И. Ленина на X съезде РКП(б).

...*может новый Октябрь случиться.* — Ср. в поэме «IV Интернационал»: «встает из времен революция другая...»

Вечка — ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Эмчeka — МЧК — Московская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Лоренцо — Лоренцо Медичи (1449 — 1492), правитель Флоренции, прозванный Великолепным за любовь к роскоши и покровительство искусствам. Лоренцо Великолепным называли в те годы наркома просвещения А.В. Луначарского.

«*Гротеск*» — кафе, находившееся в Москве на Тверской улице.

«*Мерилиз*» — имеется в виду универсальный магазин фирмы «Мюр и Мерилиз» в центре Москвы. В советское время Центральный универсальный магазин (ЦУМ).

СВОЛОЧИ!

(С. 171)

Известия. 1922. 15 марта; *13 лет работы; Стихи о революции; Для голоса; Соч. 2.*

Черновой автограф — стк. 1 — 34, 36 — 44, 46 — 93, 101 — 197, двустилие, не вошедшее в окончательный текст, и заглавие — Зап. книжка № 17 (ГММ).

В газ. «Известия» первая строка (заголовок) стихотворения была заменена словом «Слушайте!» с примеч. от редакции: «В оригинале первая строка звучит несколько более резко».

Печатается по *Соч. 2.*

Датируется по первой публикации. Однако есть основания считать, что материалы к стихотворению Маяковский начал собирать в октябре — ноябре 1921 г. В черновом автографе стк. 75 — 78:

«[9] 11 ноября.

Банкет

Присутствие короля и королевы».

Перепечатано: Художественная мысль. Харьков, 1922. № 6, 25 марта — 1 апр.; Черная година / Изд. Саратовского Губкомпомгола. 1922. № 2.

О выступлении Ф. Нансена на заседании Лиги Наций (стк. 94 — 97) газ. «Правда» сообщила 25 октября 1921 г., опубликовав выдержки из его речи. Сведения о примерном количестве жертв голода и о том, что за рубежом «топят паровозы грузом кукурузы», были использованы Маяковским в тексте плаката ГПП № 392 (октябрь 1921):

«7. Вместо того, чтобы спасти 25 000 000 крестьян,

на Волгу направить хлебные грузы,

8. В Аргентине буржуи паровозы топят пудами кукурузы».

К этому времени Маяковский опубликовал около 30 текстов о голоде для плакатов ГПП, Губрабиса, газеты «Агит-РОСТА» (ГПП № 328 «Почему нет помощи от Румынии», ГПП № 349 «Стой, товарищ! Стонет революция, о помощи моля», ГПП № 364 «Вот что для голодающих прислали из-за границы государства, ассоциации и частные лица», ГПП № 385 «Сколько миллионов голодных? Десять!», ГПП № 423 «Вот по 11 ноября отчет...» и др.).

Анализ чернового автографа показывает, что на том этапе работы Маяковский написал заглавие и ряд строф-заготовок, порядок следования которых, а также дополнительные строфы, развивающие тему, были определены позже. Так, строфа «Это слово не к жирному пузу» перенесена из первого раздела («Помощи не будет») в заключительную часть стихотворения.

При подготовке сб. «Для голоса» Маяковский изменил экспрессивность стихотворения, сняв 28 восклицательных знаков, что, по-видимому, объяснялось снижением остроты ситуации.

Стихотворение было прочитано на литературном вечере в Доме искусств в Берлине 19 мая 1922 г. Мариной Цветаевой. В том же году она

перевела эти стихи на французский язык для журнала «Вещь» (№ 3). Цветаева увидела в них близость ее стихам 1918 г.:

Два миру у меня врага,
Два близнеца — неразрывно слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

Михаил Осоргин в рецензии на сб. Маяковского «Для голоса» писал: «И стоит, например, сравнить слащавые вздохи о голоде других поэтов — со строками Маяковского, чтобы понять бездну различия поэтических мироощущений... Он высокий мастер кованого, дерзкого, нового стиха, бьющего по хилым головам и раздражающего тех, кому удары адресованы. Лирики Маяковский чужд; он поэт не только "борьбы", но и кровавой драки, поэт вызова, наглого удара, не попадающего мимо» (Совр. записки. Париж, 1924. № 22. С. 456).

Помгол — Комиссия помощи голодающим, работавшая под руководством председателя ВЦИК М.И. Калинина в июле 1921 — сентябре 1922 г.

Под ногами даже глина сожрана... — Повторено в стих. «Когда голод грыз...» (стк. 9 — 10).

Фритиоф (Фритъоф) *Нансен* (1861 — 1930) — полярный исследователь, верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных, в 1921 г. организатор «Миссии Фритъофа Нансена» для помощи голодающим в Поволжье. Удостоен Нобелевской премии мира в 1922 г.

Жалоба сборщицы... — Речь идет о сборщиках пожертвований в пользу голодающих. Маяковский участвовал во многих благотворительных акциях, например, организовал аукцион в Доме печати 19 февраля 1922 г., когда было собрано около 40 000 000 рублей, в том числе 18 900 000 рублей за книгу «Все сочиненное» с автографом поэта.

«*Ампир*» — ресторан на углу Садовой и Невского в Петрограде.

Вам... — Ср. со стихотворением «Вам!» (1915).

ВЫЖДЕМ

(С. 176)

Беловой автограф — ГММ. Р-91.

Текст записан карандашом без исправлений и знаков препинания, в столбик. Красными чернилами внесено заглавие и дополнительная разбивка на строки (стк. 3 — 5). Стихотворение расположено на обороте листа с автографом плаката «Займем у бога», который являлся откликом на постановление ВЦИК от 16 февраля 1923 г. об изъятии церковных ценностей.

Впервые опубл. в сб. «Владимир Маяковский. 1», М.; Л., 1940. С. 309.

Печатается по автографу.

Датируется концом февраля — началом марта 1922 г.

Написано в период подготовки международной экономической и финансовой конференции в Генуе, которая состоялась 10 апреля —

19 мая 1922 г. Замысел стихотворения связан, вероятно, с сообщением о намерении руководителей Англии и Франции предварительно обсудить «русский вопрос» на специальном комитете экспертов (Известия. 1922. 25 февр.). Неопределенность намерений западных государств и их претензий в очередной раз требовала от советского правительства пересмотреть вопрос об участии и принципиальных условиях участия делегации РСФСР в Генуэзской конференции. С этим связан характер заглавия и концовки стихотворения, говорящие о выжидательной позиции советской стороны. Ситуация изменилась после опубликования 15 марта ноты Народного комиссариата иностранных дел правительствам Великобритании, Франции и Италии, в которой указывалось, что советское правительство «с чувством глубокого удовлетворения приняло созыв конференции в Генуе» и считает «безусловно возможным соглашение, имеющее целью плодотворное сотрудничество... на экономической основе». В новом контексте стихотворение утратило актуальность и, возможно, поэтому не было доработано (стк. 8, 11, 15) и напечатано.

...Антанта ~ Зовет коммунистов в Геную посовещаться. — Приглашение принять участие в Генуэзской конференции советскому правительству было передано итальянской стороной по поручению Верховного совета Антанты 7 февраля 1922 г.

РСФСР согласилась. — 6 февраля было объявлено о согласии РСФСР участвовать в конференции.

То Франция требует, чтоб на съезд собрались... — После падения в январе 1922 г. правительства Бриана новый кабинет во главе с Пуанкаре стал выдвигать дополнительные условия созыва конференции, в том числе проведения совещаний прибалтийских государств и стран Малой Антанты (Чехословакия, Югославия, Румыния) для выработки общей позиции и предварительного обсуждения («предварительный съезд») в экспертном комитете требований к советскому правительству.

МОЯ РЕЧЬ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(С. 177)

Известия. 1922. 12 апр.; *Маяковский издевается; 13 лет работы; Маяковский улыбается; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с открытием 10 апреля 1922 г. Генуэзской конференции, проходившей в Италии. Опубликовано под рубрикой «Наши счета» среди других материалов, раскрывавших ущерб, нанесенный России действиями Антанты в ходе интервенции.

В сб. *13 лет работы и Маяковский улыбается* печаталось без стк. 84—87, что, возможно, связано с идеологической цензурой по отношению к

упоминанию союза трех Интернационалов. Единственная попытка выработки общей позиции между Коммунистическим III Интернационалом и социал-демократическими (оппортунистическими, II и 2^{1/2}) Бернским и Венским Интернационалами предпринималась на конференции в Берлине 3—6 апреля 1922 г. (См. также комментарий к стих. «Баллада о доблестном Эмиле».) Однако изменившаяся политическая обстановка привела в 1923 г. к объединению Венского и Бернского Интернационалов в Социалистический и углублению его конфронтации с Коммунистическим Интернационалом. Таким образом, строки о «первом шаге трех Интернационалов» пришли в противоречие с действительностью и были опущены.

Не мне российская делегация вверена. — Российскую делегацию, получившую полномочия от правительства советских республик, возглавлял председатель СНК В.И. Ленин, о возможном приезде которого в Геную писали газеты, но фактически руководил ею народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин (1872—1936).

...осматривали ~ грядущую Мировую Федерацию Советов. — Ср. в поэме «Пятый Интернационал» (1922): «А я, в середине XXI века, на Земле, среди Федерации Коммун — гражданин ЗЕФЕКА».

«Матэн» — французская газета.

«Таймс» — английская газета (консерваторов).

Сити — район Лондона, в котором сосредоточены банки.

На каком — на железном, что ли, эксперте не встанут дыбом волосы? — Работа специального комитета экспертов по вопросам, выносимым на Генуэзскую конференцию, проходила 20—28 марта 1922 г. В ее резолюциях содержались требования к РСФСР: 1) признание всех долгов царского правительства, 2) признание всех обязательств царской России, 3) принятие на себя всех убытков по отношению к иностранным владельцам, 4) возвращение иностранным владельцам национализированных предприятий.

«Плати и по этим российским векселям!» — Обыгрывается одно из основных требований к советской стороне — оплатить долги царского правительства — и под векселем подразумевается ущерб.

МОЙ МАЙ

(С. 180)

Известия. 1922. 30 апр.; *Для голоса; 13 лет работы; Стихи о революции; ИзИз; Соч. 2.*

Авторгаф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Это первое стихотворение Маяковского, посвященное Дню международной солидарности трудящихся, хотя тема возникла в плакатах РОСТА в 1920 и 1921 гг. Заглавие восходит к названию доклада, с которым

Маяковский выступил на вечере 1 мая 1918 г. в кафе «Питтореск»: «...Я произнесу в честь друзей моих великолепную речь: "Мой май"» (*Хроника 1985*. С. 145). В стихотворении присутствует автобиографический мотив: «Помню старое 1-ое мая. Крался тайком за последние дома я ...». В отличие от «Окон РОСТА», в которых развивалась тема ударного труда в день 1 Мая, в стихотворении преобладает тема интернационального праздника солидарности с трудящимися Европы, проводившими демонстрации.

Перепечатано: *Синеблужный май*. М., 1923.

Я железо — этот май мой! — Маяковский полемизирует со статьей Иванова-Разумника «Земля и железо: Литературные отклики» (Русские ведомости. М., 1916. 6 апр.) и последующими работами, в которых критик противопоставлял писателей «Земли», в частности Н. Клюева, и писателей «Города», например М. Горького. Маяковский как поэт-футурист был, по мнению Иванова-Разумника, поработчен «Машиной», «Вещью», «Железом», и тогда Есенин выступал «поэтом Земли», представителем того течения русской поэзии, которое «ненавидит Машину, оно не верит, что только через Машину придет внешнее освобождение, но зато оно видит человека, видит все, кроме Машины, видит мистерию освобождения внутреннего. Не мистирию Машины, но мистирию Земли открывает оно всем, способным ее почувствовать» (*Искусство старое и новое*. Пг., 1921. С. 70). Маяковский стремился к сочетанию «машинного» и «человеческого». См. также стих. «Протестую!».

БЮРОКРАТИАДА

(С. 182)

Известия. 1922. 2 апр.; *Маяковский издевается; 13 лет работы; Стихи о революции; Маяковский улыбается; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 2* с исправлениями в стк. 24: «человечий» вместо «человеческий» по тексту всех предшествовавших изданий; в стк. 53: «машины» вместо «машин» по тексту всех предшествующих изданий, кроме «Известий» и «Стихов о революции»; в стк. 169: «попросить» вместо «просить» по тексту всех предшествующих изданий, кроме «Стихов о революции», 2-е изд.

Датируется последними числами марта 1922 г.

Стихотворение развивает тему «Прозаседавшихся», получивших одобрительный отзыв В.И. Ленина. Проблема бюрократизма была одной из главных в политическом отчете Ленина на XI съезде РКП(б), который проходил с 27 марта по 2 апреля 1922 г. Заключительная часть доклада перекликается со стк. 58 — 65 и 89 — 148: «...надо обратить внимание, чтобы комиссии Совнаркома, СТО были урезаны, чтобы они знали и разрешали свои собственные дела, а не разбрасывались на бесконечное число комиссий. На днях была произведена чистка комиссий. Насчитывалось 120 комиссий. А сколько оказались необходимыми? 16 комиссий». Ленин

привел выразительный пример волокиты, когда Наркомвнешторг купил консервы: «Началось с того, что 11 февраля по докладу тов. Каменева состоялось постановление Политбюро ЦК РКП о желательности закупки за границей предметов продовольствия. Конечно, без Политбюро ЦК РКП как же это русские граждане могут такой вопрос решить! Представьте себе: как это могли бы 4700 ответственных работников (это только по переписи) без Политбюро ЦК решить вопрос о закупке предметов продовольствия за границей? Это, конечно, представление сверхъестественное (...) Так работать нельзя. Тут не новая, не экономическая и не политика, а просто издевка» (*Ленин. ПСС.* Т. 45. С. 115, 100).

Отрывок «Сегодняшнее» был напечатан в газ. «Голос России» (Берлин, 1922. 19 апр.) под рубрикой «Советская бюрократия» как часть поэмы «Бюрократиада».

«*Осади без трудовой*». — Имеется в виду трудовая книжка, заменявшая паспорт в 1919—1924 гг.

...киски ~ переписки... — См. надпись Лиле Брик на кн. *13 лет работы*: «(...) эта кися не "переписка" / это только всего переПИСК» (*Янгфельдт 1991.* С. 104).

КАК РАБОТАЕТ РЕСПУБЛИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ?

(С. 187)

Известия. 1922. 23 мая; *Маяковский издевается; Маяковский улыбается*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Стихотворение написано в связи с поездкой Маяковского в Ригу 4—11 мая 1922 г. В Зап. книжке № 11 (ГММ) Маяковский сделал записи для памяти, частично использованные в стихотворении: «1813 жит(елей) пред(седатель) Чаксте Префект Квесис».

Это была первая поездка Маяковского за границу. Поводом для нее стала договоренность, полученная Л.Ю. Брик во время пребывания в Риге осенью 1921 — зимой 1922 г., об издании книг и выступлениях Маяковского в Латвии: «...тебе предлагает в марте месяце 5 выступлений: 2 — в Риге, 2 — в Ревеле, 1 — в Ковно. Казенный проезд и гостиница и 50 000 латвийских рублей — по 10 000 за выступление. С тем, конечно, чтобы ты сам хлопотал о визе. Я думаю, ты не откажешься прокатиться, а визу получить будет нетрудно — я тебе помогу» (письмо Л.Ю. Брик до 22 янв. 1922 г. — *Янгфельдт 1991.* С. 96). Маяковский ответил: «Возможности гастролей обрадовался очень. Поеду с удовольствием». Однако выполнить намеченную программу не удалось. Рижская полиция завела на Маяковского дело (№ 4773), запретила выступления и установила наблюдение за поэтом. Профессор М. Шац-Анин вспоминал, что филеры следовали за

Маяковским в рижский порт, в зоопарк, и когда, «запыхавшись, настигли его в зоопарке, он громко рассмеялся:

— А ведь свидание было ... с косолапым Мишкой...» (Советская молодежь. Рига, 1950. 14 апр.).

...и Латвия — страна. — Латвийская республика возникла в январе 1920 г. в результате свержения провозглашенной 13 января 1919 г. советской власти. Конституция принята в 1922 г.

Учредилка — Учредительное собрание.

Чаксте Ян (1859 — 1927) — президент Латвийской республики в 1922 — 1927 гг.

Для споров несколько эсдечков приручено. — Речь идет о членах Латвийской социал-демократической партии.

Дерман Вилис (1875 — 1938) — депутат Учредительного собрания Латвии, социал-демократ, член коммунистической партии с 1902 г. Учредительное собрание проголосовало за выдачу его властям и на выходе из здания Дерман был арестован. Эмигрировал в СССР. Был репрессирован.

«Напечатал "Люблю"»... — Поэма Маяковского «Люблю» была напечатана издательством «Арбайтергейм» тиражом 10 000 экз., часть тиража была конфискована и уничтожена полицией. В газ. «Рижский курьер» (27 мая 1922) в заметке «Гнев Маяковского на Латвию» сообщалось: «Недавно в Риге изволил пребывать его футуристическое величество Маяковский (...) Здесь хотел он ознакомить Латвию со своей футуристической эротикой и напечатал книгу "Любовь Диониса", которую власти, стоявшие на страже общественной нравственности, конфисковали». В ходе судебного разбирательства действия властей были признаны неправомочными и сделано повторное издание поэмы с отметкой: «Первое издание конфисковано».

...полиция в буршей была переряжена. — Речь идет о возможных провокациях полиции, агенты которой переодевались студентами (от нем. *Bursche* — парень, студент).

Лекцию не утаишь. — Маяковский был приглашен выступить в Народном университете Латвии, на что префект Риги г-н Дамбекали не выдал разрешения.

К-в-е-с-и-с? — «Министр в нугел...» — министр внутренних дел Латвии Альбертс Квиесис (1881 — 1944), затем президент Латвии; по профессии адвокат.

БАЛЛАДА О ДОБЛЕСТНОМ ЭМИЛЕ

(С. 193)

Известия. 1922. 28 мая.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту газеты.

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с приездом 25 мая 1922 г. в Москву бельгийского адвоката Эмиля Вандервельде (1866 — 1938) для участия в судебном процессе над лидерами партии эсеров. Будучи одним из лидеров II Интернацио-

нала, бельгийский социалист по соглашению, достигнутому на встрече представителей трех Интернационалов в апреле 1922 г., должен был стать главным защитником обвиняемых. Через него этот первый крупный политический процесс освещался в международной прессе в течение двух месяцев начиная с 8 июня.

Стихотворение напечатано в подборке материалов под рубрикой «К приезду правых эсеров».

По свидетельству секретаря редакции О.М.Литовского, представленный Маяковским текст был, как и другие ранее опубликованные в «Известиях» стихи, записан столбиком, однако редактор «Известий» Ю.М.Стеклов распорядился набрать стихотворение традиционными строфами с пробелами после каждой из них (*Литовский О.М. Воспоминания о Маяковском. ГММ. Рукопись не сохранилась*).

Не любит страсть Эмиль Чеку... — Чрезвычайная комиссия по борьбе с саботажем и контрреволюцией была упразднена декретом ВЦИК от 8 февраля 1922 г. Ее функции были переданы вновь образованному Государственному политическому управлению (ГПУ). Тогда же ГПУ арестовало 47 ведущих эсеров по обвинению в конспиративной деятельности, что вызвало среди зарубежных социалистов опасения за жизнь оппозиционеров.

...он повернется справа — правый эсер.

Судить?! За пулю Ильичу?! — Эсеры обвинялись в убийстве немецкого посла Мирбаха, в покушении на жизнь Ленина и других террористических актах.

«Уж погоди, Чека-змея! Раздокажу я!..» — Вандервельде и его иностранные коллеги были вынуждены отказаться от защиты «по просьбе подсудимых» через несколько дней после начала процесса. Они сделали заявление о том, что трибунал нарушает Берлинское соглашение, исключавшее смертные приговоры, — из 34 подсудимых 14 были приговорены к смерти.

Москва. Вокзал. Нарогу сонм. — Очевидно, Маяковский был среди встречавших Вандервельде. Ср.: в заметке «Приехали» (Известия. 27 мая) говорилось: «25 мая в Москву в 5 часов дня с Виндавского вокзала из Риги для участия в качестве защитников правых эсеров приехали представители 2 и 2 1/2 Интернационалов: Вандервельде, Теодор Либкнехт и Розенфельд, при них переводчики Вотерс и Розенталь».

...тряхнул кудрёй Эмилий. — В 1923 г. Маяковский включил в цикл «Маяковская галерея» стихотворный фельетон и портрет Вандервельде, где изобразил его лысым.

СТИХ РЕЗКИЙ О РУЛЕТКЕ И ЖЕЛЕЗКЕ

(С. 196)

Крокодил. 1922. № 5, 24 сент., под загл. «Напечатайте, братцы — дайте отыграться» и с примеч.: «От редакции. Выдержка из письма Маяковского крокодилцам»; *Маяковский улыбается; Соч.2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2 с исправлением в стк. 12: «плуты и плутики» вместо «плуты и плутишки» по контексту.

Датируется по первой публикации.

Помещается в тесноте — в Каретном ряду... — Сад «Эрмитаж», где работало казино, находился в центре Москвы (Каретный ряд, 3).

...деятельность большая — железнодороги, банки. — Здесь и далее игра слов: железная дорога — железка — карточная игра и банк — учреждение, банк — деньги на кону.

Дутики — экипажи на резиновых, «дутых», шинах.

Арал — подставной игрок.

Без «шпалера» — без шулера.

Вся эта афера называется — шменгефером. — Chemin de fer (фр.) — «железка», одна из любимых карточных игр Маяковского. С этим названием связано первоначальное, черновое, заглавие трагедии «Владимир Маяковский» и живописного полотна «Рулетка» («Chemin de fer»), показанного на выставке «1915» (ГММ). Игра была популярна в кругу Маяковского, о чем, в частности, свидетельствуют стихи К. Большакова «Le chemin de fer», посвященные Лиле Брик (1915), и экспромт Р. Якобсона: «Chemin de fer (plus banque ouvert) милей Володе всех affairs...» (Янгфельдт 1992. С. 137) Ср. также: «викжельнуть» — сыграть в железку (Викжель — Всерос. исполн. комитет профсоюза железнодорожников в 1918 — 1920 гг.).

...всего три дюжины. — Маркировка на поле рулетки от 1 до 36.

Снять «гамбле» — взять двойную ставку.

...половину играющих себе, а другую — МУРу. — После упразднения ВЧК декретом ВЦИК от 8 февраля 1922 г. дела, связанные с экономическими преступлениями, отошли в ведение уголовного розыска (МУР), а политические — в ведение ГПУ.

ПОСЛЕ ИЗЪЯТИЙ

(С. 199)

Красный журнал для всех. П., 1922. № 1, нояб.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту журнала.

Датируется по первой публикации.

Написано не ранее 16 февраля, когда был опубликован декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Однако в стихотворении отсутствуют конкретные приметы противостояния церкви и государства (процесс 27 петроградских священников, расстрел в ночь на 14 августа осужденных и др.). Оно тесно связано с ироничными обращениями к Богу в поэмах «Облако в штанах», «Человек» и т.п. На эту близость к мотивам раннего творчества указывают и другие названия стихотворения: «Бог и я», «Маяковский о боге», «Письмо богу».

Перепечатано: Саратовские известия. 1922. 6 дек.; Смена. Тула, 1923. № 1, 1 янв.; Красное знамя. Томск, 1923. № 7, 11 янв.; журн. «Товарищ». 1923. № 3, 19 янв. (под назв. «Бог и я»); Амурская правда. Благовещенск, 1923. 11 февр.; Красная смена. Минск, 1923. 13 марта (под назв. «Письмо богу»); Пролетарий. Самарканд, 1923. 31 марта (под назв. «Маяковский о боге»); сб. «Комсомольское рождество». М., 1923; Юный пахарь. Минск, 1924. 31 марта; Натиск. М., 1924, 21 апр.

Можно предположить, что это первое стихотворение Маяковского, которое было распространено через Прессбюро при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б). Включение литературно-художественных материалов в Бюллетени Прессбюро стало практиковаться с декабря 1922 г., что не исключает иной формы рассылки стихов по местным отделениям. В то же время такие авторские заглавия, как «Бог и я», «Письмо богу», свидетельствуют, возможно, о том, что «После изъятий» — редакционный вариант названия. Исходный материал в архиве Прессбюро не разыскан. Номер «Красного журнала» вышел в дни пятилетия Октябрьской революции и открытия IV конгресса Коминтерна.

Смотрит из деревянного оклада. Риза — из холста. — Воспроизведен плакат того времени: «Пусть службы совершаются в деревянных чашах и холщовых ризах, как в старину!» (*Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 1995. С. 181 (Сер. ЖЗЛ)).

ДАВИДУ ШТЕРЕНБЕРГУ – ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

(С. 201)

Впервые опубликовано по списку, хранившемуся у Л.П. Штеренберга, В. Трениным и Н. Харджиевым в журн. «Огонек» (1935. № 36).

Беловой автограф — стк. 1–47 с заглавием и правкой — ГММ. Р-5297.
Печатается по автографу.

Датируется не позднее осени 1922 г.

В этот период Маяковский вновь обратился к воспоминаниям о работе в Отделе изобразительных искусств (ИЗО) Наркомпроса в связи с участием в Первой художественной выставке РСФСР в Берлине. На ней он представил альбом «Герои и жертвы революции» и десять плакатов РОСТА. Д.П. Штеренберг, назначенный в ноябре 1917 г. комиссаром по делам искусства при Наркомпросе, в 1918–1920 гг. возглавлял ИЗО, в 1921 г. стал заведующим отделом искусства Главпропобра (Главного управления пропаганды и образования). Штеренберг был комиссаром выставки в Берлине и автором предисловия к ее каталогу. В заметке о выставке Маяковский, присутствовавший на открытии, писал: «...образцы искусства левых художников определенно принимаются европейцами как подлинное, свое, искание нового искусства. (...) Пытающаяся отстраниться от нас политически Европа не в силах сдерживать интереса к России, старается дать выход этому интересу, открывая отдушины искусства.

(...) Мы должны вдуть в эту отдушину максимальное количество наших коммунистических идей». Возможно, встречи и совместные выступления в Берлине в дни работы выставки явились поводом для дружеского послания-приветствия Штеренбергу, художнику, оратору. (См. информацию в «Новой русской книге» о заседании берлинского Дома искусств 3 ноября с докладом И. Пуни «Современная русская живопись и русская выставка в Берлине» и полемике Маяковского, — 1922. № 10.)

Косвенным подтверждением того, что стихотворение написано не позднее 1922 г., может служить указание на запись строк «столбиком» (позднее строки обычно разбивались «лесенкой»). К тому же о существовании этого стихотворения в автографе не было известно до последнего времени, список из архива Штеренберга не предназначался для публикации, что подтверждает дружеский, личный характер послания. Не исключена вероятность, что оно было написано к 40-летию Штеренберга в июне 1921 г. Как известно, Маяковский не только сотрудничал в ИЗО под началом Штеренберга, входил с ним в организации комфута, но в 1919—1920 гг., после переезда в Москву, Маяковский и Брики жили в одной квартире с семьей Штеренберга в Полуэктовом переулке (см. поэму «Хорошо!», гл. 13). Известна дарственная надпись Маяковского Штеренбергу (предположительно 1919 г.): «Дорогому товарищу без кавычек Давиду Петровичу Штеренбергу Маяковский нежно. 12 августа, Москва».

После 1922 г. Штеренберг отошел от административной работы, участвовал в деятельности Еврейской культурной лиги, преподавал во Вхутемасе, выставлялся как живописец, в 1925 г. стал одним из организаторов Общества художников-станковистов (ОСТ). В эти годы редко встречался с Маяковским. В 1936 г. иллюстрировал поэму «Люблю» (1922) и ряд стихотворений.

...вспоминаю Зимний. — Зимний дворец после Октябрьской революции был переименован во Дворец искусств, там же располагался Наркомпрос. ИЗО (Отдел изобразительных искусств Наркомпроса) помещался в доме Мятлева на Исаакиевской пл. Штеренберг приехал из Парижа в ноябре 1917 г. Решение об организации ИЗО опубликовано 24 января (6 февр.) 1918 г.

Пунин Николай Николаевич — искусствовед, автор первой работы о Татлине, в 1918 г. был заместителем Штеренберга, председателем Коллегии по делам искусств. В статьях «Футуризм — государственное искусство», «Пролетарское искусство» и др. на страницах «Искусства коммуны» отстаивал футуризм как «единственно правильный путь по линии развития общечеловеческого искусства». Вместе с Н. Альтманом приезжал весной 1918 г. в Москву, в газете «Анархия» опубликовал приветствие Маяковскому и Татлину: «Лево руля! Мы у руля!»

Брик Осип Максимович — литературный критик, стиховед, начал работать в ИЗО летом 1918 г., видимо, одновременно с Маяковским, по приглашению Штеренберга и Пунина. Автор статей в *ИК*, участник диспутов и собраний по вопросам нового искусства.

Ф. Степун позже писал: «Если футуристы все же стали не то чтобы придворными певцами, но все же весьма преуспевающими агит-сотрудниками новой власти, то объяснение этому акту надо искать не в социалистических убеждениях футуристов, а в общей большевикам и футуристам бакунинской вере, что страсть к разрушению есть подлинно-творческая, то есть созидающая страсть. Крайность большевистских точек зрения, неумолимая последовательность в их развитии и осуществлении, предельное бесстрашие и безоглядность большевистских декретов и действий — все это было глубоко созвучно футуристической стихии.

Послав к черту все лиры и свирели и засучив рукава, они наглою молодую толпою высыпали на революционную улицу и самотеком влились в Комиссариат народного просвещения» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 176).

...в бока дворца впились «мазня». — Речь может идти о проходившей в Зимнем дворце Первой государственной свободной выставке (1919), в которой участвовали Маяковский и Штеренберг, или, конкретнее, о панно Штеренберга «Молотобоец», вывешенном на фасаде Зимнего со стороны Невы как часть агитоформления праздника первой годовщины Октябрьской революции.

Комкрасоты — «коммунистические красоты» (см., например, «Отчет о деятельности ИЗО», опубликованный Штеренбергом в журн. «Изобразительное искусство» (подготовлен в 1919 г., вышел в 1921 г.)).

Воляпюк (воляпюк) — искусственный международный язык, не получивший практического распространения. Ср. в том же значении у Эренбурга: «Приветствую сокращения нового русского быта, прививку терминов, самоограничение во имя точности. Это зачатие прекрасного воляпюка новой страны — Демли» («А все-таки она вертится». Берлин, 1922. С. 108).

ГЕРМАНИЯ

(С. 203)

Известия. 1923. 4 янв.; *Стихи о революции; 256 страниц; Вещи этого года*, под загл. «Немцам» (см. «Другие редакции»); Соч. 2.

Черновой автограф (стк. 1 — 7) в Зап. книжке № 18 (ГММ), среди записей, сделанных Маяковским во время пребывания в Берлине и Париже (6 окт. — 13 дек. 1922).

Печатается по первой публикации.

Датируется октябрём — декабрём 1922 г.

Написано под впечатлением от первой поездки в Германию. Во всех источниках, кроме сб. «Вещи этого года», текст повторяет первопечатный и имеет заголовок «Германия». Маяковский объяснял это отличие тем, что во время перелета из Москвы в Кенигсберг 3 июля 1923 г., по пути в Германию, у него пропали рукописи. В предисловии к сб. «Вещи этого года» он писал: «Аэроплан, летевший за нами с нашими вещами, был снижен мелкой неисправностью под каким-то городом.

Чемоданы были раскрыты, и мои рукописи взяты какими-то крупными жандармами какого-то мелкого народа.

Поэтому вещи, восстанавливаемые памятью, будут слегка различаться от первоначальных вариантов».

Восстанавливая по памяти стихотворение для берлинского издания, Маяковский одновременно вел стилистическую обработку, в частности усилил авторское «я» (вместо «голос наш взывался» — «голос мой взывался», вместо «я видел» — «вижу», вместо «пускай, не верю» — «нет, не верю!»), нейтральное заглавие «Германия» изменил на более конкретное, адресное — «Немцам», заменил столбик лесенкой.

Первая публикация сопровождалась примечаниями Маяковского: «Стиннес — могущественный капиталист Германии. Шибер-спекулянт. Норден — рабочие кварталы Берлина. Вильгельмов пролет — средний пролет Бранденбургских ворот. Через эти ворота ездил только Вильгельм и разрешалось один раз проехать новобрачным из церкви. Бранденбургские ворота — триумфальные ворота в центре Берлина, через которые рвались в марте восставшие коммунисты».

В стихотворении отразилась близость произведений Маяковского к политическим сатирам Гейне, к поэме «Германия. Зимняя сказка», которая была написана в 1843 г., когда Гейне после тринадцатилетнего запрета получил разрешение вернуться из Франции в Германию. Родство поэтики Гейне и Маяковского отмечал Ю. Тынянов, считавший главным для их стиха «интонационную сторону», а не метрические каноны (*Гейне Г.* Сатиры. Л., 1927. С. 16).

Рапалло — город в Италии, где в 1922 г. был заключен советско-германский договор о восстановлении дипломатических отношений и торгово-экономических связей.

Я от первых дней войнищу эту проклял... — См. стих. «Война объявлена» и комментариев к нему.

Распустив демократические слюни... — Ср. в стих. «Весна» (1918): «Город зимнее снял. Снега распустили слюнки...»

С теми был я, кто в июне... — В июне 1917 г. Временное правительство А.Ф. Керенского предприняло наступление на немецком фронте. Маяковский выступил против военных действий на вечере «Революция. — Война. — Футуризм» в Тенишевском училище 3(16) мая 1917 г., где читал поэму «Война и мир». См. также направленную против союзников «Интернациональную басню».

Из унтер-ген-линдских отелей ползут... — Имеются в виду богатые отели на улице Унтер ден Линден в Берлине.

НА ЦЕПЫ!

(С. 206)

Известия. 1923. 16 янв.; *Стихи о революции.*; Соч. 2.

Машинопись с авторскими пометами в составе неизданного сб. 256 страниц. Л. 36 — 38.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с оккупацией французскими и бельгийскими войсками Рура, произошедшей вследствие отказа Германии выплачивать определенные по Версальскому соглашению репарации. Войска были выведены 11 января, после того как проходившая в Париже с 3 по 8 января 1923 г. конференция по проблемам репараций не дала результата. ВЦИК СССР обратился с воззванием «К народам всего мира», содержащим протест против военного вмешательства, которое несет угрозу миру в Европе (Известия. 1923. 14 янв.).

Опять по армиям приказ Антанты отган. — Очевидно, Маяковский пользуется названием «Антанта» в переносном смысле — «интервенты», поскольку союзный блок перестал существовать.

Январь готовят обернуть в июль — июль 14-го года. — Т.е. начать новую мировую войну (Первая мировая война началась 19 июля 1914 г. по старому стилю — 1 августа по новому).

Пуанкаре Раймон (1860 — 1934) — президент Франции в 1913 — 1920 гг., премьер-министр (1922 — 1924; 1926 — 1929), один из организаторов иностранной интервенции в Советскую Россию, персонаж сатирических произведений Маяковского.

...по штольням мирных шахт... рабочий мирный Эссен. — Эссен — центр угольной промышленности в Руре.

...пока чернорубашечник фашист... — Муссолини пришел к власти в Италии.

Британский лев, держи нейтралитет... — Правительство Великобритании заявляло о своей особой позиции в отношении Рура.

Блестит английский фунт у греков на носу... — Согласно Муданийскому перемирию между Антантой и Турцией (11 окт. 1922), к которому присоединилась Греция, военные действия между Турцией и Грецией прекращались и созывалась Лозаннская конференция, однако трения продолжались.

Бонар-Лоу Эндру (1858 — 1923) — английский политический деятель, лидер консерваторов, с октября 1922 по май 1923 г. премьер-министр Великобритании.

Мосул — город на северо-западе Ирака, в районе крупных нефтяных месторождений. До 1918 г. в составе Османской империи, в 1918 г. оккупирован английскими войсками, в 1920 г. включен в состав Королевства Ирак, что вызвало протесты со стороны Турции. По Лозаннскому мирному договору 24 июля 1923 г. решение вопроса о принадлежности Мосула откладывалось и передавалось на рассмотрение Лиги Наций.

ТОВАРИЩИ! РАЗРЕШИТЕ МНЕ ПОДЕЛИТЬСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ О ПАРИЖЕ И О МОНЕ

(С. 208)

Известия. 1923. 17 янв., с искаженным загл.: «Разрешите мне товарищи! поделиться впечатлениями о Париже и о Моне»); *Маяковский улыбается; Вещи этого года; Соч. 2.*

Автограф неизвестен.

Печатается по *Соч. 2.*

Датируется по первой публикации.

В основе стихотворения каламбурное совпадение фамилии французского художника Клода Моне и склоняемого Маяковским сокращенного названия Московского отдела народного образования — Моно, где поэт подписывал в печать афиши своих выступлений в Политехническом музее 20 декабря 1922 г. — «Что делает Берлин?» и 27 декабря — «Что делает Париж?». Однако за незначительным поводом к созданию стихотворения скрылся конфликт между Маяковским и Л.Ю. Брик: «Через неделю после возвращения в Москву Маяковский читал в Политехническом музее доклад "Что делает Берлин?". Л.Ю., присутствовавшая на нем, услышала, к своему удивлению, как Маяковский рассказывает о вещах, которых он не видел сам, а узнал от других, например от О.М. (Брика). Она рассвирепела и ушла. Тогда Маяковский предложил ей отменить следующий доклад "Что делает Париж?". Л.Ю. ответила, что это он должен решить сам. Маяковский читал свой доклад о Париже... Л.Ю. лежала дома в депрессии от их первой ссоры. На следующий день, 28 декабря, началась двухмесячная разлука...» (*Янгфельдт 1991. С. 27 — 28*).

Виндавский — ныне Рижский вокзал в Москве.

Эйгкунен — город на бывшей границе между Литвой и Германией, теперь город в Калининградской области России.

Себеж — райцентр Псковской области.

Зилупе — город в Латвии.

ПЕРНАТЫЕ

(С. 210)

Красная нива. 1923. № 3, 21 янв.; *Стихи о революции; Соч. 2.*

Беловой автограф — РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 64. Л. 7—8. Загл. «Пернатым товарищам Известинцам посвящаю».

Машинопись с авторскими пометами в составе неизданного сб. *256 страниц. Л. 53—54.*

Печатается по *Соч. 2* с исправлением в стк.15: «вылезь в час вот в этакий» вместо «вылезь в час вот этакий» по автографу.

Датируется по первой публикации.

Судя по первоначальному заглавию в беловом автографе, стихотворение было адресовано журналистам газеты «Известия» по случаю шестилетия со дня основания и пятилетия выхода первого номера в Москве (12 марта 1918). В окончательном названии и подзаголовке отразилось чувство общности поэта, напечатавшего в «Известиях» с марта 1922 г. десять стихотворений, и редакции «Известий», выдавшей ему служебное удостоверение. Ср. в поэме «Про это»: «В Париж гастролировать едущий летом / поэт, / почтенный сотрудник "Известий" ...»

Пернатые — образ владеющих пером газетчиков. См. также: «А у Стеклова (вода) не сходила с пера...» («Мелкая философия на глубоких местах»).

Фабер — имеются в виду карандаши фирмы «Фабер».

Линотип — типографская машина.

Стереотип — металлическая печатная форма, копия типографского набора.

Ротационки-танки — ротационные печатные машины.

Петит и корпус — типографские шрифты.

О ПОЭТАХ

(С. 212)

Красная нива. 1923. № 7, 18 февр., под загл. «Стихотворение это — одинаково полезно и для редактора, и для поэтов»; *Маяковский улыбается; Стихи о революции*, 2-е изд., под загл. «О поэтах»; *Вещи этого года*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по сб. «Стихи о революции», так как в Соч. 2 этот текст дан с опечатками. Необходимые исправления в стк. 5: «окидывая» вместо «окидывал» по *Маяковский улыбается* и Соч. 2; в стк. 53: «А остальное» вместо «А остальные» по «Красной ниве», *Маяковский улыбается* и *Вещи этого года*.

Датируется по первой публикации.

Написано, вероятно, как и стихотворения «О фискалах...», «Газетный день», в связи с IV Всероссийским съездом работников печати (февраль 1923). Мысль о низком уровне массовой стихотворной продукции получила развитие в статье «С неба на землю» (опубл. 7 марта 1923), на диспуте «Футуризм сегодня» (3 апр. 1923).

...о «прожигании глаголами сердец людей». — Парафраз строки из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»: «Глаголом жги сердца людей».

Анатолий Васильевич Луначарский — народный комиссар просвещения.

Семашко Николай Александрович (1874 — 1949) — народный комиссар здравоохранения в 1918 — 1930 гг. Ср. сближение этих фамилий в стихотворении «Сердечная просьба» (1928), в каламбурах (см.: *Крученых* 1996. С. 143).

НА ЗЕМЛЕ МИР. ВО ЧЕЛОВЕЦЕХ БЛАГОВОЛЕНИЕ

(С. 216)

Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП(б), сер. «А». М., 1923. № 13, 21 февр.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту Бюллетеня.

Датируется по первой публикации.

В заглавии — начальные слова одной из православных молитв: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение», восходящие к Евангелию (Лк 2, 14).

Это выражение повторяется в тогда же написанном стихотворении «Срочно. Телеграмма мусье Пуанкаре и Мильерану», стк. 70 — 74. Ср. также в черновиках поэмы «Пятый Интернационал» (1922): «Затянул было волюнку / какой-то Уитмен демократ / На земле мир в человецех благоволение».

Перепечатано: Саратовские известия. 25 февр.; Рабочий клич. Рязань, 2 марта; Северный рабочий. Ярославль, 2 марта; Степная правда. Семипалатинск, 9 марта; Власть труда. Уфа, 10 марта; Красный утес. Архангельск, № 3, 11 марта; Товарищ Терентий. Екатеринбург, № 3, 25 марта.

...мир, подписанный в Версале. — По мирному договору, подписанному 28 июня 1919 г. в Версале, был произведен «передел» мира, изменены границы, что в ряде случаев вызвало конфликты.

Грек норовит заехать товарищу турку по роже. — См. коммент. к стих. «На цепь!»

...в Мемеле Литвы поведенье игриво. — Мемель, переданный по Версальскому договору в совместное владение стран-победительниц, 1 февраля 1923 г. был возвращен Литве и переименован в Клайпеду.

...англичане норовят укокошить ирландца. — В 1922—1923 гг. шла гражданская война в Ирландии между сторонниками заключенного в 1921 г. договора с Англией и республиканцами.

...японцы лезут с ножом на Америку. — После Вашингтонской конференции 1921—1922 гг., на которой был подписан договор девяти держав, ущемлявший интересы Японии в Китае и ограничивавший численность ее флота, отношения Японии и США обострились и в печати обеих стран обсуждался вопрос о неизбежности военного столкновения.

О «ФИАСКАХ», «АПОГЕЯХ» И ДРУГИХ НЕВЕДОМЫХ ВЕЩАХ

(С. 218)

Известия. 1923. 21 февр.; Маяковский улыбается; Стихи о революции; Вещи этого года; Соч. 2.

Беловой автограф — ГММ. Р-142.

Печатается по Соч. 2. с исправлением в стк. 37: «скидавая картуз» вместо «скидывая картуз» по автографу.

Написано в первой половине февраля 1923 г. в связи с IV Всероссийским съездом работников печати. Тот же круг примеров речевых газетных штампов приводится в статье Маяковского «С неба на землю» и Г.Винокура «О политической фразеологии» (Леф. 1923. № 2).

На съезде печати у товарища Калинина... — Имеется в виду выступление М.И. Калинина 7 февраля 1923 г. на IV Всероссийском съезде работников печати.

Акуловка — железнодорожная станция близ Бологого на пути из Москвы в Петербург. Топоним созвучен с названием местности — Акулова гора, где Маяковский отдыхал летом 1920 — 1922 г.

БАРАБАННАЯ ПЕСНЯ

(С. 220)

Известия. 1923. 23 февр.; *Стихи о революции*, 2-е изд.; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано к пятилетию Красной Армии. Опубликовано в специальном десятистраничном номере «Известий» рядом со статьями председателя ВЦИК М.И. Калинина, редактора газеты Ю. Стеклова, начальника штаба Красной Армии П. Лебедева. В приказе Реввоенсовета республики «К пятилетию Красной Армии», помещенном на той же полосе, говорилось: «...Красная Армия нужна ныне рабочей России и мировой революции не меньше, чем в тот час, когда она была призвана к жизни волею Советской власти».

Вперед, сыны стали! — Парафраз первой строки Марсельезы «Вперед, сыны Отечества!»

Срочно!

ТЕЛЕГРАММА МУСЬЕ ПУАНКАРЕ И МИЛЬЕРАНУ

(С. 222)

Известия. 1923. 25 февр.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту «Известий» с исправлением в стк. 83—85: «Обоим (точка). Сообщите» вместо «Обоим. Сообщите — (точка)».

Датируется по первой публикации.

Стихотворение развивает тему французской оккупации Рура в связи с эскалацией событий в феврале 1923 г. (передача управления немецкими

железными дорогами в руки Франции и Бельгии, захват рейнских портов), а также попыткой союзников начать переговоры о статусе Мемеля, о спорах Греции и Турции. Совет Лиги Наций через генерального секретаря Вивиани обращался с призывом воздерживаться от каких-либо враждебных выступлений.

То Пуанкаре расписывается в Версале, то — припечатывает печатями Севр. — Имеется в виду мирный договор, подписанный в Версале 28 июня 1919 г. и подводивший итог мировой войне. С ним связан и статус Лиги Наций, организации для поддержания послевоенного порядка и решения конфликтов путем переговоров. Севрский мирный договор подписан 10 августа 1920 г., он закрепил раздел Турции.

А ну, турки, помиримся... — 16 февраля 1923 г. «Известия» сообщали о готовности греческой армии перейти к военным действиям против Турции и о румыно-турецких переговорах о мире.

...да в воздухе летают щеки и волосы. — Ср. в письме Маяковского Н.Ф. Чужаку ок. 20 августа 1921 г.: «Здесь приходится так грызться, что щеки летают по воздуху». Это выражение вошло в реплику велосипедиста в 1-м действии пьесы «Баня» (1929). Ср. также фразу Маяковского, приведенную в кн. «Живой Маяковский»: «Я буду драться так, что щеки будут летать по воздуху» (цит. по: Крученых 1996. С. 137).

...кому Вильны, кому Мемели. — Вильна — Вильнюс, литовский город, занятый Польшей в 1920 г. Мемель — Клайпеда, находившийся в ведении стран-победительниц город в феврале 1923 г. был передан Литве, что вызвало попытку польских пограничников занять нейтральную зону.

Милые, мол, бранятся — только... чешутся. — Парафраз пословицы «Милые бранятся — только тешатся».

Мосул — см. стихотворение «На цепь!».

ПАРИЖ (Разговорчики с Эйфелевой башней)

(С. 225)

Красная нива. 1923. № 9, 4 марта; *Стихи о революции*, 2-е изд.; *Вещи этого года*; Соч. 2.

Черновой автограф — стк. 1 — 14 — Зап. книжка № 18 (ГММ).

Печатается по Соч. 2 с исправлениями в стк. 74: «Я подымаю рельсовый бунт» вместо «Я поднимаю» по «Красной ниве» и сб. *Вещи этого года*; в стк. 76: «Трактиры заступятся стаями» вместо «Тракторы заступятся стаями» по тем же источникам; в стк. 78: «Rive Gauche» вместо «Рив-гош»; в стк. 90: «прохожих ссыпят на камни быков» вместо «прохожих ссыпят на камень быков» по тем же источникам.

Датируется по первой публикации.

Маяковский был в Париже 19 — 25 ноября 1922 г., тогда, видимо, была начата работа над стихотворением.

Эйфелева башня — башня высотой 300 метров была построена для Всемирной выставки в Париже в 1889 г. по проекту инженера Александра

Эйфеля (1832–1923). Позже использовалась для радиовещания («израдиило лоб», «радиоухо»). Ее необычный силуэт и обнаженная конструктивность стальных ферм вызывали недовольство некоторых современников. Об этом напоминает герой пьесы А.П. Чехова «Чайка» Константин Треплев: «...когда в тысяче вариаций мне подносят все одно и то же, одно и то же, — то я бегу и бегу, как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своей пошлостью... Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно» (действие 1). Эйфелева башня стала одним из символов индустриального века (см., например, программные изображения Эйфелевой башни у М. Шагала, Р. Делоне, А. Экстер).

...здесь таять от аполлинеровских вирш. — Аполлинер Гийом (настоящее имя Вильгельм Костровицкий, 1881–1918) — французский поэт, оказавший большое влияние на поэзию XX в., особенно французский сюрреализм. Сообщение о гибели Аполлинера было помещено в ИК (1919. № 17). Вероятно, Маяковский был знаком со стихами Аполлинера из книги «Алкоголи» (1913):

Тебе в обрюзгшем мире стало душно
Пастушка Эйфелева башня о послушай
стада мостов мычат послушно
Тебе постыл и древний Рим и древняя Эллада
(«Зона», пер. М.Н. Ваксмахера)

ГАЗЕТНЫЙ ДЕНЬ

(С. 229)

Журналист. 1923. № 5, март — апрель.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту «Журналиста» с исправлением в стк. 15: «строчки растут как цветочки» вместо «извозки растут как цветочки».

Датируется не позднее 25 марта 1923 г., когда впервые оно было прочитано на открытии Дома печати.

Написано в связи с открытием 6 февраля 1923 г. IV Съезда работников печати.

Перепечатано: *Бакинский рабочий*; Товарищ Терентий. Екатеринбург, 1923. № 23, 11 окт.; Юный пролетарий Урала. Свердловск, 1924. № 5, май.

Как будто весь народ, который не поместился под башню Сухареву... — Вокруг Сухаревой башни, располагавшейся на пересечении Садового кольца и Сретенки, был самый большой рынок в период НЭПа. В письме Маяковского сестре Ольге (начало 1920-х годов): «...Сейчас же пойди на Сухаревку и купи маме от меня: 2 ф. белого хлеба 2500
1 ф. масла 2800
2 ф. манной 2200 (руб.)».

Нонпарель — очень мелкий шрифт.

«*Это я — настоящий Бим-Бом!*» — В «Известиях» от 11 февраля было помещено объявление за подписью импресарио циркового дуэта «Бим-Бом» М. Афанасьева, в котором сообщалось, что выступающие в московском цирке под этим именем клоуны — самозванцы, а настоящие «Бим-Бом» гастролируют на Кавказе и в Крыму.

Самоокупация — самоокупаемость как принцип хозяйственного расчета. Переход редакций периодических изданий на хозрасчет сопровождался увеличением коммерческих и частных реклам, о которых упоминает Маяковский.

Чжан Цзолин (1876 — 1928) — китайский генерал, с 1915 г. — диктатор Маньчжурии.

Гаолян (гаолин) — разновидность проса, распространенная в Маньчжурии.

Метранпаж — типографский рабочий, верстающий набранный материал.

КОГДА ГОЛОД ГРЫЗ ПРОШЛОЕ ЛЕТО, ЧТО ДЕЛАЛА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ?

(С. 233)

Бюллетень Прессбюро, сер. «Б». 1923. 20 марта.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту «Бюллетеня».

Датируется по первой публикации.

См. комментарий к следующему стихотворению.

КОГДА МЫ ПОБЕЖДАЛИ ГОЛОДНОЕ ЛИХО, ЧТО ДЕЛАЛ ПАТРИАРХ ТИХОН?

(С. 234)

Бюллетень Прессбюро, сер. «Б». 1923. 20 марта.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту «Бюллетеня».

Датируется по первой публикации.

Два стихотворения, объединенных общей темой, но не получивших общего заголовка. Заключительные строки повторяются в стихотворении «О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней?»

Написаны по поводу начавшейся в марте 1923 г. подготовки к судебному процессу над патриархом Тихоном (Василием Ивановичем Беллавиным, 1865 — 1925). Так, на заседании Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП 6 марта 1923 г. было принято постановление: «1) дело Тихона назначить к слушанию 25 марта и окончить 30 марта; 2) поручить тов. Попову через агитпропаганд. ЦК РКП использовать в печати наиболее ценные в агитационном отношении материалы по

делу Тихона...» (АПРФ. Политбюро и религия. Ф. 3. Оп. 60. Д. 25; цит. по: *Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 2009. С. 259). Производство дознания и следствие по этому делу с декабря 1922 г. вел особоуполномоченный ГПУ Я.С. Агранов. «Перспектив обвинительного акта», в котором патриарх Тихон обвинялся в антисоветской деятельности, готовил заместитель наркома юстиции Н.В. Крыленко. Судебное заседание неоднократно откладывалось под давлением общественности как внутри СССР, так и за рубежом. После выступления патриарха Тихона с заявлением о своей лояльности к советской власти он был освобожден из-под стражи в июне 1923 г., а в марте 1924 г. дело по его обвинению было прекращено постановлением Президиума ЦИК СССР.

Напечатаны в подборке антипасхальных материалов.

Перепечатаны: Карельская коммуна. Петрозаводск, 1923. 24 марта (только второе); Воронежская коммуна. 1923. 28 марта; Степная правда. Семипалатинск, 1923. 30 марта.

...в страшный год... — Речь идет о неурожае 1921 г. в Поволжье и ряде других губерний, повлекшем за собой голод. К концу 1921 г. голодало ок. 23,2 млн человек. Комитет помощи голодающим — Помгол — был образован Постановлением ВЦИК от 21 июля 1921 г.

Когда жевали гети глины ком... — Ср. в дневнике Евг. Замятина: «Голод на Волге. В одной волости ели лепешки из конского навоза. <...> Прощлогодние листья — деликатес. Вокруг стоит голая черная роща: всю кору содрали и съели».

Семсуда — семенное зерно, выданное для посева под будущий урожай.

...декрет по храмам ган... — Декрет об изъятии церковных ценностей от 16 февраля 1922 г. (см. коммент. к стих. «После изъятий»).

«Мы не можем дозволить изъятие из храмов». (*Патриарх Тихон*) — Эпиграф ко второму стихотворению взят из воззвания патриарха от 28 февраля 1922 г.: «Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвований церковных предметов, неосвященных и не имеющих богослужебного употребления <...> Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, освященных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею, как святотатство, мирян — отлучением от нее, священнослужителей — низвержением из сана» (*Вострышев М.* Указ. соч. С. 179).

«Пускай, мол, мрут...» — В августе 1921 г. патриарх Тихон основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим, вскоре упраздненный ВЦИКом, и обратился с воззванием «К народам мира и к православному человеку»: «Не до слуха вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь немедля! На щедрую, широкую, нераздельную помощь!» (*Вострышев М.* Указ. соч. С. 169).

О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ. ПОЧЕМУ СУД НАД МИЛОСТЬЮ ИХНЕЙ?

(С. 235)

Бюллетень Прессбюро, сер. «В». 1923. 23 марта.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту «Бюллетеня».

Датируется по первой публикации.

Развивает тему предыдущих стихотворений, имеет подобную двух-частную структуру с самостоятельными заглавиями.

Перепечатано: Новая деревня. Гомель, 1923. 27 марта; Красное знамя. Краснодар, 1923. 29 марта; журн. «Товарищ». Пенза, 1923. № 10; Рабочая библиотечка: Приложение к газ. «Волна». Архангельск, 1923. № 8, апр.

Урядник — нижний чин уездной полиции.

Комольй — безрогий.

Царь российский, финляндский, польский... — часть официального титула Николая II, расстрелянного вместе с семьей в Екатеринбурге.

Церковь от государства отделила рабоче-крестьянская власть. — Имеется в виду декрет об отделении церкви от государства.

Совет патриарх Тихон... — 16 июня 1923 г. в заявлении в Верховный суд РСФСР патриарх Тихон писал: «...я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции». Напечатано в журн. «Безбожник» (*Вострышев М.* Указ. соч. С. 259).

ТРЕСТЫ

(С. 238)

Красная нива. М., 1923. № 12, 25 марта.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту журнала с исправлением опечатки в стк. 21 (в соответствии с рифмой).

Датируется по первой публикации.

Сюжет стихотворения частично нашел отражение в эпизоде с трестом «Рога и копыта» в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931).

МЫ НЕ ВЕРИМ!

(С. 241)

Бюллетень Агитпропа ЦК РКП, сер. «А». М., 1923. № 22, 24 марта, под загл. «Ленин»; журн. «Огонек». 1923. № 1, апр.; журн. «Молодая гвардия». 1923. № 3, май; *Стихи о революции*, 2-е изд.; *Вещи этого года*; *ИзИз*; Соч. 2.

Беловой автограф – ГММ. Р. 128.

Запись отдельных строк (1, 3, 6, 14, 20–21 и начало стк. 2, 22) – Зап. книжка № 19 (ГММ). Вероятно, сделана для памяти перед выступлением.

Печатается по Соч. 2.

Датируется мартом 1923 г.

Написано после 12 марта 1923 г., когда был напечатан в газетах первый бюллетень о состоянии здоровья В.И. Ленина.

25 марта 1923 г. Маяковский выступал на открытии Дома печати и «прочел два новых стихотворения "Газетный день" и "Ленину"» (Вечерние известия. М., 1923. 26 марта).

Перепечатано во Владимире, Рязани, Могилеве, Пензе, Краснодаре, Калуге, Харькове, Архангельске, Ташкенте, Красноярске, Самарканде, Самаре.

По воспоминаниям Е.Ратмановой-Кольцовой, «когда Маяковский выступал в 1923 г. в Москве с чтением стихотворения "Мы не верим", рабочие просили достать первый номер журнала "Огонек", именно тот самый, которым 1 апреля 1923 г. началось издание советского массового иллюстрированного еженедельника... На первой странице этого журнала были напечатаны стихи Маяковского "Мы не верим" и портрет Владимира Ильича, снятого в домашней обстановке в Горках в 1922 г.» (Восп. 1968. С. 246).

СТРОКИ ОХАЛЬНЫЕ ПРО ВАКХАНАЛИИ ПАСХАЛЬНЫЕ

(С. 242)

Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП, сер. «А»/«Б». М., 1923. № 20/23, 28 марта.

Печатается по тексту «Бюллетеня» с исправлением по смыслу в стк. 30–31: «то пролетарию – просто вредно» вместо «то и пролетарию – просто вредно».

Датируется по первой публикации.

Перепечатано в газетах: Юный пахарь. Минск. 31 марта; Коммуна. Калуга. 1 апр.; Саратовские известия. 4 апр.; За мир и труд. Ростов. 5 апр.; Рабочий клч. Рязань. 5 апр.; Уральский рабочий. Екатеринбург. 5 апр.; Власть труда. Уфа. 7 апр.; Красный Урал. Уральск. 7 апр.; Пролетарская правда. Киев. 7 апр.; Рабочий путь. Омск. 7 апр.; Советская Сибирь. Новониколаевск. 7 апр.; Звезда. Минск. 8 апр.; Красное знамя. Краснодар. 8 апр.; Рабочий путь. Смоленск. 8 апр.; Красноярский рабочий. 1923. 12 апр.; Пролетарий. Самарканд. 12 апр.; Степная правда. Семипалатинск. 12 апр.; Красный утес. Архангельск. № 5, 6 апр.

Хорошо б попостить – поститься, говеть, т.е. соблюдать запрет на мясную и молочную пищу во время церковного поста. Пасхе предшествует сорокадневный Великий пост.

А у пролетария стоял столетний пост. — См. в стих. «Не для нас поповские праздники»: «мы постили лет сто».

...куличами башенными вперекладку с яйцами крашеными. — Традиционная еда православных христиан на Пасхальной неделе.

Разговляться — снять запрет на пищу по окончании поста.

КРЕСТЬЯНИН, ПОМНИ О 17-м АПРЕЛЯ!

(С. 243)

Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП, сер. «Б». М., 1923. 3 апр.
Автограф неизвестен.

Печатается по тексту Бюллетеня.

Датируется по первой публикации.

Написано к годовщине Ленского расстрела 4 (17) апреля 1912 г. Эта дата начиная с 1922 г. была внесена в календарь памятных дат. Адресовано сельским читателям.

Перепечатано: Наша газета. Воронеж. 14 апр.; Вятская правда. 14 апр.; За мир и труд. Ростов. 14 апр.; Коммунист. Череповец. 14 апр.; Красное знамя. Краснодар. 14 апр.; Красный Балтфлот. 14 апр.; Призыв. Владимир. 14 апр.; Соха и молот. Могилев. 17 апр.

Далёко, на Лене... — На Ленских золотых приисках царскими войсками была расстреляна мирная демонстрация рабочих, протестовавших против ареста членов стачечного комитета (убито 270, ранено 250 чел.).

17 АПРЕЛЯ

(С. 245)

Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП, сер. «А». М., 1923. 4 апр.
Автограф неизвестен.

Печатается по тексту «Бюллетеня».

Датируется по первой публикации. (Ранее, в полн. собр. соч. 1934 — 1938 и 1939 — 1949 гг., ошибочно было отнесено к 1922 г.)

Написано к годовщине Ленского расстрела, обращено к городскому читателю.

В 1927 г., к 15-летию Ленских событий, Маяковский написал стихотворение «Лена».

Россия вздрогнула от гнева злобного... — В демонстрациях протеста против расправы с рабочими Бодайбо участвовало ок. 300 тысяч человек.

Но напрасно старался Терещенко... — Правильно — Терещенков, жандармский ротмистр, руководивший арестом рабочих. Дал приказ войскам не останавливаться перед применением силы, если трудящиеся захотят выручить товарищей.

НАШЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

(С. 247)

Известия ВЦИК. М., 1923. 7 апр.; *Стихи о революции*. 2-е изд.; *Мы и прагеды*; Соч. 2.

Машинопись — 256 страниц. Л. 55 — 57.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Перепечатано: Красный Балтфлот. Пг., 14 апр.; Бакинский рабочий. 15 апр.; Молодая гвардия. Благовещенск, 1924. 9 февр. (отрывок под загл. «У комсомольцев свои праздники»); Голос молодежи. Кострома, 1924. 27 апр. (под загл. «Праздник комсомольца»); Клич юного коммунара. Казань, 1924. 27 апр. (под загл. «Праздник комсомольца»); Молодой шахтер. Артемовск, 1925. 13 апр.; журн. «Безбожник». М., № 53, 25 дек. (отрывок).

Вий — фантастическое существо из одноименной повести Н.В. Гоголя.

НЕ ДЛЯ НАС ПОПОВСКИЕ ПРАЗДНИКИ

(С. 249)

Красная смена. Минск, 1923. 12 апр.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту газеты.

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с антирелигиозной кампанией, которая усилилась в пасхальные дни (см. коммент. к стих. «Строки охальные...» и «Наше воскресенье»).

Газета «Красная смена», орган ЦК КСМ Белоруссии, получила стихотворение через Прессбюро ЦК РКП (см.: *Каров С., Кэпраг С.* Забытые строки: Маяковский в Прессбюро ЦК РКП(б) в 1923 — 1924 гг. // *Новый мир*. 1948. № 4. С. 223). Ранее, 31 марта 1923 г., было перепечатано стих. «После изъятий» под загл. «Письмо к богу».

Стихотворение помещено на первую полосу под рубрикой «Для "Красной смены"». Под этой рубрикой регулярно публиковались стихи московских поэтов. На третьей странице газеты напечатана подборка материалов о делах комсомольцев во время пасхальной недели. В заметке М.Рахлина «Как слущкие ребята провели пасху» говорилось: «Вместо глупого бормотанья мы весело и интересно провели вечер в клубе».

Стихотворение повторяет и развивает ряд мотивов других антипасхальных произведений:

Коммунистово рождество — день Парижской коммуны. Маяковский переосмысливает названия христианских праздников, связывая Рождество с возникновением первого коммунистического государства — Парижской коммуны, а Воскресение — с победой Октябрьской революции (при этом ее дата — 25 октября — приводится по старому, церковному, стилю).

...повели безбожные шествия. — Одна из попыток противопоставить религиозным праздникам «кумачовые гулянки», новые советские обряды. На рождество 1923 г. проводились шествия комсомольцев, весной — «Комсомольская пасха». Под таким же названием в Туле вышел сб. «Для комсомольского рождества». В 1923 г. С. Третьяков написал фарс по мотивам «Гаврииады» А.С. Пушкина «Непорзач» (Непорочное зачатие).

Куличи — в человечесий рост... — Ср.: «куличами башенными» («Строки охальные...»).

Мы постили лет сто. — Ср.: «А у пролетария стоял столетний пост» («Строки охальные...»).

Коммуны воскресенья — 25 октября. — Ср.: «Коммунистов воскресенья — 25-ое октября» («Наше воскресенья») и т.д.

ВЕСЕННИЙ ВОПРОС

(С. 251)

Красная нива. М., 1923. № 14, 8 апр.; *Стихи о революции*, 2-е изд.; *Вещи этого года*; 256 страниц; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2 с исправлениями в стк. 14: «определенно обеспокоен» вместо «определенно беспокоен» по всем остальным источникам; в стк. 60: «Ну не могут сказать» вместо «Ну не могу сказать» по «Красной ниве» и сб. *Вещи этого года*.

Датируется по первой публикации.

В рецензии на сб. *Вещи этого года* Б.К. (Ю. Айхенвальд) приводил строки стихотворения как пример «непоэтичности» Маяковского: «... г. Маяковский вообще не мало обязан типографии. Свои громоздкие "вещи" он печатается короткими строчками, обрубками фраз; и эта внешняя особенность его книжек часто является именно внешность только, а вовсе не служит приметой особого ритма и темпа; какими лесенками ни печатей, как ни кромсай, а все-таки прозой, безнадежной прозой останутся, хотя бы такие заявления: "Но этот кардинальный вопрос относительно весны..."» (Руль. Берлин, 1924. 3 февр.).

С другой стороны, положительно оценивая ироническую окраску ряда стихов Маяковского, Р. Гуль отмечал: «В поэтическом облике Маяковского лирика является лучшим из всего, что у него есть. Может быть, по своей силе с ней сравнятся лишь стихи о революции» (Накануне. Берлин, 1923. 7 окт.).

На схожую тему написано стих. А.Безыменского «Весенняя прелюдия» (Молодая гвардия. 1923. № 4/5; Рабочая Москва. 1923. 8 июня; отд. изд. 1928): «Мне говорят: "Весна... — и солнце пышет горном, / и пляшет трепака по строчкам Сашка Жаров..." / А я иду, иду и думаю упорно / про себестоимость / советских / товаров... Так пусть кричат враги, / что сердцем сухи мы, / и пусть не назовут меня они / поэтом, / все равно: дни / в белом ли фартуке зимы / или в зеленой прозодежде лета, / надо заставить / работать на нас».

...могу доказать: «самогон — большое зло». — В марте — апреле 1923 г. Маяковский написал агитлубок «Вон самогон!».

КОМСОМОЛЕЦ

(С. 254)

Юношеская правда. М., 1923. 16 апр., под загл. «Комсомолец»; Красная нива. М., 1923. № 23, 10 июня, под загл. «Комсомолец»; *Мы и прадеды*; Соч. 2, под загл. «Марш комсомольца».

Беловой автограф — ГММ. Р-116.

Печатается тексту «Красной нивы».

Датируется по первой публикации.

Перепечатано (под загл. «Комсомолец»): Клич молодежи. Рязань. 17 мая; Молодой рабочий. Баку. 23 июня; Прибайкальская правда. Верхнеудинск, 2 сент.; Правда молодежи. Орел. 19 нояб.; Красная смена. Минск. 31 дек.; сб. «2 сентября». М., 1923 (под загл. «Комсомолец»).

Первоначальная редакция стихотворения, относящаяся к 1923 г., подверглась затем значительной переработке автора, в результате которой возникла новая редакция, опубликованная в 1927 г. в сб. *Мы и прадеды*. Эта редакция с незначительной правкой вошла и в Соч. 2 (см. разд. «Другие редакции»).

1-е МАЯ («Свети!..»)

(С. 256)

Красная нива. М., 1923. № 17, 29 апр.; Новая мысль. Харьков, 1923. № 1, 30 апр.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту «Красной нивы».

Датируется по первой публикации.

Написано к празднику 1-го Мая. Содержит реминисценции произведений Маяковского «Необычайное приключение...» (стк. 1: «Свети!») и «150 000 000» (стк. 23 — 49).

СХЕМА СМЕХА

(С. 258)

Огонек. 1923. № 5, 29 апр., в сопровождении шести рисунков Маяковского; *Маяковский улыбается* (в «Предисловии»).

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту сб. *Маяковский улыбается*.

Датируется по первой публикации.

По воспоминаниям Л.Ю. Брик, «Схема смеха» написана в Пушкино, возможно, летом 1922 г.: «Ежедневно там проходил курьерский поезд, и к нему ходили торговать "бабы с молоком" и "мужики с бараниной". Маяковский без конца с выражением пел "Схему смеха" на какой-то собирательный мотив, который я и сейчас помню:

Была бы баба ранена (<...>

И на тот же мотив, торжественно — так, как поют "славу":

Хоть из народной гущи(<...>»

(Брик Л. Пристрастные рассказы. Н. Новгород, 2003. С. 56).

В «Предисловии» на примере этого стихотворения Маяковский сформулировал принципы работы в области юмора. Он писал, что в «Схеме смеха» есть «правильная сатирическая обработка слова. Это не стих, годный к употреблению. Это образчик...».

Л.Д. Троцкий, характеризуя сатиру Маяковского как поверхностную, отмечал: «Маяковский всерьез полагает, что "смешное" можно отвлечь от матери его и свести к форме. В предисловии к сборнику своих сатир он дает даже "схему смеха". Если при чтении этой "схемы" что-либо способно вызвать улыбку... недоумения, так это то, что схема смеха абсолютно не смешна. Но даже если создать более счастливую "схему", чем это удалось сделать Маяковскому, то и тогда несколько не исчезнет различие смеха, вызываемого сатирой, попадающей в цель, и хихикания от словесной щекотки» (Троцкий Л. Литература и революция. М., 1923. С.121).

Перепечатано: Эхо. Берлин, 1924. № 9.

1-е МАЯ («Мы!..»)

(С. 259)

Известия. 1923. 1 мая.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту газеты.

Датируется по первой публикации.

Человечество! Масса! — Возможна переключка с названием пьесы Э.Толлера «Человек-масса», поставленной в Театре Революции (1923).

...каждое радио — радиотелеграмма.

1-е МАЯ («Поэты...»)

(С. 261)

Лэф. 1923. № 2, апр. — май; *Вещи этого года*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано в качестве примера осуществления социального заказа новыми изобразительными средствами. К исполнению тематического задания Маяковский привлек Н. Асеева, В. Каменского, А. Крученых, П. Незнамова, Б. Пастернака, И. Терентьева, С. Третьякова, чьи стихи также появились в № 2 «Лефа». Незнамов вспоминал: «Номер к празднику не вышел, ГИЗ засолил его, но успел выпустить небольшой оттиск со стихами и первомайской передовой. Передовая была напечатана на трех языках, переводила с русского Рита Райт. Оттиск к празднику был выставлен в витринах почти всех книжных магазинов и фигурировал на вечерах накануне, 30 апреля» (Восп. 1963. С. 369).

П. Жуков в статье «Левый фронт искусств», отмечая сильное стихотворение С. Третьякова, характерное «футуристическими трюками», выражал удивление тем, что «целый ряд стихов на одно задание "1-ое мая" перемещен из отдела "Практика" в отдел "Программа"» (Книга и революция. 1923. № 3. С. 41). Очевидно, Маяковский придавал не только программное значение этому коллективному эксперименту, но и практическое («Да здравствует деланье мая — искусственный май футуристов!» Ср. также с эпизодом раскрашивания деревьев к первой годовщине Октября московскими футуристами).

В целом, первомайская подборка стихов иллюстрировала основные теоретические положения левовской программы, отраженные в статьях Маяковского «Формовщики жизни», О. Брика «От картины к ситцу», Г. Винокура «О революционной фразеологии (один из вопросов языковой политики)» (Леф. № 2).

...пятилетних сынов зари. — Год пятилетия Февральской и Октябрьской революций.

...да здравствует декабрь! — Подчеркнута связь революций 1917 г. с Декабрьским вооруженным восстанием 1905 г. и восстанием на Сенатской площади 14 декабря 1925 г.

...в паре поэтических шор. — Парные рифмы.

РАБОЧИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

(С. 264)

Известия Одесского губисполкома. 1923. 5 мая.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту газеты.

Написано в связи с Днем печати, отмечавшимся ежегодно 5 мая. Опубликовано в общей подборке материалов рядом со статьей редактора газеты М. Ольшевца «Камнем и ножом не уберешь рабкора» и Ю. Золотарева «Красный журналист». Среди лозунгов на странице: «Да здравствует пролетарская печать — рупор партии и могучее оружие борьбы рабочего класса за свое моральное и духовное раскрепощение».

ЭТО ЗНАЧИТ ВОТ ЧТО!

(С. 266)

Известия. 1923. 23 мая; сб. «Лёт». М., 1923.

Черновой автограф, без загл., порядок следования строк в сравнении с текстом в «Известиях»: 51 – 58, 1 – 8, 15 – 22, 42 – 50, 9 – 14, 32 – 41, 23 – 31 – Зап. книжка № 20 (ГММ). Между 10 и 22 мая 1923 г.

Беловой автограф, с подписью – ИМЛИ. Ф. 18. Оп. 1. № 4.

Машинопись с правкой и подписью – ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 13 – 14.

Печатается по тексту «Известий».

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с проведением Недели Воздушного флота с 24 июня по 1 июля 1923 г. Опубликовано рядом со статьей А. Сергеева «Пути создания воздушного флота». Вошло в сб. «Лёт», изданный под редакцией Н. Асеева и содержащий стихи 29 авторов, в том числе В. Брюсова, В. Каменского, О. Мандельштама, А. Платонова.

Перепечатано: *Бакинский рабочий*. 1923. 30 мая; сб. избранных авиастихов «Штурм неба». Харьков, 1924.

Маяковский вступил в члены Общества друзей Воздушного флота (ОДВФ), в 1925 г. участвовал в съезде ОДВФ, на котором прочитал написанную по заказу общества агитпоэму «Летающий пролетарий». В автобиографии «Я сам» в главе «25-й год» Маяковский отметил: «Написал агитпоэму "Летающий пролетарий" и сборник агитстихов "Сам пройдишь по небесам"». Очевидно, речь шла о сборнике в 2000 строк, договор на который Маяковский заключил с издательской секцией ОДВФ 10 марта 1925 г. Книга не была издана.

...господин Фош по Польше парады корчит. – Фердинанд Фош (1851 – 1929) – французский маршал, главнокомандующий силами Антанты в 1918 – 1919 гг. В мае 1923 г. объезжал границы Польши с СССР. Ср. в поэме «Пятый Интернационал»: «Париж. Фош. Врешь, бош. Берегись, унтер...»

...фашистское тупорылье осмелилось нашего тронуть? – Имеется в виду убийство В.В. Воровского в Лозанне.

Амадори Джованни – торговый представитель Италии в СССР в 1923 г. По требованию советского правительства выслан за клеветническую информацию в итальянской печати.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

(С. 268)

Бюлетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП, сер. «А». 1923. 20 мая, в качестве заглавия выделена первая строфа.

Беловой автограф – ГММ. Р-175.

Печатается по тексту «Бюлетеня» с исправлениями в заглавии по автографу.

Датируется не ранее 10 мая 1923 г., когда была опубликована нота министра иностранных дел Великобритании лорда Джорджа Керзона от 8 мая. Тема «универсального ответа» получила развитие в стихах «...товарищ Чичерин и тралеры отдаст и прочее», «О том, как у Керзона с обедом разрасталась аппетитов зона», «Керзон».

Перепечатано в газетах: Саратовские известия; Звезда. Минск; Красное знамя. Чернигов; Красный Крым. Симферополь; Волна. Архангельск; Воронежская коммуна; Уральский рабочий. Екатеринбург; Красное знамя. Краснодар; Карельская коммуна. Петрозаводск; Соха и молот. Могилев; Пролетарий. Самарканд; Мир труда. Петропавловск.

Если концессией или чем прочим... — См. примеч. к стих. «О том, как у Керзона...».

Если хочется сунуть рыло им в то, кого судим, кого милуем... — В связи с протестом английского правительства против смертных приговоров главе Католической церкви в России архиепископу Цепляку и прелату Буткевичу Президиум ВЦИК помиловал архиепископа.

ВОРОВСКИЙ

(С. 270)

Известия. 1923. 20 мая, под загл. «Сегодня»; *Вещи этого года*; Соч. 2, под загл. «Воровский».

Черновой автограф (стк. 1—5) — Зап. книжка № 20 (ГММ).

Машинопись (стк. 1—42) с выделенным в качестве заглавия первым словом стихотворения — «Сегодня» (с ред. правкой) — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 54.

Печатается по Соч. 2 с исправлением в стк. 10: «пройдет Воровский» вместо «пойдет Воровский».

Датируется между 10 и 19 мая.

Первопечатный текст отличается от других источников. Возможно, это объясняется причиной, о которой Маяковский написал в предисловии к сб. *Вещи этого года*: «Аэроплан, летевший за нами с нашими вещами, был снижен мелкой неисправностью под каким-то городом. Чемоданы были вскрыты и мои рукописи взяты какими-то крупными жандармами какого-то мелкого народа. Поэтому вещи, восстанавливаемые памятью, будут слегка разниться от первоначальных вариантов».

Написано в связи с убийством полпреда РСФСР в Италии, литературного критика В.В. Воровского, который был застрелен белогвардейцем М. Конради 10 мая 1923 г. в Лозанне. Писатель-эмигрант Марк Алданов писал: «Выстрел Мориса Конради нельзя назвать иначе, как бессмысленным актом; он особенно бессмыслен потому, что Воровский был, насколько могу о нем судить, честный и убежденный человек, лично неповинный в преступлениях советской власти» (*Алданов М. Убийство Урицкого: К пятилетию // Последние новости. Париж, 1923. 10 авг.*).

Напечатано на первой полосе газеты в ряду материалов, посвященных прибытию в Москву гроба с телом Воровского и захоронению его у Кремлевской стены, под общей шапкой: «Сегодня прибывает тело тов. Воровского. Пролетарская Москва! Отдай последний долг верному часовому, погибшему на своем посту!»

В тот же день, 20 мая, Маяковский выступал на траурном митинге памяти Воровского на пл. Свердлова (ныне — Театральная) с чтением стихотворения (сохранились кадры кинохроники).

Перепечатано в фельетоне «Вирши Маяковского» (Новое время. Белград, 1923. 3 июня), с предисловием: «Декадентский пиит Маяковский печатает свои полоумные вирши на страницах московских "Известий". Вот какой белибердой разразился Маяковский по поводу прибытия в Москву праха Воровского...» Цитируя стихи Д.Бедного по тому же поводу «Долги кровавые мы возместим с лихвою», аноним заключал: «...не они нам, а мы должны возместить им кровавые долги».

«...ТОВАРИЩ ЧИЧЕРИН И ТРАЛЕРЫ ОТДАЕТ И ПРОЧЕЕ...»

(С. 272)

Печатается по автографу. Несохранившиеся части текста заменены многоточием.

Первоначальная заготовка — стк. 70—73 — Зап. книжка № 20 (ГММ).

Беловой автограф сохранился не полностью: утрачены начальные строки и стк. 62—63 — ГММ. Р-140.

Датируется не ранее 15 мая 1923 г., когда был опубликован в печати ответный меморандум советского правительства от 11 мая по поводу ноты Керзона от 8 мая 1923 г. Основные положения меморандума отразились в стихотворении.

Предназначалось для публикации в «Известиях», так как на обороте рукописи помечено: «Тов. Василенко», «На машинку». (В.М. Василенко был секретарем редакции «Известий»). Напечатано не было.

...товарищ Чичерин и тралеры отдает и прочее. — В ноте Керзона от 8 мая содержалось требование возвратить тралеры «Св. Губерт» и «Джеймс Джонсон», задержанные пограничной охраной СССР за нарушение установленной декретом советского правительства 12-мильной зоны вдоль Мурманского побережья. В подписанном наркомом Г.В. Чичериным ответе от 11 мая выражалась готовность возвратить тралеры.

БАКУ

(С. 275)

Бакинский рабочий. 1923. 25 мая; О Курске; Соч. 2.

Беловой автограф — стк. 1—58 с авторской правкой и подписью; на обороте стк. 1—6, записанные «лесенкой» и зачеркнутые, — 256 страниц. Л. 30—31.

Запись рифм: «но к тебе — более — Тибет — богомолье», «источники — точки» (в окончательном тексте отсутствует), «Вертится — до краев, сердце — кровь» — Зап. книжка № 20 (ГММ).

Печатается по Соч. 2.

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с трехлетием возобновления работы бакинских нефтяных промыслов. Напечатано в специальном номере газеты, посвященном этому событию.

Включалось помимо неизданного сб. «256 страниц Маяковского» в заявку сб. «Слова сегодняшнего образца» (1923).

Маяковский впервые увидел Баку подростком, в 1906 г., когда семья Маяковских переезжала из Кутаиси в Москву. В автобиографии «Я сам» (1922) он писал: «Лучше всего — Баку. Вышки, цистерны, лучшие духи — нефть, а дальше степь. Пустыня даже». Подробнее об этих впечатлениях и посещении Баку 29 марта 1914 г. в очерке «Америка в Баку» (1926). Теме Баку посвящено одноименное стихотворение в 1927 г.

Вероятно, об этом стихотворении напоминал Б. Пастернак Маяковскому в надписи на сб. «Сестра моя жизнь», известной по позднейшим спискам.

...И вы с прописями о нефти
Теряясь и оторопев,
Я думаю о терапевте,
Который вернул бы вам гнев.

(ЛН. М., 1983. Т. 93)

О ТОМ, КАК У КЕРЗОНА С ОБЕДОМ РАЗРАСТАЛАСЬ АППЕТИТОВ ЗОНА

(С. 277)

Известия. 1923. 3 июня; *Вещи этого года*; Соч. 2.

Беловой автограф — стк. 1 — 67, 79 — 87, четверостишие после стк. 67, не вошедшее в окончательный текст. На автографе распоряжение редактора «Известий» Ю.М. Стеклова: «Срочно! На сегодня!» (ГММ. Р-141).

Печатается по Соч. 2 с исправлением в стк. 38 — 40: «Но я б Керзону дал ответ» вместо «Но я б Керзону дал совет» (по всем остальным источникам) и в стк. 63: «что требую» вместо «что требуем» (по беловому автографу).

Датируется по первой публикации.

Написано после ноты Керзона от 29 мая 1923 г., опубликованной 1 июня. Некоторые ее положения пародируются в стк. 26 — 35. В стк. 5 — 9 отразилось содержание ноты Керзона от 8 мая 1923 г.

В предисловии к сб. *Вещи этого года* Маяковский назвал стихотворение образцом того, как «маленькие задачки чистого стиходелания

отступают перед широкими целями помощи словом строительству коммуны».

Это было завершающее в разработке темы ответа Керзону произведение.

К тому времени критики упрекали Маяковского в том, что он сдался под натиском темы (В. Шкловский), что «тема верховодит стихом... всплывает теперь над его стихами, а не держится в них», что вызывает у поэта «самоповторение» (Ю. Тынянов).

В рецензии на сб. *Вещи этого года* Б.К. (Ю. Айхенвальд) писал: «"Товарищ" среди "товарищей", г. Маяковский этой принадлежностью своей к общему уровню, и притом уровню некультурному, портит и то хорошее, что есть в его крепком пере. Он остроумен, богат неожиданными, хотя и придуманными образами, наделен избытком темперамента, но вот все это у него — на холостом ходу, вертится без толку...» (Руль. Берлин, 1924. 3 февр.).

С другой стороны, Р. Гуль называл Маяковского «запевшим Ильей Муромцем», который «в одах и песнях революции (еще больше в сатире) вышел действительно на площадь и закричал миллионам...» (Накануне. Берлин, 1923. 6 окт.). О выступлениях Маяковского с чтением стихов о Керзоне («Маяковская галерея») см. репортаж М. Булгакова «Бенефис лорда Керзона»: «Маяковский все выбрасывал тяжелые, как булыжники, слова, у подножия памятника кипело, как в муравейнике, и чей-то голос с балкона прорезал шум: "В отставку Керзона!!!"» (Накануне. 1923. 19 мая).

...возвратите тралер, который скрали... — См. примеч. к стих. «...товарищ Чичерин и тралеры отдает и прочее...».

«Каждому шпиону...» — В ноте Керзона от 29 мая содержалось требование уплатить английской шпионке Стэн Гардинг 3000 фунтов стерлингов и выдать родственникам расстрелянного по обвинению в шпионаже Дэвидсона компенсацию в размере 10 000 фунтов стерлингов.

Затем пересмотреть всех полпрегов. — Министерство иностранных дел Великобритании требовало отзыва представителей СССР в Афганистане (Ф.Ф. Раскольников) и Иране (Б.З. Шумецкий) в связи с поддержкой ими революционно-освободительных движений на Востоке.

«...И вообще... самим себя высечь». — Аллюзия на реплику из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» об унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла.

Пока официального ответа нет. — Ответ советского правительства на ноту Керзона от 29 мая 1923 г. был вручен английскому представителю 9 июня.

Наркоминдел, Наркомин, Ино — Народный комиссариат по иностранным делам.

Вайнштейн Григорий Исаакович (1880 — 1940) — в 1922 — 1923 гг. заведующий подотдела стран Антанты — заведующий отделом англо-романских стран Наркоминдела. Керзон в своей ноте требовал отозвать письма английскому правительству от 3 марта и 4 апреля 1923 г., подпи-

санные Вайнштейном, в которых отклонялась попытка Великобритании предотвратить процесс над главой Католической церкви в России архиепископом Цепляком и прелатом Буткевичем. Нарком Г.В. Чичерин отправил 10 апреля письмо И.В. Сталину об ухудшении международного положения России в связи с казнью прелата Буткевича и подготовкой суда над патриархом Тихоном (см. примеч. к стих. «Универсальный ответ» в наст. томе).

Болдуин Стэнли (1867–1947) — лидер консерваторов и премьер-министр Великобритании в 1923–1924 гг.

Гаррисон Маргерита Элтон (1879–1967) — американская журналистка, находившаяся в 1920–1921 гг. в Советской России. В «Известиях» 12 мая 1923 г. сообщалось о ее признании в том, что она занималась шпионажем в качестве агента американской военной разведки.

...*Уркварту всё железо...* — *Уркварт Лесли* (1874–1933) — крупный английский промышленник, владевший предприятиями в царской России. Вел переговоры о получении концессии. В сентябре 1918 г. возглавил Комитет по снабжению Сибири, через который шла поддержка Колчака. В 1922 г. был экспертом английской делегации на Генуэзской конференции.

РАЗВЕ У ВАС НЕ ЧЕШУТСЯ ОБЕ ЛОПАТКИ?

(С. 280)

Известия Одесского губисполкома, губкома КПБУ и губпрофсовета. 1923. 3 июня. Лит.-науч. приложение, под загл. «Летим» и без последней строфы; Известия. 1923. 12 июня; *Вещи этого года*; сб. «Лёт»; *О Курске*; Соч. 2.

Копия белого автографа с подписью и заглавием: «Разве у вас не чешутся лопатки?» — 256 страниц. Л. 32–35.

Печатается по Соч. 2 с исправлением в стк. 37: «к богам в селения!» вместо «к богам во вселенную!» по текстам автографа и газет.

Датируется маем 1923 г., что устанавливается по дате сдачи рукописи книги 256 страниц (2 июня), в составе которой было стихотворение.

В «Известиях» опубликовано на первой полосе рядом с информацией об открытии авиалинии Москва–Тифлис, организованной компанией «Юнкерс»: «...новому виду сообщения приходится преодолевать свойственное обывателям скептическое отношение к передвижению по воздуху и взгляд на полеты как на нечто экстравагантное, не могущее войти в повседневный обиход».

Перепечатано: Амурская правда. Благовещенск. 13 июля; сб. «Вечера воздушного флота». Харьков; сб. избранных авиастихов «Штурм неба». Харьков, 1924; сб. «Авиакультура в рабочий клуб». М., 1925.

ЦЖО — Центральный жилищный отдел Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов.

СМЫКАЙ РЯДЫ!

(С. 283)

Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП, сер. «А»/«Б». 1923. № 43/41, 5 июня.

Черновой автограф — Зап. книжка № 20 (ГММ).

Печатается по тексту «Бюллетеня», с исправлением в стк. 45: «с рабочим» вместо «в рабочем» (по автографу).

Датируется по первой публикации.

Написано как заключительная часть новой редакции «Всем Титам и Власам РСФСР». Маяковский опубликовал его в качестве самостоятельного произведения. Сведений о публикации новой редакции в целом нет. Необходимость новой редакции возникла в связи с изменением государственной политики по отношению к крестьянству и переходом от продразверстки к продналогу. В.И. Ленин подчеркивал в начале 1923 г. в статье «О кооперации» ее исключительное значение при НЭПе, когда потребовалось «изгнать частный капитал из торговли и такой мерой создать прочную смычку между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью» (*Ленин. ПСС. Т. 45. С. 369*). На эту работу Ленина, опубликованную в газете «Правда» 26–27 мая 1923 г., ссылался Маяковский в тексте стихотворения.

Есть основания предположить, что этот фрагмент был написан непосредственно после обнаружения статьи «О кооперации» с пропагандистской целью и потому опубликован в «Бюллетене» и широко перепечатан на местах.

Перепечатано: Саратовские известия; Красное знамя. Краснодар; Мир труда. Петропавловск; Уральский рабочий. Екатеринбург (под загл. «О смычке»); Ижевская правда; Известия Одесского губисполкома; Красный Урал. Уральск; Соха и молот. Могилев; Брянский рабочий; Красный Крым. Симферополь; Амурская правда. Благовещенск.

ГОРЬ

(С. 285)

Огонек. М., 1923. № 12, 17 июня.

Автограф неизвестен.

Печатается по журн. «Огонек».

Датируется по первой публикации. Однако есть основания соотнести стихотворение с картинками московской жизни «Неразбериха», «Два не совсем обычных случая», «Стихотворение о Мясницкой...», созданными летом — осенью 1921 г. В нем запечатлены приметы быта возрождающейся после окончания Гражданской войны Москвы. Можно предположить, что стихотворение было написано для газ. «Агит-РОСТА». Но замысел рубрики «Наш быт» не был полностью реализован. Ср.: меньшевик Ф. Дан заметил по выходе из тюрьмы, что в Москве наблюдалось изобилие

всевозможных продуктов питания по ценам, доступным только новым богатеям, что повсюду бросались в глаза спекулянты, что слово «барин» вновь стало общеупотребительным среди официантов, извозчиков и т.д., что на Тверской улице вновь появились проститутки (Два года скитаний. Берлин, 1922. С. 252).

КОМИНТЕРН

(С. 286)

Известия. 1923. 21 июня.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту газеты с исправлением в стк. 43: «Вреди» вместо «Вредит».

Датируется по первой публикации.

Написано в дни работы расширенного пленума Исполкома Коминтерна, проходившего 12 – 23 июня 1923 г. в Москве.

Слюною нот в бессильи иссякая... — Речь идет о нотах английского правительства от 8 и 29 мая 1923 г., которые вызвали в СССР массовые демонстрации протеста. См. стихотворения «... товарищ Чичерин и тралеры отдаёт и прочее» и «О том, как у Керзона...».

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(С. 288)

Молодая гвардия. 1923. № 4/5, июнь – июль; *О Курске; Мы и прагеды*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2 с исправлением в стк. 34: «Но и этого мало» вместо «Но этого мало» по сб. *О Курске и Мы и прагеды*.

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с первой годовщиной журнала «Молодая гвардия», органа ЦК РКСМ, в номере, посвященном этому событию.

Помещено после приветствия Л. Троцкого, Г. Чичерина и стихотворения Демьяна Бедного «Точная простая истина. "Молодогвардейцам" посвящаю». Подборка литературных материалов завершалась стихами Н. Асеева, В. Кириллова, А. Жарова, С. Третьякова и статьей Л. Авербаха «"Молодая гвардия" за год: (Тезисы доклада на Всероссийской конференции РКСМ)».

Стихотворение созвучно основным положениям приветствия Л. Троцкого и Г. Чичерина, что, возможно, свидетельствует о предварительном знакомстве Маяковского с текстами обращений. Например: «Товарищи, молодые коммунисты, живите полной жизнью, каждый за всех, и все за каждого, — писал Г. Чичерин. — Учитесь всюду, боритесь всюду, пусть

грудь ваша ширится всеми биениями пульса мира, и пусть в вашей борьбе, в ваших трудах и в вашей радости полнота жизни будет полнотою красоты».

Перепечатано: На смену. Екатеринбург; Грядущая смена. Екатеринбург; Молодая гвардия. Благовещенск; Юный товарищ. Смоленск; журн. «Семь дней». Ташкент, 1928. № 43, 26 окт.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕТЧИКА

(С. 290)

Красная нива. 1923. № 25, 24 июня.

Машинопись — ГММ. Р-255.

Печатается по тексту «Красной нивы» с исправлением в стк. 26: «хоть всё облетаешь лоно» вместо «хоть все облетаешь лона» (по машинописи).

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с начавшейся 24 июня Неделей Воздушного флота. Опубликовано на одной полосе с плакатами: «Крепите воздушную снасть!» и «Ннна! Ультиматум».

Перепечатано: сб. избранных авиастихов «Штурм неба». Харьков, 1924; сб. «Авиакультура в рабочий клуб». М., 1925.

ИТОГ

(С. 292)

Черновой автограф — ГММ. Р-157.

Беловой автограф — ГММ. П-95.

Черновой автограф записан на листе, на обороте которого — текст стихотворения «Протестую!».

На беловом автографе пометка редактора газеты «Известия» Ю. Стеклова: «В Изв(естия). Оплатить. 2. VII». В газете опубликовано не было, что не исключает публикации в специальной листовке, агитлетучке или иных неразысканных материалах. Напечатано с подзаголовком «Неизвестное "Авиастихотворение" Маяковского» в газете «Вечерняя Москва» (1935. 4 нояб.).

Печатается по беловому автографу.

Датируется по надписи Ю. Стеклова на автографе. Написано по итогам Недели Воздушного флота, проходившей 24 июня — 1 июля 1923 г. Упомянутый в черновом автографе самолет «Московский большевик» вместе с самолетом «Известия ВЦИК» был передан «Красному военному воздушному флоту» 29 июня 1923 г. (См. также стих. «Авиадни».)

АВИАДНИ

(С. 295)

Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП, сер. «А». М., 1923. № 59, 21 июня.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту «Бюллетеня».

Датируется по первой публикации.

Написано в связи с окончанием Недели Воздушного флота, которую Маяковский называет «лётнеделя», «авиадни», «эти дни».

Завершается, как и стихотворение «Итог», выводом о том, что «пролетарий стал крылат».

Перепечатано: Саратовские известия. 26 июля; За мир и труд. Ростов/Д. 28 июля; Красное знамя. Краснодар. 29 июля; Красный мир. Кострома. 29 июля; Наш понедельник. Гомель. 30 июля; Прибайкальская правда. 5 авг.; Пролетарий. Самарканд. 5 авг.; Пролетарий. Харьков. 5 авг.; сб. «Авиакультуру в рабочий клуб». Харьков, 1925.

АВИАЧАСТУШКИ

(С. 296)

Известия. 1923. 3 июля.

Беловой автограф — ГММ. Р-68.

Машинопись (ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 17—19) с пометой Маяковского в верхнем правом углу первой страницы: «Выровнять строки». В соответствии с этим в тексте, напечатанном лесенкой, в ряде строк снято ступенчатое расположение. Возможно, исходя из традиционной формы частушки, автор требовал более последовательного изменения графики, т.е. восстановления четверостиший.

Печатается по тексту «Известий» с исправлением в стк. 46: «льет водицу водопадом» вместо «льет водицу водопадом» (по автографу) и восстановлением столбика.

Написано во время Недели Воздушного флота (24 июня — 1 июля).

Перепечатано: Брянский рабочий. 5 июля; Красный мир. Кострома. 8 июля; Уральский рабочий. Екатеринбург. 10 июля; сб. «Вечера воздушного флота». Харьков, 1923; газ. «Псковский набат». 1924. 10 авг.; сб. «Авиакультуру в рабочий клуб». М., 1925.

Был летун огин Илья... — Имеется в виду Илья-пророк, который, по славянской мифологии, разъезжает по небу на колеснице, вызывая гром и дождь.

...кто же грош на Фоккер внес... — «Фокке-Вульф» — самолеты одноименной немецкой компании, на покупку которых наряду с «юнкерсами» в СССР собирались добровольные взносы.

НОРДЕРНЕЙ

(С. 298)

Известия. 1923. 12 авг.; *О Курске*; Соч. 2.

Черновой автограф — стк. 21–93, без загл. — Зап. книжка № 21 (ГММ).

Машинопись с редакторскими пометками и подписью Маяковского: «Нордерней. 4 августа» — ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 105. Л. 33–35.

Печатается по Соч. 2, с исправлениями в стк. 24: «громовый раскат» вместо «громовой раскат»; в стк. 27: «но верую в ярую» вместо «но я верую в ярую» (по автографу).

Датируется не позднее 4 августа 1923 г.

Написано во время пребывания в Германии в августе 1923 г., когда Маяковский вместе с Л.Ю. и О.М. Бриками, Эльзой Триоле, Е.Ю. Каган, В.В. Шкловским и др. отдыхал на о. Нордерней в Северном море.

Эльза Триоле вспоминала: «...я тяжело заболела по приезду на остров Нордерней... куда мы поехали все вместе — мама, Володя с Лилей, и все те, что потянулись за нами... Не знаю, каким образом случилось, что у меня оказалась принадлежавшая Володе маленькая, не больше записной, книжечка Гейне — "Die Nordsee". Володя Гейне очень любил, и книжечка жила у него в кармане, вынет и читает с зычным акцентом:

Ihr Lieder! Ihr meine guten Lieder!!!
Auf! Auf! Und waffnet euch!

Книжечку я храню по сей день» (Триоле Э. Воинствующий поэт // «Я земной шар чуть не весь обошел...». С. 260).

Приведенными выше строчками — «Песни, вы добрые песни мои! Вставайте, наденьте доспехи», — открывается написанная в Нордернее книга песен «Северное море» Г. Гейне. Маяковский, по словам его переводчика Гуго Гупперта, интересовался метрическим новаторством Гейне, поясняя: «...на острове Нордерней мне показали место, где сто лет назад Гейне изучал метрику морского прибоя, а потом воспел Северное море в безрифменных стихах, в ритме и такте бури» («Я земной шар чуть не весь обошел...» С. 260–261). См. также примеч. к стих. «Гейнеобразное» и воспоминания В.В. Шкловского «О Маяковском».

О замысле стихотворения Маяковский сообщал в предисловии к сб. *Вещи этого года*, датированном 25 июля 1923 г. Его воплощение было связано с определенной поэтической традицией места, где творил Гейне, и времени, когда обострилась революционная ситуация в Германии на фоне глубокого экономического кризиса (см. стих. «Уже»).

Табльдот — от фр. table d'hôte — общий обеденный стол в пансионах и курортных ресторанах. По воспоминаниям Л. Брик, находясь там, Маяковский имел обыкновение произносить:

Geben Sie ein Mittagessen
Mir und meinem Genius!

— «Подайте, пожалуйста, обед, мне и моему гению» (из стих. Гейне «Diese Damen sie verstehen...»).

МОСКВА–КЕНИГСБЕРГ

(С. 301)

Огонек. 1923. № 29, 14 окт., включено в фотомонтаж А. Родченко, под текстом обозначены место и дата: Berlin, 6/IX-23; *О Курске*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2 с исправлениями в стк. 41: «отлетающий низ» вместо «отлетающий вниз» (по тексту «Огонька» и *О Курске*); в стк. 97: «трудоу заводов» на «трудоу заводов» (по смыслу), в стк. 102: «распахивался» на «распархивался» (по тем же источникам).

Датируется автором 6 сентября 1923 г.

Другие заглавия стихотворения:

— «Перелет Москва–Кенигсберг» — в заявлении Маяковского в изд-во «Мосполиграф» от 29 декабря 1923 г.; на выступлении на вечере «Отчет за 1923–24 гг.» в Большой аудитории Политехнического музея 4 марта 1924 г.; в извещении о вечере «Расцвет Лефа» в Большом зале бывш. Палаты господ в Берлине 29 апреля 1924 г.:

— «По воздуху» — Афиша и листовка «Идем путешествовать!» к выступлениям Маяковского в Нижнем Новгороде, Пензе, Курске и других городах в январе – феврале 1927 г.

Написано по пути из Москвы в Германию, в Кенигсберг, на самолете вместе с Л.Ю. Брик 3 июля 1923 г. После отдыха во Флинцберге (июль) и Нордернее (август) Маяковский вернулся в Берлин, где оставался до 17–18 сентября. Как вспоминал В.Л. Андреев, Маяковский дважды выступал в начале сентября с чтением стихов, однако, было ли среди них данное стихотворение, неизвестно.

«Кагеляк» — прав. «Кадиллак», марка американского легкового автомобиля.

В небо дверью – аэродром. — Аэродром Московского общества воздухоплавания был открыт на Ходынском поле перед Первой мировой войной, с 1926 г. — Центральный аэродром им. М.Ф. Фрунзе. Рядом располагались летние красноармейские лагеря. 10 мая 1922 г. такой же перелет совершил С.А. Есенин, направлявшийся в Берлин.

...солнечное это. ~ необычайнисья. — Контаминация заглавий стихотворения «Необычайное приключение...» («Солнце») и поэмы «Про это». Р.О. Якобсон вспоминал: «Во Флинцберге, летом 1923 г., Маяковский читал мне "Про это", которое я уже читал, но не слышал» (*Янгфельдт* 1992. С. 70). В июне 1923 г. в издательстве «Круг» вышла книга «Солнце» с иллюстрациями и обложкой М. Ларионова.

Ньюболд Уолтон (1888–1943) — литератор, первый депутат Британского парламента от компартии, делегат IV Конгресса Коминтерна и член ИККИ (Исполнительного комитета Коммунистического Интер-

национала), работавших в июне 1923 г. в Москве. В 1924 г. вышел из компартии.

«Крылья Икар в скалы низверг...» — См. древнегреческий миф об Икаре и Дедале.

Леонардо — итальянский художник и ученый Леонардо да Винчи написал трактат «О полете птиц» и пытался сконструировать летательный аппарат, приводимый в движение мускульной силой человека. Модель подобного аппарата под названием «Летатлин» была построена В.Е. Татлиным в 1929—1932 гг.

Уточкин Сергей Исаевич (1876—1916) — один из первых русских летчиков. Во время перелета из Петербург в Москву в 1911 г. его самолет потерпел аварию.

Двинск — ныне Даугавпилс, Латвия.

Горро (Гаррос Ролан, 1888—1918) — французский летчик-спортсмен, установивший несколько рекордов дальности полета.

Юнкерс Гуго (1859—1935) — немецкий авиаконструктор и промышленник, создатель фирмы «Юнкерс» (1919—1945), выпускавшей самолеты и моторы, в том числе «Гном».

Если надо к Марсам... — Полетам на Марс был посвящен роман-утопия А.А. Богданова «Красная звезда» (1908), вышедший несколькими изданиями в начале 1920-х годов, и повесть А.Н. Толстого «Аэлита» (1922—1923).

СОЛИДАРНОСТЬ

(С. 305)

Трудовая копейка. 1923. 1 окт.

Беловой автограф — ГММ. Р-167.

Печатается по автографу, поскольку газетный текст содержит опечатку в стк. 55 и разбивку на строки, отличную от авторской.

Датируется по первой публикации.

Написано, вероятно, по рассказам упомянутых в эпиграфе знакомых Маяковского, Григория Наумовича Каминского (1895—1939) и Бориса Анисимовича Кушнера (1888—1937), которые работали в советском торговом представительстве в Берлине. В сентябре 1923 г. Маяковский выступал в зале торгпредства на Линденштрассе (см. воспоминания Вадима Андреева «Возвращение в жизнь» — Звезда. 1969. № 6).

Стихотворение открыло сотрудничество Маяковского с газетой «Трудовая копейка». Оно было напечатано в номере, на первой странице которого сообщалось: «Бавария отменяет общегерманские законы. Коммунистам предложено войти в саксонское правительство». В разгаре классовой борьбы, в ожидании победы революции участие Советской России в традиционной осенней Лейпцигской ярмарке расценивалось как политический шаг.

УЖЕ!

(С. 307)

Красная нива. 1924. № 3, 20 янв.; *О Курске*; Соч. 2.

Автограф неизвестен.

Печатается по Соч. 2.

Датируется октябрём – ноябрём 1923 г.

Написано по впечатлениям от второй поездки в Германию. Первоначальный замысел относился к положению немецких рабочих и был обозначен в предисловии к сб. *Вещи этого города* в названии пролетарского района Берлина: «Стихи о Нордене». Впервые о Нордене Маяковский писал в стих. «Немцам» (см. «Другие редакции»). Однако резкое изменение политической и экономической ситуации определило тему падения немецкой марки как основную. 26 августа лидер Народной партии Г. Штреземан заявил: «Марка умерла!»

27 сентября одна золотая марка стоила 30 млн бумажных марок, 13 октября – 952 млн, 25 октября – 15 млрд, 10 ноября – 150 млрд, 22 ноября – билион. Через пять дней правительство Штреземана прекратило свое существование.

Перепечатано: антология «Поэты наших дней». М., 1924.

Milch und Butter – «Молоко и масло» (нем.).

Kurfürstendamm – улица банковских контор и особняков в Берлине. Маяковский останавливался в «Kurfürsten Hotel».

Шведки – шведские кроны.

Рыжики – золотые монеты.

Бурши – от нем. *Bursche* – парень (здесь – студенты).

Носке Густав (1868 – 1946) – немецкий правый социал-демократ, будучи в 1919 – 1920 гг. военным министром, подавлял рабочее движение. Один из организаторов убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Людендорф Эрих (1865 – 1937) – немецкий генерал. В 1919 – 1923 гг. возглавлял борьбу с революционными силами.

Сжимаемая кулак, у коммунистических прокламаций... – Сжатый кулак – эмблема рабочего движения, созданная художником Джоном Хартфильдом, автором обложки немецкого издания «150 000 000» в переводе И. Бехера (1924).

...чехардят Штреземаны и Куны. – Куно Вильгельм (1876 – 1933) – глава правительства с ноября 1922 по август 1923 г. Штреземан Густав (1878 – 1929) возглавлял кабинет с августа по ноябрь 1923 г.

КИНОПОВЕТРИЕ

(С. 309)

Огонек. 1924. № 8, 17 февр., под загл. «О развлечениях Европы»; *О Курске*, под загл. «Киноповетрие»; Парижский вестник. 1925. 22 нояб., под загл. «Чарли Чаплин» (см. «Другие редакции»); *Соч. 2*, под загл. «Киноповетрие».

Черновой автограф — стк. 1—84, 89—95, без загл., написан карандашом, правка чернилами, «лесенка» — в Зап. книжке № 22 (ГММ).

Печатается по *Соч. 2* с исправлением опечатки в стк. 60.

Датируется не позднее 29 декабря 1923 г.

Выбор текста определяется тем, что, хотя последнее авторское обращение к стихотворению было во время пребывания Маяковского в Париже в октябре — ноябре 1925 г., когда оно было напечатано в «Парижском вестнике» вслед за отрывком из поэмы «В.И. Ленин» и стихотворением «Христофор Колумб», внесенные в текст изменения не отразились в последующих публикациях.

Написано не позднее декабря 1923 г.: стихотворение упомянуто в заявлении Маяковского в «Мосполиграф» от 29 декабря 1923 г. под заглавием «Чарли Чаплин» в составе планируемого сборника. Тогда же имя Чарли Чаплина упомянуто в стихотворении «Протестую!».

Искусство Чаплина в это время привлекает внимание. И. Эренбург назвал его «Великим артистом современности», восклицая: «Кто сейчас самый популярный человек..? Да — Ленин и Шарло» (А все-таки она вертится. Берлин, 1922. С. 127). И. Эренбург опубликовал брошюру «Чарли Чаплин». Поэма Ивана Голля «Чаплиниада», изданная с иллюстрациями Фернана Леже, была переведена лидером ничевоков Рюриком Роком (Современный Запад. М., 1923. № 3). Основатель югославского журнала современного искусства «Зенит» Любомир Мицич называл в числе главных мастеров «нового искусства» Чаплина, Ивана Голля, Татлина, Маяковского, Эренбурга (*Zenit. Zagreb*, 1922. N 12).

Имена Маяковского и Чаплина называли рядом современники поэта. Юрий Олеша вспоминал: «Я видел фильмы раннего, совершенно немого кино, в которых играет Маяковский... Игра Маяковского напоминает чем-то игру Чарли Чаплина. Это близко: то же понимание, что человек обречен на грусть и несчастья, и та же вооруженность против несчастий — поэзией» (Олеша Ю. Избранное. М., 1974. С. 438). См. также у Виктора Шкловского: «Вещь называлась "Не для денег родившийся". Она была перделкой романа Джека Лондона... Поэт прославился, но его не любят. Он хочет покончить с собой, играет револьвером, перелезает через решетку балкона. Потом одевает свой цилиндр на скелет, почему-то стоящий в его комнате, и уходит по дороге бездомный, и свободный, как Чаплин, который еще тогда не снимал таких лент» (*Шкловский В. Маяковский в кино // Кино. 1937. 11 апр.*).

В 1925 г. Маяковский, вернувшись из-за границы, вынес на афиши «Дирижер трех Америк» и «Мое открытие Америки» тему «Кино-чаплин». В сценарии «Сердце кино» (1926) одно из действующих лиц — Чаплин.

Сюжет фильма, частично отразившийся в стихотворении Маяковского, характерен для серии комедий 1917 – 1919 гг., в частности «Искатели приключений» – забавнейшего из фильмов Чаплина, по мнению его биографа Л. Деллюка. Резюмируя его содержание, критик писал: «Шарло-беглец! Значит, он был в тюрьме? В смешной арестантской куртке он бежит на пляж. Полисмен. Два прохода между скалами. Нырять. Бег. Преследование. Он спасает девушку. Его одевают, как светского франта. Завистник увидел фотографию беглеца в газетах. Бал. Музыка. Прохладительные напитки. Полиция. Лестница. Подъемное окно. Балкон, с которого можно лить воду на гостей. Флирт. И снова скитания. Им не видно конца. Им не будет конца...» (цит. по: Сагуль Ж. Всеобщая история кино. М., 1961. Т. 3. С. 312).

Однако более достоверна ссылка на фильм с участием двойника Чаплина, информация о котором печаталась в журн. «Кинозрелище». 1922. № 3. Подробнее см.: Цивьян Ю. О Чаплине в русском авангарде и о законах случайного в искусстве // Новое лит. обозрение. 2006. № 81. С. 99 – 142.

Кино хохочет в мильон шиберов... – Schieber (нем.) – спекулянт. Ср.: «День и ночь, как шибера, мечутся в клетках гиены» (Шкловский В. ЗОО, или Письма не о любви. (Письмо шестое). Берлин, 1923). Здесь в значении «обыватель».

ПРОТЕСТУЮ!

(С. 312)

Красная нива. 1924. № 3, 20 янв.

Беловой автограф 1 – на обороте листа, содержащего черновик стихотворения «Итог». Текст написан карандашом без разбивки строк и без заглавия (ГММ. Р-157).

Беловой автограф 2 – рукопись (стк. 1 – 67) и машинопись (стк. 68 – 105) с правкой и инициалами «В.М.» рукой автора. На обороте машинописного листа варианты стк. 1 – 6, 43 – 52. Загл. «Протест» (ГММ. Р-158) (см. «Другие редакции»).

Печатается по тексту журнала с исправлением опечаток, отмеченных в журн. «Красная нива» (1924. № 6, февр.).

Датируется 29 июня – 2 июля 1923 г. по записи на рукописи стихотворения «Итог» и по дате отъезда Маяковского из Москвы в Берлин – 3 июня.

В стихотворении отразились размышления Маяковского по поводу тяжелой болезни его друга, литературного критика и теоретика «Лефа» Б.И. Арватова («Почему болезнь сковала Арватова?»). В первом автографе намечалось объяснение сложившейся ситуации: «Изобретешь великое передумаешь начисто (и вот) ослабел (и вот) маньячество». Те же причины назывались в письме С. Третьякова, О. Брига, Н. Асеева, Н. Чужака, Ю. Лебединского и др., опубликованном в журн. «Леф» (1923. № 3, июль): «Ряд потрясений в последнее время тяжело отразился на его здоровье, он

переутомился, ему грозило обострение нервного состояния. Это и вызвало, по совету врача, решение поместиться в лечебнице». Необходимость в публичном заявлении о болезни Арватова возникла в связи с публикацией фельетона Д. Бедного «Лефче! Лефче!» (Рабочая газета. 5 июля). Д. Бедный высмеял «лефов», на диспуте которых в Большом зале Консерватории отсутствовали основные докладчики — Б. Арватов, помещенный в нервную клинику, и В. Маяковский, уехавший в тот день за границу:

Есть несколько «лефов», да все в малом чине,
А «главлефа» нет по неизвестной причине...
Тут кто-то где-то
Разыскал «телефонную книгу про это».
Стали кричать в номер 67— 10:
«Мало вас, растаких, повесить!..
Дело в том,
Что его только что свезли в сумасшедший дом!»

В журн. «Леф» подчеркивалась недопустимость «с точки зрения литературной и коммунистической этики такого отношения со стороны т. Демьяна Бедного к т. Арватову».

После возвращения из Германии в середине сентября 1923 г. Маяковский продолжает следить за болезнью Арватова и ситуацией вокруг нее (в письме к Л.Ю. Брик во второй половине сентября: «Арватику очень плохо»). Вероятно, в это время он перерабатывает рукопись 1, которая отражала его первоначальную, непосредственно-эмоциональную реакцию на случившееся, заостря общественный пафос (даны конкретные факты, фамилии, заглавие «Протест», соответствующее по характеру письму «лефовцев, напечатанному в отсутствие Маяковского»). Таким образом, Маяковский намеревался высказать свое отношение, но причины, задержавшие публикацию, неизвестны. Возможно, стихотворение предполагалось поместить в очередной номер журн. «Леф» (вышел через полгода после № 3), а публикация в «Красной ниве» связана с появлением нового фельетона Д. Бедного «О соловье» (Жизнь. 1924. № 1. С. 343). В нем говорилось о теоретике, который «морочит нас "научно", что речь идет заумная, косноязычный бред — вот достижение!», и о всем известном «советском салоне» — Бриков и об Арватове, авторе статей о заумном языке. Пародийное снижение образов поэмы прослеживается по всему тексту.

...чуть что — лезла в рукопожатия. — Маяковский поддерживал распространённый после революции лозунг: «Рукопожатия отменяются» из соображений гигиены.

Биль — совр. Билл — уменьшит. от «Уильям».

Завидую только блиндированному автомобилю. — Ср. в поэме «Человек»:

Пойте теперь
о новом — пойте — Демоне
в американском пиджаке
и блеске желтых ботинок.

Мозг нагрузишь до крохотной нагрузки... — См. в фельетоне «Лефче! Лефче!»: «... не знаю, как был крепок его мозговой механизм...»

Рогов С.А. (1893 — 1968) — поэт, критик, один из руководителей журн. «На посту».

Коган Петр Семенович (1872 — 1932) — историк литературы и искусства, президент Государственной академии художественных наук. В нарицательной форме имя Когана неоднократно использовалось для обозначения противника в эстетических спорах.

Зубчиком вхожу в зубчатое колесо... — Возможно, аллюзия на строки из ст. В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература»: «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, "колесиком и винтиком" одного-единого, великого социал-демократического механизма (...)» (Ленин. ПСС. Т. 50. С. 101).

...отдыхать, в небеса вбегая ракетой. — Ср. финал поэмы «Летающий пролетарий» (1925), заключительные строки стих. «Итог», на обороте рукописи которого была начата работа над стих. «Протестую!»: «пролетарий стал крылат», и основные мотивы других стихотворений, связанных с Неделями Воздушного флота, проходившей с 24 июня по 1 июля 1923 г.

DUBIA

«ПОЛНО ПЛАКАТЬ НАД НИМ... ОТДЫХАЕТ...»

(С. 413)

Журн. «Порыв». М., 1907. № 3, апр., под псевд.: Ъ.

Написано, по всей вероятности, в феврале — марте 1907 г. в Москве.

Об этом стихотворении, которое Маяковский впоследствии решительно отвергал, и о другом, под названием «Весенняя картинка» (см. ниже), которое он признавал своим поэтическим началом, он вспоминал в главке «Первое полустихотворение» автобиографии «Я сам»: «Третья гимназия издавала нелегальный журнальчик "Порыв". Обиделся. Другие пишут, а я не могу? Стал скрипеть. Получилось невероятно революционно и в такой же степени безобразно. Вроде теперешнего Кириллова. Не помню ни строки. Написал второе. Вышло лирично. Не считая таковое состояние сердца совместимым с моим "социалистическим достоинством", бросил вовсе».

Журнал «Порыв», организованный в основном учащимися Третьей московской гимназии, среди которых были близкие знакомые, а вскоре и товарищи Маяковского по РСДРП, С.С. Медведев, В.В. Гзовский, был задуман как нелегальный «орган учащихся ... московских средних учебных заведений» и распространялся гектографическим способом тиражом до 100 экз. Всего вышло три номера — в феврале, марте и апреле 1907 г. В журнале преобладали статьи на общественно-политические темы, но печатались также стихи, проза и отклики на события культурной жизни,

На самом деле в обоих случаях речь идет об убийстве не генерала М. Алиханова, а генерала Ф.Ф. Грязнова. Ошибка памяти Маяковского объясняется, по-видимому, большей известностью «усмирителя Грузии» Алиханова, а также тем, что он умер в 1907 г. Песню об Арсене Джорджиашвили, ставшем народным героем, Маяковский мог слышать еще в Грузии или скорее уже в Москве, куда семья переехала в июле 1906 г., от грузинских студентов, большей частью «социалистов», снимавших комнаты в квартире Маяковских. По свидетельству С. Чиковани, обсуждая только что написанное стихотворение «Владикавказ – Тифлис» в кругу тифлисских литераторов, Маяковский говорил: «Нравится мне <...> грузинская народная революционная поэзия, кое-что помню до сих пор наизусть. И он начал читать: "Ме вар Арсена Джорджиашвили... висроле бомби, мовкалимхеци, маграм мтарвалебс вер гавекаци..." (Арсен я Джорджиашвили... Я бросил бомбу, я убил зверя, но палачи меня постигли.) И так до конца» (Чиковани С. Незабываемые встречи // «Перед вами, багдадские небеса»: Воспоминания. Посвящения. Тбилиси, 1973. С. 251). Другой вариант народной песни об Арсене Джорджиашвили («Не плачь, мать, и не ропщи, отец...») указан в кн.: Перцов В. Маяковский: Жизнь и творчество. М. 1976. Т. 1. С. 64 – 67.

ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА

(С. 414)

Порыв. М., 1907. № 2, март, под псевд.: Ъ.

Написано, по всей вероятности, в марте 1907 г. в Москве (см. примеч. к стих. «Полно плакать над ним... Отдыхает...»).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В.В. Маяковский. Фотография. Москва, 1918.

Фронтиспис

ВКЛЕЙКА

Владимир Маяковский. Фотография. Москва, 1910

«Пощечина общественному вкусу». [М.], 1912. Обложка

«Дохлая луна». М., 1913. Обложка

Маяковский в группе футуристов. Слева направо: А.Е. Крученых, Д.Д. Бурлюк, В.В. Маяковский, Н.Д. Бурлюк и Б.К. Лившиц. Фотография. Москва, 1913

В.В. Маяковский. «Я!». М., 1913. Обложка автора

Портрет Маяковского работы Л.Ф. Шехтеля из книги «Я!». Литография

Страница «самописьма» из книги В. Маяковского «Я!». Графика В.Н. Черыгина. 1913

Владимир Маяковский. Фотография. Казань, 1914

А.А. Радаков. Иллюстрация к стихотворению Маяковского «Гимн обеду». «Новый Сатирикон». Пг., 1915. № 29

В.В. Маяковский. «Простое как мычание». Пг., 1916. Обложка

Автограф стихотворения «Революция. Поэтохроника». Записная книжка № 1. 1917

В.В. Маяковский «Все сочиненное Владимиром Маяковским». Пг., 1919. Обложка

«Ржаное слово: Революционная хрестоматия футуристов». Пг., 1918. Обложка Маяковского

В.В. Маяковский. «Наш марш». Музыка А.С. Лурье. Обложка П.В. Митурича. М., 1918

Ю.М. Бонди. Плакат РОСТА на стихи «С товарищеским приветом, Маяковский». Кострома, 1920

В.В. Маяковский. «Схема смеха». Рисунки автора. Журнал «Огонек». 1923. № 19

В.В. Маяковский. «13 лет работы»: В 2 т. М., 1922. Т. 1. Обложка

В.В. Маяковский. «Стихи о революции». М., 1923. Обложка

«255 страниц Маяковского». М., 1923. Обложка

М. Черемных. Иллюстрация к стихотворению В. Маяковского «О дряни».
Журнал «БОВ», 1920

В.В. Маяковский. «Для голоса». Конструктор Эль Лисицкий. Берлин, 1923.
Обложка

Страницы книги В.В. Маяковского «Для голоса». 1923

Владимир Маяковский. Фотография. Берлин, 1922

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВЫ

- АПРФ – Архив Президента Российской Федерации
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГЛМ – Государственный литературный музей
ГММ – Государственный музей Маяковского
ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

КНИГИ ФУТУРИСТОВ

- Дохлая луна* – *Дохлая луна*, М., 1913 (август).
Дохлая луна 2 – *Дохлая луна*. 2-е изд. 1914.
Молоко кобылиц – *Молоко кобылиц*. 1914 (фактически декабрь 1913).
Рыкающий Парнас – *Рыкающий Парнас*. П., 1914 (январь).
Садок судей 2 – *Садок судей*. Вып. 2. СПб., 1913 (февраль).
Стрелец – *Стрелец*. Сб. 1. 1915 (февраль).
Стрелец 2 – *Стрелец*. Сб. 2. Пг., 1916 (август).
Требник троих – *Требник троих*. Пб., 1913 (март).

ИЗДАНИЯ МАЯКОВСКОГО

- Американцам* – *Американцам для памяти*. Нью-Йорк: New World Press, 1925.
Вещи этого года – *Вещи этого года*. Берлин: Накануне, 1923.
Все сочиненное – *Все сочиненное* Владимиром Маяковским. Пг.: ИМО, 1919 (май).
Для голоса – *Для голоса* / Конструктор Эль Лисицкий. Москва; Берлин, 1923.
Для первого знакомства – корректура неизданного сб. 1915 (РГАЛИ).
Избранный Маяковский – *Избранный Маяковский*. Берлин: Накануне, 1923.
ИзИз – *Избранное из избранного*. М., 1926.

- Как делать стихи* — Как делать стихи. М., 1926.
- Кофта фата* — верстка неизданного сб. 1918 (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 63).
- Маяковский издевается* — Маяковский издевается: Первая книжица сатиры. 1-е и 2-е изд. М.: Вхутемас, 1922 (МАФ. Серия поэтов; № 3).
- Маяковский улыбается* — Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается. М., 1923.
- О Курске* — О Курске, о комсомоле, о мае... М., 1924.
- Мы и прадеды* — Мы и прадеды. М., 1928.
- Песни рабочим.* — Песни рабочим. М.: Долой неграмотность, 1925.
- ПСС: В 12 т.* — Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1935—1938.
- ПСС: В 13 т.* — Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955—1961.
- ПСС 1939* — Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1939—1949.
- Простое как мычание* — Простое как мычание. Пг., 1916 (вторая половина октября).
- Соч. 1—10* — Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИЗ, 1927—1932.
- Стихи о революции* — Стихи о революции. 1-е и 2-е изд. М.: Красная новь, 1923.
- Стихи рев.* — Стихи революции. М., 1923.
- 256 страниц* — макет кн. «256 страниц Маяковского» (ИМЛИ. Ф. 18. Оп. 1. № 3).
- 13 лет работы* — 13 лет работы: В 2 т. М.: Вхутемас, 1922. Т. 1.

ПЕРИОДИКА

- Бакинский рабочий* — газета (вып. с 1906 г.).
- Бюллетень Прессбюро* — «Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП(б)»; издание печаталось на ротапринте, рассылалось в редакции местных газет; серия «А» — «для губернских газет, имеющих по преимуществу городского читателя», серия «Б» — «для уездных и губернских газет земледельческих районов с крестьянским кадром читателей»; 1922—1925.
- Веч. Москва* — газета «Вечерняя Москва» (вып. с 1923 г.).
- Известия* — газета «Известия ВЦИК». М. (с 1917 г.). Пг. (вып. с 1918 г.).
- ИК* — газета «Искусство коммуны». Пг., 1918—1919.
- Красная новь* — журнал. М., 1921—1942.
- Лит. газета* — Литературная газета. М. (вып. с 1929 г.).
- Молодая гвардия* — журнал (вып. с 1922 г.).
- Накануне* — газета. Берлин, 1922—1924.
- На посту* — журнал. М., 1923—1925.
- Огонек* — журнал. М. (вып. с 1923 г.).
- Париж. вестник* — газета «Парижский вестник» (вып. с 1925 г.).
- Печать и революция* — журнал. М., 1921—1930.
- ПЖРФ* — Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1—2 (март).
- Правда* — газета. М. (вып. с 1912 г.).
- Рабочая Москва* — газета (вып. с 1918 г.).
- Совр. записки* — Современные записки. Париж, 1926.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутчева 1991* – *Арутчева В.А.* Почтенный сотрудник «Известий» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1991. Т. 50. № 6, ноябрь – декабрь. С. 539 – 550.
- Восп.1963* – В.В. Маяковский в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1963.
- Восп.1968* – Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М.: Моск. рабочий, 1968.
- Восп.1993* – «Имя этой теме: любовь!»: Современницы о Маяковском. М.: Дружба народов, 1993.
- Гаспаров 1991* – *Гаспаров М.Л.* Двадцать стиховедческих конъектур к текстам Маяковского // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1991. Т. 50. № 6, ноябрь – декабрь. С. 531 – 538.
- Красная стрела* – *Бурлюк Д., Бурлюк М.* Три главы из книги «Маяковский и его современники» // Красная стрела: Сборник-антология. Нью-Йорк, 1932.
- Крученых 1914* – *Крученых А.* Стихи В. Маяковского: Выпыт. СПб., 1914.
- Крученых 1996* – *Крученых А.* Наш выход: Из истории русского футуризма. М.: Рус. авангард, 1996.
- Ленин. ПСС* – *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. ЛН – сборники «Литературное наследство» (вып. с 1931 г.).
- Лит. обозрение 1993* – Литературное обозрение. 1993. № 6.
- Маяковский в нач. XXI в.* – Маяковский в начале XXI в.: Вопросы текстологии и научной биографии. М., 2009.
- Памятники культуры* – Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1983. Л., 1985.
- Полутораглазый стрелец* – *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989.
- Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель.* Т. 14: Маяковский. Ч. 1: Произведения В.В. Маяковского. М., 1991; Ч. 2. Вып. 1–4: Литература о жизни и творчестве В.В. Маяковского (1913–2010). М., 2002–2011.
- Харджиев 1958* – *Харджиев Н.И.* Заметки о Маяковском // Литературное наследство. М.: изд-во АН СССР, 1958. Т. 65. С. 397–430.
- Харджиев 1970* – *Харджиев Н.И.* Поэтическая культура Маяковского. М., 1970.
- Харджиев 1975* – *Харджиев Н.И.* Заметки о Маяковском // Vladimir Majakovskij: Memoirs and essays / Ed. B. Jangfeldt, N.Å. Nilsson. Stockholm, 1975.
- Харджиев 1981* – *Харджиев Н.* Из материалов о Маяковском // Ricerche Slavistiche. Roma, 1980–1981. Vol. 27–28.
- Харджиев* – *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде: В 2 т. М.: Рус. авангард, 1997. Т. 2.
- Харджиев, Тренин* – *Харджиев Н., Тренин В.* Поэтическая культура Маяковского. М., 1970.

Хроника 1985 – Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд. М.: Сов. писатель, 1985.

«Я земной шар чуть не весь обошел...» – «Я земной шар чуть не весь обошел...»: Сб. / Сост. В. Терехина, А. Зименков. М.: Современник, 1988.

Янгфельдт 1991 – Янгфельдт Б. «Любовь это сердце всего»: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915 – 1930. М.: Книга, 1991.

Янгфельдт 1992 – «Яacobсон – бюджетянин»: Сб. материалов / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Янгфельдт. Стокгольм, 1992.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

А все-таки	33	Германия	203
А вы могли бы?	13	Гимн взятке	64
Авиадни	295	Гимн здоровью	51
Авиачастушки	296	Гимн критику	52
Адище города	27	Гимн обеду	54
Анафема	73	Гимн судье	46
		Гимн ученому	48
Баку	275	Горб	285
«Балалайка...»	22	Горе	142
Баллада о доблестном Эмиле	193		
Барабанная песня	220	Давиду Штеренбергу – Владимир Маяковский	201
Братья писатели	100	Два не совсем обычных случая	157
Бюрократиада	182	Дешевая распродажа	84
		«Ешь ананасы, рябчиков жуй...»	114
В авто	30	Еще Петербург	34
В.Я. Брюсову на память	91		
Вам!	45	За женщиной	17
Великолепные нелепости	62		
Весенний вопрос	251	Из улицы в улицу	11
Весна	119	Издевательства	79
Владимир Ильич!	137	Издевательство летчика	290
Внимательное отношение к взяточникам	65	Интернациональная басня	113
Военно-морская любовь	50	Исчерпывающая картина весны	21
Война объявлена	35	Итог	292
Воровский	270		
Вот так я сделался собакой	58	К ответу!	110
Всем Титам и Власам РСФСР	149	Как работает республика демократическая?	187
Вывескам	14		
Выждем	176		
Газетный день	229		
Гейнеобразное	140		

Киноповетрие	309	Не для нас поповские праздни- ники	249
Когда голод грыз прошлое лето, что делала власть Со- ветов?	233	Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче	143
Когда мы побеждали голод- ное лихо, что делал патри- арх Тихон?	235	Неразбериха	155
Кое-что по поводу дирижера	60	«Нетрудно, ландышами дыша...»	112
Кое-что про Петербург	16	Никчемное самоутешение	80
Коминтерн	286	Ничего не понимают	29
Комсомолец	254	Нордерней	298
Кофта фата	31	Ночь	7
Крестьянин, помни о 17-м апреля!	243	О дряни	153
Левый марш	129	О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней?	235
Лиличка!	77	О поэтах	212
Лунная ночь	88	О том, как у Керзона с обедом разрасталась аппетитов зона	277
Любовь («Девушка пугливо куталась в болото...»)	24	О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах	218
Мама и убитый немцами ве- чер	36	Ода революции	116
Мое к этому отношение	69	От усталости	23
Мой май	180	Отношение к барышне	139
Молодая гвардия	288	Париж. (Разговорчики с Эйфелевой башней)	225
Москва – Кенигсберг	301	1-е Мая («Мы!...»)	259
Моя речь на Генуэзской конференции	177	1-е Мая («Поэты...»)	261
Мрак	86	1-е Мая («Свети!...»)	256
Мы	25	Пернатые	210
Мы идем!	135	Порт	9
Мы не верим!	241	«Портсигар в траву ушел на треть...»	141
Мысли в призыв	40	После изъятий	199
На земле мир. Во человецех благоволение	216	Последняя петербургская сказка	96
На цепь!	206	Последняя страничка Граж- данской войны	152
Надоело	82	Послушайте!	32
Нате!	28	Потрясающие факты	131
Наш марш	115		
Наше воскресенье	247		

Поэт рабочий	125	Товарищи! Разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и о Монé	208
Приказ № 2 армии искусств	164	Той стороне	127
Приказ по армии искусства	122	Тресты	238
Прозаседавшиеся	166	III Интернационал	147
Протестую!	312	Тучкины штучки	118
Пустяк у Оки	61		
Рабочий корреспондент	264	Уже!	307
Радоваться рано	124	Уличное	10
Разве у вас не чешутся обе лопатки?	280	Универсальный ответ	268
Революция	102	Утро	8
России	98		
С товарищеским приветом, Маяковский	133	Хвои	92
Сволочи!	171	Хорошее отношение к лошадям	120
Себе, любимому, посвящает эти строки автор	94	Чудовищные похороны	67
17 апреля	245	Шумики, шумы и шумищи	26
Сказка о красной шапочке	109		
Скрипка и немножко нервно	38	Эй!	71
Следующий день	89	Это значит вот что!	266
Смыкай ряды!	283		
Солидарность	305	Я	18
Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?..»	168	⟨1.⟩ «По мостовой...»	18
Срочно! Телеграмма мусье Пуанкаре и Мильерану	222	⟨2.⟩ Несколько слов о моей жене	18
Стих резкий о рулетке и железке	196	⟨3.⟩ Несколько слов о моей маме	19
Стихотворение о Мясниц- кой, о бабе и о всероссий- ском масштабе	162	⟨4.⟩ Несколько слов обо мне самом	19
Строки охальные про вакха- налии пасхальные	242		
Схема смеха	258	ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ	
Театры	15	«Балалайка...»	321
Теплое слово кое-каким порокам	56	Весна («Листочки...»)	320
«...товарищ Чичерин и трале- ры отдаёт и прочее...»	272	Всем Титам и Власам РСФСР	329
		Издательства. (Цикл из пяти)	322
		Марш комсомольца	341

«На чешуе жестяной рыбы...»	319	Утро	317
Немцам	337	Чарли Чаплин	348
Необычайное приключение, бывшее со мной, с Влади- миром Маяковским	324	DUBIA	
Отплытие	318	Весенняя картинка	414
⟨Протестую!⟩	343	«Полно плакать над ним...»	413

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

	Текст	Вар-ты	Ком-мент
Ночь.....	7	353	440
Утро.....	8		441
Порт.....	9		443
Уличное.....	10	353	443
Из улицы в улицу.....	11	353	444
А вы могли бы?	13	354	447
Вывескам	14	354	448
Театры.....	15	354	449
Кое-что про Петербург.....	16	354	449
За женщиной	17	355	449
Я!	18	355	450
(1.) «По мостовой...»	18		
(2.) Несколько слов о моей жене.....	18	355	452
(3.) Несколько слов о моей маме.....	19	355	452
(4.) Несколько слов обо мне самом.....	19	356	453
Исчерпывающая картина весны	21		455
«Балалайка...»	22	356	456
От усталости	23	356	457
Любовь («Девушка пугливо куталась...»)	24	357	457
Мы	25	357	458
Шумики, шумы и шумищи.....	26	358	458
Адище города	27	358	459
Нате!.....	28	359	460
Ничего не понимают.....	29	359	461
В авто.....	30	359	462
Кофта фата.....	31	360	462
Послушайте!	32	360	464

	Текст	Вар-ты	Ком-мент
А все-таки	33	361	465
Еще Петербург.....	34	361	466
Война объявлена.....	35	362	467
Мама и убитый немцами вечер	36	362	469
Скрипка и немножко нервно	38	362	471
Мысли в призыв	40		471
Я и Наполеон.....	42	363	472
Вам!	45	363	473
Гимн судьбе.....	46	364	476
Гимн ученому.....	48	365	476
Военно-морская любовь.....	50	365	477
Гимн здоровью.....	51	365	477
Гимн критику.....	52	365	478
Гимн обеду.....	54	366	479
Теплое слово кое-каким порокам	56	367	479
Вот так я сделался собакой	58	367	480
Кое-что по поводу дирижера	60	367	480
Пустяк у Оки.....	61	368	481
Великолепные нелепости	62	368	481
Гимн взятке	64	368	481
Внимательное отношение к взяточникам.....	65		482
Чудовищные похороны	67	369	482
Мое к этому отношение	69	369	482
Эй!	71	369	483
Анафема.....	73	369	484
Лиличка!	77	370	486
Издательства	79		486
Никчемное самоутешение	80		487
Надоело.....	82	371	487
Дешевая распродажа	84	371	488
Мрак.....	86	371	488
Лунная ночь	88		489
Следующий день	89	372	490
В.Я. Брюсову на память	91		490
Хвои	92	372	491
Себе, любимому, посвящает эти строки автор	94	372	491
Последняя петербургская сказка.....	96		492

	Текст	Вар-ты	Ком-мент.
России	98		493
Братья писатели.....	100	373	494
Революция	102	373	496
Сказка о красной шапочке	109	377	498
К ответу!	110	377	499
«Нетрудно, ландышами дыша...»	112	378	500
Интернациональная басня	113	378	500
«Ешь ананасы, рябчиков жуй...»	114	378	500
Наш марш	115	378	502
Ода революции	116	379	505
Тучкины штучки.....	118		507
Весна	119		508
Хорошее отношение к лошадям.....	120	379	509
Приказ по армии искусства.....	122	379	510
Радоваться рано	124		513
Поэт рабочий	125	380	516
Той стороне	127	380	517
Левый марш	129	380	519
Потрясающие факты	131	380	522
С товарищеским приветом, Маяковский	133		523
Мы идем!	135	380	525
Владимир Ильич!	137	381	527
Отношение к барышне	139	382	528
Гейнеобразное.....	140	382	528
«Портсигар в траву ушел на треть...»	141	383	529
Горе	142	383	530
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче	143	383	530
III Интернационал	147	387	535
Всем Титам и Власам РСФСР.....	149	389	536
Последняя страничка Гражданской войны	152		537
О дряни	153	390	538
Неразбериха	155	390	539
Два не совсем обычных случая.....	157	391	540
Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе	162	391	540
Приказ № 2 армии искусств	164	391	541

	Текст	Вар-ты	Ком-мент
Прозаседавшиеся.....	166	392	545
Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?..»	168	392	546
Сволочи!	171	393	548
Выждем	176		549
Моя речь на Генуэзской конференции.....	177		550
Мой май	180	394	551
Бюрократиада	182	395	552
Как работает республика демократическая?	187	396	553
Баллада о доблестном Эмиле	193		554
Стих резкий о рулетке и железке	196	396	555
После изъятий	199		556
Давиду Штеренбергу – Владимир Маяковский	201	396	557
Германия	203	397	559
На цепь!	206	397	560
Товарищи! Разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и о Монé	208	397	562
Пернатые	210	398	562
О поэтах.....	212	398	563
На земле мир. Во человецех благоволение	216		564
О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах	218	399	564
Барабанная песня	220		565
Срочно! Телеграмма мусье Пуанкаре и Мильерану	222		565
Париж. (Разговорчики с Эйфелевой башней)	225	399	566
Газетный день	229		567
Когда голод грыз прошлое лето, что делала власть Советов?.....	233		568
Когда мы побеждали голодное лихо, что делал патриарх Тихон?	234		568
О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней?	235		570
Тресты	238		570
Мы не верим!	241	400	570
Строки охальные про вакханалии пасхальные	242		571
Крестьянин, помни о 17-м апреля!.....	243		572
17 апреля.....	245		572
Наше воскресенье	247	400	573
Не для нас поповские праздники	249		573
Весенний вопрос	251		574

	Текст	Вар-ты	Ком-мент.
Комсомолец	254	401	575
1-е Мая («Свети!..»)	256		575
Схема смеха	258		575
1-е Мая («Мы!...»)	259		576
1-е Мая («Поэты...»)	261		576
Рабочий корреспондент	264		577
Это значит вот что!	266	401	578
Универсальный ответ	268	401	578
Воровский	270	402	579
«...товарищ Чичерин и тралеры отдаёт и прочее...»	272	403	580
Баку	275	403	580
О том, как у Керзона с обедом разрасталась аппетитов зона	277	404	581
Разве у вас не чешутся обе лопатки?	280	404	583
Смыкай ряды!	283	406	584
Горб	285		584
Коминтерн.....	286		585
Молодая гвардия	288		585
Издательство летчика	290		586
Итог	292	406	586
Авиадни	295		587
Авиачастушки.....	296		587
Нордерней.....	298	407	588
Москва – Кенигсберг.....	301		589
Солидарность.....	305	407	590
Уже!.....	307	408	591
Киноповетрие	309	408	592
Протестую!.....	312		593

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Утро	317
Отплытие	318
«На чешуе жестяной рыбы...»	319
Весна («Листочки...»)	320
«Балалайка...».....	321
Издательства. (Цикл из пяти)	322
Необычайное приключение, бывшее со мной с Владимиром Маяковским	324

	Текст	Вар-ты	Ком- мент
⟨Все́м Тита́м и Власа́м РСФСР⟩	329		
Немца́м	337		
Ма́рш комсомо́льца	341		
⟨Протестую!⟩	343		
Ча́рли Ча́плин	348		
ВАРИАНТЫ	351		
DUBIA			
«Полно плакать над ним... Отдыхает...»	413		595
Весенняя картинка	414		597
КОММЕНТАРИИ	415		
От редколлегии	417		
О структуре и основных текстологических принципах издания	419		
Список иллюстраций	598		
Условные сокращения	600		
Алфавитный указатель стихотворений	604		

Печатается по решению
Научно-издательского совета
Российской академии наук

**Владимир Владимирович
МАЯКОВСКИЙ**

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

Том первый

**СТИХОТВОРЕНИЯ
1912–1923**

Редактор *М.Л. Береснева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

Иллюстрации воспроизведены
в соответствии с представленными
архивными оригиналами

Подписано к печати 09.12.2013
Формат 70 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл.печ.л. 46,3. Усл.кр.-отг. 46,3. Уч.-изд.л. 29,0
Тип. зак. 3954

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

ISBN 978-5-02-038138-4

9 785020 381384

